

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX СТОЛЕТИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ**

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

НОВОСИБИРСК
6–7 июня 2013 года

Новосибирск
2013

ББК 63.3(2)64-2

С76

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Региональные аспекты цивилизационного развития российско-го общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации. Материалы межрегиональной научной конференции. 6–7 июня 2013 года. Новосибирск: Параллель, 2013. 378 с.

ISBN 978-5-98901-119-3

В книге исследуется широкий круг проблем, связанных с индустриальным, научно-технологическим, социокультурным, и демографическим развитием восточных районов России. Прослеживаются особенности становления индустриальной цивилизации в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке. Показывается влияние на данный процесс развития в регионе транспортных коммуникаций, интенсификации инвестиционной деятельности, реализации здесь крупных народно-хозяйственных проектов, в том числе направленных на укрепление оборонного потенциала страны. Выявляются специфические черты государственной политики в отношении хозяйственных и партийных кадров, исследуется исторический опыт формирования трудовых коллективов в районах нового промышленного освоения и в отдельных сферах экономики. Оценивается воздействие индустриализации в восточных регионах на урбанизацию, демографическое развитие городских поселений, систему занятости жителей, образ жизни и менталитет населения.

Издание рассчитано на научных работников, преподавателей и студентов, всех интересующихся историей восточных районов Российской Федерации.

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН В.А. Ламин (отв. редактор),
к.и.н. А.А. Долголюк (зам. отв. редактора),
к.и.н. О.Н. Калинина (отв. секретарь),
д.и.н. В.И. Исаев, д.и.н. В.А. Исупов,
к.и.н. Н.А. Куперштох, к.и.н. А.И. Тимошенко

Рецензенты:

Д-р истор. наук В.А. Зверев, канд. истор. наук В.М. Рынков,
д-р филос. наук В.С. Шмаков

ISBN 978-5-98901-119-3

© Коллектив авторов, 2013

© Институт истории СО РАН, 2013

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ И НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

И.В. Побережников

Фронтирная модернизация в российском цивилизационном контексте *

Применительно к российской истории установление взаимосвязи между модернизационными процессами и цивилизационной динамикой заслуживает особого внимания. Дело в том, что пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Согласно определению А. Неклессы, «Россия – пограничное, фронтирное пространство, расположенное между Востоком и Западом. Это страна и люди, воспринявшие энергии восточного деспотизма и христианского персонализма (в его восточной версии), предопределявшие совершенно уникальное положение личности. В значительной мере именно пограничность, «сшибка» мощных культурных ориентаций источник перманентно повторяющихся в обществе дисбалансов, дисгармоний»¹. В видовом отношении российский культурно-исторический массив адекватно, как нам представляется, раскрывается понятием евразийская цивилизация. Евразийская цивилизация входит в тот типологический ряд, который отмечен взаимодействием цивилизационных компонентов западного и восточного типа². Слишком большие размеры страны не позволяют элементарно идентифицировать ее в качестве западной или восточной цивилизации: либо «Европы», либо «Азии».

Споры по поводу цивилизационного статуса страны не стихают до сих пор. Показательно, что цивилизационное «самоопределение» продолжается и сегодня. Как отмечает известный социолог А.Л. Андреев, в последние десятилетия имел место «процесс эрозии европейской идентичности в российском социуме», обусловленный крепнущим убеждением в том, «что в своих отношениях с Россией европейцы руководствуются эгоистическими мотивами», который сопровождался все большим тяготением «к самоопределению в новой системе внешнеполитических координат, в которой доминирует стремле-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)».

ние к консолидации с партнерами по СНГ и странами Азии»³. В подобной ситуации продолжается и «выбор» между ориентациями развития: вера в благоговорность для страны западного пути развития, достигшая кульминации в начале 1990-х гг., постепенно к середине последнего десятилетия XX века вытесняется в массовом сознании интерпретацией культурно-исторической самобытности России «как непреходящей базовой ценности».

Исторически получилось так, что по меньшей мере на протяжении XVIII – начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, она проявлялась также в истории таких стран как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия.

Обыкновенно, по мере освоения, пограничные – фронтирные – территории постепенно утрачивали «фронтирные» черты, интегрируясь в общестрановое пространство. Однако в действительности процессы интеграции (дефронтирзации) следует рассматривать исторически, допуская возможность и реверсивных динамик, что на самом деле имело место, например, в результате распада СССР, фактически приведшего к превращению российского Дальнего Востока в экономическую, национальную и геополитическую пограничную область между российским Приморским краем и северо-восточным Китаем (провинция Хэйлунцзян)⁴.

Представляется, что модернизацию в условиях незавершенного освоения можно трактовать как фронтирную. Как известно, концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тернером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток»; длительное время сохранялись и играли немаловажную роль фронтирные различия типа: географический фронтир между различными природно-климатическими зонами, социальный фронтир между различными жизненными укладами, милитарный фронтир, социокультурный и конфессиональный фронтир между различными ценностными и культурными традициями⁵.

Попытаемся концептуализировать фронтирную модернизацию применительно к истории России. Следует начать с того, что условия присоединения и освоения оказывали воздействие на дальнейший ход модернизации. Исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтирных регионов различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Для России как страны фронтальной модернизации был характерен освоенческий синдром, что выразилось в подвижности населения; дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; в наличие доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; в возможности для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; в потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; в проблеме адаптации и ассимиляции, возникавшей вследствие притока мигрантов на периферийные территории; в растянутости по времени колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, в различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т. п.

Хорошо известно, что присоединение новых территорий продолжалось и в XIX в. (Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток). Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т. д.

Расширение территории, с одной стороны, увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка, но при этом, с другой стороны, объективно создавало предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. Необходимо также учитывать то, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, способствуя росту транспортных издержек при перевозке товаров и усложняя интеграцию страны в систему международного разделения труда⁶. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, так как транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества.

Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. В России железные дороги также содействовали ускорению развития окра-

инных регионов, стимулировали рост в них промышленности, городов. Благодаря созданию общеуральской железнодорожной сети был образован рынок промышленного сырья и топлива, получили развитие внутрирегиональные экономические связи, был дан импульс регионализации социально-экономических и социокультурных процессов в крае. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога, Транссиб, соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. Строительство Транссибирской магистрали явилось крупнейшим событием промышленной революции в Сибири, которая в регионе, как считают специалисты, начиналась именно с транспорта, с водного транспорта, а затем – с железной дороги, которые создавали условия индустриализации прочих промышленных секторов⁷.

Необходимо при этом учитывать, что значительная часть вновь присоединенных территорий, особенно на востоке, отличалась суровыми природно-климатическими условиями (холодный, засушливый континентальный климат), мало благоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний, что не могло не сказываться негативным образом на общей динамике экономических и социальных отношений.

Земли, которые присоединялись или относительно недавно присоединенные территории, к которым, в частности, можно отнести восточные регионы России – Урал и Сибирь, продолжали осваиваться в эпоху модернизации, когда страна в целом проходила прото- и раннеиндустриальную стадии модернизации. Так, только с середины XVIII в. началось мощное земледельческое освоение Южного Урала. Большие массивы свободной земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX – начале XX вв. Что касается Сибири, то в XVIII–XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий на юге региона, а также на Дальнем Востоке; нарастающими темпами шла аграрная колонизация. Кроме того, интенсивное развитие на Урале, а затем и на юге Сибири, на Алтае, в Забайкалье, получила промышленная колонизация, развернувшаяся с первой половине XVIII в.

Еще одно важное следствие продолжающегося фронта – это необходимость обеспечения условий для мирного стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства». Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские

правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений.

Что касается «фронтирных» территорий, то их характерным признаком являлась заметная милитаризация, проявлявшаяся в размещении фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское казачество на Юге европейской России, Яицкое (Уральское), Оренбургское казачество, Башкиро-мещерякское войско на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые организации – в Сибири и на Дальнем Востоке)⁸, установлении особых военных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник)⁹.

Хорошо известно, что пограничье – зона не только разделения, но и в то же самое время соединения людей и предметов потребления друг с другом, «часто в очень материальной и телесной форме», «главные места гибридации, местоположение множественных идентификаций и изменяющихся форм»¹⁰. В связи с этим маркером фронтирной модернизации становится разновекторная диффузия. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно – западноевропейского, происхождения¹¹.

Естественным следствием пограничности периферийных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, интерференции диффузий традиционного и современного типов становилась конгломератность, т. е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство разнородных структурных компонентов.

Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как вынужденная, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать ни нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. Асимметрия могла нарастать и в рамках субстранных регионов. Так, экономическая модернизация на Урале на протяжении XVIII–XIX вв. привела к возникновению горнозаводского сектора промышленности, но при этом существенно усилила конгломератность региона. Очаговый харак-

тер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией¹². В еще большей степени неравномерность и очаговость были характерны для модернизации зауральской части России.

Региональные и субрегиональные общности по-разному ведут себя в общестрановом модернизационном контексте: выступают региональным фактором модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов. Помимо субстрановых регионов-моторов модернизации (например, Урал как очаг активной протоиндустриальной модернизации в XVIII в.) всегда существовали ее периферийные зоны. К числу последних, в частности, относился Север Сибири, экономика которого, как, впрочем, и экономика северных регионов Северной Америки (в частности, канадских) на протяжении фактически XVII–XIX вв. носила ярко выраженный «фронтальный» характер.

По мере упрочения положения «новых» регионов в составе страны, укоренения их развития формировались региональные идентичности как следствие длительного совместного проживания людей на определенной территории. В больших, вновь освоенных регионах, например, таких как Урал, Сибирь, складывались территориальные общности людей с самобытной системой ценностей, располагавшие широким спектром хозяйственных отраслей и социальных ролей. Так, жившие в Зауралье украинцы и белорусы, оказавшись вдали от своих традиционных национальных центров, рассеянные среди выходцев из великорусских губерний, сибирских старожилов, туземных этносов, постепенно перенимали их культуру, «демонстрируя большую, чем на исторической родине, этническую и конфессиональную толерантность в сочетании с приверженностью идее общерусской нации». В совокупности со схожими процессами, которым подвергались другие этнические группы, это способствовало формированию особой сибирской территориальной идентичности¹³.

В целом, к характеристикам фронтальной модернизации в России XVIII – начала XX вв. можно отнести сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военно-административного элемента, социально-экономическую, культурно-конфессиональную разнородность пространства страны. Фронтальная модернизация в общем способствовала еще большему усложнению механизмов развития России, подчеркиванию ее цивилизационно-культурного своеобразия. В формирование институционально-культурной «палитры» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным, порой уникальным, историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками.

¹ *Некlessа А.* Модернизация и инновации в постсовременном мире [Эл. ресурс] // Интеллектуальная Россия. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/6804-borba-za-budushhee.html

² *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. С. 10.

³ *Андреев А.Л.* Место России в мире: Европа или Евразия? [Эл. ресурс] // Перспективы: Фонд исторической перспективы. URL: http://www.perspectivy.info/rus/nashe/mesto_rossii_v_mire_jevroпа_ili_jevrazija_2010-03-12.htm [опубликовано 12.03.2010]

⁴ *Холценер Т.* Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. 2009. № 3. С. 102–111.

⁵ *Каттелер А.* Южный и восточный фронт России // AB INPERIO. 2003. № 1. С. 48.

⁶ См.: *Нольте Г.-Г.* Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 593.

⁷ *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII—XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005; *Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; *Супоницкая И.М.* Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134–143; Она же. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010; *Тимошенко А.И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

⁸ *Астапенко М.П.* Донские казаки 1550–1920. Ростов н/Д., 1992; *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001; *Малукало А.Н.* Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003; История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века; Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века; *Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1990; *Алексеев В.Н.* Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII – начале XX века // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 7–8; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI—XVII вв. СПб., 2010.

⁹ См.: Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998; *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998; Она же. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; *Пережогин А.А.* Военизированная система управления Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005; *Мауцзато К.* Выдвигая периферию

на Восток: территориальная реформа и социальная трансформация в «Большом Оренбуржье» в середине XIX в. // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.). Оренбург, 2012. С. 52–53.

¹⁰ *Холцленер Т.* Восточная пористость ... С. 103, 109.

¹¹ *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011; *Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В.* Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII—XVIII вв. Екатеринбург, 2011.

¹² *Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.

¹³ *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // «Полития». 2011. № 3(62). С. 109–110.

В.П. Тимошенко

Россия и мировой рынок: выбор стратегий взаимодействия в XX в.

Процесс вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО) вызвал к жизни столетнюю дискуссию о пределах открытости отечественной экономики мировому рынку. Участники дискуссии неизменно обращаются к опыту регулирования внешнеэкономических связей времен промышленной революции в Российской империи и индустриализации советской эпохи, считая сложившиеся тогда порядки диаметрально противоположными: в первом случае в чистом виде либеральными, во втором изоляционистскими. Однако точнее, на мой взгляд, их можно назвать прагматичными, соответствующими вызовам времени. Чем же ценен вековой опыт?

1. Логика «толкового» протекционизма. В последней четверти XIX в. переход России к индустриально-технологическому типу организации экономики стал исторической необходимостью. Перспектива промышленного развития при ограниченности внутреннего рынка и хроническом недостатке оборотного капитала связывалась либо с преимущественно экспортной ориентацией, либо с вариантом раздувания производства средств производства по казенной программе. Но для расширения экспорта нужно было технически модернизировать промышленность и добиться конкурентоспособности ее продукции на мировом рынке. И тот и другой вариант нуждался в подкреплении значительными капиталовложениями. «Желез-

нодорожный бум» 80–90-х гг. XIX в., происходивший при финансовой подпитке из-за рубежа, в корне изменял положение вещей.

Конечно, масштабное вовлечение иностранных капиталов в отечественную промышленность, да еще на стадии ее капиталистической переориентации, когда менялись вековые устои социальных отношений, правовые регламенты, не могло проходить гладко. Вокруг этой проблемы развернулись острые политические разногласия, имевшие исключительно важное влияние на формирование правительственной политики в отношении иностранных вкладов в России¹. Эта политика имела две ограничительные установки: 1. прагматическое стремление развить экономику до уровня европейской; 2. мотивированная государственными интересами потребность протекционизма в отношении отечественной промышленности. Стране требовалась хорошо проработанная программа внешней торговли и привлечения иностранных инвестиций. И, конечно, законодательная база, которая могла бы воспрепятствовать превращению России в аграрно-сырьевой колониальный придаток развитых стран и способствовала бы реализации национальных интересов.

Потребность в кредитовании растущей экономики подтолкнула правительство к созданию условий для «переселения» иностранного производства внутрь страны. Наметился переход от поощрения отдельных отраслей к политике тотального протекционизма. В 1891 г. был издан «Общий таможенный тариф России», размер пошлин в нем был значительно увеличен. В новом тарифе содержалась уже не протекционистская по отношению к отечественной промышленности система, а скорее запретительная для ввоза товаров зарубежного производства.

Одновременно правительство осуществляло меры по упорядочению финансовой системы, введению золотой валюты. Именно с успешным завершением финансовой реформы наблюдался рекордный прилив иностранных капиталов в хозяйство России (1895–1904 гг.). В этот же период в правительственных структурах России шла острая борьба вокруг вопроса о снятии ограничений для иностранного акционерного учредительства: разрешительная система учредительства, именные акции, ограничения для иностранцев в приобретении земли, занятиях промыслами и т. д.²

Высокому спросу на промышленный капитал внутри России в этот период соответствовало его предложение на европейском финансовом рынке – Россия переживала промышленную революцию и бурный рост промышленности значительно позже основных европейских стран. Основным стимулом к вкладыванию денег в России была высокая норма прибыли в

ее промышленности, товары которой в условиях преобладающего патриархального производства реализовались «с колес». Значительное повышение таможенных барьеров сделало более предпочтительным для иностранных предпринимателей не ввоз готовой продукции, а ее производство внутри России.

Нужно сказать, что в конце XIX в. таких же правил придерживались и другие государства, в частности, САСШ и Германия, которые тоже отгородились от иностранной товарной интервенции глухим частоколом таможенных тарифов³. Факторы, провоцирующие техническую, экономическую и финансовую концентрацию, действовали в конце XIX в. во всех промышленно развивающихся странах, но результат их действия был разным. Конкурентная борьба во всех сегментах мирового рынка нарастала, поэтому российская тарифная политика не могла осуществляться полностью без оглядки на общий экономический курс главных игроков мирового рынка.

Под влиянием этого обстоятельства к концу 1990-х гг. российская тарифная политика заметно эволюционировала в сторону снижения запретительных порогов. Таможенная борьба на рынках западноевропейских государств привела к разработке систем двойных конвекционных тарифов: договаривающиеся стороны делали взаимные уступки в пошлинах на товары, в получении или сбыте которых они были заинтересованы⁴. Такие договоры были заключены между Германией, Австро-Венгрией, Италией, Швейцарией и Бельгией и вступили в действие с февраля 1892 года. С 20 июля 1893 года и в России был установлен двойной таможенный тариф: общий для стран, благоприятствующих России, и повышенный – для прочих. Первый торговый договор на конвенционных началах был заключен с Францией. Основным его положением было обоюдное пользование правом благоприятствующей нации во всем, что касается ввоза, вывоза, транзита и прочее. Кроме того, обе стороны обязались не допускать в пользу фабрикатов третьего государства никаких льгот, которые не были бы распространены на произведения договаривающейся стороны. На основании этого договора Франция понизила пошлины на керосин на 50 %, открыв тем самым французский рынок для русских нефтепродуктов. Впоследствии такие же договора были заключены с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Данией, Португалией, Сербией, Японией, Тунисом. Не удалось договориться с САСШ, Англией и Турцией. Российская империя заключает торговые соглашения, регламентирующие тарифную политику с рядом Европейских государств, теряя при этом тарифную автономию⁵.

Внеэкономическая политика, основанная на «толковом» протекционизме привела к тому, что к началу XX века Россия имела активный торговый баланс и долю в мировой торговле, равную 3,6 %, что можно считать успешным результатом. При этом, мнение о возрастающем политическом влиянии иностранных государств на Россию вследствие увеличения иностранных капиталовложений, высказываемое противниками программ С.Ю. Витте, оказалось ошибочным. Государство осуществляло контроль над действиями иностранных предпринимателей с помощью законодательства и мер, установленных для относительно свободной рыночной системы в интересах национальной экономики. Иностранные вкладчики были существенно ограничены в правах приобретения недвижимости, пользования ресурсами, землеотводе и т. д.

2. Издержки монополии. После октябрьского переворота перед Советской республикой во весь рост встали экономические проблемы. Становление социалистических отношений в Советской России обещало быть необыкновенно трудным, ибо существовал разрыв между *«величием задач, поставленных и начатых, и нищетой, материальной и культурной»*⁶. Преодоление этого разрыва приобрело значение всемирно-исторического масштаба.

Важнейшим социально-экономическим последствием Октября было появление рядом с господствующей в мире капиталистической собственностью принципиально новой, ставящей вопрос о характере взаимоотношений этих столь различных форм. Ясно было одно: без помощи пролетариата передовых стран русская революция обрекалась на чудовищные трудности в своем развитии. *В ожидании мировой революции и экономической помощи отсталой России нужно было решать вопрос о том, как продержаться до времени победоносного завершения революционного процесса на Западе.*

И здесь взгляды в политическом руководстве разделились. Одно течение, исходя из классово-конфронтационных перспектив развития революции, считало необходимым изолироваться от враждебного капиталистического окружения («левые» коммунисты). Основным в мотивации своей позиции «левые» называли слабость и отсталость экономики страны и ее неспособность противостоять натиску налаженного капиталистического хозяйства. Изоляция мыслилась временным действием до победы мировой революции, перспективы которой в первые послереволюционные годы оценивались весьма оптимистично.

Другое течение придерживалось мнения о том, что Советская Россия должна найти свое место в мире реальностей, объективно сложившихся

политических и экономических взаимоотношений. Сторонники этой идеи обратились к обоснованию идеи об историческом сосуществовании двух противоположных систем. Одновременно шла разработка принципов концессионной политики и привлечения иностранных займов для плана ГОЭЛРО. Выдвинутые ими предложения казались немыслимыми для создания не только «левых», но и всех мысливших в революцию и гражданскую войну категориями «военного коммунизма». Неслучайно поэтому два взгляда на роль мирохозяйственных связей и пределы их осуществления в послереволюционную эпоху несколько раз порождали **альтернативные варианты внешнеэкономической политики**, а также связанного с ними решения вопроса о первоначальном накоплении: создании современной индустрии с опорой на собственные силы или с использованием выгод международного разделения труда.

Поставив вопрос о широкой и долгосрочной реинтеграции советской экономики в мировое хозяйство, В.И. Ленин и его сторонники предложили способ преодолеть несовместимость обобществленного центральнокоординируемого и капиталистического хозяйствования. Ленинское решение состояло в допущении на перспективу существования смешанной экономики с разными, в том числе и капиталистическими, укладами. Такая экономика могла тесно взаимодействовать с окружающим миром, ибо значительно ослаблялись антагонизмы в отношениях собственности. Такая экономика могла привлечь иностранные капиталы в виде непосредственных инвестиций, кредитов, займов и т. п.

Однако военно-коммунистические настроения, потесненные НЭПом, сохранились в среде политических и хозяйственных руководителей. Программа установления хозяйственных связей с заграницей большинством воспринималась как обманный маневр. «Пределы уступок, – писал Н.И. Бухарин, – не могли быть заранее определены: они зависели от конкретных условий. Лишь бы была возможность строить свои силы»⁷. И далее: «Конечно, мы находимся в опасном положении. Конечно, если мы не построим крупной промышленности, то тогда мы или переродимся или будем свергнуты. Но мы построим на страх врагам нашу крупную индустрию. Пусть буржуазные “порядочные люди” смеются и предвещают нам быстрый конец. Мы надеемся еще спеть над их могилой “вечную память”»⁸.

Два взгляда на характер и пределы внешнеэкономического взаимодействия некоторое время будут в одинаковой степени присутствовать в политико-идеологических документах эпохи. Сторонники изоляции и конфронтации с капиталистическим миром как бы согласятся с

вынужденностью компромисса, но их негативное отношение к сотрудничеству будет проявляться в конкретной политике, например, концессионной и создании смешанных акционерных обществ. На XI съезде РКП(б) В.И. Ленин инициировал обсуждение принципов взаимодействия советского и мирового хозяйств. Обращение к этой проблеме было вызвано тем, что готовилась международная экономическая конференция, посвященная послевоенному восстановлению Европы. В процессе ее подготовки на Западе высказывались мысли о приобщении России к восстановительным программам. Ллойд Джордж, в связи с такой постановкой вопроса говорил: «Европа нуждается в том, что Россия может произвести: пшеница, лес, марганец, рожь, сало... Россия нуждается в капитале... Германия не может уплатить репарации, пока не восстановлена Россия»⁹. Понимание экономической связанности и единства мира могло создать условия для смягчения конфронтации разных общественно-экономических систем.

Накануне конференции в Женеве восстановление советского народного хозяйства на началах единения с мировым рассматривалось, как вопрос жизни и смерти. Изоляция от мира в хозяйственных связях на уровне идеи воспринималась лишь наиболее радикально настроенными сторонниками «военного коммунизма». «Есть сила, большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств, – писал В. И. Ленин, – эта сила – общие экономические всемирные отношения»¹⁰.

Но уже после XI съезда в руководящей партийной среде начали нарастать изоляционистские настроения. Требования Женевской конференции связали широкую экономическую помощь Запада с рядом условий и требований, выходящих за пределы готовности уступить. К тому же в 1923 г. активность германского пролетариата воскресила надежды на скорый мировой революционный пожар, а в восстановлении советского хозяйства наметились успехи – иллюзии «левых» получили поддержку.

XII съезд РКП(б) продемонстрировал некоторый сдвиг к изоляционизму. В докладе Г.Е. Зиновьева сотрудничество с капиталистическим миром представлялось вынужденным, порожденным экономической слабостью страны, и потому временным, а не постоянным фактором, обеспечивающим участие в международном разделении труда. Л.Д. Троцкий в докладе «О промышленности» в принципе признавая желательность экономической помощи извне, тем не менее, провозгласил: «Запряжемся все как один и страну нашу из нищеты, из рабства выведем и капиталу не сдадим»¹¹. Л.Б. Красина, который повторил на съезде ленинские мысли 1921 г. о необходимости широкого сотрудничества с иностранным капиталом и пред-

ложил конкретные меры по достижению договоренности с Западом по вопросу о долгах царской России и национализированной иностранной собственности, подвергли критике за «паникерство» и «капитулянтство».

Высокие темпы восстановления народного хозяйства еще в большей степени утвердили авантюристические надежды большинства обойтись собственными силами. XIII конференция РКП(б) в своих решениях дала отповедь тем, кто предлагал пойти на «большие экономические уступки международному империализму в целях усиления деловых сношений с иностранным капиталом»¹². Конечно, изоляционисты не отрицали совсем необходимость связи с мировым хозяйством. Но целесообразность этих связей они видели в преимущественном использовании внешней торговли. Современное оборудование и технику ввозить в страну не вместе с капиталом и технико-экономическим опытом, а покупать, выжимая необходимые ресурсы из скудного хозяйства. Трудности с организацией продовольственного и сырьевого экспорта серьезно ограничивали приток необходимого для восстановления экономики оборудования и техники, а с переходом к реконструктивным работам каналы внешней торговли с их малой пропускной способностью были явно недостаточны.

В начавшемся поиске выходов вновь дала о себе знать возможность переориентации во внешнеэкономической политике. На сей раз обсуждение проблемы сочеталось с дискуссией о возможности победы социализма в одной стране – надежды на близкую мировую революцию и экономическую помощь от передовых стран к середине 1920-х гг. начали угасать. К тому же резко обострилась борьба за власть среди ведущих политических деятелей, также повлиявшая на выбор варианта мирохозяйственных связей.

В 1924 г. А.Г. Шляпников и А.В. Медведев опубликовали в газете «Правда» не вписывающиеся в настроения изоляционистского большинства предложения: «Думать, что мы можем собрать необходимые массы капитала для разворачивания нашей промышленности путем налогов, – значит тешить себя напрасной иллюзией. Думать, что мы эти массы капитала сложим из “пятаков”, только более длительно, – значит дополнить прежнюю иллюзию иллюзией мелкобуржуазных Эпигонов... Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны большие материальные жертвы международному капиталу... есть меньшее из зол»¹³.

В 1925 г. Е.А. Преображенский выступил с альтернативной теорией о «первоначальном социалистическом накоплении». В ней источники финансирования развития хозяйства предлагалось изыскать в аграрном секторе. Эта позиция с неумолимой логикой могла привести к собиранию

внутри страны ресурсов в близком к военно-коммунистическому духе и мобилизации внешней торговли для их обмена на мировом рынке на оборудование и машины.

На XIV съезде ВКП(б) этот курс получил поддержку большинства. Н.И. Бухарин в одной из наиболее известных своих брошюр «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», обращаясь к оппонентам, ставит вопрос: «Но, может быть, нам суждено погибнуть не от нападения внешнего врага, а от нашей собственной отсталости, от того, что не имея технической и экономической помощи со стороны победоносного пролетариата других стран... мы неизбежно падем жертвой своей отсталости, своего экономического слабосилия?» И сразу же на него отвечает: «Такие утверждения, выражающие глубочайшее неверие в силу нашей революции, совершенно неправильны и ни на чем ровно не основаны»¹⁴.

В 1926 г. к полемике присоединился Л.Д. Троцкий, столкнувшийся на посту председателя Главконцесскома с практическими проблемами отношений с мировым хозяйством и переживший глубокую эволюцию взглядов. Л.Д. Троцкий не был ярким изоляционистом, и изменение его взглядов на европейскую революцию подтолкнуло его к переоценке перспектив социалистического строительства. Он считал, что главное противоречие русской революции – между пролетарской властью и досоциалистической экономикой – может быть разрешено только в международном масштабе. Утрата надежд на помощь со стороны пролетариата передовых стран побудила его к поискам помощи в другом лагере – у международного капитала. И в практической работе он сделал немало для привлечения иностранных предпринимателей к хозяйственному строительству в СССР.

В многочисленных выступлениях и публикациях 1925–1926 гг. Л.Д. Троцкий придерживался «интеграционистских» взглядов в вопросах взаимодействия с мировым хозяйством. «Промышленность СССР, – писал Троцкий, – должна будет в дальнейшем продвигаться с международным счетчиком, на показаниях которого мы будем основывать не только свои важнейшие экономические, но и многие политические решения»¹⁵. Рассуждая на тему о достижении технико-экономической независимости страны, Троцкий предостерегал: «Не убегать надо от мирового рынка, а правильно и продуманно идти ему навстречу»¹⁶.

В полемике с оппозицией по вопросу о масштабах связей с мировым хозяйством от сталинского большинства активно выступил Н.И. Бухарин. В докладе на собрании актива ленинградской организации ВКП(б), сделанном в преддверии XV партсъезда, он подробно разобрал аргументы

Л.Д. Троцкого и обрисовал линию большинства. Напомнив о невозможности потерять «пролетарское первородство», Бухарин повторил сталинский тезис – «мы не для того проделали революцию». «Мы можем стоять на такой точке зрения: расширай хозяйственные связи в тех пределах, в тех рамках, в такой мере, в какой ты на основе такой политики можешь становиться все более хозяйственно, политически и военно независимым от иностранных капиталистических стран»¹⁷. Развитие внутри страны всех необходимых производств со временем предусматривало эмансипацию от зависимости по линии оборудования, машин и т. д. С 1927 г. начинается быстрое продвижение страны к автаркии: вначале вытеснение из хозяйства иностранных концессий и смешанных акционерных обществ, затем, к 1939 г., свертывание договоров о техническом содействии, и, наконец, замещение импорта продукцией собственной промышленности по всему товарному спектру.

Сложное переплетение и борьба двух внешнеэкономических ориентаций на фоне общемировой ситуации рубежа 1920–1930-х гг. (мировая экономическая война «всех» против «всех») в результате привела к монополии внешней торговли и обособлению от мирового хозяйства. Сложилась модель ограниченных связей с мировым рынком, оказавшая негативное влияние на участие страны в мирохозяйственных процессах до конца советской эпохи.

В последние годы существования СССР началась трансформация механизма государственной внешней торговли в сторону отказа от автаркических тенденций, существовавших в течение веков в экономике дореволюционной России, резко усилившихся в советский период. В Советском Союзе (и отчасти в рамках СЭВ) была создана изолированная от внешних связей экономическая система. Эта система позволила достичь почти полного жизнеобеспечения на низшем уровне потребностей и качества продукции. Нацеленная на военно-политические задачи, автаркическая экономика СССР мало нуждалась в связях с остальным миром и совершенно не была приспособлена к сотрудничеству с ним. Реформы в области внешнеэкономических связей начатые в 1986 г., привели к формальной отмене государственной монополии внешней торговли (в 1988 г.), предоставлению предприятиям и хозяйственным организациям права на экспортно-импортные операции, а также к возникновению большого числа совместных предприятий с зарубежными партнерами (с 1987 г.). Тем не менее, выход на внешний рынок находился под мощным государственным контролем, валютные поступления были обложены высокими налогами. Советский рубль оставался неконвертируемой валютой.

3. Постсоветский синдром. В России существенные изменения во внешнеторговом режиме начались с указа президента № 213 от 15 ноября 1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР». Указ предусматривал ряд конкретных мер. Во-первых, отменял обязательную регистрацию российских предприятий и фирм в качестве участников внешнеэкономической деятельности. Это означало, что все предприятия и их объединения получали право на осуществление внешнеэкономических операций (в том числе и посреднических) без специального разрешения, которое прежде необходимо было получать. Во-вторых, часть валютной выручки, оставшейся в распоряжении экспортера, увеличивалась до 50 %. В-третьих, были отменены налоги на импорт, ставки которых по многим позициям были необоснованно высоки. В-четвертых, в соответствии с либерализацией цен на все продукты и ресурсы с 1 января 1992 г. правительство расширило сферу использования рыночного курса, т. е. свободной цены на иностранную валюту.

Вопреки распространенному мнению, либерализация внешнеэкономической деятельности в России была частичной, поэтапной и непоследовательной.

На первом этапе (конец 1991 г. – первое полугодие 1992 г.) меры по либерализации включали: снятие ограничений на экспорт готовой продукции (при сохранении жестких количественных и тарифных ограничений на вывоз топливно-сырьевых товаров); частичную либерализацию валютного курса (при установлении особого курса для расчетов с бюджетом и сохранении дотаций по критическому импорту); отмену любых ограничений на импорт.

Либерализация импорта была необходима для создания конкурентной среды на сверхмонополизированном внутреннем рынке, а также для компенсации резкого спада производства в российской промышленности. Осуществленное административным путем установление верхних пределов экспорта топлива и сырья в условиях, когда внутренние цены на них были значительно ниже мировых, явилось вынужденной мерой, так как снятие ограничений тогда могло привести к катастрофическому опустошению внутреннего рынка.

На втором этапе (второе полугодие 1992 г.) был полностью либерализован валютный курс, введен импортный тариф. Первая из этих мер была направлена на прекращение скрытого субсидирования импорта в ущерб отечественным производителям, вторая – на обеспечение защиты последних от усилившейся конкуренции иностранных товаров. Для ужесточения

контроля над экспортом сырьевых товаров был введен институт спецэкспортеров стратегических товаров. В целях создания валютного рынка в России с 1 июня 1992 г. была установлена размер обязательной продажи экспортерами валютной выручки.

На третьем этапе (1993–1998 гг.) завершался переход на тарифные методы регулирования, постепенно снижалась роль количественных ограничений.

Таким образом было в основном завершено формирование внешнеэкономического механизма переходного периода, основанного на ограниченном использовании нетарифных методов регулирования внешнеэкономической сферы. Необходимость сохранения нетарифных методов была вызвана нестабильным курсом рубля, существенными различиями между внутренними и мировыми ценами, дефицитом многих сырьевых ресурсов на внутреннем рынке и незавершенностью экономического механизма регулирования внешней торговли.

Вместе с тем, все еще не был отработан механизм государственной поддержки этого сектора хозяйствования – экспортных кредитов, гарантий, страхования рисков, поощрения российских инвестиций за рубежом. Негативное влияние на реформирование внешнеэкономической деятельности России оказывало и оказывает произошедшее в ходе их демонаполизации ослабление государственного контроля над экспортом, особенно в начальный период. Это привело к бесконтрольному вывозу товаров, в основном сырьевых, неоправданной конкуренции между российскими экспортерами, к утечке валютных средств за рубеж. Все это вызывало необходимость государственного вмешательства.

С вступлением России в ВТО возникает необходимость тщательной проработки новой внешнеэкономической стратегии, учитывающей отечественный и мировой опыт и исходящей из национальных интересов.

Можно утверждать, что вариант «прагматического» регулирования внешнеэкономической деятельности в России и СССР в исторической ретроспективе несет в себе черты поучительного опыта для современной практики.

1. С точки зрения современных процессов крайне ценен опыт координации, взаимоувязывания вроде бы безнадежно противоречивых интересов участников мирохозяйственных связей;
2. Для закрепления на мировом рынке отечественных производителей неизбежна передача части национальных прерогатив, искони считавшихся неотъемлемой принадлежностью суверенитета, в общую сис-

тему отношений между государствами-участниками торгово-экономических отношений;

3. Данный вариант разрушает догмы, отрицающие возможность и целесообразность сильных регулирующих механизмов во всемирном рыночном хозяйстве.

В мировой практике внешняя торговля и в прошлом и настоящем относится к одной из самых регулируемых областей хозяйственной жизни. Западные страны, постоянно декларируя свою приверженность нормам свободной торговли и действительно стремясь к либерализации международных хозяйственных отношений, на практике придерживаются весьма взвешенного и прагматичного подхода к регулированию этих отношений, неизменно отдавая приоритет совершенно конкретным национальным хозяйственным задачам и интересам в тех случаях, когда они вступают в конфликт с идеалами экономического либерализма.

¹ Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 181–182.

² Подр. См.: Vladimir Timoshenko Breakthrough to a New Age? Foreign Economic Factors in Urals Economic Development in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Russian Studies in History. Fall 2011. Vol. 50. № 2. P. 79–94

³ Бovyкин В., Решетников В. Успехи и неудачи на мировом рынке // Известия. 1993. 5 мая

⁴ Шванебах П. X. Наше податное дело. СПб. 1903. С. 106.

⁵ Егоров М. Ю. Эволюция таможенного тарифа Российской империи в XIX столетии. Автореф. дисс... канд. эконом. наук. М., 2010. С. 14–16

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 414.

⁷ Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 27.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Цит. по: Тимошенко В. П. Иностраный капитал в хозяйстве Советского Урала: от средства спасения к экспроприации // Чиновник. 1998. № 3. С. 56.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 304–305.

¹¹ Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 21–22.

¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК Ч. 1. С. 781.

¹³ Правда, 10 июля. 1926

¹⁴ Бухарин Н. И. Избранные произведения... С. 227.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Троцкий Л. Д. О Сибири // Северная Азия, 1927. № 3. С. 10

¹⁷ Бухарин Н. И. Избранные произведения... С. 333, 334.

Пробуждение Евразии: развитие Урала и Сибири в мировой геополитике первой половины XX века

Каким бы выбивающимся из колеи мирового развития ни казался опыт российской истории XX в., его содержание – при всем своеобразии политико-институциональных форм – вполне согласуется с логикой глобальных системных трансформаций – по крайней мере, на уровне тех базовых процессов, которые определяли рост могущества отдельных государств и закономерности распределения силы в мировом масштабе. В этом отношении первая половина XX столетия была особенно богата на кардинальные, поистине тектонические сдвиги, которые затронули и геополитическое позиционирование России в мире, и внутреннюю структуру ее силового потенциала. Эти изменения следует связывать не только с последствиями двух мировых войн, но и с логикой тех стратегий, которые брали на вооружение государства в их предвидении.

В 1924 г. немецкий философ О. Шпенглер пророчески предсказал стремительное отмирание устоявшихся форм мировой политики, в контексте которых гигантский по своим материальным и людским ресурсам Евразийский континент «от Вислы до Индии и Китая» рассматривался лишь как средство «для достижения европейских целей». Глубинное брожение и пробуждение к самостоятельной политической жизни сложного конгломерата антиевропейских сил («русско-азиатский» коммунизм, паназиатизм, националистические и религиозные движения народов Азии), сравнимого со стихийным «взрывом метафизической страсти», грозили, по мысли Шпенглера, навсегда покончить с европейскими формами политики¹. Философ интуитивно уловил, что «закат Запада» связан не только с физическим истощением его сил, но и с необратимыми последствиями тотального кризиса европоцентризма. Являвшаяся, по сути, конфликтом сугубо европейских интересов, Первая мировая война, в колоссальных масштабах вовлекла в свою орбиту народы колоний и зависимых государств, дав толчок росту их самосознания и подъему национальных движений самой разной природы и политической окраски. На мировую авансцену выходили страны и народы, многократно превосходившие европейские государства по территории, населению, природным ресурсам, что неизбежно должно было изменить весь масштаб мировой политики и существенно сместить ее фокус. Уже в ходе войны появляются признаки вытеснения старых импер-

ских идеологий, замешанных на национально-эгоистических, пронизанных духом колониализма устремлениях европейских держав, широкими геополитическими «панидеями», взывавшими к узам цивилизационного, религиозного или интернационально-классового единства (панславизм, коммунизм, евразийство, пантюркизм, панисламизм и т. п.) и становившимися, как писал К. Хаусхофер, основой новых «путеводных воззрений в области культуры, власти и экономики»². Энергия, с которой эти «панидеи» вырвались на простор мировой политики, внушала мысль о том, что эпицентром пробуждения свежих исторических сил становятся на этот раз глубинные районы Евразийского материка. На этой почве рождались и новые стратегии, бросающие вызов империалистическому Западу. Уже в 1919 г. Л.Д Троцкий предлагает перейти от прямолинейного штурма его твердынь к стратегии их окружения и блокирования за счет мобилизации на сторону Советской России революционного потенциала колониального и полуколониального Востока. «...Международная обстановка складывается, по-видимому, так, – подчеркивал Троцкий, – что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»³. В марте 1923 г. примерно эту же мысль о выстраивании единого антизападного фронта Советской России и мировой периферии, охваченной антиколониальной борьбой, высказывает В.И. Ленин: «Исход борьбы зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой судьбы»⁴.

Еще больше, чем пробуждение антиколониальных движений, на возникновение новой «крупноблочной» структуры мира влияло появление новых геополитических величин – организуемой Соединенными Штатами Пан-Америки, объединяющей Евразию большевистской России и энергично взявшей за «пробуждение» Азии Японии. Эти структурные сдвиги имели под собой более глубокие основания, чем только упадок экономической и политической гегемонии Европы. Они совпадали с общей линией прогресса индустриальной экономики, транспорта и коммуникаций – прогресса, который неумолимо вел к тому, что преимущества в динамике развития получили теперь все более крупные государства или тесно спаянные блоки государств, вовлекающие в экономический оборот новые, еще не освоенные базы разнообразных ресурсов. Эту перспективу мирового развития еще на рубеже XIX–XX вв. обозначил для России английский географ, основатель

геополитики Х. Дж. Маккиндер. Он связал объективно predetermined рост ее геостратегического могущества с положением в срединной части Евразийского материка. По его мнению, все большая зависимость роста индустрии от богатых источников сырья и энергии, расположенных в неосвоенной глубине континента, прогресс железнодорожного строительства, связавший основные части России Транссибирской магистралью в единую структуру «сухопутной силы», превращали ее огромную, недоиспользованную территорию из бремени в фактор будущей силы. Самое существенное, по мнению Маккиндера, заключалось в том, что обладающие значительным демографическим и ресурсно-энергетическим потенциалом континентальные области Евразии в «пост-Колумбову эпоху» железных дорог могли развиваться более или менее независимо от структуры мировой океанической торговли, которая в предшествующие эпохи predetermined тяготение центров экономического роста к приморским областям⁵.

В данном случае можно было говорить об универсальной тенденции развития. В Европе становление индустриального капитализма уже с начала XIX в. было связано со сдвигом «центра тяжести» экономического развития вглубь континента, где формировалось «супер-ядро» тяжелой промышленности, охватывавшее северо-восточные районы Франции, юг Бельгии и – в наибольшей степени – западную часть Германии с ее индустриальным «сердцем» – Руром⁶. Кульминационным завершением этой тенденции стало подведение экономической базы под политическое объединение Германии в 1871 г. и ее мощный промышленный взлет в последней трети XIX в., а ее геополитическим отражением – выросшая на почве глобальных амбиций Германии концепция «Срединной Европы» (Mitteleuropa)⁷. Неотъемлемой чертой «континентального» типа развития становилась опора на емкий внутренний рынок как на главный источник экономического роста, а в перспективе – ориентация на достижение экономической автаркии как самой надежной гарантии против вероятной в случае войны внешней блокады. То, что эти расчеты были отнюдь не иллюзорны, доказывал опыт той же Германии, которая за четыре года Первой мировой войны, фактически, без всякой помощи от своих союзников в условиях английской морской блокады смогла вывести из войны Россию и значительно потеснить на фронтах англо-французские силы. Создать перелом в пользу Антанты позволило лишь вступление в войну США – внеевропейской силы уже иной, континентальной, величины. Это, а также то, что Германия в последний военный год отчаянно пыталась, опираясь на Брестский мир, поставить себе на службу экономические ресурсы России, гово-

рило о том, что тяготы большой войны оказались несоразмерно велики для экономик даже крупных европейских государств.

В 1930-е гг. американский географ Д. Уайтгли уже как закон развития политических форм отмечал тенденцию к возрастанию – вместе с прогрессом индустрии и транспорта – экономической эффективности и стратегической ценности «больших пространств». Согласно его концепции, возросшие масштабы индустриальных систем, усиливающая взаимозависимость экономик и рост их транспортной связности к началу XX в. уже переросли те формы государственной организации хозяйства, которые возникли в Европе в эпоху дилижансов и речных каналов. Это повышало в мировой экономике вес и значение крупных континентальных государств – Америки, России – и в какой-то мере еще сохраняющей свое единство Британской империи, поскольку только самодостаточные организмы таких государств могли непротиворечиво соединить объективную тенденцию формирования той или иной разновидности наднационального экономического порядка и политическую инерцию экономического национализма⁸.

Выводы о преимуществах крупных территориально-промышленных форм были созвучны взглядам передовой научной мысли России, которая к началу XX в. указывала на такой лимитирующий развитие страны фактор, как узость сложившейся территориальной базы промышленного роста. О необходимости расширения промышленного ареала России на малонаселенные, но богатые плодородными землями и природными ресурсами окраины (Юг, Кавказ, Урал, Сибирь) писал великий энтузиаст отечественного индустриализма Д.И. Менделеев. Это движение промышленности на окраины, по мысли ученого, не сводилось к простому ее рассеянию по территории страны. Исключительно удачное сочетание в новых районах всех основных ресурсов и факторов производства способно было сделать их развитие «наиболее плодородным и выгодным для всей страны», придать индустриальному прогрессу новое качество роста и новые, более высокие организационно-технические формы⁹. В этом же русле следует рассматривать созданное В.П. Семеновым-Тянь-Шанским учение о «могущественном территориальном владении» как решающем факторе развития экономики и стратегии в XX в.¹⁰

Еще более определенно эта тема зазвучала в России позднее – в период советской индустриализации. Так, Н.И. Бухарин именно в слиянии задач индустриализации с программами освоения бескрайних, богатых ресурсами пространств Евразии видел возможность для Советской России не только достичь «американского размаха» в развитии промышленности, но

и превзойти его¹¹. Таким образом, зависимость перехода России на новую ступень индустриального прогресса от сдвига промышленных центров на восток, вглубь континента, выстраивалась в некоторую объективно-предначертанную потребность развития страны.

Существенно и то, что преемственно перетекавшая из России царской в Россию советскую идея «восточного сдвига» находилась под мощным влиянием крепнущего «оборонного сознания», переплетающегося с экономическим национализмом. Сетования по поводу засилья иностранного капитала в русской промышленности, звучавшие в России с начала XX в., напрямую увязывались со стратегическими изъятиями размещения ее основных мощностей в узкой пограничной полосе между Балтикой и Черным морем – в роли придатков западноевропейской экономики и уязвимых мишеней для вражеской артиллерии. После русско-японской войны и в свете обостряющейся ситуации на Балканах усиление удаленной от западных и восточных границ «срединной базы» русской промышленности должно было служить наилучшей гарантией сохранения позиций России как великой державы в условиях нарастающих международных угроз. В.П. Семеновым-Тянь-Шанским вопрос о построении новой пространственной структуры экономики России ставился в еще более смелой перспективе: устойчивость и безопасность развития страны должна была, по его мнению, опираться не на одну, а на целых четыре «срединных» культурно-экономических базы – на Урале, Алтае, в горном Туркестане и Кругобайкальской области¹².

Большевики же, в силу самих условий своего прихода к власти, не могли не сделать упора, прежде всего, на эту оборонно-милитарную составляющую индустриальной программы русского «буржуазного патриотизма», придав ей – ввиду резко обострившейся конфронтации с капиталистическим Западом – силу безусловного императива. О решительности и неотложности этого курса лучше всего говорили обстоятельства разработки и продвижения Урало-Кузбасского проекта¹³.

Сдвиг индустрии в районы Урала и Западной Сибири уже в 1930-е гг. попадает в фокус геополитики как один из важнейших факторов, изменяющих конфигурацию грядущей мировой борьбы. В 1933 г. О. Шпенглер, оценивая позиции СССР как мировой державы, проникательнее, чем многие германские политики и военные, оценил стратегическое значение советской политики рассредоточения промышленного потенциала по огромным пространствам Евразии. Он полагал, что попытки военного уничтожения СССР будут тем менее эффективны, чем решительнее «большевики сдвигают центр своей системы дальше на Восток», размещая

важнейшие промышленные области «восточнее Москвы, по большей части к востоку от Урала до Алтая»¹⁴. Рассматривая СССР как будущего военного противника, нацистская Германия должна была учитывать кардинально изменяющуюся в ходе форсированной индустриализации географию советского военно-экономического потенциала. В кругах нацистской военно-политической элиты с 1934 г. большое внимание было уделено созданию стратегической бомбардировочной авиации как единственного эффективного средства подавления военно-индустриальных центров на востоке СССР. Более чем красноречивым указанием на главную мишень будущего стратегического бомбардировщика стало обозначение проекта по его созданию на жаргоне германских военных – «бомбардировщик для Урала» (*der Ural-Bomber*)¹⁵.

Урал и Западная Сибирь рассматривались Гитлером и в свете несостоявшегося на исходе Первой мировой войны брестского опыта, а именно в перспективе создания за счет России трансконтинентальной империи, опираясь на которую Германия могла бы вступить на равных в смертельную схватку с Британской империей и Америкой. В сентябре 1936 г. всю мировую прессу обошли выдержки из Нюрнбергской речи Гитлера, в которой он, сетуя на ограниченность экономических ресурсов Германии, открыто высказывал планы разгрома большевистской России и захвата ее богатейших ресурсов: «Если у нас будет Урал с его неисчислимыми сырьевыми богатствами, если мы завладеем Сибирью с ее обширными лесами, если у нас будет Украина с ее зерновыми житницами, национал-социалистская Германия скоро будет купаться в изобилии»¹⁶.

Об определяющем значении этой цели для планов завоевания Германией мирового господства свидетельствуют обстоятельства подписания 18 января 1942 г. соглашения между Германией и Японией о разграничении «сфер ответственности» на завоеванной территории СССР по 70-му меридиану. Управление военной экономики и вооружений вермахта не считало это разграничение оптимальным, полагая, что завершенность «макроэкономическому пространству» Евразии под германским контролем придаст только объединение Урала с Кузнецким «индустриальным бассейном». Выступая за то, чтобы линия разграничения интересов Германии и Японии прошла по Енисею, немецкие военные эксперты полагали, что только в этом случае позиции Германии могли считаться гарантированными не только в экономическом, но и в геостратегическом отношении¹⁷. Контроль нацистской Германии над центром Евразии должен был уравновесить то стратегическое преимущество, которое Англия получала

за счет ресурсной поддержки США, и предотвратить повторение ситуации апреля 1917 г., когда вступление Америки в войну обеспечило странам Антанты решительный перевес над Германией.

В англо-американской геополитике происходившие в 1930-е гг. сдвиги в структуре индустриального потенциала СССР осмысливались в большей мере ретроспективно, уже в условиях тяжелейших отступлений Красной Армии перед силами вермахта в 1941 г. и весной – летом 1942 г. Ввиду захвата вермахтом многих индустриальных центров в европейской части СССР, жизненно важная для стратегических планов Англии и США ставка на способность Советского Союза выдержать чудовищный натиск нацистской Германии зависела от оценки возможностей созданных на Урале и в Сибири военно-индустриальных баз. Создатель концепции «Хартлэнда» как силового ядра Евразии, Х. Дж. Маккиндер полагал, что единственная существенная слабость стратегического положения СССР к началу войны заключалась в том, что основные житницы страны и ее ведущие индустриальные мощности располагались в западных районах – «непосредственно на пути захватчика». Одна из причин, побудивших Гитлера нарушить пакт о ненападении с СССР в июне 1941 г., по мнению Маккиндера, состояла в попытке предупредить советские усилия по исправлению этих невыгод стратегического положения, в частности, реализацию планов по созданию в глубоком тылу новых баз оборонной промышленности и хлебных житниц¹⁸.

Маккиндер в 1943 г. считал, что в перспективе продолжающейся борьбы с агрессором русский «Хартлэнд» обладает колоссальным по разнообразию и величине запасов ресурсным потенциалом, что, фактически, создает для СССР возможность достижения полной автаркии. Этот потенциал (прежде всего, месторождения полезных ископаемых), к тому же, был стратегически удачно рассредоточен по территории страны. Дальнейшее усиление стратегической мощи Советского Союза, согласно Маккиндеру, неизбежно будет связано с достижением в кратчайшие сроки максимально полного пространственного соответствия между исходными естественно-географическими предпосылками его силы, заключенным в обладании центральной позицией на Евразийском континенте, и новой моделью размещения производительных сил, предполагающей решительный их сдвиг в восточном направлении. Свидетельствами усиления этой тенденции в годы войны Маккиндер считал быстрый рост тяжелой промышленности на Южном Урале (в самом центре «центрального региона»!), разработку углей Кузнецкого бассейна, формирование восточных баз добычи марганца

и нефти, расширение аграрных площадей в Сибири. Эти успехи СССР, достигнутые в тяжелейших военных условиях, давали основание Маккиндеру предвидеть, что «если Советский Союз выйдет из этой войны победителем Германии, он должен достичь ранга величайшей сухопутной державы на Земном шаре. Более того, он будет державой со стратегически сильнейшей оборонительной позицией. Хартлэнд является величайшей естественной крепостью на земле. Впервые в истории она укомплектована гарнизоном, достаточным и по числу, и по качеству»¹⁹.

На исходе войны среди англо-американских стратегов можно было наблюдать оживленную дискуссию о геополитических последствиях индустриального роста восточных регионов СССР. В 1944 г. американским геополитиком Н. Спайкмэном потенциал «Хартлэнда» как основы стратегического могущества СССР в текущей войне и в послевоенном мире оценивался более сдержанно. Не отрицая крупных успехов Советского Союза в развитии восточных регионов (прежде всего, создании перспективной промышленной зоны между Свердловском и Новосибирском) и подчинении этого потенциала нуждам обороны, Спайкмэн, тем не менее, выражал сомнение, что это приведет к каким-либо кардинальным изменениям в существующих пропорциях ресурсной силы и производительности между регионами СССР. По мнению Спайкмэна, без революционных изменений в технике сельского хозяйства суровые природные условия большей части Евразии останутся на перспективу непреодолимым препятствием для перемещения основных житниц СССР (а значит, и населения) из его европейской части в Сибирь. Такой же скепсис Спайкмэн выражает по поводу изменения географии основных промышленных отраслей СССР. Природные условия, по его мнению, будут тормозом и для перемещения в центр Евразии важнейших узлов транспортных коммуникаций; даже при условии того, что СССР удастся создать в центре Евразии развитые внутренние коммуникации, это преимущество не приведет автоматически к усилению его влияния в окружающих его странах Азии, поскольку и советская Средняя Азия, и примыкающая к ней азиатская периферия (Афганистан, Синьцзян, Монголия) остаются территориями, чрезвычайно слабо освоенными в транспортном отношении. Согласно Спайкмэну, этот фактор будет в ближайшей послевоенной перспективе блокировать возможности Советского Союза бросить вызов влиянию западных держав в субконтинентальном приморском поясе Евразии²⁰.

Позиция Спайкмэна была обращена уже не столько к проблеме оценки военного потенциала СССР в борьбе с нацистской Германией, сколько к

перспективам усиления его геополитической роли в послевоенном мире, когда он будет способен выступать уже не столько союзником, сколько соперником западных держав. Сколь бы скептической ни была эта оценка, она, тем не менее, также отразила признаваемый большинством западных наблюдателей факт, что перед войной и в ходе ее далеко на востоке, на Урале и в Сибири, формировался новый «силовой центр» Советского Союза. Произошедшие за годы войны сдвиги в размещении производительных сил и модели стратегической безопасности СССР, по мнению многих американских аналитиков, обещали внести существенные изменения в общую геополитическую ситуацию на Евразийском континенте. Американский журнал «Пасифик историкэл ревью» в сентябре 1944 г. так характеризовал эти «тектонические» изменения в положении СССР: «... Массовая эвакуация индустрии из угрожаемых зон, миллионов людей, которые мигрировали на восток и многие из которых, скорее всего, никогда не возвратятся, а останутся в центральных (урало-сибирских – К.З.) и дальневосточных районах Советского Союза, непрерывное создание научных и культурных центров в различных частях Сибири – все это будет иметь самое глубокое воздействие на Азиатский континент»²¹.

Стратегическое значение созданного на Урале и в Сибири военно-промышленного потенциала с 1942 г. оценивалось в США также в перспективе возможного нападения Японии на СССР и открытия на советском Дальнем Востоке нового фронта²². Актуальность вопроса возросла на завершающем этапе войны, после решения Тегеранской конференции 1943 г. о вступлении Советского Союза в войну с Японией на Дальнем Востоке по окончании боевых действий в Европе. В представлении американских военных экспертов, наличие «осевой» военно-промышленной базы в Урало-Сибирском регионе было существенным фактором организации эффективного коалиционного взаимодействия по разгрому Японии. Американский эксперт Р. Логан в этой связи отмечал как факт громадного стратегического значения, что военно-промышленные мощности, созданные путем эвакуации и нового строительства в Сибири, в самом центре Евразийского материка, качественно изменили характер индустриального развития востока СССР: если до войны создаваемые там промышленные предприятия были ориентированы лишь на удовлетворение потребностей «местных рынков» и сокращение нерациональных перевозок, то в военное время на востоке СССР росли в основном крупные предприятия, которые непосредственно могли поддерживать своей продукцией проведение

крупных военных кампаний – как против Германии на западе, так и против Японии на востоке²³.

¹ *Шпенглер О.* Новые формы мировой политики // Политическая структура мира: Сб. науч. ст. М., 2010. С. 313–315.

² *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 256.

³ Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927 гг. Т. 1. М., 1990. С. 183.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 404.

⁵ Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // *Geographical Journal*. 1904. Vol. XXIII, No. 4. P. 433.

⁶ *Delamaide D.* The New Superregions of Europe. N.Y., 1994. P. 147–148, 155.

⁷ *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German Political Geography // *Annals of American Association of Geographers*. 1946. No. 36. P. 178–194.

⁸ *Whittlesey D.* The Earth and the State. A Study in Political Geography. N.Y., 1939. P. 12, 23.

⁹ *Менделеев Д.И.* С думою о благе российском. Избранные экономические произведения. Новосибирск, 1991. С. 42, 44.

¹⁰ См.: *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. М.-Л., 1928. С. 161–162.

¹¹ *Бухарин Н.И.* Избранные труды: История и организация науки и техники. Л., 1988. С. 33.

¹² Об этом подробнее см.: *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб., 2009. С. 170–175.

¹³ См.: *Зубков К.И.* Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 1 (30). С. 22–27.

¹⁴ *Шпенглер О.* Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. Екатеринбург, 2007. С. 65.

¹⁵ *Overy R.J.* From ‘Uralbomber’ to ‘Americabomber’: The Luftwaffe and Strategic Bomber // *The Journal of Strategic Studies*. 1978. Vol. 1, No. 2. P. 155.

¹⁶ Цит. по: *The Montreal Gazette*. 1936. September 14. P. 1.

¹⁷ *Rich N.* Hitler’s War Aims: Ideology, the Nazi State, and the Course of Expansion. N.Y., L. 1973. P. 235.

¹⁸ *Mackinder H.J.* The Round World and the Winning of the Peace // *Foreign Affairs*. 1943. Vol. 21, No. 4. P. 600.

¹⁹ *Ibid.* P. 600–601.

²⁰ *Spykman N.J.* The Geography of Peace. N.Y., 1944. Vol. XIII, No. 3. P. 348.

²¹ *The Pacific Historical Review*. 1944. Vol. XIII, No. 3. P. 348.

²² См.: *Steiger A.J.* Siberia, Soviet Far Eastern Front // *Free World*. 1942. Vol. II, No. 3. P. 257–260.

²³ *Logan R.F.* Siberia as a Base // *Far Eastern Survey*. 1945. Vol. XIV, No. 9. P. 118.

Особенности становления и развития индустриальной цивилизации: сибирский региональный аспект

Актуальность изучения проблем, связанных со становлением и развитием индустриальной цивилизации в первую очередь обусловлена тем, что индустриализация является главным содержанием мировых модернизационных процессов, определивших совершенно новый уровень экономического и культурного развития практически всех стран и народов. В Сибирском регионе данные процессы проходили очень активно в XX столетии. На темпы индустриализации одновременно воздействовали несколько факторов. Основные из них: институциональный и одновременно политический, связанный с государственной экономической политикой, и технологический, определяющийся научными и техническими возможностями общества на том или ином этапе исторического развития.

В советское время главным механизмом роста индустриального производства в Сибири стали государственные мобилизационные решения, которые выполняли регулирующую и определяющую роль в экономическом развитии региона, позволяли обходить рыночные законы, основанные на естественной конкуренции между субъектами экономической деятельности. Вместе с тем, данные обстоятельства открывали возможность реализовывать очень затратные инфраструктурные проекты перспективного значения, такие как Урало-Кузбасс, Ангаро-Енисейстрой и др., которые вначале экономически были малоэффективны, но давали отдачу со временем, главным образом в направлении освоения территории самого обширного в мире государства, богатого природными ресурсами. Выбранная экономическая и политическая стратегия в советский период оказалась решающим фактором в геополитическом позиционировании страны и её цивилизационном развитии в XX столетии.

Теория цивилизационного развития позволяет глубже понять роль регионов в формировании экономической и социальной жизни Российского государства, тем самым, открывая новые возможности для системного изучения отечественной истории и выявления особенностей его геополитического и регионального взаимодействия. С этих методологических позиций Сибирь необходимо рассматривать и как локальную цивилизацию¹, и как часть российского цивилизационного процесса. Регион в ретроспективе, с одной стороны, своими природными и территориальными ресурсами способствовал укреплению всевозможной мощи России, а с другой – замедлял

её развитие по пути модернизации: позволял консервировать экстенсивные методы обустройства жизни россиян и игнорировать инновации.

С победой большевиков и установлением советской власти российское экономическое и социально-культурное развитие приобрело новые черты. Строительство социализма явилось мощным катализатором процессов формирования индустриальной цивилизации, которая в отличие от мировых прецедентов имела в СССР особый характер. Хотя промышленное производство, как и в других странах, постепенно приобретало массовый и охватывающий большинство населения характер, оно не использовалось в основном в потребительских целях общества. Крупное промышленное производство в советском государстве работало в значительной мере на оборону.

Здесь не произошло, как это было в западных странах, перехода к рационализации и индивидуализации сознания людей, участвующих в промышленном производстве, установления гражданских прав и равенства перед законом. Советский человек под влиянием, как внешних жизненных обстоятельств, так и в силу своей особой ментальности сохранял стремление к коллективизму, проявлял преданность общенациональным ценностям, покорно следовал в фарватере государственной политики.

Вместе с тем, российская индустриальная цивилизация в советский период приобрела свои главные черты, общие для мирового развития. В стране наблюдался рост городов и массового промышленного производства, происходило увеличение использования машин, стремительно возрастало значение научного знания о природе и обществе. В то же время трудно складывались предпосылки для формирования правового государства, не происходило демократизации общественно-политических структур, которые продолжали, как и в традиционном обществе, носить авторитарный характер. Как и в западноевропейских странах, в СССР наблюдалось освобождение духовной и в целом социальной жизни от влияния церкви, но это осуществилось насильственными методами под мощным давлением государственной власти. Как показали дальнейшие события, общество не было готово к этому. К сожалению, люди в СССР оценивались в качестве одного из ресурсов индустриального производства, что в целом негативно влияло на цивилизационное развитие России.

Радикальные изменения в государственном и социально-экономическом устройстве России в советский период не могли не повлиять на взаимодействия в обществе, на соотношение его структур и менталитет граждан. Поэтому существовавший до революции 1917 г. относительный цивилизационный и социокультурный плюрализм стал разрушаться, постепенно от центра к периферии насаждалась социалистическая идеология, которая под влиянием определенной политики вскоре превратилась в своеобразное религиозное

мировоззрение, на основе которого правящий режим пытался объединить общество. Однако, как оказалось, реализовать эту идею оказалось не просто. Цивилизационное развитие не так уж и зависит от политики. Хотя форсированное «строительство социализма» и модернизация общества на индустриальной основе внесли значительную лепту в общественные трансформации и способствовали революционному по своей сути переходу от традиционного преимущественно аграрного общества к современному индустриально-урбанистическому.

Новый политический режим не мог не унаследовать и все традиции и проблемы прежнего цивилизационного генотипа страны, связанные как с экономикой, так и социумом. Большевики объективно являлись преемниками бывшего царского режима и должны были решать стоявшие перед страной задачи. Одна из самых главных была связана с необходимостью модернизации экономики страны на базе индустриализации. Эта проблема была поставлена российским правительством ещё в период царского правления. Она чрезвычайно обострилась в годы русско-японской и Первой мировой войн. Советским правительством индустриализация рассматривалась в качестве решающего фактора выживания политического строя и в целом государства.

В этой ситуации важнейшую роль предстояло сыграть пространству и природным ресурсам Сибири. Активизация их использования в экономическом развитии стала проявляться в начале XX века с вводом в эксплуатацию Транссиба, который создавал возможности и для роста экономики, и для заселения Сибири и Дальнего Востока русскоязычным населением. О государственном значении переселения на восток выходцев из Европейской России неоднократно говорил С.Ю. Витте ещё в процессе строительства самого протяженного в мире железнодорожного пути. Он говорил, что переселения на восток должны стать массовыми, дабы снять проблемы малоземелья и перенаселенности в центральных районах страны и одновременно колонизировать пустынные территории на востоке страны, направляя туда не только землепашцев, но и другие сословия для развития торговли, обрабатывающей промышленности и промыслов. После поездки в Сибирь и на Дальний Восток в июне-сентябре 1902 г. его позиция в этом отношении только укрепилась.

В своём докладе императору он откровенно написал, что его «беспокоит малолюдность российских территорий на границах с Японией и Китаем, которые в свою очередь перенаселены и рано или поздно начнут искать себе новые земли, в том числе и на северных границах». Для того чтобы этому противостоять надо создать на восточных территориях «оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу

для защиты своего достояния, так и интересов Империи. В противном случае вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей».²

Советская власть унаследовала данное отношение к социально-экономическому развитию восточных регионов страны. Планы социалистической индустриальной модернизации включали в себя обживание и хозяйственное освоение Сибири, в том числе не только западных и южных территорий, примыкающих к Транссибу, но и восточных и северных, богатых природными и минерально-сырьевыми ресурсами, необходимыми для роста экономики всей страны. Поэтому в государственной модернизационной стратегии они занимали важное место. Индустриальное освоение Сибири в начале 1930-х гг. рассматривалось как поэтапное, продвигающееся с запада на восток и охватывающее всё более новые территории региона.³

Уже начало реализации данных стратегических замыслов внесло большие изменения в цивилизационное развитие Сибири. Здесь в годы первых предвоенных пятилеток наблюдался резкий рост городов и городского населения, создание целых промышленных районов и крупных производственных комплексов, научных центров. В регионе ускорились процессы распространения русскоязычной грамотности и образования, которые напрямую стали касаться национальных районов Сибири, где под девизом строительства социализма и при поддержке государства активно происходило формирование национальных кадров интеллигенции и рабочего класса. В регионе, как и в целом в стране, происходили активные процессы смешения различных типов национальных типов культур и населения, стирания межнациональных различий.

В результате создавалась стандартизированная индустриальная культура производства и жизнедеятельности населения. Необходимо отметить, что в Сибири индустриализация начиналась с создания базовых отраслей экономики: тяжелой промышленности, военно-оборонных производств, транспортных и энергетических объектов, что являлось определяющими факторами для соответствующих социально-демографических и социокультурных изменений в регионе, экономическое развитие которого всё в большей степени, чем прежде, становилось зависимым от стратегических и геополитических устремлений государственного управления в лице советского правительства.

Достижению индустриальных целей служили организованные государством в регион миграционные процессы, главным образом направленные на формирование здесь значительного контингента индустриальных кадров. Многонациональные потоки направлялись государственными органами добровольно и принудительно в разные районы Сибири в места освоения природных ресурсов, строительства промышленных предприятий и энергетических и транспортных объектов, в том числе и в зоны самобытного расселения коренных народов. В советское время происходило беспрецедентное расширение русскоязычных анклавов в регионе. Городские поселения повсеместно превращались в русскоязычные.

Огромную роль сыграло энергетическое строительство и создание в Сибири минерально-сырьевой ресурсной базы государства. По сути дела в регионе формировалась значительная часть технического и технологического потенциала для развития индустриальной цивилизации СССР. Сибирские нефть и газ, уголь и металлы вносили не только значительный вклад в укрепление и рост экономики страны, но и помогали ей сохраниться и выстоять в трудных для государства ситуациях.

Большие изменения произошли в Сибирском регионе в годы Великой Отечественной войны. С эвакуацией нескольких сотен промышленных предприятий из европейских районов СССР в Сибири значительно усилился индустриальный потенциал. Регион превратился поистине в арсенал для Советской Армии. Но вместе с тем, в годы войны поступательное социально-экономическое развитие региона в значительной степени затормозилось. Промышленные предприятия, не относящиеся напрямую к военному производству, были вынуждены работать в условиях сокращения капиталовложений, материально-технических ресурсов, численности рабочих и служащих.

В структуре промышленного производства приоритетные позиции заняли отрасли, формировавшие фонд военного потребления. В 1942 г. Сибирь давала около 1/3 общесоюзного производства чугуна, свыше 1/4 стали и проката, почти 1/2 кокса и 1/3 марганца⁴. За счет Урало-Кузнецкого комбината СССР к 1943 г. превзошел Германию по производству качественного металла, что, несомненно, послужило залогом победы в войне. Сибирь в большом количестве поставляла не только черные, но и цветные металлы, особенно после пуска Норильского промышленного комплекса, Новокузнецкого алюминиевого и ферросплавного заводов, Беловского цинкового.

В годы войны на Кузнецком металлургическом комбинате были пущены электроплавильный и прокатный цехи, что позволило выплавлять специальные виды сталей, необходимых для военных целей. Металлурги Кузбасса в содружестве с учеными под руководством академика И.П. Бардина

впервые в мире за кратчайшие сроки освоили выпуск броневой стали в большегрузных мартеновских печах, что явилось подлинной революцией в технологии производства качественного металла. Уже во второй половине 1941 г. металлурги перевели производство на военные рельсы и добились резкого увеличения выпуска специальных сталей и высокосортного броневоего листа. В 1941–1945 гг. выплавка чугуна на КМК выросла с 1 599 до 1 643 тыс. т, стали – с 2 080 до 2 290 тыс. т, проката – с 1 384 до 1 638 тыс. т. К концу войны новые марки стали и профили проката составляли около 80 % всей продукции комбината. Из стали, выплавленной на комбинате в военное время, можно было изготовить 100 млн снарядов, 50 тыс. тяжелых танков, 45 тыс. самолетов⁵.

Высокими темпами развивались машиностроение и металлообработка. При общем росте промышленного производства в Западной Сибири за первые два года войны в 2,5 раза продукция машиностроения и металлообработки увеличилась в восемь раз, а связанная с военным производством в 30 раз. В целом в 1941–1945 гг. объем промышленного производства Западной Сибири увеличился почти в три, а Восточной – в 1,5 раза⁶.

В военный период эвакуация промышленных предприятий на Дальний Восток не производилась по причинам сложной международной обстановки в Тихоокеанском регионе, дальности перевозок, недостатка квалифицированных кадров и т. д. Однако и здесь для нужд обороны изготавливались бомбы, снаряды, гранаты, мины, различное снаряжение. Активно работали горная промышленность и транспорт. Было усилено внимание рыбному промыслу, который обеспечивал продуктами питания, как местное население, так и фронт. Рост промышленного производства восточных районов страны происходил главным образом за счет военных отраслей и тяжелой индустрии, работавшей на нужды обороны. Другие отрасли (лесозаготовительная, деревообрабатывающая, производство гражданской продукции) сокращали производство. Общий рост промышленности имел большое значение, так как закладывал основу для формирования разносторонних, в том числе и военно-ориентированных индустриальных комплексов в последующие годы.

Надо отметить, что успехи в экономическом развитии сибирского региона в предвоенные и военные годы достигались в чрезвычайных условиях максимальной мобилизации сил и материально-технических возможностей, политики большого «экономического скачка», приоритетности создания производственной сферы часто за счет администрирования и использования принудительного труда. В этот период в экономике СССР поддерживался режим форсированного производства, увеличения производственных инвестиций, достигаемый главным образом за счет сдерживания роста потребления. Капитальные вложения сосредотачивались, прежде всего, в тяжелой

промышленности, которая аккумулировала практически весь научно-технический и образовательный потенциал государства, технический и технологический импорт, самые современные стандарты и достижения производства и организации труда. В стране был создан мощный механизм социальной мобилизации и консолидации всех слоев советского общества вокруг целей и задач индустриализации. Функция такого механизма состояла в том, что он обеспечивал сверхвысокую концентрацию социально-экономических и социокультурных ресурсов общества вокруг единой цели – индустриализации. И как результат – в относительно короткие для истории человеческой цивилизации сроки была осуществлена модернизация всего национального хозяйства, совершен гигантский экономический рывок, заложивший основу индустриальной мощи страны на десятилетия вперед.

В послевоенные годы эта мобилизационная система социально-экономического развития стала давать сбои, начались поиски новых форм и решений. Во второй половине 1950-х гг. в государственном управлении все чаще стало проявляться стремление хотя бы в какой-то степени возвратить социальный долг, накопленный за годы довоенной индустриализации и войны. И социальная, и политическая обстановка в стране требовали переориентации экономики на повышение благосостояния населения, которое оставалось крайне низким. Советские люди не могли удовлетворять в полной мере даже самые первичные потребности в продуктах питания, одежде, жилье. В СССР низким по сравнению с западноевропейскими странами был уровень медицинского обслуживания, культурного досуга. Повышение уровня жизни населения уже не могло игнорироваться в целеполаганиях государственной политики.

Другой доминирующей целью в послевоенный период оставалась необходимость поддержания высокого уровня формирования военно-оборонного потенциала страны, сохранения и укрепления статуса СССР как мировой сверхдержавы. В условиях развертывания в мире ракетно-ядерных вооружений ключевым элементом такого статуса стало достижение военно-стратегического паритета с США, что требовало громадных экономических и социальных затрат по созданию совершенно новых типов и видов вооружения, войск, систем обороны, способных эффективно действовать в условиях возможной ядерной войны. Кроме того, огромного отвлечения средств требовала изменившаяся в послевоенный период геополитическая ситуация. Послевоенный передел мира и образование блока социалистических стран потребовали от СССР разработки новой экономической стратегии, связанной с организацией единого хозяйственного пространства с целым рядом восточноевропейских стран, где уровень жизни и эффективность производства были несколько выше. Поэтому формирова-

ние единой хозяйственной системы означало дополнительную нагрузку на советскую экономику, прежде всего, на ее энергосырьевой сектор.

Все эти изменившиеся в послевоенный период условия повышали значимость развития экономики восточных районов СССР, в том числе и Сибири, где намечались новые планы по усилению энергетического строительства, созданию крупных энергоёмких производств, использующих в качестве сырья разнообразные природные ресурсы региона. В Сибири уже к 1950 г. была известна значительная часть мировых запасов гидроэнергоресурсов, каменного угля. В 1960-е гг. были открыты беспрецедентные запасы нефти и природного газа. Топливо-энергетические, минерально-сырьевые ресурсы Сибири могли в течение многих лет обеспечивать не только отечественное, но и мировое производство.

1950–1980-е гг. – время активных поисков новых концептуальных оснований для социально-экономического развития Сибири. На первый план выдвигается освоение и обживание всё более новых её районов, богатых природными и особенно минерально-сырьевыми ресурсами. В экономической политике государства строились планы создания территориально-производственных комплексов, в том числе и в северных районах, находящихся в суровых природно-климатических зонах СССР.

Выбранная экономическая и политическая стратегия в условиях объективно нарастающего научно-технического и технологического прогресса оказалась решающим фактором в геополитическом позиционировании страны и её цивилизационном развитии в XX столетии, до последнего десятилетия которого советское государство оценивалось по сути дела как вторая держава мира после США.

На цивилизационное развитие страны, в том числе и её отдельных регионов не могли не оказывать влияние глобальные мировые процессы, которые происходили как прогрессирующие и охватывающие всё новые регионы мира. Они проявлялись в качестве экономической, информационной, научно-технической, транспортной и прочей интеграции, сопровождающейся размыванием этносоциальных и этнокультурных границ. Экономика и культура всё более тесным образом переплетались с политикой, и возникал соблазн для более мощных и продвинутых в этом направлении государств и государственных образований подчинить себе оставшийся мир. Основное в XX веке противостояние общественных систем (капиталистической и социалистической) с этих позиций можно рассматривать как одно из проявлений этих глобальных процессов. С одной стороны, под давлением научно-технического и технологического прогресса объективно происходило сближение разных народов и стран, прошедших стадию индустриального развития, а с другой – обострялись межнациональные и межрегиональные противоречия, которые

использовали в своих целях политические и экономические элиты в стремлении установить своё господство. Все эти процессы общероссийского и мирового порядка не могли не оказывать влияния на региональное развитие, в том числе и в Сибири, которая в XX столетии прошла свой особый путь к индустриальной цивилизации.

¹ Здесь под термином «локальная» в большей степени подразумевается «территориальная» цивилизация, особенности которой были связаны с пространственным расположением Сибирского региона, с его природно-географическими и климатическими характеристиками, определяющими в значительной степени экономическое и социальное развитие.

² *Vimpe С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т.1. Кн.2. Ч.2. М. 2004. С. 340.

³ См: *Колосовский Н.Н.* Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М. 1932. С. 134.

⁴ *Тимошенко А.И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. Концепции и решения. Новосибирск. 2007. С. 203.

⁵ Историческая энциклопедия Кузбасса. Т.1. Кемерово. 1996. С. 364.

⁶ *Тимошенко А.И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX веке. С. 203–204.

Е.В. Алексеева

Наследие индустриальной цивилизации и региональные особенности урбанизации на Урале*

Индустриальная цивилизация, зародившаяся в Западной Европе на закате средневековья, в XX столетии охватила весь мир. Созданное ею современное общество все еще является для нас скорее живым контекстом бытия, нежели реликтом былой эпохи. Тем не менее, динамичные перемены последних десятилетий, открывающие перед человечеством новые возможности, позволяют уже сейчас оценивать классический индустриальный период как исторический феномен и рассматривать его, подобно древним цивилизациям, с определенной долей отстраненности.

Индустриальная цивилизация, сформировавшаяся в России в ходе мирового модернизационного процесса, своеобразна. Также специфичны ее региональные варианты. Оглядываясь сегодня на трехвековое промышленное

* Работа выполнена в рамках темы «Урал как региональный фактор российской истории (вклад Урала в становление и трансформацию цивилизационно-культурного облика России)».

освоение Урала, мы отчетливо видим, что в регионе сложился специфический локальный вариант индустриальной цивилизации. (Это понятие в данном контексте трактуется условно и конкретно, как совокупность способов и результатов бытия и деятельности, присущих уральскому региону в XVIII–XX вв.). С высоты современной позиции можно дифференцировать его существенные черты. Индустриальная цивилизация на Урале предстает в *историческом единстве* многокомпонентных заводских и горнорудных комплексов (в том числе военно-промышленного назначения), включающих в себя производственную инфраструктуру, сложное оборудование и технологии; сотен поселений с типичной архитектурой; колоссально преобразованных естественных ландшафтов с измененным составом воды и воздуха; разветвленных транспортных сетей; характерной социальной и административной структуры; развитой системы выработки и передачи профессиональных знаний; своеобразного менталитета, характера, жизненного опыта уральцев, отраженного в их повседневности и художественном творчестве.

Для оценки результатов развития индустриальной цивилизации в целом и ее региональных особенностей, в частности, принципиальное значение имеет проблема индустриального наследия. Очевидно, что наследие индустриальной цивилизации далеко выходит за рамки полуразрушенных сооружений, ржавеющих станков, образцов давно устаревшей продукции и т. д. Промышленная деятельность привела к кардинальной смене парадигмы самого существования человечества. В процессе генезиса и развития индустриальной цивилизации произошел переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому индустриальное наследие необходимо рассматривать в широком и узком смыслах.

В дефиницию *наследия индустриальной цивилизации в широком смысле* следует включать такие результаты промышленного развития как: технические решения и сопряженное с ними оборудование, технологические процессы, линии и их продукты; производственные и связанные с ним жилые постройки; сами поселения, возникшие в промышленных регионах для обеспечения работы предприятий; транспортные сети и средства передвижения, созданные для обеспечения экономического и социального развития территорий; трансформации под воздействием производственной деятельности в социальной структуре, образовании, научном знании, обыденных представлениях, искусстве, менталитете и культуре населения; изменения под влиянием промышленной эксплуатации в окружающей среде, ландшафтах, одним словом – совокупность материальных и культурных следствий промышленного периода человеческой истории.

Индустриальное наследие в его специальном, более узком контексте включает в себя: сохранившиеся промышленные, жилые и культурно-бытовые объекты или их части и оборудование, образцы продукции и интеллектуального труда, в том числе, в виде чертежей, планов, зарисовок, фотографий, описаний техники и технологий, делопроизводственной документации и др.¹.

Индустриальное наследие Урала охватывает все стадии индустриальной цивилизации и стержневые отрасли промышленности: горнодобывающую, металлургическую (черную и цветную), машиностроение, энергетическую и многие другие. В общей сложности на территории уральского региона находятся сотни памятников, достойных внимания специалистов в области индустриального наследия². Среди них несколько десятков уникальных промышленных объектов XVIII–XIX вв. Их отличительными особенностями являются: многообразие и масштабность; наложение в одном и том же месте различных культурных слоев, характеризующих разные эпохи индустриальной цивилизации; сохранение до наших дней значительных объемов старой промышленной архитектуры и некоторых раритетных технологий, а также уникальных объектов социально-бытового назначения, связанных с промышленным производством; наглядная демонстрация конвергенции западноевропейских и российских технологий.

Индустриальное наследие в широком смысле ярко иллюстрируется многовековым развитием первоосновы индустриального развития – уральской металлургии, интенсивным совершенствованием ее технологической базы, приведшим к глубокой трансформации экономической и социокультурной жизни в регионе. Исходя из исторических особенностей формирования уральской металлургии, можно выделить следующие типы созданного ею наследия: памятники гидротехнических сооружений; горных работ; сыродутного (однотайпного) способа производства железа; двухстадийной технологии получения железа и металлургии XVIII–XIX вв.; заводские поселения. Остановимся на последнем из них, позволяющем раскрыть истоки региональных особенностей урбанизации, что, в свою очередь, возможно лишь в соотношении с мировыми аналогами.

Заводские, рабочие поселки – колоритная примета становления и развития индустриального общества³. Они существуют в разных странах мира, яркие в своем региональном своеобразии, но типичные с точки зрения целей и обстоятельств возникновения. Традиционно поселения рабочих возникали в местах добычи и переработки природных ресурсов – руды, топлива, древесины, образовывались вокруг промышленных предприятий, рядом с плотинами, перегораживавшими реки для выработки энергии и т. д. Предприятия всегда являлись той осью, вокруг которой вращалась дея-

тельность и жизнь в таких поселках, а экономический, технологический кризис одних незамедлительно отзывался упадком других. Экономические связи в подобного рода поселениях чрезвычайно сильны: жители, занятые на производстве или в инфраструктуре его обслуживающей, оказывались полностью зависимы от успешности развития предприятия и от его владельцев. Как и в других населенных пунктах, в заводских поселках возникли церкви, центры торговли, досуга, просвещения⁴.

Социальный аспект развития заводских поселений индустриальной эпохи тесно связан с феноменом патернализма, своего рода «социальной инженерии» того времени. Для многих предпринимателей XIX в. забота о рабочих и их семьях, условиях их труда и отдыха, нравственного и физического здоровья считалась моральной ответственностью, религиозным долгом, выполнение которого способствовало как процветанию предприятия, так и облагораживанию общества. Заводской поселок предоставлял уникальную возможность для достижения этих целей. Жизнь на виду у заводского начальства также обеспечивала возможность постоянного контроля над работниками и их умонастроениями.

В европейских странах на создание и функционирование поселений при предприятиях существенное влияние оказали идеи социальных философов XVIII–XIX вв. Провозвестником просвещенной позиции новой капиталистической элиты явился А. Сен-Симон (1760–1825), выступивший за создание «нового христианства», в основе которого лежат наука и промышленность, а цель заключается в максимальном увеличении производства. В совершенно иной идеологической области предтеча социализма Шарль Фурье (1772–1837) рисует в своей книге «Теория всеобщего единства» фаланги: организации рабочих, живущих и работающих совместно. Для практической организации правильной жизни работников много сделали знаменитый бельгийский хирург А. Бурггреве (Adolphe Burggraeve), французский часовщик Ф. Жапи (Frédéric Japy). Свой вклад в прогрессивное развитие рабочих поселений внес социальный католицизм и гигиенизм.

Идея гармоничного сосуществования рабочих и производства, на котором они трудятся, блестяще воплощена знаменитым архитектором Клодом-Николя Леду в королевской солеварне Арк-э-Сенан (Arc-et-Senans), построенной во Франции в 1770-х гг. Среди наиболее известных поселений рабочих, возникших в более позднее время, можно назвать Гран-Орну (Grand-Ornu) в Бельгии, Нью-Ланарк (New Lanark) в Шотландии, французские Ле Крезе (Le Creusot), Милуз (Mulhouse), Фамилистьер де Гиз (Famillistère de Guise), немецкий Людвигсхафен (Ludwigshafen), японский Китакушу (Kitakyushu), испанские Седо (Sedó) и Гуэль (Guell)⁵. Много городов, сформировавшихся вокруг того или иного производства или компании («company

towns»)), возникло в конце XIX – начале XX в. в связи с бурной индустриализацией США. В период расцвета их число превышало две с половиной тысячи, а население составляло порядка трех процентов от общего населения США⁶. Ярким примером такого поселения можно назвать Пульман (Pullman) около Чикаго.

Озабоченность антисанитарией и скученностью рабочих лачуг материализовалась в стремлении ряда промышленников, архитекторов, самих жителей строить «идеальные» города. «Образцовые» города, такие как английские Порт Санлайт (Port Sunlight, 1888), Бурнвилль (Bournville, 1895) стали знаковыми с точки зрения идеи их создания и планировки, оказали в дальнейшем существенное влияние на движение строительства городов-садов⁷. Историческое наследие названных поселений и жилья рабочих индустриальной эпохи в целом, сохраняется в разных формах. Часть музеефицируется, другие трансформируются в соответствии с запросами современных потребителей, готовых дорого платить за творческий подход к исторической атмосфере⁸.

Главенствующая роль промышленности в уральском регионе предопределила его урбанизацию. Живым наследием индустриальной цивилизации являются уральские промышленные города, возникшие в XVIII–XIX вв. как «города-заводы»⁹ и сберегшие до сих пор ярко выраженные черты прошлых эпох. К их числу относятся Каменск-Уральский, Невьянск, Нижний Тагил, Екатеринбург, Кыштым, Кушва, Алапаевск, Златоуст и многие другие. Заводские поселения являются центрами индустриального наследия Урала. В большинстве из них сохранились исторические комплексы промышленных, административных, жилых, общественных, торговых и культурных зданий. Развиваясь на базе металлургических заводов, они синтезировали производственные и селитебные территории. Центральной градообразующей осью, доминантой в городском пейзаже выступал заводской пруд. Основная магистраль города, как правило, проходила по плотине. На центральной площади традиционно располагалась каменная заводская контора, жилища для администрации завода и церковь, от них расходились улицы с деревянными одноэтажными домами мастеровых и работных людей. Своеобразие планировки и застройки «городов-заводов» заключалось в том, что их «общественные центры, включавшие административные, культовые, торговые здания и дом управителя или заводладельца, совмещались с входом на завод и находились на предзаводских площадях»¹⁰. Центры большинства современных уральских городов однотипны: река-плотина-пруд в качестве ядра территории, заводские постройки и жилые улицы – на периферии.

В уральских городах сосредоточивались производства, к организации и деятельности которых активно привлекались иностранные специалисты. XIX столетие принесло с собой несколько крупных миграций западноевропейских мастеровых людей на Урал¹¹. Для организации производства стальных изделий в новый Ижевский завод, решение о строительстве которого было принято в 1807 г., было приглашено 140 иностранных мастеров-оружейников, в основном шведов, датчан, немцев. Вместе с семьями их численность составляла около 300 человек. Для них специально были выстроены усадьбы в итальянском стиле, выделявшиеся в архитектуре города¹². В 1809–1810 гг. первые иностранные мастера прибыли с Ижевского завода в Златоустовский завод. В 1815 г. мастерами из немецкого Золенгена и Клингенталя в уральском городе Златоуст было основано производство изделий из гравированной стали. К 1820 г. в Златоустовском заводе проживало 147 семейств иностранцев – 454 человека¹³.

«Златоустовский феномен» интересен со многих сторон: организационной, технологической, культурологической, социальной. Примечателен он и с точки зрения самого заводского поселка. В соответствии с требованиями иностранцев, они были поселены колонией, места для жительства были отведены в центре заводского поселка, на смежных улицах. Для европейских оружейников заводом были построено 50 единообразных домов, составившие две улицы – Большую и Малую Немецкие. Дома были деревянные, одноэтажные, с мезонинами. Большинство домов разделялось на две квартиры, для двух семейств – мастера и подмастера, с особыми для каждого дворовыми постройками. Каждая квартира, состоявшая из нескольких комнат и кухни, снабжалась мебелью, посудой и всем необходимым в обиходе. Позади домов находились занимавшие значительные пространства огороды с банями. Улицы были обсажены липовыми аллеями. Позже эти дома были безвозмездно переданы владельцам¹⁴.

Поскольку немцы придерживались разных вероисповеданий, в Златоусте был построен католический собор и протестантская кирка. Для обучения их детей была организована немецкая школа. По просьбе немцев был открыт клуб, где устраивались танцы, можно было играть на бильярде и в карты, разрешалось приводить детей старше шести лет. Под крышей клуба действовала библиотека, основанная в 1817 г. За счет завода для клуба было выстроено летнее помещение за прудом. Это место, с большим деревянным зданием с террасами, получило название Фрейденталь, «Долина радости». В прекрасном сосновом бору был разбит парк с беседками, столиками и скамейками. Там были и площадки для игры в кегли, гигантские шаги. Летом за пруд перемещался весь клуб, с кухней, буфетом и бильяр-

дом. По воскресеньям и четвергам под танцевальный оркестр устраивались танцевальные вечера¹⁵.

«Часто приходила мне странная мысль – какою-нибудь волшебною силою перенести сюда, из Парижа и Лондона, самого просвещенного человека, и, показав ему все, что находится в Златоусте, спросить его, где он? Я повел бы его сначала на прекрасную площадь: дом величественной архитектуры с великолепной решеткою и садом, ряд огромных зданий вправо и напротив, перспектива широкой длинной улицы, сзади застава, охраняемая военной стражею, заставили бы его подумать, что он в одном из замечательных европейских городов»¹⁶. Перенос своих обычаев, традиций, сам вид иностранных поселенцев, резко контрастировавший с внешностью коренных уральцев, позволили современнику, редактору «Отечественных записок» П.П. Свиныну писать о Златоусте, как об уголке «Германии, перенесенном в Уральские горы». И город, и сама оружейная фабрика порождали иллюзию сходства с Золингеном или Клингенталем «те же лица, та же одежда, тот же язык»¹⁷. Таким образом, уральский заводской поселок существенно видоизменился, приобрел черты европейского поселения. В нем возникли учреждения нового типа культуры и досуга, европейский анклав облагораживал, организовывал жилую среду.

Из примерно сотни городских поселений, возникших на Урале за столетия промышленного освоения, города, основанные при заводах, составляют большинство – 73. Целесообразность появления городов в более поздний исторический период так же, как правило, обуславливалась требованиями промышленного развития, и была связана с разработкой новых месторождений полезных ископаемых (Асбест, 1889), строительством железной дороги (Богданович, 1885) или возведением новых крупных заводов (Серов, 1894). Советские города Урала, за редким исключением, также возникли в результате разработки вновь открытых месторождений полезных ископаемых (Качканар, 1956) или строительства новых крупных промышленных предприятий (Магнитогорск, 1929).

Проект генерального плана застройки Магнитогорска, разработанный в 1929–1930 гг., по своей форме стал уральским отголоском упомянутого выше мирового движения строительства городов-садов. Основной планировочной идеей проекта «Магнитогорье» (архитекторы М. Барщ, В. Владимиров, Н. Соколов и М. Охитович) было создание восьми функциональных полос вдоль шоссе, на каждом километре которого располагался сектор общественных и культурных учреждений. Однако проект, направленный на дезурбанизацию промышленного центра, был отклонен. По сути, социальные идеи, заложенные в основу движения городов-садов противоречили целям государственного контроля над жизнью и производ-

ственной деятельностью людей, а также осуществлению военно- и трудовомобилизационной организации населения и градостроительного закрепления трудо-бытовых коллективов различного масштаба, реализуемым в СССР. Отказавшись от идеи города-сада, воспетого В. Маяковским¹⁸, советская власть вместо него ввела «социалистический рабочий поселок», абсолютно совпадающий с городом-садом по численности населения, характеру планировки, принципам зонирования и по балансу территории¹⁹. Наиболее популярной формой социалистического расселения в уральских городах в 1930-е гг. стали соцгородки, окружавшие старый город, традиционный заводской центр. Они возводились для рабочих вновь создаваемых крупных промышленных предприятий. Примерами таких соцгородов являются промышленно-селитебные районы Уралмаш с населением 200 000 жителей на севере Екатеринбурга; Эльмаш (Электромашиностроительный завод) с населением 140 000 на его северо-востоке, городки алюминщиков и трубников в Каменске-Уральском и т. д. Все они до сих пор сохранили ярко выраженные черты прошлых эпох и представляют великолепный полигон для специалистов, позволяя реконструировать быт и социо-культурные основы жизни заводского населения на протяжении столетий.

Особенностью промышленного и городского развития на Урале стало численное преобладание моногородов. Из общего числа моногородов в нашей стране (а их более 500, т. е. 46 % всех городов России²⁰), на территории Уральского федерального округа располагается 68 моногородов. Общая численность населения, проживающего в них, составляет более 3,8 млн человек, или 30 % от общего населения округа²¹. Даже если на градообразующем предприятии работает «не все» население города, жизнь горожан, как правило, теснейшим образом зависит от завода. Так, на Магнитогорском металлургическом комбинате работает около 55 тысяч из 411 тыс. жителей Магнитогорска. К градообразующим предприятиям города Нижний Тагил относятся 10 крупнейших предприятий горнодобывающей, металлургической и машиностроительной промышленности. Общая численность работающих на градообразующих предприятиях составляет 77 771 человек, что в процентном соотношении к экономически активному населению города Нижнего Тагила составляет 39 %²². Из 361 тыс. жителей Нижнего Тагила на Уралвагонзаводе работает 28 тыс. человек, на НТМК – 24 тыс. человек. Кроме того, к градообразующим «монстрам» привязано нечисленное количество мелких предприятий. Многие из промышленных городов Урала испытывают серьезные производственные и социальные проблемы. Однако есть и положительные примеры. Так, современным поселением, создаваемым специально для заводских рабочих, является квартал «Березовая роща»,

выстроенный на въезде в г. Полевской Свердловской области Северским трубным заводом (122 коттеджа были сданы в эксплуатацию в 2011 г.).

Творческие представители современного искусства привлекают внимание горожан к индустриальному прошлому, предлагают по-новому взглянуть на будничные мир тяжелой работы на промышленных предприятиях. Уральский филиал Государственного Центра Современного Искусства инициировал программу «Уральские заводы: индустрия смыслов», в рамках которой был проведен фестиваль «Арт-Завод 2009» и две индустриальные биеннале современного искусства (2010 и 2012 гг.). Художественное осмысление индустриальной реальности, взаимодействие искусства и промышленности являются основными задачами их организаторов и участников. «Индустрия смыслов» – единственное производство, сохраняющее смысл в условиях постиндустриального общества – считают российские художники, исследующие взаимоотношения актуального искусства и промышленного наследия. Основная социальная роль индустриальной тематики в искусстве, видится им как передача информации о жизни одной человеческой общности в другую, налаживание «социальных мостов» между убежавшей вперед в развитии передовой частью города и застрявшими в середине прошлого века промзонами. В центре внимания современных архитекторов, художников – проблематика индустриального и символического производства, производительного и художественного труда, индустриальности и постиндустриальности в контексте Екатеринбурга и Уральского региона. В отличие от многих мировых художественных проектов, Уральская биеннале осмысляет индустриальность не только как наследие, но и как актуальную практику, в которую вовлечены множество людей и пространств, во многом невидимых для современной консьюмеристской культуры.

Другим проектом, вовлекающим горожан и туристов в культурно-историческую специфику региона, является маркирование зданий с помощью QR-кодов. Такая технология позволяет быстро считать информацию об интересующем объекте, в том числе, индустриальном. QR-коды уже устанавливаются на памятниках культуры Екатеринбурга (всего такие таблички будут установлены на 400 памятниках архитектуры)²³. Промышленная тема используется в столице горного Урала – Екатеринбурге для создания оригинального образа мест питания и отдыха. Например, в баре «Шахта» использован нестандартный и концептуальный интерьер в виде недостроенной шахты метрополитена. В центре зала – узкоколейка со старыми тяжелыми вагонетками, повсюду можно видеть тематический декор вроде касок и фонарей, а в отделке преобладает дерево и металл.

Итак, Урал занимает выдающееся место среди индустриальных регионов мира. Наследие промышленной цивилизации, в течение нескольких столетий преобразовывавшей Урал, многообразно. По самому крупному счету им можно считать и вклад в могущество и само сохранение суверенного российского государства, поскольку военная продукция уральских заводов неоднократно являлась орудием победы над мощными противниками – шведами, французами, немцами, грозившими завоевать Россию. Горнометаллургический Урал с XVIII в. не только определял экономическое развитие края, играл судьбоносную роль в истории России, но также оказывал опосредованное российским государством влияние на европейскую и мировую арену. Наследие, оставленное индустриальной цивилизацией на Урале, свидетельствует о включенности России в мировую цивилизацию, конвергенции индустриальных технологий и культурных ценностей. Индустриализация сопровождалась значимыми изменениями в жизни общества, определяла специфику поселений и жизни в них. К числу типичных для уральского региона черт заводских поселений, трансформировавшихся в ходе урбанизации в крупные города, относятся: возникновение поселений как следствие организации промышленного производства; органическая связь производственных и селитебных функций; типовая планировка городов вокруг заводской плотины; строительство кварталов в европейском стиле для проживания технических специалистов-иностранцев (в Ижевске, Златоусте); соцгородки советской эпохи; большое количество моногородов. Современное осмысление проблематики промышленного наследия инициировано в центре горного Урала – Екатеринбурге – представителями нового, постиндустриального искусства. Сохранение уникального индустриального наследия уральского региона, в том числе, его специфических городов – актуальная задача ученых, власти, граждан России.

¹ *Alekseev V., Alekseeva E. L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine. Chambéry. Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel-Ferré. 2011.*

² Частично они отражены в публикациях: Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1. Екатеринбург. Екатеринбург, 2007; Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область. Екатеринбург, 2008.

³ *Garner J.S. The company town: Architecture and society in the early industrial age. New York: Oxford University Press, Inc. 1992.*

⁴ Поселки для рабочих и сотрудников промышленных предприятий и иных компаний, разумеется, строятся и в новейшее время. Новые технологии породили современные способы организации рабочей силы, но, тем не менее, сотрудники «IBM», «PepsiCo», «Google», «Microsoft» и др. компаний часто живут в своего рода кампусах, поселениях размером с небольшой город. Сказочный мир «Walt Disney World Resort», созданный по задумке основателя компании У. Диснея неподалеку от Орlando, во

Флориде, обслуживают 66 000 человек, многие из которых проживают в непосредственной близости от знаменитого парка развлечений и отдыха.

⁵ *Dorrel-Ferré G.* (dir.) *Habiter l'industrie hier, aujourd'hui, demain* // *Les Cahiers de l'APIC* n°4, Collection Patrimoine Ressources, CRDP de Champagne-Ardenne, 2004.

⁶ *Green H.* *The Company Town: The Industrial Edens and Satanic Mills That Shaped the American Economy.* *Basic Books*, 2010.

⁷ *Howard E.* *Garden Cities of Tomorrow.* London, 1902.

⁸ Большим коммерческим проектом является, например, жилой район Трибека (Tribeca) в Нью-Йорке. При участии известного голливудского актера Роберта Де Ниро бывшие промышленные здания и жилые дома конца XIX – начала XX в. преобразованы в современное жилье, а квартал стал центром проведения фестиваля Трибека.

⁹ *Лотарева Р.М.* *Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX в.* Екатеринбург, 1993.

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ *Ермакова О.К.* *Западноевропейские специалисты на казенных заводах Урала в первой половине XIX в.* Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013.

¹² *Шумилов Е.Ф.* «Для пользы ближних...» Андрей Федорович Дерябин. Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. Ижевск, 2004. С. 100.

¹³ *Окунцов Ю.П.* *Златоустовская оружейная фабрика.* М., 2011. С. 23.

¹⁴ Там же. С. 24–25.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ *Свиньин П.П.* *Златоустовский завод* // *Отечественные записки.* 1825. Ч. XXII. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 10.

¹⁸ *Маяковский В.* *Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка* // *Полное собрание сочинений.* М., 1958. Т. 10. С. 128–131.

¹⁹ *Меерович М.Г.* *Рождение и смерть советского города-сада* [Эл. ресурс] // *Вестник Евразии.* СПб., 2007. URL: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569462&fl=5&sl=1>

²⁰ *Национальная идея России.* В 6 т. Под общей ред. С.С. Сулакшина. Т. V. М., 2012. С. 2994.

²¹ На Урале насчитали уже 68 моногородов URL: <http://politsovnet.ru/28930-.html>.

²² *Байда Н., Качанова Е.А., Коровина А., Сухова Е., Чудинова Ю.* *Анализ структурных изменений местного бюджета в условиях реформирования местного самоуправления (на примере г. Нижнего Тагила)* [Эл. ресурс] // *Вопросы управления.* № 1(6) март 2009г. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2009/01/11/>

²³ У памятников культуры в Екатеринбурге появятся QR-коды. [Эл. ресурс] // URL: <http://www.apiural.ru/news/society/89170/>

Инвестиционный процесс в Сибири в советский период

За годы советской власти экономический потенциал Сибири вырос многократно. Здесь с 1917 по 1991 г. реализовано несколько крупных инвестиционных проектов общегосударственного значения. В годы первых пятилеток был создан Урало-Кузнецкий комбинат. В период Великой Отечественной войны из западных районов СССР эвакуированы и восстановлены сотни промышленных предприятий. В послевоенные годы фронт хозяйственного освоения Сибири ещё более расширился. В этот период капитальное строительство вышло на новый качественный уровень. Как же оценивать государственную экономическую политику руководства страны по отношению к Сибири? Насколько адекватным, соответствующим потребностям страны и решению геополитических задач был вклад в развитие обширного региона. В данной статье автор пытается найти ответы на эти вопросы, анализируя имеющиеся статистические данные о развитии капитального строительства.

В период Октябрьской социалистической революции и гражданской войны экономика Сибири пришла в упадок. Многие промышленные предприятия были разграблены, другие закрыты, расстроено функционирование транспорта и сельского хозяйства, полностью остановлено капитальное строительство. У новой власти, национализировавшей большую часть промышленности и транспорта, финансовых и материальных средств для их восстановления почти не было. В таких условиях хозяйственная жизнь возродилась крайне медленно, и особенно в отдаленных от центра районах. Лишь с переходом к новой экономической политике удалось оживить частный капитал, привлечь его к восстановлению и реконструкции заводов, фабрик, транспорта, коммунального хозяйства и других сфер экономики. Повсеместно начали формироваться относительно небольшие подрядные строительные организации различных форм собственности, включая государственную и коллективную. Однако основные объемы строительно-монтажных работ выполнялись хозяйственным способом.

Крупномасштабного нового промышленного строительства в Сибири в 1921–1928 гг. не велось. В ряде городов: Омске, Барнауле, Новониколаевске были сооружены центральные электростанции. Удалось достроить Кемеровский химический завод. Новое строительство, а также расширение действующих предприятий позволило достигнуть некоторых успехов в развитии пищевой и легкой промышленности, ориентированных, прежде

всего, на удовлетворение потребностей сибиряков. Новые кожевенные заводы были возведены и начали функционировать в Иркутске, Омске, Новониколаевске. Механизированные обувные фабрики сооружены в Омске, Томске, Красноярске.

В целом за 10 лет в общем объеме строительных работ преобладали капитальный ремонт и реконструкция. В эти годы основной упор делался на восстановление хозяйства Европейской России. Что же касается Сибири, то она не значилась среди приоритетных регионов. Ее доля в относительно небольших капитальных вложениях государственных и кооперативных организаций составила 8,2 % от общего объема в СССР (Таблица 1).

Таблица 1.*

Капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий и организаций в 1918–1990 гг., млн руб. (в сопоставимых ценах)**

Период	Капитальные вложения, млн руб.				Удельный вес в общем объеме капитальных вложений СССР		
	СССР, млрд руб.	Сибирь	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Сибирь	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1918–28 гг. (без 4-го кв. 1928 г.)	2,4	192	96	96	8,2	4,1	4,1
Первая пятилетка (1929–32 гг., включ. 4 кв. 1928г.)	9,3	791	429	362	8,5	4,6	3,9
Вторая пятилетка (1933–1937 гг.)	21,0	1 550	861	689	7,4	4,1	3,3
3,5 года Третьей пятилетки (1938 – 1-е полугод. 1941г.)	20,7	1 528	798	727	7,4	3,9	3,5
4,5 года (Июня 1941–31 дек. 1945 г)	20,0	1 970	1 263	707	9,8	6,3	3,5
Четвертая пятилетка (1946–1950 гг.)	46,4	3 990	2 244	1 746	8,6	4,8	3,8
Пятая пятилетка (1951–1955 гг.)	89,0	9 394	5 379	4 015	10,5	6,0	4,5

Шестая пятилетка (1956–1960 гг.)	162,1	19 228	10 730	8 498	11,9	6,6	5,3
Седьмая пятилетка (1961–1965 гг.)	246,3	29 340	15 775	13 565	11,9	6,4	5,5
Восьмая пятилетка (1966–1970 гг.)	352,4	40 760	22 941	17 819	11,6	6,5	5,1
Девятая пятилетка (1971–1975 гг.)	500,5	62 123	37 638	24 485	12,4	7,5	4,9
Десятая пятилетка (1976–1980 гг.)	644,3	91 409	58 700	32 706	14,2	9,1	5,1
Одиннадцатая пятилетка (1981–1985 гг.)	760,8	126 081	89 985	36 096	16,5	11,8	4,7
Двенадцатая пятилетка (1986–1990 гг.)***		160 020	115 860	44 160			

Примечания: *Таблица составлена и рассчитана по данным: Капитальное строительство в СССР. Стат. сб. М., 1986. С.235–237; Российский статистический ежегодник. М., 1994. С. 723.

** В качестве сопоставимых цен приняты цены на 1 января 1984 г.

*** Расчетные данные.

Со второй половины 1920-х гг. основная часть государственных объектов стала финансироваться через народные комиссариаты. Выдача заказов частным лицам на строительство стала ограничиваться, а в 1928 г. вообще прекратилась. Все оставшиеся подрядные организации основывались на государственной и кооперативной формах собственности. Преимущественно это были технически слабо оснащенные организации. Они выполняли сравнительно небольшую долю от общего объема работ. Как в промышленном, так и в гражданском строительстве в эти годы все еще господствовал хозяйственный способ.

Восстановление народного хозяйства страны позволило руководству ВКП(б) и советскому правительству взять курс на индустриализацию страны, который последовательно воплощался в жизнь на протяжении трех первых пятилеток. Все перспективные государственные планы предусматривали вовлечение в хозяйственный оборот богатых природных ре-

сурсов Сибири. Их реализация потребовала развертывания в Сибири крупного капитального строительства.

В годы первой пятилетки объем капитальных вложений составил 791 млн руб. (в сопоставимых ценах на 1 января 1984 г.), что в четыре раза превышало сумму капвложений, направленных в народное хозяйство Сибири за 11 предыдущих лет. При этом удельный вес региона в общем объеме инвестиций в целом по СССР вырос до 8,5 %. В последующем абсолютные суммы инвестиций в экономику Сибири продолжали нарастать. Их среднегодовой объем во второй пятилетке увеличился на две трети, а в третьей пятилетке еще на 40 %. Однако при этом доля Сибири в общих капиталовложениях в целом по Советскому Союзу сократилась до 7,4 % (см. табл.).

Основная часть строительно-монтажных работ в Сибири в годы первой пятилетки выполнялась в рамках программы по сооружению Урало-Кузнецкого комбината, направленной на создание второй угольно-металлургической базы СССР. Главной стройкой в регионе стал Кузнецкий металлургический комбинат (КМК). Работы на его площадке начались в 1929 г. Они наращивались беспрецедентно высокими темпами. В 1932 г. начала функционировать первая очередь завода. В первой пятилетке в Кузбассе было также заложено около 50 новых угольных шахт.

Развитие черной металлургии и угольной промышленности в Сибири происходило и в последующие годы. Расширялись и реконструировались КМК, Гурьевский и Петровск-Забайкальский металлургические заводы. Во второй и третьей пятилетках новые шахты активно создавались не только в Кузбассе, но и в Черембассе, Красноярском крае и Читинской области. Сибирь рассматривалась как важнейший источник сырья для развития цветной металлургии и район добычи редких и благородных металлов. В начале пятилетки развернулись строительные работы на Беловском цинковом заводе. С 1932 г. активно сооружались рудники по добыче олова, вольфрама, молибдена, слюды в Забайкалье. За десятилетие с 1928 по 1937 г. лишь в Читинской области основные производственные фонды выросли в 27 раз¹. С середины 1930-х гг. на Севере развернулось строительство Норильского горно-металлургического комбината, первого предприятия-гиганта в сибирском Заполярье.

В развитии химической промышленности приоритет отводился переработке угля. Для этого были построены два довольно крупных предприятия – Кемеровский и Кузбасский коксохимические заводы. В конце 1930-х гг. в Омске началось сооружение шинного завода.

Индустриальное развитие потребовало опережающего наращивания мощностей по производству электроэнергии. Крупные по тем временам районные электростанции одна за другой сооружались во всех админист-

ративных центрах и в городах Кузбасса, а также при некоторых промышленных предприятиях.

По существу лишь в конце 1920-х гг. положено начало созданию сибирского машиностроения, переводу на новый технический уровень металлообрабатывающей промышленности. В Новосибирске развернулось строительство заводов «Сибкомбайн» (впоследствии «Сибсельмаш»), станкостроительного им. XVI партсъезда, в Иркутске – машиностроительного завода им. Куйбышева. Несколько позднее осуществлена реконструкция и расширение Омского Сибзавода, производящего сельскохозяйственные машины, построены Красноярский завод тяжелого машиностроения, паровозоремонтные заводы в Омске и Улан-Удэ, металлообрабатывающие заводы в Кузбассе, Новосибирский завод горного оборудования (в 1936 г. перепрофилированный в авиационный).

За двенадцать предвоенных лет на новый уровень вышли легкая и пищевая промышленность. Крупные текстильные предприятия появились в Барнауле, Бийске, Новосибирске, обувные – в Омске, Новосибирске, Красноярске, Барнауле. Одним из ведущих в стране стал созданный в эти годы в Улан-Удэнский мяскокомбинат.

Построенные в годы двух первых пятилеток машиностроительные предприятия ориентировались в основном на механизацию производственных процессов в добывающей промышленности и сельском хозяйстве. С конца 1930-х гг., в соответствии с решением о создании в восточных районах СССР предприятий-дублеров, в Сибири стали сооружаться новые объекты авиационной и судостроительной промышленности, заводы по производству турбин, тяжелых станков и гидропрессов и многие другие. Завершению большей их части помешала начавшаяся вскоре Великая Отечественная война.

Новое крупномасштабное строительство было невозможно без соответствующего развития промышленности строительных материалов. За 1929–1940 гг. в районах промышленного строительства сооружены сотни новых кирпичных заводов, введены новые мощности по производству извести, облицовочного материала. Но особенно быстро развивалась цементная промышленность. Коренным образом реконструирован Яшкинский завод. Недалеко от Новосибирска сооружен новый Чернореченский завод. Эти два предприятия обеспечили рост производства цемента в Западной Сибири в 29 раз². Огромное значение для успешной инвестиционной деятельности в регионе имело увеличение объемов вырубki леса и производства пиломатериалов, поскольку дерево оставалось основным строительным материалом. В 1940 г. в Сибири производилось 263 тыс. т цемента, 638 млн шт. строительного кирпича, 203 тыс. т извести, более двух миллио-

нов кв. м оконного стекла, 30 тыс. куб. м клееной фанеры, 5,9 млн куб. м пиломатериалов, а всего было вывезено древесины 38,5 млн куб м.³

В результате нового строительства и реконструкции особенно быстро росли основные производственные фонды предприятий крупной промышленности. Лишь за две первые пятилетки они возросли в 17 раз⁴. И эта тенденция сохранилась в годы третьей пятилетки. В 1940 г. в Сибири насчитывалось уже около 119 тыс. предприятий. Большую их часть составляли предприятия мелкой промышленности⁵.

Индустриализация предопределила ускоренное развитие городского населения и, как следствие, большие объемы гражданского строительства. С каждой новой пятилеткой все больше административных, общественных зданий и жилых домов возводилось в каменном исполнении. Эти здания формировали новый облик административных и индустриальных центров Сибири. Однако, по-прежнему, большую часть жилья возводили индивидуальные застройщики.

В годы первых пятилеток продолжалось развитие государственных строительных и монтажных организаций. Постепенно они наращивали материально-техническую базу, увеличивали долю постоянных кадров в общей численности занятых на стройках работников. Указанные тенденции особенно зримо проявились в середине 30-х годов, и стали необратимыми после организации в 1939 г. народного комиссариата по строительству. Производственная база строительных организаций этого ведомства, их техническая оснащенность быстро нарастали. Повысился уровень организации производства. Производительность труда с 1929 по 1940 г. выросла примерно в 2,5 раза. Численность рабочих и служащих, занятых на строительномонтажных работах достигла в Сибири 120 тыс. чел., из которых 60 % трудились в Западной Сибири и 40 % – в Восточной Сибири⁶.

С началом Великой Отечественной войны вся экономика страны стала перестраиваться на первоочередное удовлетворение насущных потребностей фронта, на укрепление обороноспособности страны. Как и в других районах, главной задачей сибирских строителей в этот период являлось наращивание военно-промышленного потенциала страны. Это происходило за счет перевода действующих предприятий на выпуск военной продукции, а также посредством нового строительства и восстановления заводов, эвакуированных в Сибирь.

Большой вклад в дело перевода производства с выпуска мирной гражданской на военную продукции внесли строители. Они в срочном порядке демонтировали одни виды оборудования, взамен их устанавливали другие. Иногда его приходилось объединять в технологические потоки. Проводилась перепланировка зданий, пристройка новых помещений. Недостающее

оборудование частично изыскивалось на месте, а в значительной части поступало централизованно.

Многим действующим предприятиям пришлось принимать на свои производственные площади не только технику эвакуированных из европейских районов страны заводов, но и сами эти предприятия. С июля до начала декабря 1941 г. в Сибирь перебазировано оборудование 322 крупных заводов и фабрик. Омский «Сибзавод», производивший до войны сельскохозяйственную технику, разместил на своей территории оборудование пяти эвакуированных заводов. Сразу с нескольких заводов поступила техника на Кузнецкий металлургический комбинат. На её основе сравнительно быстро наладили прокат броневых листов. В то же время восстановление некоторых других производств из-за их масштабности и сложности растянулось более чем на год. Столь же масштабные работы пришлось выполнять на другом предприятии этой же отрасли – Норильском горно-металлургическом комбинате. Еще более грандиозное строительство развернулось на территории «Сибметаллстроя» (позднее – Комбинат № 179, ПО «Сибсельмаш»). Начало Великой Отечественной войны промышленный гигант встретил в стадии незавершенного строительства. Именно благодаря тому, что «Сибметаллстрой» накануне войны располагал большим количеством готовых производственных помещений, а также зданий, находящихся в строительстве, здесь в течение нескольких месяцев удалось разместить очень много оборудования. По одним данным, численность установленных на комбинате станков оценивается в 2 674 ед., по другим данным – в 5 634 ед.⁷

На многочисленных сибирских строительных площадках одновременно в разных местах шло создание разнопрофильных производств. Трудности и сложности преследовали строителей повсюду. Не хватало трудовых ресурсов, строительных материалов, техники. Заводы размещались в помещениях, первоначально предназначенных для других целей. Требовалась их перепланировка, подведение соответствующих коммуникаций. Наряду с этим дополнительно делались пристройки к помещениям, возведенным ранее.

Кроме этих предприятий форсированными темпами достраивались многие другие заводы, начатые еще до войны: омские шинный и кордный, новосибирские металлургический, оловянный, Новокузнецкий алюминиевый, многие энергетические объекты. Все они создавались либо на основе эвакуированных предприятий, либо с использованием их оборудования. Строительство некоторых на время консервировалось, а затем вновь возобновлялось.

Пожалуй, ещё большие сложности выпали на долю новостроек, начатых на неподготовленных площадках вдали от крупных городов. На них предстояло заново создавать производственную базу, как промышленных предприятий, так и строительных организаций. Негде было размещать людей. В небольшом алтайском городке Рубцовске строилось сразу два крупных завода – тракторный и сельскохозяйственного машиностроения. Оба они возводились на пустырях. Первый создавался на основе оборудования Харьковского тракторного завода, а второй на базе эвакуированного Одесского завода сельскохозяйственного машиностроения.

Подводя итог, отметим, что основная часть строительного-монтажных работ по восстановлению в Сибири эвакуированных сюда предприятий пришлось на первые полтора года войны. Как и на фронте, основные трудности пришлось на первый год. К концу 1941 г. большая часть переброшенных предприятий начала выпускать оборонную или иную продукцию, необходимую воюющей стране и её населению. А уже к середине 1942 г. многие предприятия достигли довоенных объемов производства, а некоторые даже превысили их. Для удовлетворения всё нарастающих потребностей армии в вооружении и боеприпасах, происходило дальнейшее расширение промышленных предприятий, не прекращалось новое строительство стратегически важных объектов. В соответствии с решаемыми задачами изменялись и объемы капитальных вложений, направляемых советским руководством в регион.

В первый период войны капитальные вложения в экономику Сибири резко возросли как в абсолютных, так и в относительных показателях. Если в 1940 г. доля Сибири в общем объеме инвестиций СССР составляла 7 %, то в 1942 г. – 18 %. В последующие годы она сократилась, хотя оставалась более высокой, чем в предвоенный период. В целом за 1941–1945 гг. в Сибирь была вложена десятая часть от общего объема капвложений страны (см. табл. 1). Из них почти две трети было направлено в Западную Сибирь, а остальная часть в Восточную Сибирь. В Сибири объем капитальных вложений за 4,5 года (с 1 июля 1941 по 31 декабря 1945 г.) вырос по сравнению с 3,5 предвоенными годами почти на 30 %, тогда как в целом по СССР он даже немного сократился.

В разрезе отдельных отраслей промышленности капитальные вложения (по данным И.К. Беляева), распределялись следующим образом (%):

- машиностроение, станкостроение, оборонная	-	60,2,
- черная и цветная металлургия	-	20,5,
- электропромышленность	-	5,1,
- топливная и химическая	-	8,0,
- электростанции	-	3,6,

Из приведенных данных видно, что подавляющая часть средств вкладывалась в восстановление эвакуированных заводов, строительство новых предприятий, занимающихся напрямую производством боеприпасов и вооружения, или тех отраслей, которые обеспечивали машиностроение, металлообработку необходимым сырьем, обеспечивали их электроэнергией и топливом. О масштабах проделанной работы в Западной Сибири убедительно свидетельствуют такие данные. Общий выпуск промышленной продукции с 1940 по 1942 г. вырос в 2,4 раза, а производство военной продукции – в 27 раз⁸.

На втором этапе войны (1943–1945 гг.), в связи с началом восстановления освобожденных районов СССР, доля Сибири в общесоюзном объеме капложений несколько сократилась. При этом абсолютные размеры инвестиций оставались весьма значительными. Они направлялись на завершение строительства заводов, перестановку оборудования, укрепление стен и фундаментов.

Объемы жилищного строительства в Сибири в годы войны заметно сократились. А в тех городах, где они выросли, все же не соответствовали приросту населения. В Томске за первый военный год было создано 25 тыс. кв. м жилья преимущественно в помещениях временного типа. А в Новосибирске с 1 июля 1941 г. до конца 1945 г. построено 374 тыс. кв. м жилплощади. При высочайших темпах роста населения за этот период средняя обеспеченность одного жителя снизилась с 3,3 кв. м в 1940 г. до 2 кв. м в 1945 г.⁹

В первые же военные месяцы строительное производство, так же, как и промышленность, перестраивалось на военный лад. В системе Наркомата по строительству были созданы особые строительно-монтажные части (ОСМЧ). Это были в какой-то мере военизированные мобильные организации, лучше других обеспечивающиеся строительной техникой, материалами и квалифицированными кадрами. ОСМЧ и их отдельные подразделения можно было оперативно перебрасывать с одних строек на другие, что позволяло в короткие сроки концентрировать рабочих и технику на сооружении военных объектов.

Для выполнения резко возросших объемов строительно-монтажных работ наращивалась мощность строительных организаций, увеличивалась их численность. Решению этой задачи способствовала передислокация в Сибирь десятков подрядных трестов, а также отделов капитального строительства, входивших в состав эвакуированных предприятий. Лишь только в Новосибирск за пять последних месяцев 1941 г. прибыло 15 трестов и ОСМЧ вместе с техникой и персоналом. В целом по сравнению с довоенным уров-

нем в Сибири, и прежде всего в ее западной части, потенциал строительной индустрии значительно укрепился. Быстро росла производственная мощность и численность первичных строительных организаций. Так в Красноярском крае их сеть за военные годы увеличилась на 25 единиц¹⁰.

Хотя в Сибири и не велось боевых действий, тем не менее, война наложила тяжелый отпечаток на все народное хозяйство региона. К 1946 г. многие производственные корпуса, возводившиеся как временные, пришли в ветхое состояние, оборудование предприятий сильно износилось или морально устарело и потому нуждалось в капитальном ремонте или замене. В ходе после военной демилитаризации экономики предстояло переоборудовать заводы на выпуск мирной продукции. Острейшей оставалась и жилищная проблема.

Доля ассигнований в восточные районы, по сравнению с военным периодом заметно сократилась. В частности, в Сибири она уменьшилась с 9,8 % в 1941–1945 гг. до 8,6 % в четвертой пятилетке. Однако абсолютный размер капитальных затрат, вложенных в 1946–1950 гг. в народное хозяйство региона был очень высок – почти 4 млрд руб. (в сметных ценах 1984 г.). Это столько же, сколько советским государством было направлено в экономику региона за весь предвоенный период (см. табл.).

Наиболее крупные ассигнования вкладывались в угольную, металлургическую, химическую и в совершенно новую – атомную промышленность, а также в машиностроение и промышленность строительных материалов. При этом значительные средства были затрачены не на новое строительство, а на реконструктивные работы, достройку объектов начатых строительством во время войны и в довоенные годы, замену временных сооружений капитальными, а также на перестройку производства в связи с реконверсией промышленности. Инвестиции концентрировались на важнейших объектах строительства.

Сооружение новых предприятий осуществлялось на современной технической основе, а реконструкция сопровождалась модернизацией оборудования и проводилась в сжатые сроки, поскольку в промышленной продукции Сибири остро нуждались районы, пострадавшие от немецкой оккупации.

Успешное решение задач послевоенного восстановления народного хозяйства позволило в последующие годы, начиная со второй половины 1950-х гг. проводить стратегический курс на расширение фронта освоения природных ресурсов Сибири. Во всех отраслях промышленности стали строиться предприятия большой производственной мощности. В гидроэнергетике сначала были построены Иркутская и Новосибирская ГЭС, а затем крупнейшие для своего времени Братская и Красноярская ГЭС. Ми-

нистерство среднего машиностроения создало в Сибири целый комплекс предприятий. Крупнейшими из них стали Новосибирский завод химконцентратов и засекреченные города-предприятия – Томск-7 и Красноярск-26. Из других новостроек, начатых в течение первых 20 послевоенных лет, выделяются Ангарский и Омский нефтехимические комбинаты, Западно-Сибирский металлургический завод, заводы «Сибэлектросталь» в Красноярске и турбогенераторный в Новосибирске, Иркутский, Красноярский и Братский алюминиевые заводы, Красноярский и Байкальский целлюлозно-бумажные комбинаты, Братский лесопромышленный комплекс.

Увеличение масштабов индустриального освоения Сибири требовало крупных инвестиций. Их объемы быстро возрастали. Если в четвертой пятилетке они составляли 4 млрд руб., то в пятой – 9,4 млрд, в шестой – 19,2 млрд, а в седьмой пятилетке – 29,3 млрд руб. (в ценах 1984 г.) При этом увеличивалась и доля Сибири в капитальных вложениях государства и кооперации. В 1951–1955 гг. она составляла уже 10,5 %, а в двух следующих пятилетиях по 11,9 %.

Распределение средств по отраслям промышленности внутри экономических районов в основном определялось сложившейся к этому времени специализацией, а также необходимостью ускоренного развития в Сибири таких отраслей как энергетика, нефтехимия, промышленность строительных материалов. В Западной Сибири наиболее крупные объемы капиталовложений были направлены в оборонную и угольную промышленность. Далее следовали электроэнергетика и машиностроение. В Восточной Сибири больше финансировались химическая и нефтехимическая промышленность, цветная металлургия, лесная, бумажная и деревообрабатывающая промышленность, и промышленность строительных материалов¹¹. По сравнению с четвертой пятилеткой в три последующие значительно повысился удельный вес ассигнований на новое строительство. С вводом новых предприятий, расширением и модернизацией старых, значительно увеличились основные средства всех отраслей народного хозяйства.

В 1940-е гг. в Сибири ускоренными темпами росли основные средства в отраслях обрабатывающей промышленности. В это время здесь возникло передовое для того времени машиностроение, различные производства оборонной промышленности, в том числе атомной. Начиная со второй половины 1950-х гг. и до конца XX в. быстрее росли основные фонды в отраслях, связанных с добычей и первичной переработкой сырья: в топливной и химической промышленности, черной и цветной металлургии и электроэнергетике.

С 1966 по 1990 г. объемы инвестиций в развитие Сибири продолжали нарастать, хотя и не так быстро, как ранее. По сравнению с предшествую-

щим пятилетием в восьмой пятилетке их объем вырос в 1,39 раза, в девятой – в 1,52, в десятой – в 1,47, в одиннадцатой – в 1,41, в двенадцатой – в 1,27 раза. При этом в целом по стране тенденция снижения темпов роста капвложений проявилась еще заметнее. Поэтому доля Сибири в общем объеме инвестиций в народное хозяйство СССР увеличилась. Если в 1955–1975 гг. она составляла около 12 %, то в 1981–1985 гг. уже 16,5 %. Этот рост был достигнут в основном за счет Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Если не учитывать объемы капитальных вложений, направляемых на создание ЗСНГК, то обнаружится, что и в Западной Сибири, также как и в Восточной Сибири, темпы роста капитальных вложений за последнее десятилетие советской власти были меньше средних по СССР и РСФСР.

С 1966 по 1990 гг. было завершено сооружение начатых ранее Братской и Красноярской ГЭС, построены Усть-Илимская, Саяно-Шушенская, Майнская, Вилуйская, Усть-Хантайская и Курейская гидроэлектростанции. Во всех крупных промышленных центрах построены новые тепловые станции, в том числе самая мощная в Советском Союзе Березовская ГРЭС № 1.

К середине 1960-х г. в основном оформилась отраслевая специализация региона. В Западной Сибири в последующие годы возникли новые отрасли – нефтяная и газовая промышленность, которые стремительно выходили на передовые позиции. На формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса направлялась большая часть инвестиций. При этом значительные средства продолжали вкладываться и в другие сферы общественного производства. Однако со временем, и особенно в 1980-е годы, в Западной Сибири стали сокращаться капвложения в такие отрасли специализации, как оборонная промышленность, энергомашиностроение, приборостроение, электротехника, станкостроение, промышленность строительных материалов и некоторые другие. Получалось так, что развитие ЗСНГК отвлекало капиталовложения от других участков хозяйственной деятельности.

В воспроизводственной структуре капитальных вложений в 1960–70-е гг. превалировало новое строительство и расширение действующих предприятий. Однако уже в этот период последовательно возрастала доля инвестиций, направленных на техническое перевооружение и реконструкцию действующих предприятий. В первую очередь это коснулось предприятий оборонного комплекса, построенных в годы войны. За долгие годы эксплуатации установленное на них оборудование устарело физически и морально. К тому же технический прогресс обуславливал необходимость производства новой, более совершенной продукции, на основе передовых технологий. В разные годы реконструкции и техническому перевооружению и расширению подверглись все ведущие промышленные предприятия Сибири.

Упрочение тенденций неуклонного повышения доли строительномонтажных работ по реконструкции и техническому перевооружению предприятий вело к сокращению количества новостроек. Новое строительство, как правило, начиналось лишь при условии, потребности народного хозяйства в конкретном виде продукции не могли быть обеспечены лишь за счет расширения и модернизации уже имевшихся производственных мощностей. При этом примерно каждое пятое предприятие размещалось в Сибири. Кроме уже перечисленных крупных промышленных и транспортных объектов в 1966–1990 гг. в регионе построены Саянский алюминиевый и Ачинский глиноземный заводы, Тобольский и Томский нефтехимические комплексы, Сургутский конденсатоперерабатывающий завод, Усольское производственное объединение «Химпром», Зиминский электрохимический комплекс, Ачинский нефтеперерабатывающий завод, Усть-Илимский лесопромышленный комплекс, Красноярские заводы тяжелых экскаваторов и автомобильных прицепов, Абаканский вагоностроительный завод, завод тепловозного оборудования в Новосибирске, и многие другие.

Освоение новых районов потребовало дополнительного сооружения железных дорог. Для формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса большое значение имело строительство дороги Тюмень-Тобольск-Сургут-Нижевартовск, ставшей основной для дальнейшего развития транспортной сети огромной территории. В Восточной Сибири основной стройкой являлась Байкало-Амурская магистраль, начавшая функционировать в середине 1980-х годов

Жилищно-гражданское строительство в Сибири стало особенно быстро нарастать после принятия в июле 1957 г. постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». В крупных городах создавалась производственная база для крупнопанельного домостроения. Начало ему положено в 1959 г., а в течение нескольких последующих лет география и масштабы жилищного строительства с использованием индустриальных методов значительно расширилась. Индустриализация строительной отрасли позволила резко увеличить масштабы возведения жилья. Если в 1952–1958 гг. в Сибири вводилось в эксплуатацию 20,9 млн кв. м жилой площади, то за два последующих года 17,2 млн кв. м. В 1961–1965 гг. в регионе были обеспечены еще более высокие темпы ввода в действие жилых домов. В эксплуатацию вошло 44,6 тыс. кв. м общей (полезной) площади¹².

Годы семилетки стали лучшим периодом в истории советской России в решении жилищной проблемы. У миллионов людей появилась возможность и надежда жить в лучших условиях. Однако уже вскоре непроектное строительство вновь выпало из приоритетов руководства страны. Уже в

1966–1970 гг. по сравнению с предшествующим пятилетием прирост ввода жилой площади составил в РСФСР всего лишь около двух процентов, а в Сибири произошло даже сокращение объемов сдаваемого в эксплуатацию жилья (до 42,5 тыс. кв. м). В последующие годы в регионе наблюдался устойчивый, но небольшой рост жилищного строительства. В девятой пятилетке введено 46,1 тыс. кв. м общей жилой площади, в десятой – 50,0, в одиннадцатой – 58,4 млн кв. м.¹³ Такие темпы роста на долгие годы отодвинули для очень многих сибиряков возможность жить в отдельной благоустроенной квартире, а для других расширить жилую площадь.

К концу 1980-х гг. в строительном комплексе, как и во многих других сферах общественного производства стали нарастать кризисные явления. Снижился уровень управляемости отраслью, разбалансировалось материально-техническое снабжение. Действия последнего фактора особенно усилилось в 1991 г. в связи с удорожанием стоимости строительных материалов, оборудования, техники, сторонних работ и услуг. Сроки строительства объектов стали быстро увеличиваться, капитальные вложения, распыленные по многочисленным стройкам, – «омертвляться». Планы ввода важнейших пусковых объектов в 1990–1991 гг. были выполнены менее чем наполовину. Капитальное строительство попало в глубокий кризис, из которого отрасль начала выходить лишь в XXI веке.

Для освоения в послевоенные годы постоянно увеличивающихся объемов капитальных вложений требовалось все большее число строительных организаций, наращивание их производственных мощностей. Причем, если рост средней мощности первичных строительных организаций и строительных трестов до середины 1980-х годов наблюдался почти постоянно, то численность первичных организаций в результате целенаправленной политики советского правительства в отдельные периоды даже сокращалась.

Действующий в первые послевоенные годы принцип отраслевой специализации строительного производства, когда, наряду с подрядным, широко использовался хозяйственный способ ведения восстановительных работ, определил наличие большого количества первичных строительных организаций. Их учет, проведенный по состоянию на 1 января 1947 г. зафиксировал в Сибири 724 единицы, из которых 467 дислоцировались в Западной Сибири и 257 в Восточной Сибири¹⁴. По большей части это были маломощные строительные подразделения, что в это время было характерно и в целом для РСФСР. Средняя численность работников в одной сибирской организации составляла 136 чел. при среднем показателе по России 122 человек. Наиболее крупные строительные управления располагались в индустриально более развитых областях: в Кемеровской, Омской, Новосибирской и Ир-

кутской. Относительно мелкие и менее мощные дислоцировались в Тюменской области и Бурят-Монгольской АССР.

За годы четвертой пятилетки численность строительных организаций в регионе увеличилась примерно на треть. При этом еще более ускоренно росла их мощность. В пятой пятилетке сеть строительных организаций расширялась не столь быстро, а начиная с 1954 г. даже стала сокращаться, что было связано с перестройкой управления строительством и организацией территориальных главков. В течение следующего десятилетия проводилась политика по укрупнению строительных организаций, которые в условиях действовавшего в те годы хозяйственного механизма, оказывались более рентабельными. Не смотря на это, в связи с расширением фронта строительных работ, освоением новых районов количество первичных организаций выросло почти на 40 % и составило на 1 января 1966 г. 1 276 единиц¹⁵.

В восьмой пятилетке, особенно после осуществленной в 1967 г. очередной реорганизации управления строительством, вопрос о дальнейшем укрупнении трестов и первичных организаций по существу был снят. Сразу же повсеместно стали создаваться новые тресты и строительно-монтажные управления. В целом по РСФСР за пятилетку численность первичных строительных организаций увеличилась на 55 %, а в Сибири на 43 %. Их количество на конец 1970 г. составило в регионе 1 818 единиц. Особенно быстро в этот период росла численность специализированных организаций. Впервые за многие годы темпы ежегодного увеличения количества подрядных организаций превысили темпы роста объемов работ.

В последующие годы рост сети строительных организаций продолжался. И особенно быстро в Тюменской и Томской областях в связи с ускоренным формированием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В целом же по Сибири за каждое пятилетие численность первичных строительных организаций возрастала примерно на четверть и к 1985 г. она составляла около 4 тыс. единиц. При этом возникновение новых подразделений не всегда обуславливалось народнохозяйственными интересами. Часто в одном районе действовало по несколько схожих по своему производственному профилю организаций, подчиненных разным ведомствам. Темпы роста выполняемых объемов работ за пятнадцать лет совсем незначительно опережали темпы роста численности организаций. Это означало, что их производственные мощности и фактическая загрузка за эти годы выросла совсем незначительно. А начиная с 1986 г. в строительстве стали создаваться малые предприятия. В основном лишь за их счет количество первичных организаций стало расти стремительно. За годы двенадцатой пятилетки оно увеличилось более чем в три раза. Естественно, что

малые предприятия не имели таких же производственных возможностей и техники, какими располагали государственные структуры. Поэтому средняя загрузка одной строительной организации за пять лет сократилась примерно в три раза.

Высокие темпы роста строительного производства в Сибири потребовали соответствующего кадрового обеспечения отрасли. Численность сибирских строителей особенно быстро росла в первое послевоенное десятилетие. Количество занятых на строительномонтажных работах с 99 тыс. чел. в 1945 г. выросла до 324 тыс. чел. в 1955 г., т. е. в 3,3 раза. Затем темпы роста замедлились. С 1955 по 1970 г. численность работников выросла в 2,8 раза и составила 658 тыс. чел. С 1970 по 1990 г. количество занятых непосредственно строительной деятельностью в регионе увеличилась в 2,2 раза, достигнув 1 437 тыс. чел.¹⁶

Если же проанализировать количественные изменения численности строителей по пятилетиям, то выявляется такая картина. В четвертой пятилетке быстрее увеличивался кадровый потенциал отрасли в Западной Сибири. Здесь в это время шла достройка объектов, начатых во время войны, их реконструкция, расширение и перевод на выпуск гражданской продукции. С пятой по седьмую пятилетку более высокие темпы прироста работников наблюдались в Восточной Сибири. Они были обусловлены разворотом крупномасштабных работ по реализации Ангаро-Енисейского проекта. Вновь соотношение в темпах прироста в пользу Западной Сибири изменилось со второй половины 1960-х годов и сохранилось до конца XX в. Оно было связано с формированием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. С 1960 по 1990 г. численность рабочих и служащих, занятых на строительномонтажных работах, в Западной Сибири увеличилась в 2,9 раза, а в Восточной Сибири в 2,4 раза. Это превышение достигнуто лишь за счет двух субъектов Российской Федерации. В Томской области за этот период численность строителей выросла с 15,6 тыс. чел. до 50,7 тыс. чел., т. е. в 3,3 раза, а в Тюменской области с 21,8 тыс. чел. до 338,3 тыс. чел., т. е. в 15,5 раза¹⁷.

Более высокие темпы роста численности занятых на стройках Сибири привели к возрастанию их доли в общей численности строителей России. В 1946 г. она составляла 11 %, к 1955 г. увеличилась до 16, к 1970 г. до 17, а к 1990 г. до 20 %. Таким образом, каждый пятый работник отрасли трудился в это время в Сибири.

Таким образом, более чем за 70 лет созидательный труд строителей позволил преобразить обширный край. Доля Сибири в общем объеме капиталовложений СССР возросла в два раза. Приоритет отдавался производственному строительству. Лишь только в 1940-е гг. в Сибири ускоренными темпами

росли основные средства в отраслях обрабатывающей промышленности. Начиная со второй половины 1950-х гг. и до конца XX в. большая часть капитальных вложений направлялась в отрасли, связанных с добычей и первичной переработкой сырья: в топливную и химическую промышленность, черную и цветную металлургию, в электроэнергетику. В регионе возникли тысячи новых промышленных предприятий, многие из которых стали ведущими в своих отраслях. Особое внимание уделялось развитию топливно-энергетического комплекса и других отраслей по добыче и первичной переработке богатейших природных ресурсов Сибири. На карте появились сотни новых городов, значительно выросли и качественно преобразились ранее существующие. Неизмеримо выросли производственные мощности и кадровый потенциал подрядных организаций.

¹ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск. С. 219.

² Народное хозяйство РСФСР. Стат. сб. М., 1957. С. 93.

³ Там же. С. 89–95.

⁴ Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 219

⁵ Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 22.

⁶ Дьяков Ю.Л. Капитальное строительство в СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 88.

⁷ Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. (1893–1945 гг.). Новосибирск, 1978. С. 119; Савицкий И.М. Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития. (1946–1963 гг.). Новосибирск. 1996. С. 15.

⁸ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 51, 77.

⁹ Васильев Ю.А. Сибирский арсенал. С. 164; Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005. С. 85.

¹⁰ Докучаев Г.А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 212.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 403. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1–3, 52–54.

¹² Капитальное строительство в СССР. Стат. сб. М., 1986. С. 332.

¹³ Там же. С. 328, 332.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 1226. Л. 0,1,3, 17,20, 32, 44, 46, 49, 53, 65.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 1226. С. 18.

¹⁶ Рассчитано по данным: Труд РСФСР. Стат. сб. М. 1967. С. 108–120; Строительство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 196, 200; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1817. Л. 70–82.

¹⁷ Рассчитано по данным: Труд в РСФСР. Стат. сб. М., 1967. С. 108–115; Капитальное строительство в Российской Федерации. Стат. сб. М., 1994. С. 111.

О начале реализации советского атомного проекта

Как правило, начало реализации советского атомного проекта относят к августу 1945 г. Его связывают с принятым тогда постановлением Государственного комитета обороны «О специальном комитете при ГОКО». Однако последние публикации ранее секретных документов позволяют уточнить сложившуюся периодизацию. Прежде всего следует отметить, что к исследованиям в области ядерной физики Советский Союз подключился еще в 1920-е гг. Их масштабы были скромней, чем в Англии, Германии, Франции и США. Тем не менее, советские ученые имели в этом направлении признанные достижения. Их, как и все мировое научное сообщество буквально потрясло открытие, сделанное в самом конце 1938 г. немецкими учеными. Благодаря работам О. Гана, Ф. Штрассмана, Л. Мейтнер и О. Фриша было установлено, что при бомбардировке ядер урана нейтронами происходит их распад, сопровождающийся превращением части массы ядра в энергию. Уже в марте 1939 г. руководитель теоретической группы Ленинградского физико-технического института Я.И. Френкель информировал Н. Бора о своей интерпретации процесса деления ядра урана. Активно реагировал на известия из-за рубежа И.В. Курчатов. Вместе с сотрудниками он выполнил ряд экспериментальных работ, имевших важное значение для дальнейших теоретических обобщений. Значимые научные результаты удалось получить Я.Б. Зельдовичу с Ю.Б. Харитону. Их расчеты кинетики цепной реакции позволяли сделать вывод о возможности «некоторого применения урана»¹.

Множащиеся доказательства практической перспективности ядерно-физических исследований способствовали росту интереса к урановой проблеме. Важную роль здесь сыграла позиция одного из самых авторитетных членов Академии наук СССР – В.И. Вернадского. Известие о возможности освобождения атомной энергии произвело на него огромное впечатление. Вместе со своими ближайшими соратниками академиками А.Е. Ферсманом и В.Г. Хлопиным он обратился в Президиум АН СССР с предложением активизировать работы «по практическому использованию внутриатомной энергии»². Оно получило поддержку и в июне 1940 г. под председательством акад. В.Г. Хлопина была создана Комиссия по проблемам урана. Ей поручалось координировать все исследования по данной тематике в Академии наук³. Однако ряд видных ученых скептически отнесся к состоявшемуся решению. Академик А.Ф. Иоффе считал, что оно порождает неоправданно большие ожидания. Он руководствовался следующей логи-

кой: пока не решены фундаментальные проблемы, говорить об использовании атомной энергии, – преждевременно. Его мнение разделял академик С.И. Вавилов. Он расценивал инициативу В.И. Вернадского, В.Г. Хлопина и А.Е. Ферсмана как вмешательство «неспециалистов» в содержательную сторону ядерно-физических исследований⁴.

Такую позицию В.И. Вернадский назвал «обструкцией физиков»⁵. Отчасти ее можно было объяснить групповыми интересами. Создание Комиссии по проблеме урана означало ограничение полномочий лидеров физической науки в руководстве делом, которое они считали «своим». Но все же не это было главным. Как отмечал В.И. Вернадский, его оппоненты считали первоочередной задачей «изучение атомного ядра». В отличие от них, он настаивал, что проблема «урана как источника энергии» – является по преимуществу, проблемой не теоретической, а технической. Поэтому усилия нужно концентрировать на «рудно-химическом направлении»: расширении сырьевой базы и выделении изотопа-235 из природного урана, который в силу своих свойств мог использоваться в качестве атомной взрывчатки. Другими словами, в основе разногласий лежало различное видение перспектив. Наиболее авторитетные физики скептически относились к возможности овладения атомной энергией, по крайней мере в обозримое время. Обосновывая эту точку зрения академик П.Л. Капица утверждал, что работы в области ядерной физики «очень важны и интересны». Но «сейчас с большей долей вероятности можно сказать, что атомной энергией ... мы не воспользуемся с большой легкостью, а по всей вероятности и не воспользуемся совсем»⁶.

Критическое отношение признанных научных авторитетов к прикладным аспектам ядерно-физических исследований имело важные последствия. С началом войны Президиум АН СССР поручил подведомственным институтам «актуализировать» тематику. И уже к осени 1941 г. был сформирован перспективный план работ военного времени. В него включили темы, выполнение которых, как считалось, непосредственно связано с нуждами военной экономики и созданием средств вооруженной борьбы⁷. Ядерно-физические исследования, как не имеющие «актуального значения», свернули по «указанию» вице-президента АН СССР А.Ф. Иоффе⁸.

Органы государственного управления, отвечающие за обороноспособность страны, видимо были не в курсе всех этих дел. Правда, в научной среде раздавались голоса о необходимости возобновления ядерно-физических исследований. В современной историографии такая инициатива связывается с именем Г.Н. Флерова, сотрудника И.В. Курчатова. В самом начале войны он ушел добровольцем в Красную Армию. Утверждается, что оттуда в начале 1942 г. Г.Н. Флеров отправил ряд писем «в самые вы-

сокие инстанции», в т. ч. И.В. Сталину. В них он призывал «немедленно развернуть» работы «по атомной проблеме». Его информация «сработала» и «дело ... сдвинулось с мертвой точки»⁹. Однако письма Г.Н. Флерова «на самый верх», сохранились лишь в черновиках. Неясно, дошли ли они до адресатов. Нет и никаких документальных свидетельств о реакции на них. Достоверно известно одно. В середине декабря 1941 г. Г.Н. Флерову удалось выступить в Казани на научном семинаре с обоснованием своего предложения. Но его не поддержали такие авторитеты как А.Ф. Иоффе и П.Л. Капица. Письменное обращение к И.В. Курчатову также не помогло. Другого, видимо, трудно было ожидать. Г.Н. Флеров, как впрочем и И.В. Курчатов не обладали тогда ни должным авторитетом, ни административными возможностями, чтобы инициировать пересмотр решения, принятого Президиумом Академии наук.

За рубежом отношение к работам по овладению ядерной энергией складывались по-разному. Франция, в связи с военным поражением и оккупацией немецкими войсками, вообще «выбыла из игры». Большинство ее физиков-ядерщиков эмигрировало в Англию. В Германии исследования продолжались, но они, по преимуществу, носили сугубо академический характер. Этому весьма способствовала «осторожная» позиция немецких ученых, считавших, что проблема использования атомной энергии в военных целях не решаема «в ходе текущей войны». Прямо противоположная картина наблюдалась в Англии и Соединенных Штатах. Здесь ученые наоборот выступили в качестве «застрельщиков» разработки ядерно-оружейных программ. Не все, конечно, проходило гладко. Но настойчивость инициаторов и решимость военно-политического руководства сделали свое дело. Раньше эти слагаемые успеха сработали в Англии. Летом–осенью 1941 г. ее правительство приняло ряд решений, положивших начало британской ядерно-оружейной программы. С соответствующими обосновывающими материалами ознакомили администрацию США. Это подтолкнуло ее к разработке собственной программы, получившей наименование «Манхэттенский проект»¹⁰.

В связи с обсуждением возможности военного применения результатов ядерно-физических исследований, на их публикацию в Германии, США и Англии еще в 1940 г. был наложен запрет. Но, так или иначе, информация о них просачивалась в прессу и попадала в поле зрения советской разведки. Упоминание о возможности создания «супербомбы» вызывало естественную реакцию ее руководства. Оно ориентировало свои зарубежные представительства (резидентуры) на перепроверку полученных из открытой печати сведений и их фундирование конкретными материалами. Судя по опубликованным документам, настоящий прорыв в разведработе уда-

лось совершить осенью 1941 г. Тогда лондонская резидентура НКВД получила информацию о подготовленном для английского правительства докладе¹¹. В нем содержался вывод, что «атомная бомба осуществима», и описывался алгоритм действий по ее созданию. Это были те самые материалы, знакомство с которыми подтолкнуло правительство Соединенных Штатов к разработке своей ядерно-оружейной программы.

Агентурную информацию обобщили в записке, которую 4-й спецотдел НКВД направил наркомму Л.П. Берии. Само ее название – «О работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом и необходимости организации этой работы в СССР» – свидетельствовало о глубоком понимании существа проблемы. В записке предлагалось: во-первых, «поручить заграничной агентуре... собрать конкретные проверенные материалы относительно постройки аппаратуры и опытного завода по производству урановых бомб» и, во-вторых, «создать при ГКО СССР специальную комиссию из числа крупных ученых..., которой поручить представить соображения о возможности проведения в СССР работ по использованию атомной энергии для военных целей». Также был подготовлен проект письма НКВД на имя И.В. Сталина с аналогичными предложениями. Но его, как и следующий вариант обращения от марта 1942 г., не отправили адресату¹². Видимо, Л.П. Берия посчитал несвоевременным ставить перед Сталиным перспективные вопросы, основываясь на не вполне проверенной информации.

Тем не менее, по «закрытым каналам» из Англии и США продолжали поступать сведения о растущих масштабах исследований в области овладения атомной энергией. Спецслужбы пытались их перепроверить, используя в качестве экспертов ученых. В первую очередь они обращались в Академию наук. Однако ее руководители попадали в непростую ситуацию. Они разделяли мнение, что атомную энергию как в мирных, так и в военных целях можно будет, в лучшем случае, использовать лишь в отдаленном будущем. По данному основанию ядерно-физические исследования исключили из академических планов военного времени. Теперь же, судя по поступающим из-за рубежа сведениям, оказывалось, что допущена ошибка. В то время ее могли интерпретировать по-разному, в том числе как сознательную дезинформацию «руководства партии и правительства». И здесь было важно «не поступаясь принципами», сформулировать предложения, что же делать дальше в связи «со вновь открывшимися обстоятельствами».

В этом отношении показательна реакция Академии наук на запрос Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии. Его получили 7 мая 1942 г. и сразу же направили на отзыв акад. В.Г. Хлопину. В нем содержалась просьба дать заключение, «насколько правдоподобны-

ми являются... сообщения» о работе «над проблемой использования для военных целей энергии ядерного деления урана», имеют ли они «реальные основания» и какие практические выводы отсюда можно сделать. Ответ, подготовленный в трехдневный срок, был весьма краток. Прежде всего фиксировалось, что «Академия наук не располагает никакими данными о ходе работ в заграничных лабораториях по проблеме использования внутриатомной энергии». Далее обращалось внимание на исчезновение соответствующих публикаций в научной литературе. По мнению В.Г. Хлопина, это давало «основание думать», что она засекречена в связи с ее «значением». Одновременно отмечалось, что в институтах Академии работа «временно» прекращена. Такое решение объяснялось сложившимся пониманием перспектив. «По нашему мнению, – писал В.Г. Хлопин – возможность использования внутриатомной энергии для военных целей в ближайшее время (в течение настоящей войны) весьма маловероятна». Если разведывательное управление – продолжал он – располагает какими-либо другими данными, «то мы просили бы сообщить... в спецотдел АН СССР». Тогда можно будет судить о положении дел «за границей»¹³.

Аналогичную позицию, судя по всему, заняли другие научные авторитеты и организаторы науки. В.М. Молотов, как зафиксировал Ф. Чуев, так вспоминал о консультациях с ними по вопросу создания атомной бомбы. «Вызвал Капицу к себе, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы, и атомная бомба – оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе – он также как-то неясно к этому отнесся»¹⁴. Однако есть воспоминания, рисующие иное отношение научных руководителей к проблеме возобновления ядерно-физических исследований. Правда, с их помощью, как справедливо отмечает Д. Холловэй, невозможно восстановить ни последовательность развития событий, предшествующих соответствующему решению, ни детали имевших место дискуссий. Тем не менее, в своих исторических реконструкциях он использует эти сведения без всякой перепроверки¹⁵. Речь, в частности, идет о т.н. записях «бесед» с С.В. Кафтановым, председателем Комитета по делам высшей школы при СНК СССР, уполномоченным по науке ГКО и его помощником С.А. Балезиным. В них есть один красочный сюжет. Они вспоминают, что в апреле 1942 г. получили от военных записную книжку одного немецкого офицера. В ней содержались сведения, связанные с созданием атомной бомбы. После консультации с А.Ф. Иоффе, согласившимся с принципиальной возможностью решения этой проблемы, они, якобы, направили письмо в Государственный комитет обороны. В нем рекомендовалось образовать ядерный исследовательский центр¹⁶. Через пару дней С.В. Кафтанова вызвали к И.В. Сталину. В ходе разговора возник вопрос о стоимости проекта. «И что мы с этого получим» – будто бы

спросил Сталин и тут же ответил на свой вопрос: «Мы можем не получить ничего». Однако Кафтанов, чуть ли не перебивая его, заявил: «Стоит рискнуть!» И Сталин высказал свое одобрение¹⁷.

Естественно, сразу возникает вопрос, имеются ли другие свидетельства этой эпохальной для советского атомного проекта встречи. Известно, что перечень лиц, принятых И.В. Сталиным в его кремлевском кабинете, тщательно фиксировался. Сегодня эти записи опубликованы. Из них следует, что на приеме у Сталина в годы войны С.В. Кафтанов был трижды. Первый раз это произошло 9 апреля 1942 г. С.В. Кафтанов вместе с А.И. Микояном, Н.А. Вознесенским, М.Г. Первухиным, М.З. Сабуровым, И.Ф. Тевосяном и др. (всего одиннадцать человек) находился в кабинете И.В. Сталина с 22.00 до 01.50¹⁸. Трудно представить, чтобы описанный выше разговор состоялся на этом совещании. Вторая и третья встречи при аналогичных обстоятельствах имели место 22 марта и 20 апреля 1943 г., когда решение о «запуске» советского атомного проекта уже состоялось¹⁹. Возможность же разговора С.В. Кафтanova с И.В. Сталиным вне кабинета последнего – просто исключена.

Также критически стоит оценивать свидетельства о консультациях И.В. Сталина с другими представителями науки. В частности, утверждается, что в ноябре 1942 г. он приглашал для беседы академиков А.Ф. Иоффе и В.И. Вернадского. Им вроде были заданы вопросы о «возможности создания атомной бомбы в Германии и перспективах решения этой проблемы в нашей стране. Обсуждались также наметки ресурсного обеспечения атомной программы»²⁰. По другим сведениям эта встреча состоялась не в ноябре, а в октябре. О ней в своих воспоминаниях поведал генерал П.А. Судоплатов, координатор советского «ядерного шпионажа». О приеме Сталиным на даче в Кунцеве Вернадского и Иоффе, ему будто бы рассказал Б.Л. Ванников, один из руководителей атомного проекта. С его слов, тогда руководство страны «впервые ... окончательно убедилось в реальной возможности создания атомного оружия»²¹. Откуда об этом узнал сам Ванников – непонятно. Сомнительно, что такая встреча вообще могла иметь место. У Сталина на даче действительно бывали его соратники. Они в неформальной обстановке обсуждали разные вопросы. Но деловые встречи «один – на один» с лицами, не имевшими отношения к «ближнему кругу», – не практиковались. Согласно же записям посетителей кремлевского кабинета И.В. Сталина, В.И. Вернадский и А.Ф. Иоффе не были у него ни в октябре–ноябре, ни раньше и ни позже. За все годы Второй мировой войны он лишь однажды принял представителя руководства Академии наук. Это был ее президент В.Л. Комаров. Встреча состоялась 22 мая 1945 г.²². Можно предположить, что на ней речь шла о

подготовке празднования 220-летия Академии наук, которому придавалось большое значение, но отнюдь не о создании атомной бомбы.

В общем, на основании опубликованных документальных источников и воспоминаний складывается следующая картина. Советской разведке удалось «раздобыть» подробные сведения о масштабных работах по использованию атомной энергии в военных целях, развернутых в Англии. Она смогла оценить важность полученной информации, но не была до конца уверена в ее достоверности. Зарубежную агентуру сориентировали на масштабную «разработку соприкасающихся с этой проблемой лиц в целях получения технологических расчетных данных по самому процессу, аппаратуре и механизмам, схем и чертежей и экономических обоснований проводимых работ»²³. Наряду с активизацией агентурной работы, разведслужбы инициировали перепроверку поступивших сведений. К организации консультаций подключили уполномоченного ГКО по науке С.В. Кафтанова. В качестве экспертов привлекли признанных научных авторитетов: П.Л. Капицу, А.Ф. Иоффе, В.Г. Хлопина. Однако с самими разведданными ученых не знакомили. По сути, о возможности создания атомной бомбы они должны были судить руководствуясь своими знаниями и представлениями. Как и следовало ожидать, их ответы оказались уклончивыми. Сначала повторялся вывод, сделанный накануне и в начале войны: практическое использование атомной энергии – дело отдаленного будущего. Затем следовало важное дополнение: если за рубежом пришли к иному выводу, то для этого должны быть веские научные основания. Пока они неизвестны советским ученым. Для квалифицированной перепроверки поступающей из-за рубежа информации, желательно возобновить ядерно-физические исследования.

Неоднозначная развединформация и ее «осторожные» оценки докладывались В.М. Молотову. Судя по всему, он и взял на себя ответственность начать в Советском Союзе работы по использованию атомной энергии в военных целях. Для подготовки соответствующего проекта распоряжения ГКО привлекли А.Ф. Иоффе и С.В. Кафтанова. 27 сентября 1942 г. проект направили И.В. Сталину. В сопроводительной записке, подписанной В.М. Молотовым, говорилось, что он предусматривает «возобновление» исследований в области «использования атомной энергии путем расщепления ядра урана. Академия наук, которой эта работа поручается, обязана к 1 апреля 1943 г. представить в Государственный комитет обороны доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива»²⁴. 28 сентября 1942 г. И.В. Сталин подписал распоряжение ГКО СССР «Об организации работы по урану». Только после этого его ознакомили с развединформацией. 6 октября 1942 г. Л.П. Берия направил ему соответствующее письмо. К нему прилагалась справка 1-го Управления НКВД о бри-

танской ядерно-оружейной программе. Само же распоряжение ГКО формально содержало лишь поручение Академии наук дать однозначный ответ о возможности создания ядерного оружия. Но на деле оно положило начало реализации советского атомного проекта, формированию ядерной инфраструктуры страны. Не случайно, сегодня в соответствии с Указом Президента Российской Федерации (от 03.06.2005 г.) 28 сентября отмечается как профессиональный праздник – День работника атомной промышленности.

¹ См.: Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... / Рук. авт. колл. акад. РАН Е.А. Негин. Нижний Новгород–Арзамас-16, 1995. С. 55.

² Атомный проект СССР. Документы и материалы: В 3-х т. / Под общей ред. Л.Д. Рябева. Т. 1. 1938–1945. Часть 1. М., 1998. С. 123.

³ См.: Трифонов Д.А. К истории Комиссии по проблеме урана // Вопросы истории, естествознания и техники. № 2. С. 94, 96–99.

⁴ Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 130–131; 147–153.

⁵ Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 230.

⁶ Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 93–94.

⁷ См.: Гракина Э.И. Ученые – фронту. 1941–1945. М.: Наука, 1989. С. 18–25

⁸ Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 292.

⁹ Советский атомный проект. ... С. 58.

¹⁰ См.: Дельгадо Дж. П. Атомная бомба. Манхэттенский проект. Начало нового отчета истории человечества. М., 2011. С. 30–40 и др.

¹¹ Яцков А.А., Визгин В.П. У истоков советского атомного проекта: роль разведки. 1941–1946 гг. (по материалам архива внешней разведки России) // Вопросы истории, естествознания и техники. 1992. № 3. С. 107–108.

¹² Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 241–245.

¹³ Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 264–266.

¹⁴ Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 108.

¹⁵ Holloway David. Stalin and the bomb: the Soviet Union and atom energy. 1939–56. New Haven, London: Yale University Press, 1994. P. 84–86.

¹⁶ По тревоге. Рассказ С.В. Кафтanova в записи Б. Володина // Химия и жизнь. 1985. № 3. С. 8.

¹⁷ Рассказ профессора Балезина в записи Б. Володина // Химия и жизнь. 1985. № 6. С. 19.

¹⁸ Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 16.

¹⁹ Там же. С. 60, 64.

²⁰ Советский атомный проект... С. 58.

²¹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2005. С. 295.

²² Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина... С. 101.

²³ Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 267–268.

²⁴ Атомный проект СССР. Документы и материалы... С. 268.

И.М. Савицкий

Организация производства ракетно-космической техники на предприятиях оборонной промышленности Сибири в условиях «холодной войны» (1946–1965 гг.)

Создание ядерного, термоядерного оружия и средств его доставки – это двуединая задача решалась в нашей стране одновременно. Одним из основных направлений средств доставки ядерного оружия к планируемым целям является ракетная техника наземного и морского базирования.

В мае 1946 г. на базе завода № 88 в Подлипках создается Государственный союзный НИИ-88 по ракетному вооружению с проектно-конструкторской и производственной базой. Начальником и главным конструктором Специального конструкторского бюро, затем преобразованного в ОКБ, где должны были создаваться мощные баллистические ракеты, был С.П. Королев.

Первая баллистическая ракета дальнего действия на жидком топливе Р-1, созданная под руководством С.П. Королева, прошла полигонные испытания 1–8 октября 1947 г., преодолев расстояние около 300 км, она попала в заданную цель. К этому времени относится встреча группы военных деятелей и ученых с И.В. Сталиным, который внимательно следил за ходом создания ракетно-ядерного оружия. С.П. Королев об этой встрече вспоминал: «Мне было поручено доложить о разработке новой ракеты. И.В. Сталин слушал вначале молча... По мере заинтересованности стал изредка прерывать меня, задавая короткие вопросы. Чувствовалось, что он имел полное представление о ракетах. Его интересовали скорость, дальность и высота полета, полезный груз, который она сможет нести. Особенно с пристрастием он расспрашивал о точности полета ракеты в цель». Поддержка И.В. Сталиным ракетостроения в те времена значила многое, и С.П. Королев в полной мере использовал эту поддержку, работая во всю силу своего творческого потенциала. В 1950 г. пушен в серийное производство комплекс с Р-1 и решением Совета министров СССР от 28 ноября 1950 г. принят на вооружение. С.П. Королев говорил, что не было никаких финансовых и материальных трудностей¹.

Для создания и производства ракетной техники нужен комплекс, состоящий из научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций и хорошо механизированных и автоматизированных промышленных предприятий. С.П. Королев предлагал для развертывания производства ракетной техники передать несколько хороших авиационных производств, так как у них высокая технологическая культура, и построить новые предприятия.

В Сибири они создавались в период со второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Для этой цели в основном использовались предприятия оборонной промышленности, находившиеся в подчинении министерств: авиационной промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, оборонной промышленности, средств связи, а также радиотехнической и химической промышленности. Почти все они в годы Великой Отечественной войны эвакуированы в Сибирь из западных районов страны, а в послевоенные годы практически заново создавали материально-техническую базу. В связи с производством изделий для ракетной техники они осуществляли модернизацию производственных процессов. Кроме того, сооружалось значительное число новых предприятий, особенно радиоэлектронной, судостроительной и химической промышленности.

С начала 1950-х гг. вместе с созданием новых производственных площадей устанавливалось более прогрессивное оборудование на многих предприятиях. Так, распоряжением Совета министров СССР от 8 июня 1951 г. утверждено проектное задание на реконструкцию новосибирского завода № 564 («Комета») со сметной стоимостью 81 730 тыс. руб. на период 1950–1955 гг. И одновременно планом производства на 1951–1952 гг. на завод возлагалось производство двух радиолокационных взрывателей, ранее не освоенных серийным выпуском. Кроме того, в 1952 г. планом предусматривалось изготовление еще одного изделия – трудоемкой, сложной конструкции, которое требовало большой технической подготовки и специальных площадей для его производства. С 1958 г. завод № 564 изготавливал радиолокационные взрыватели для управляемых ракет. В 1961 г. заводской коллектив полностью перешел на производство радиолокационных взрывательных устройств и других приборов для ракет различного класса. Завод № 677 («Луч») выпускал радиолокационные устройства для ракет «Луна» и ракет класса «земля–земля».

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 26 ноября 1951 г. в г. Куйбышев Новосибирской области построен химический завод № 227 для производства ракетного топлива. В декабре 1959 г. на заводе введено в эксплуатацию производство гептила² проектной мощностью 1 000 т в год, вышедшее на проектную мощность в 1962 г.³

В докладной записке В.А. Мальшева, Г.К. Жукова, М.В. Хруничева, Б.Л. Ванникова на имя Н.С. Хрущева от 22 июня 1954 г. ставился вопрос об организации предприятий по производству ракет на Урале и в Сибири. В записке отмечалось, что заслуживает внимания предложение о создании мобилизационных мощностей в Сибири путем приспособления действующих заводов. В плане решения этого вопроса с инициативой создания реального производства ракетной техники в Омске выступил председатель

Омского СНХ Б.П. Еленевич. В докладной записке в ЦК КПСС от 25 ноября 1957 г. он сообщал, что Омский СНХ располагает развитой оборонной промышленностью, в составе которого три завода авиационной промышленности, в т. ч. моторостроительный, и четыре завода, выпускавших различную аппаратуру.

В докладной записке М.В. Хруничева в ЦК КПСС от 9 декабря 1958 г. сообщалось, что к серийному производству ракет Р-12 помимо завода № 586 (Днепропетровск, Украина) подключены заводы Омской и Пермской групп. После модернизации производства и перестройки их на выпуск ракет Р-12 и двигателей к ним, на 1959 г. планировался выпуск 350 ракет Р-12. В 1959–1965 гг. заводу № 586 планировалось выпустить 560 ракет, заводу № 172 в Перми – 1 235, а заводу № 166 в Омске – 1 555 ракет⁴.

В 1956 г. конструкторское бюро С.П. Королева предложило Новосибирскому приборостроительному заводу разработать и выпустить оптико-электронный прибор, который определял корректировку при залповой стрельбе баллистическими ракетами «Коршун» класса «земля–земля». Ракета оказалась чувствительна к метеоусловиям, боковой ветер мог изменить траекторию полета, что вызывало изменение точки падения на несколько сот метров. Конструкторское бюро завода, несмотря на полное отсутствие опыта, прибор полностью рассчитало, сконструировало и изготовило серийную партию на заводе. В последующие годы на заводе освоены в производстве автоматические регуляторы тяги двигателей зенитных ракет. А с 1961 г. завод изготовлял тепловые головки самонаведения для ракет. Их выпуск составлял 16 % в общем плане производства⁵.

В июне 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление о создании в Бийске Научно-исследовательского института (НИИ-9), которому в 1997 г. присвоен статус Федерального научно-производственного центра «Алтай» (ФНПЦ «Алтай»). В условиях создания материально-технической базы и формирования кадров первым, с кем начал работать институт, было ОКБ-1 С.П. Королева, которое выдало техническое задание нескольким организациям. Бийский НИИ-9 первым выполнил это задание и менее чем за 10 лет со дня организации создал заряды для первой в СССР твердотопливной межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2. Кроме ракетного топлива, за первое десятилетие институт передал Министерству обороны СССР многие другие виды техники.

В дальнейшем коллектив института участвовал в разработке ряда других очень важных проектов оборонного назначения, в частности, в создании межконтинентальной баллистической ракеты «Воевода», которую на Западе называли «Сатаной» за мощь и неуловимость. Эту ракету разработало КБ «Южное», руководимое М.К. Янгелем. «Сатана» – жидкотоп-

ливая ракета с 14 боеголовками, и чтобы они попадали точно в цель, нужны дополнительные системы ориентации, стабилизации, маневрирования. В составе ракеты было 20 двигателей. Институт для них разрабатывал твердое топливо и заряды, а двигатели делало КБ «Южное».

Основным оружием на подводных лодках были ракеты «Тайфун», которые разрабатывало СКБ-385 В.П. Макеева совместно с НИИ-9. Имея такое вооружение, СССР стал существенно превосходить США в ответном ударе. Четыре разработки коллектива центра удостоены Ленинской премии. 33 сотрудника являются лауреатами Государственной премии СССР и РФ, 25 – лауреатами премии Совета министров СССР и правительства России.

Герой Социалистического труда, генеральный директор ФНПЦ «Алтай» (в 1984–1997 гг.) академик РАН Г.В. Сакович вспоминает: «Становление предприятия прошло на моих глазах. Но это не значит, что я тогда хорошо понимал совершавшееся. Большинство сотрудников были молоды, многие только со студенческой скамьи. Мы знали, что должны заниматься твердым топливом, но не знали, как это делать, потому что в вузах тогда еще не читали курса лекций по нашему профилю. Однако мы строили лаборатории и мастерские, учились и приобретали опыт... Только сейчас, когда американцы опубликовали свои тайные планы уничтожения нашей страны в период "холодной войны", рассекретили названия 200 советских городов, по которым намеревались нанести атомные бомбовые удары, я до конца осознаю, какая большая роль отводилась нашему объединению...»⁶.

В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 6 июля 1958 г. Новосибирский комбинат № 179 производил реактивные глубинные бомбы (РГБ-60) для реактивной противолодочной системы «Смерч-2», в 1959 г. выпустил их 1 396 штук. 10 октября 1959 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР утвердили перечень головных предприятий по производству наземного оборудования для ракет, в который вошли комбинат № 179 и Новосибирский завод № 644. Комбинат № 179 организовал СКТБ, разрабатывал и изготовлял заправщики окислителем ракет на автомобилях. 11 сентября 1961 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР обязали Комбинат № 179 создать производственные мощности и с конца 1963 г. приступить к производству зенитных ракет В-600П, с последующим переходом на более мощные ракеты В-860.

Новосибирский завод № 644 с 1959 г. специализировался на выпуске наземного оборудования для ракет, в т. ч. электро- и прожекторных станций. Омский завод наземного оборудования изготовлял установки для ракет, гидродомкраты и другие изделия, а завод № 373 производил бортовую аппаратуру, системы автоматического управления к ракетам различной модификации⁷.

С целью снаряжения боевых частей ракет, которые производились на предприятиях региона, в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 4 сентября 1954 г. и 20 августа 1956 г. южнее г. Искитима Новосибирской области строится завод № 851 (п/я-1), который начал производственную деятельность в середине 1960-х гг. С начала 1958 г. по постановлению правительства Новосибирский завод № 590 определен как базовое предприятие для изготовления бортовой аппаратуры радиуправления ракет для системы Б-75, а затем – В600П⁸.

Ракету-носитель 11К65 «Космос», разработали в ОКБ «Южное», но в связи с большой нагрузкой боевой техникой, выпуск рабочей документации для нее был возложен на ОКБ-10 (ныне Научно-производственное объединение прикладной механики им. академика М.Ф. Решетнева, расположенное в г. Железногорске). Для удовлетворения требований Министерства обороны СССР изготовители решили разработать схему, предусматривающую орбиту искусственного спутника Земли в два этапа: первый – включением двигателя формируется траектория в апогее, второй – включением двигателя искусственный спутник Земли переводится на круговую орбиту. Эта схема выведения искусственного спутника Земли позволила существенно повысить эффективность использования энергетических возможностей носителя.

В 1965–1967 гг. ОКБ-10 проведена модернизация ракеты-носителя «Космос-3» (11К65М) с целью повышения ее энергетических характеристик и улучшения тактико-технических данных. 16 июля 1965 г. осуществлен первый запуск модернизированной ракеты-носителя. С полигона Байконур выведены на круговую орбиту 550 км спутники «Космос-71–75». Впервые в истории космонавтики одной ракетой выведены пять спутников. 3 сентября 1965 г. ТАСС сообщило о выведении новых пяти спутников – «Космос-80–84» на круговую орбиту – 1 500 км, а 18 сентября 1965 г. – спутников «Космос-86–90».

Так началась успешная работа ракеты-носителя 11К65М, который вывел на различные орбиты около 1 000 искусственных спутников Земли различного назначения, успешно работавших в интересах обороны страны. Первые 14 носителей 11К65М изготовлены на механическом заводе ОКБ-10 с участием Красноярского машиностроительного завода. Далее их выпуск полностью передан на Красмашзавод, а в 1970 г. – на ПО «Полет» (Омск), где они производятся и в настоящее время⁹.

Производственное объединение «Полет» создано на базе Омского авиационного завода № 166, основанного в 1941 г. Это одно из крупнейших аэрокосмических объединений с широким диапазоном производства – от ракет-носителей, космических аппаратов до авиационной техники.

С 1960-х гг. завод выпускал ракеты и космические аппараты различного назначения. Наиболее известное изделие – ракета-носитель «Космос». Эта ракета жидкостная, двухступенчатая, предназначенная для выведения одиночных автоматических космических аппаратов легкого и среднего класса различного назначения на круговые и эллиптические орбиты, а также для группового запуска (от трех до восьми) спутников одновременно, общей массой 1 500 кг. С помощью этой ракеты созданы и поддерживаются до настоящего времени глобальная навигационная система, которая работала в интересах ВМФ СССР, а также выведены на орбиту многочисленные отечественные космические аппараты различного назначения системы «Парус» и «Цикада».

Таблица 1.

**Результаты пусков ракет-носителей
КБ «Южное» (г. Днепропетровск),
ОКБ-10 (г. Красноярск), ПО «Полет» (г. Омск)***

Наименование (индекс)	Разработчик	Первый пуск	Последний пуск	Всего пусков / неуспешных
«Космос-2» (11К65М)	«Южное»	1964	1965	8 / 1
«Космос-3» (11К65М)	ОКБ-10	1966	1968	6 / 3
«Космос-3М»	ПО «Полет»	15.05.1967	Н/вр.	409 / 20

* Уманский С.П. Ракеты-носители и космодромы. М., 2001. С. 80.

Первый пуск ракеты-носителя 11К65М («Космос-3М»), изготовленной ПО «Полет», состоялся в декабре 1970 г. 30 декабря 1971 г. ракета-носитель принята на вооружение (табл. 1.).

В постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О разработке ракеты Р-9А» от 13 мая 1959 г. отмечается, что необходимо создать межконтинентальную баллистическую ракету, удовлетворяющую основным требованиям массового боевого применения. Ставилась задача обеспечить боевую готовность и скорострельность, упрощение эксплуатации и сокращения веса.

Было принято решение о разработке межконтинентальной баллистической ракеты с наибольшей прицельной дальностью – до 12–13 тыс. км, наименьшей прицельной дальностью 3–3,5 тыс. км с системами управления в двух вариантах – автоматическим и радиометрическим повышенной точности. Стартовый вес ракеты порядка 80 т, боевой заряд с автоматической системой иниционирования, контактными и неконтактными датчиками электропитания. Топливо: горючее – керосин, окислитель – жидкий

кислород. Комплекс наземного базирования – полустационарный или передвижной с использованием грунтовых, железнодорожных и воздушных средств передвижения. Ракета и комплекс наземного оборудования должны обеспечивать нахождение в боевой готовности на стартовой позиции при любых метеорологических условиях в течение одного года и быть готовой к старту по заранее намеченной цели в течение 30–45 минут с момента получения команды на пуск.

В постановлении были утверждены головные организации по созданию ракеты, среди которых ОКБ-1 главного конструктора С.П. Королева – по комплексу изделия в целом, ОКБ-456 главного конструктора В.П. Глушко – по двигателям первой ступени, и еще 11 ОКБ, КБ и НИИ. К проекту были подключены десятки предприятий многих отраслей промышленности.

С целью расширения базы производства ракет Р-9А постановление обязало государственные комитеты Совета министров СССР по оборонной технике, радиоэлектронике, судостроению провести в 1959–1960 гг. подготовку производства для выпуска ракет Р-9А, в т. ч. и на заводах № 527 и 472 Красноярского СХХ, а на заводе № 20 Омского СХХ организовать изготовление серийных партий гидравлических рулевых машин по технической документации ОКБ-1.

СКБ-385 В.П. Макеева также развернуло сотрудничество с Красноярским машиностроительным заводом. В послевоенные годы на «Красмаше» продолжалось серийное производство автоматических зенитных пушек. С 1958 г. по решению правительства началась реконструкция завода с целью освоения новой ракетно-космической техники. С 1959 по 1965 гг. производственные площади завода увеличились втрое, численность работающих – вдвое, объем валовой продукции – в 3,3 раза. Организовано высокотехнологичное производство ракетно-космической техники, налажен выпуск первых баллистических ракет. С 1959 г. «Красмаш» работал в едином комплексе с ОКБ-10 (НПО прикладной техники, Красноярск-26) в направлении проведения опытно-конструкторских работ и изготовления ракетно-космической техники. В 1964 г. совместными усилиями освоено производство ракет-носителей для выведения на круговую орбиту легких спутников, позже баллистических ракет морского базирования, оснащенных ядерными боеголовками.

Работу со спутниками, сложность которых возрастала год от года, С.П. Королев передал Михаилу Федоровичу Решетневу, организовавшему в Красноярске-26 в 1950 г. мощное конструкторское бюро как филиал ОКБ-1 С.П. Королева. Фактически создано крупное предприятие – НПО прикладной механики. На этом предприятии в конце 1960-х гг. работало 11 тыс. чел. Его возглавлял академик М.Ф. Решетнев. НПО создавало спутники связи –

«Молния», «Радуга», «Горизонт», «Экран», «луч»; спутники «Цикада» и «Глонасс», геодезические спутники «Геонид» и «Эталон». Последние разработки включают в себя телекоммуникационные спутники «Галс», «Экспресс», «Аркас», «Гонец», «Совамстар», «Маяк»¹⁰.

2 июля 1958 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление о строительстве в Бердске, Барнауле и Томске заводов судостроительной промышленности по производству высокоточных гироскопических приборов. Согласно специальным условиям эти заводы расположились в отдалении от городской территории, в районах зеленых, лесных зон: Бердский электромеханический – в 40 км от Новосибирска, Барнаульский электромеханический – в 14 км от города, Томский приборный – в 15 км от города.

В 1961 г. Бердскому электромеханическому заводу поручалось Государственным комитетом Совета министров СССР по судостроению подготовить производство и выпустить в четвертом квартале высокоточные гироскопические приборы для ракетной техники (ракет 8К-63 и 8К-64) в количестве 20 комплектов и создать задел для изготовления в 1962 г. двух комплектов гидроазимутгоризонта «Беркут». Производство деталей для этих гироскопических приборов характеризовалось высокой точностью и относилось к числу особо сложных изделий, требующих специальных производственных условий и высокой квалификации рабочих. Обработка деталей должна была выполняться по высшему классу точности, с чистой поверхности до 1–2 классов, с весьма сложной сборкой и регулировкой на специальных стендах. Без специальной подготовки рабочих и доводки оборудования невозможно было достичь успеха.

На 1962 г. БЭМЗу планировалось изготовить 80 комплектов гироскопических приборов для ракет, а выпущено на 25 больше. В 1963 г. завод наращивал производственные мощности по выпуску гироскопических приборов для ракет 8К-63 и 8К-64 и одновременно вел технологическую подготовку к изготовлению новых гироскопических приборов. За год изготовлено 176 комплектов гироскопических приборов к ракетам 8К-63. Это гидровертиканты, шаговые двигатели, электромагниты и другие изделия.

Одновременно велась подготовка к выпуску в 1964 г. бортовой аппаратуры и аппаратуры регистрации системы ИМ-1135 и ИС-1135А в количестве 175 комплектов и наземной станции автономной регистрирующей системы ИМ-3440 в количестве 14 комплектов. Разработчиком этой аппаратуры являлся НИИ-99 Госкомитета оборонной техники¹¹.

В 1964 г. БЭМЗ выпустил приборы для боевых ракет 8К63У – 35 комплектов гироскопических приборов, для учебных изделий 8К63У – 43 комплекта гироскопических приборов, для изделия Д-4 – 48 комплектов, эквивалентов гироскопических изделий 8К63УД – 70 комплектов, наземных станций ИС-13440 – 19 комплектов, бор-

товой аппаратуры АРГ-4 и АРГ-4А – 62 шт., фоторегистратор ИС-1836 и анализаторы спектра частот ИС-1838, двухрежимные двигатели «Днепр-Н».

Гироскопические и многие другие приборы производились на Барнаульском электромеханическом, Томском приборном и Омском № А-142 заводах вначале для ракет морского базирования, а затем для различных ракетных систем. Коллектив Омского моторостроительного завода им. П.И. Баранова № 29, крупнейший в городе, производил в большом количестве двигатели для ракетной и авиационной техники. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об организации серийного производства изделия 8К81 (ракетная техника) и выпуска головной серии в 1964 г.» заводы № 166, 29 и 20 осуществили реконструкцию и подготовили производство для выпуска этих изделий. Все они выполняли большие заказы по изготовлению данных изделий¹².

В связи с ограниченным объемом статьи нет возможности показать деятельность научно-исследовательских институтов, которые вносили большой вклад в создание ракетной техники. Так, новосибирский НИИ-208 разработал радиолокационную станцию, а завод им. Коминтерна выпускал их для зенитно-ракетных комплексов «Круг-Ц», новосибирский НИИ электронных приборов разрабатывал изделия для зенитно-ракетного комплекса С-300 и других ракетных систем. СибНИИ наряду с самолетами испытывал ракеты.

В заключение следует отметить, что если США в средствах доставки ядерного оружия в начальный период «холодной войны» ориентировались на авиацию, то Советский Союз, не ослабляя авиационную составляющую, сделал ставку на ракетную технику и по этому направлению обогнал США: первым в мире осуществил полет космического корабля «Восток» с Ю.А. Гагариным на борту. Президиум Верховного Совета СССР указом от 17 июня 1961 г. наградил орденами и медалями большую группу инженеров, техников и рабочих, в т. ч. Новосибирского СНХ. Среди 14 чел. Награжденных – работников завода № 617 – 6 чел., завода № 453 – 4 чел., завода № 564 – 2 чел. и завода № 644 – 2 чел.¹³

Таким образом, по мере создания ракетной техники предприятия оборонной промышленности Сибири модернизировали материально-техническую базу и подключались к изготовлению этой техники. Одновременно сооружались новые заводы, которые обеспечивались специальной технологией для производства ракетной техники. В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. заводы оборонной промышленности осваивали производство и выпускали ракетную технику наземного базирования, баллистические ракеты морского базирования, ракеты-носители космических спутников и большое количество изделий для различных ракетных систем. А также производили ракетное топливо и многие другие виды продукции военного назначения.

¹ Уманский С.П. Ракетносители и космодромы. М., 2001. С. 33, 24; Романов А.П., Губарев В.С. Конструкторы. М., 1989. С. 64–65; Голованов Я. Королев: Факты и мифы. М., 1994. С. 401, 420.

² Гептил – сильнейший яд, одна тысячная доля миллиграмма на 1 л воздуха – смертельная доза для человека.

³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 262. Л. 290–293; Д. 525. Л. 178; Оп. 15. Д. 3. Л. 330–335; Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 148. Л. 118; Д. 201. Л. 5–7; Д. 331. Л. 2; Д. 398. Л. 3; Д. 476. Л. 2.

⁴ Задачи особой важности. Из истории создания ракетно-ядерного оружия и ракетных войск стратегического назначения (1945–1959 гг.): сб. документов / сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М., 2010. С. 731.

⁵ Точный прицел. История Новосибирского приборостроительного завода им. Ленина (1905–2005). Новосибирск, 2008. С. 131–133; ГАНО. Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 210. Л. 78; Д. 276. Л. 102–104; Д. 668. Л. 58–59.

⁶ Бийский вестник. Литературно-художественный научный историко-просветительский альманах. Бийск, 2009. № 1–2. С. 94–96, 98–99.

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 31. Д. 112а. Л. 10–14; Д. 114а. Л. 38–65; Ф. П-34. Оп. ... Д. 628. Л. 23, 104; Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 218. Л. 4–22; Д. 240. Л. 1–15; Д. 127. Л. 135–136; Д. 224. Л. 1–52; Д. 337. Л. 136–138; Д. 670. Л. 62; Д. 337. Л. 136–138; Д. 359. Л. 7–8; Д. 402. Л. 28, 30–35, 99–100; Д. 553. Л. 134–138; Д. 455. Л. 2, 8, 13, 16–19, 49; Д. 677. Л. 31, 34; Ф. Р-11. Оп. 4д. Д. 1158. Л. 4, 59.

⁸ ГАНО. Ф. Р-1653 Оп. 6. Д. 54. Л. 109; Д. 124. Л. 253–254; Д. 208. Л. 66–68; Д. 270. Л. 116; Д. 201. Л. 20–23; Д. 403. Л. 27; Д. 534. Л. 242; Д. 533. Л. 30, 187; Д. 298. Л. 5, 27; Д. 348. Л. 108–109; Д. 271. Л. 26–27; Д. 349. Л. 110; Д. 534. Л. 186–187; Ф. П-4. Оп. 34. Д. 628. Л. 62–63.

⁹ Уманский С.П. Ракеты-носители и космодромы. М., 2001. С. 68, 70, 72, 27–28; Ракетные войска стратегического назначения. М., 1992. С. 63–65.

¹⁰ Атомная отрасль России. События. Взгляд в будущее. М., 1998. С. 166; Железногорск. Красноярск, 2000. С. 12–13; Красноярск. Очерки истории города. Красноярск, 1998. С. 243–250; Голованов Я. Королев: факты и мифы. М., 1994. С. 734; Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы «холодной войны» (вторая половина 40-х – начало 60-х гг.). М., 2000. С. 290–291.

¹¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 517. Л. 282; Д. 590. Л. 12, 23–24; Оп. 30. Д. 1. Л. 37; Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 664. Л. 90; Д. 323. Л. 2–3; Д. 270. Л. 7; Д. 390. Л. 2–23, 32; Д. 207. Л. 38; Д. 403. Л. 93; Д. 364. Л. 4, 24; Д. 534. Л. 99; Д. 463. Л. 2, 7; Д. 667. Л. 65; Оп. 4а. Д. 128. Л. 196–197.

¹² ГАНО. Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 364. Л. 4; Д. 633. Л. 1–2; Д. 507. Л. 11, 43; Д. 535. Л. 140–142, 147, 154; Д. 670. Л. 373–374; Д. 586. Л. 2, 18; Д. 534. Л. 153–165; Д. 675. Л. 5–8; Ф. Р-11. Оп. 4. Д. 254. Л. 162–163.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1653. Оп. 6. Д. 286. Л. 8, 25, 29; Д. 403. Л. 184, 191; Д. 402. Л. 49; Д. 286. Л. 94–95.

Новосибирский научный центр СО РАН в 1990-е гг.

Во второй половине XX столетия Советский Союз являлся одним из мировых лидеров, определявших тенденции развития научно-технического прогресса. В начале 1990-х гг. более 90 % научных учреждений имели бюджетные источники финансирования¹. В связи с распадом СССР и обвальным сокращением государственного финансирования науки началось резкое сокращение численности ученых, которая неуклонно росла на протяжении нескольких послевоенных десятилетий. С 1990 по 1999 г. она сократилась более чем в два раза – с 992,6 тыс. чел до 420,2 тыс. чел., вернувшись к уровню 1964 г.² В потенциале российской науки произошли структурные изменения – старение научных коллективов, феминизация науки, отток кадров за рубеж и в другие сферы деятельности³.

В условиях радикальных социально-экономических преобразований в Российской Федерации в первой половине 1990-х гг. перед руководством Сибирского отделения РАН встала задача сохранения уникального академического комплекса. Она касалась и Новосибирского научного центра (ННЦ) – крупнейшего объединения научно-исследовательских и конструкторско-технологических организаций не только Сибири, но и России. Политику адаптации СО РАН к новым условиям начал реализовывать председатель СО РАН академик В.А. Коптюг, продолжил эту политику его преемник академик Н.Л. Добрецов.

В процессе реформирования Академии наук СССР в Российскую академию наук появились радикальные точки зрения, что советские академгородки – искусственные образования, поддерживать и развивать которые нет смысла. Академик В.А. Коптюг на всех уровнях отстаивал систему организации сибирской науки, заявляя, что комплексные академические научные центры, интегрированные с системой высшего образования, – это национальное достояние России, утрата которого чревата для страны тяжелыми последствиями. Он подчеркивал, что концепция созданного в конце 1950-х гг. новосибирского Академгородка соответствовала модели организации мировой науки, предусматривающей мультидисциплинарный подход к решению глобальных экономических, социальных, экологических и других проблем⁴.

В.А. Коптюгу удалось отстоять пункт о финансировании Сибирского отделения «отдельной строкой», как это было в советский период. Тем не менее, такая мера не гарантировала финансовой стабильности. Базовое бюджетное финансирование СО РАН в первой половине 1990-х гг.

сократилось в шесть раз. К примеру, в 1995 г. Отделение получило из утвержденной годовой сметы на финансирование науки 78,5 %, на капитальные вложения – только 54,5 %⁵.

Практические меры по реализации политики адаптации к новым условиям, разработанной руководством СО РАН, предусматривали проведение реструктуризации сети научных учреждений, развитие интеграционных процессов, усиление практической отдачи науки через развитие технопарковой системы и расширение связей с субъектами экономической деятельности. Предполагалось также укрепление материально-технической базы институтов и эффективное использование имущества и земли, оптимизация кадровой, в том числе и молодежной, политики, а также усиление международных связей.

Необходимо отметить, что советский период для академической науки Сибири завершался вполне благополучно. Постановление СМ СССР от 26 мая 1990 г. «О развитии Сибирского отделения Академии наук СССР на период до 2000 года» содержало программу комплексного развития Отделения и его научных центров. Постановление разрешало вводить гибкие организационные формы и преобразовывать многопрофильные институты в объединенные институты. Ассоциация (объединение) могла состоять из юридически самостоятельных научных учреждений и общей управленческой инфраструктуры⁶.

В рамках объединения появилась возможность создавать новые самостоятельные институты, повышать самостоятельность исследовательских коллективов, усиливать целевую направленность при проведении научных исследований. Объединение части финансовых ресурсов позволяло создавать центры коллективного пользования и объединенные службы обеспечения исследований, а также уменьшать накладные расходы. В 1990-е гг. в ННЦ было создано несколько таких объединений.

В последнее десятилетие XX в. Новосибирский научный центр вступил с солидным потенциалом: в 1991 г. в его составе действовали 37 научно-исследовательских и конструкторско-технологических организаций. В ННЦ работали 30 тыс. чел, в том числе 6,5 тыс. научных кадров⁷. Постановление СМ СССР 1990 г. «О развитии Сибирского отделения ...» наметило организацию в составе ННЦ нескольких новых институтов, в частности, Машиностроения и Экономической социологии. Однако «обвал» финансирования не позволил реализовать намеченные планы в полном объеме. Тем не менее, благодаря усилиям академика В.А. Коптюга, а затем академика Н.Л. Добрецова в сети НИУ Новосибирска произошли значительные перемены.

Академик В.А. Коптюг продолжил линию на создание технологических организаций, задачей которых было доведение научных результатов до практической реализации. В 1990 г. образованы: Научно-исследовательский центр «Цеосит» с правами СКБ, который работал в тесной кооперации с Институтом катализа; Инженерный центр геофизического и экологического приборостроения в составе Объединенного института геологии, геофизики и минералогии. После дискуссий о степени автономности СКБ и СКТБ, преобразованных в конструкторско-технологические институты (КТИ), руководство СО РАН признало целесообразным ввести их в состав объединенных институтов, благодаря чему удалось хотя бы частично сохранить кадры и потенциал КТИ⁸.

Сеть ННЦ приросла несколькими научно-исследовательскими институтами. В 1990 г. в результате частичной реорганизации Вычислительного центра начали действовать институты: Систем информатики (чл.-корр. В.Е. Котов); Вычислительных технологий (академик Ю.И. Шокин). В 1991 г. организован Институт лазерной физики (академик В.П. Чеботаев). Возникший в 1993 г. Международный томографический центр при Президиуме СО РАН через несколько лет получил статус самостоятельного НИИ (академик Р.З. Сагдеев).

С 1990 г. в составе Объединенного института геологии, геофизики и минералогии функционировали самостоятельные институты: Геологии (академик Н.Л. Добрецов); Минералогии и петрографии (академик Н.В. Соболев); Геофизики (чл.-корр. С.В. Крылов), с 1997 г. – Геологии нефти и газа (академик А.Э. Конторович), а также несколько конструкторско-технологических подразделений⁹.

В составе ассоциированного Института истории, филологии и философии также появились самостоятельные институты: Археологии и этнографии (академик А.П. Деревянко); Истории (чл.-корр. Л.М. Горюшкин); Филологии (чл.-корр. А.Б. Соктоев); Философии и права (чл.-корр. В.И. Бойко).

Наряду с организацией новых институтов шел процесс внутренней реструктуризации крупных институтов, в том числе в рамках ассоциаций. В 1997 г. Правительство РФ постановило провести аккредитацию и аттестацию всех институтов Российской академии наук. В Сибирском отделении и в ННЦ под руководством академика Н.Л. Добрецова были уточнены научные направления и названия институтов, переориентирована направленность исследований некоторых подразделений. Такая перегруппировка научного потенциала позволила гибко реагировать на изменившиеся условия и сосредоточить кадры на наиболее перспективных и актуальных направлениях научного поиска.

В 2000 г. в ННЦ действовали 39 научно-исследовательских и конструкторско-технологических институтов, в которых работали 20,5 тыс. чел, в том числе 5,2 тыс. научных сотрудников. В 1990-е гг. численность персонала уменьшилась на 32 %, а численность научных кадров – на 19 %. Отметим, что кадровая устойчивость ННЦ оказалась выше, чем в Российской академии наук, и отток научных кадров начался лишь в 1992 г. Направления оттока научных кадров – коммерческие структуры, сфера управления, преподавательская деятельность, эмиграция за рубеж. Из институтов СО РАН, в основном новосибирских, ежегодно эмигрировало до 45 ученых. Более серьезные масштабы приобрела контрактная эмиграция – до 400 сибирских ученых в год выезжали на работу в зарубежные научные центры на срок свыше трёх месяцев¹⁰. Часть из них осталась в итоге работать за рубежом.

Для предотвращения «утечки мозгов» Сибирское отделение создало сеть международных исследовательских центров (МИЦ) на основе фундаментальных достижений сибирских научных школ. В Новосибирске действовали Сибирский международный центр новых информационных технологий в сфере образования и науки, Международный центр аэрофизических исследований, Сибирский международный центр синхротронного излучения, Международный томографический центр, Международный центр по исследованию и испытанию катализаторов, Алтайский международный центр гуманитарных и биосферных исследований, Сибирский международный центр региональных исследований¹¹.

В рамках МИЦ Институт катализа совместно с учеными ряда европейских стран и США провел работы по созданию новых катализаторов, изучению их свойств и природы каталитических процессов. Институт ядерной физики совместно с учеными Европы, США, Японии осуществил серию исследований на пучках синхротронного излучения из накопителя ВЭПП-3. Исследования институтов Археологии и этнографии, Цитологии и генетики с участием зарубежных специалистов существенно расширили представления о древнейших этапах развития человечества, динамике культурно-исторических процессов¹². Существенные результаты были получены также в рамках деятельности других МИЦ.

В 1994–1997 гг. оказывалась селективная поддержка ведущих академических институтов России в рамках государственных научных центров (ГНЦ). В Новосибирске статус ГНЦ получили два института – Ядерной физики и Катализа. Их финансирование в эти годы было выше, чем у других институтов СО РАН. Поскольку ГНЦ вызвали неоднозначное отношение научной общественности, в государственной научной политике во

второй половине 1990-х гг. наметилась линия на поддержку Российской академии наук в целом, а не отдельных «островков» науки.

Источником дополнительного финансирования для ученых стали международные и отечественные фонды – Российский фонд фундаментальных исследований, Российский фонд технологического развития, Российский гуманитарный научный фонд и др. Гранты позволили сотрудникам ННЦ осуществлять командировки, закупать оборудование, поддерживать молодых ученых в рамках научных школ. В 1993–1994 гг. наибольшее количество грантов получили институты таких отраслей знания, как математика и информатика, механика и энергетика, химические науки. Лидером по количеству грантов являлся Институт катализа им. Г.К. Борескова. За два года здесь было получено 67 грантов, причем доля зарубежных грантов составила 42 %¹³.

Важным источником финансирования являлись поступления по коммерческим контрактам (до 40 % в общем бюджете некоторых институтов). В ННЦ было организовано несколько малых наукоемких предприятий с участием зарубежных партнеров. Российско-тайландское предприятие «Тайрус» при Объединенном институте геологии, геофизики и минералогии специализировалось на производстве синтетических изумрудов. Российско-американское предприятие «Сибертех» при КТИ геофизического и экологического приборостроения выпускало малогабаритные хроматографы и масс-спектрометры¹⁴. В дальнейшем количество малых наукоемких предприятий существенно возросло. Они стали новыми формами посредничества между институтами ННЦ и промышленностью.

Определяющей тенденцией 1990-х гг. можно назвать развитие интеграционных процессов как альтернативы деструктивным процессам. Для того чтобы получить новые результаты в области фундаментальной науки и осуществлять подготовку кадров по перспективным направлениям, СО РАН провозгласило курс на интеграцию между институтами Отделения, региональными отделениями РАН, РАМН и РАСХН, а также с вузами. Главным условием таких проектов было решение актуальных научных проблем интегрированными усилиями специалистов различных отраслей знания. Правила экспертизы и отбора проектов были в основном заимствованы из курсов РФФИ и INTAS.

Особое место в деятельности руководства Отделения заняло сотрудничество с органами власти – с администрациями республик, краев и областей Сибири. Для осуществления и регулирования региональной научно-технической политики в Новосибирской области в 1995 г. был принят первый в стране региональный закон «О научной деятельности и региональной научно-технической политике». Хотя поступления от хоздоговоров с

предприятиями промышленности катастрофически снижались из-за кризиса, охватившего целые отрасли, сотрудничество институтов ННЦ с отдельными предприятиями Новосибирска, области, других регионов продолжалось и в эти трудные годы.

Как показала практика, наиболее востребованными оказались разработки институтов, которые участвовали в выставках различного уровня. Поэтому в 1998 г. в ННЦ открылся Выставочный центр СО РАН, в котором разместилась постоянно действующая, но регулярно обновляющаяся выставка законченных разработок сибирских ученых. На ее основе появилась возможность формировать передвижные экспозиции для демонстрации достижений сибирской науки как внутри страны, так и за рубежом. При содействии администрации Новосибирской области на базе выставки проводились тематические семинары-презентации с целью продвижения инноваций ННЦ на предприятия области¹⁵.

Сибирское отделение развивало партнерские связи с рядом российских министерств (МЧС, Минатом, путей сообщения, транспорта и др.), которые помогли установить прямые контакты новосибирских институтов с заказчиками. Эта линия сотрудничества оказалась чрезвычайно перспективной, и по мере стабилизации экономики стала приносить институтам дополнительный доход. Постепенно к сотрудничеству с учеными ННЦ проявили интерес крупные фирмы и корпорации (РАО «ЕЭС России», Российское агентство по обычным вооружениям – РАВ, и др.), что, несомненно, расширило сферу применения разработок новосибирских институтов.

В советский период роль координатора в изучении восточных регионов страны принадлежала программе «Сибирь», имевшей государственный статус¹⁶. И хотя в 1990-е гг. она превратилась в региональную научно-техническую программу, в ее рамках удалось сделать немало. РНТП «Сибирь» являлась основным координирующим звеном в проработке и подготовке решений по узловым проблемам развития экономики региона. Ученые ННЦ обосновали свое видение путей развития энергетики страны и региона, оценили сырьевой потенциал нефтяной, газовой, угледобывающей промышленности, подготовили прогнозный сценарий социально-экономического развития восточной макрзоны России. Подготовка федеральных и региональных программ (Энергетические стратегии России и Сибири, Основные направления экономического и социального развития Сибири на период до 2005 года, и др.) стала возможной в результате кооперации ученых Сибирского федерального округа и Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение».

Таким образом, в кризисных условиях 1990-х гг. институты ННЦ активизировали усилия по привлечению дополнительных средств за счет реализации программ международного сотрудничества, участия в конкурсах российских и международных научных фондов, сотрудничества с региональными администрациями и выполнения работ в интересах регионов; интеграции с другими академическими институтами и вузами. По каждому направлению в ННЦ появились свои лидеры, успешно реализующие научный потенциал коллектива для привлечения дополнительного финансирования в бюджет отдельного института и научного центра в целом.

Мероприятия, реализованные в условиях стабилизирующейся экономики, дали определенные результаты. В 1999 г. произошли позитивные изменения в динамике финансирования научного комплекса: впервые с 1991 г. был выполнен план финансирования СО РАН. Базовое финансирование использовалось для поддержки приоритетных исследований, квалифицированного «ядра» научных сотрудников, приобретения уникального оборудования. При этом в общем бюджете Отделения финансирование из федеральных источников составляло только половину. Другую половину (54,8 % в 2000 г.) СО РАН получало по отечественным и зарубежным грантам, контрактам и хозяйственным договорам¹⁷. Это свидетельствовало о том, что академические учреждения адаптировались к новым условиям существования в постсоветской России.

Стабилизация с финансированием позволила нарастить численность академической аспирантуры, которая всегда эффективно выполняла функции воспроизводства кадрового потенциала¹⁸. Если в 1997 г. в аспирантуру ННЦ было принято 199 чел, то в 2000 г. – уже 322 чел¹⁹. Привлечение выпускников аспирантуры в штат институтов усилило состав лабораторий и повысило долю в них молодых ученых. Однако проблема необходимости омоложения научных кадров до сих пор не снята с повестки дня.

Как известно, ННЦ – единственный центр СО РАН, который не получил организационного оформления. Поскольку все руководящие структуры Сибирского отделения находились в Новосибирске, считалось, что создавать параллельную структуру управления нецелесообразно. В новых экономических условиях оказалось, что у ННЦ нет реальных механизмов для защиты интересов научного сообщества. В 2001 г. академики А.П. Дервянко и В.Е. Накоряков предложили официально оформить группу учреждений РАН в Новосибирске как научный центр и возложить руководство на зам. председателя СО РАН по делам ННЦ²⁰. В итоге эта идея трансформировалась в создание Совета директоров новосибирских институтов, который возглавил академик С.Н. Багаев.

Таким образом, Новосибирский научный центр, исходя из конкретных объемов бюджетного финансирования и ориентируясь на результаты в области фундаментальных и прикладных исследований, выработал собственную стратегию «выживания» в 1990-е и последующего развития в 2000-е годы. Большую роль в сохранении академического потенциала сыграли достижения советского периода и принципы, на основе которых развивалось Сибирское отделение: мультидисциплинарный характер фундаментальных исследований; воспроизводство традиций научного поиска в рамках научных школ; инновационная направленность полученных результатов; интеграция науки и образования.

¹ Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Отв. ред.: Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. Новосибирск, 2007. С. 323.

² Китова Г.А., Кузнецов Б.В. Кадровый потенциал российской науки: особенности динамики в 90-х годах // Вестник РГНФ. 1999. № 4. С. 189–198.

³ Куперитох Н.А. Кадровый потенциал научных центров Сибири: особенности динамики 1990-х гг. // Науковедение и организация научных исследований в России в переходный период. Материалы конф. СПб, 2004. С. 254–262.

⁴ Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997. С. 89.

⁵ О деятельности Сибирского отделения Российской академии наук в 1995 году. Новосибирск, 1996. С. 3–4.

⁶ Российская академия наук. Сибирское отделение. Стратегия лидеров / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск, 2007. С. 528–529.

⁷ Здесь и далее рассчитано по данным Управления кадров Президиума СО РАН.

⁸ В 2000-е гг. объединенные институты были реорганизованы, а большинство КТИ превратились в филиалы или отделы НИИ. Самостоятельный статус до настоящего времени сохранили КТИ научного приборостроения и КТИ вычислительной техники.

⁹ В 2005 г. на основе ассоциации созданы Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН и Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН.

¹⁰ Еремин С.Н., Куперитох Н.А. Международная миграция ученых в 1990-е годы (на материалах Сибирского отделения РАН) // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Материалы Междунар. конф. Екатеринбург, 1999. С. 137–143.

¹¹ Куперитох Н.А. Международные исследовательские центры на базе институтов Сибирского отделения Российской академии наук в Новосибирске // Энциклопедия «Новосибирск». Новосибирск, 2003. С. 516.

¹² Ермиков В.Д. Международные научные центры в Сибири // Науковедение. 2001. № 3. С. 40–48.

¹³ Куперитох Н.А. Новосибирский научный центр Сибирского отделения РАН: особенности развития в 1985–1995 гг. // Вестник РГНФ. 1997. № 2. С. 138.

¹⁴ Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Отв. ред.: Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. Новосибирск, 2007. С. 348.

¹⁵ Сибирское отделение Российской академии наук. 1997–2001 гг. Новосибирск, 2001. С. 126.

¹⁶ *Куперштох Н.А.* Интеграционная роль программы «Сибирь» в изучении производительных сил региона // История науки и техники. 2012. № 6. С. 25–33.

¹⁷ Сибирское отделение Российской академии наук. 1997–2001 гг. Новосибирск, 2001. С. 5.

¹⁸ *Куперштох Н.А.* Опыт подготовки научных кадров Сибири через академическую аспирантуру // Воспроизводственные механизмы российской науки: современное состояние и перспективы развития. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2004. С. 10–28.

¹⁹ Сибирское отделение Российской академии наук. 1997–2001 гг. Новосибирск, 2001. С. 18.

²⁰ *Макарова В.* Заседает Президиум СО РАН // Наука в Сибири. 2001. № 47.

В.П. Карпов

О роли науки и техники в создании Тюменского нефтегазодобывающего района

Традиционными методами создать «с нуля» крупный нефтегазодобывающий центр на Тюменском Севере было бы невозможно. Поэтому на начальном этапе (1960-е – первая половина 1970-х гг.) районы нового промышленного освоения (РНПО) стали своего рода передовым плацдармом, где проходили практическую проверку и получили признание сотни и тысячи технических и технологических новинок в добыче, бурении, строительстве. Автоматизация и телемеханизация промыслов, сибирская технология наклонно-кустового бурения, строительство газовых скважин и трубопроводов увеличенного диаметра, применение индустриального метода строительства, создание ледово-лежневых насыпных оснований для дорог и буровых установок, другие новые решения позволили всего за 10 лет (1964–1974 гг.) превратить Тюмень в лидера среди нефтедобывающих районов СССР. Такие темпы роста вряд ли удастся повторить где-либо ещё: с 1970 по 1980 гг. добыча нефти в Тюменской области выросла в 10 (до 312,6 млн т), природного газа – в 16 (до 160,0 млрд кубометров) раз!¹ Это был настоящий индустриальный «взрыв», в результате которого появились новые города, железные дороги, аэропорты, сотни крупных промышленных объектов.

Страна направляла в новый энергетический район лучшее оборудование и машины. Наряду с отечественной, использовалась зарубежная техника, закупаемая через Машиноимпорт: газлифтные комплексы, вездеходы, экскаваторы, бульдозеры, погружные электронасосы, трубы, радиотелеметрические системы, радиоаппаратура, ЭВМ производства Канады, США, Франции, ФРГ, Японии.

Главным звеном научно-технической политики СССР в 1970-е гг. стала автоматизация производства, которая для Севера имела особое значение. Участок по добыче нефти в тюменских РНПО – это десятки квадратных километров, промысел – сотни. Плюс, как правило, бездорожье. В этих условиях только с помощью средств автоматики можно было ответить на вопрос: сколько продукции получила бригада в смену, за сутки? И, конечно, автоматика позволяла высвободить сотни и тысячи людей. «Главная задача в семидесятые годы, – вспоминал позже экс-председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, – состояла во всемерной автоматизации промыслов. ... Мы тогда хорошо сознавали, что обеспечить сотни тысяч людей приличными условиями труда и быта на Тюменском Севере – проблема сложная. Кроме длительных сроков, для территориального освоения требовались большие капитальные затраты. Выход из этого положения мы видели во всемерной автоматизации нефтедобычи, в результате которой людей для обслуживания промыслов понадобилось бы гораздо меньше»². В 1971–1975 гг. нефтяники Западной Сибири комплексно автоматизировали 12 месторождений из 18, построили 17 систем телемеханики, которыми контролировалось 75 % всех промысловых объектов. Темпы автоматизации в нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в первой половине 1970-х гг. почти втрое превышали среднесоюзные показатели. Промыслы региона по степени автоматизации и телемеханизации вышли на первое место в стране³. Другой ведущий главк ЗСНГК – Главтюменнефтегазстрой по уровню внедрения новой техники за тот же срок вышел с предпоследнего на первое место в Министерстве.

Рост объемов производства, научно-технический прогресс на предприятиях, усложнение производственных связей сопровождалось быстрым ростом информационных потоков, поэтому в 1971 г. к составлению методики поиска оптимального варианта обустройства месторождений с помощью ЭВМ приступил Вычислительный центр Сибирского отделения АН СССР. Внедрение автоматизированных систем управления (АСУ) начал осуществлять созданный в Тюмени в конце 1973 г. кустовой информационно-вычислительный центр (КИВЦ) Главтюменнефтегаза. Вслед за ним появились районные ИВЦ в Нижневартовске и Сургуте, а также тер-

риториальные информационные центры, предназначенные для сбора и передачи информации во всех районах добычи нефти.

Для сокращения сроков внедрения разработка и ввод в эксплуатацию АСУ осуществлялись одновременно. В 1975 г. введена в промышленную эксплуатацию первая очередь АСУ-«нефть»⁴. В результате в полтора – два раза ускорился выпуск проектной документации, что в конечном счете приблизило начало промышленного освоения месторождений на два – три года. Проектные решения по построению АСУ Главтюменнефтегаза были признаны наиболее перспективными для многих отраслей народного хозяйства СССР.

На опыте отработки АСУ в нефтедобывающей промышленности шел поиск приемлемых решений в этой области и для других отраслей ЗСНГК. В 1976 г. начали работу автоматизированные системы управления (первые очереди) АСУ-«поток» – в Главтюменнефтегазстрое, АСУ комплекса «Медвежье» (с освоением этого месторождения-гиганта было связано развитие газовой отрасли региона в 1970-е гг.) – в Тюменгазпроме. Менее успешно внедрялась АСУ-«геология», но и здесь эффективность применения ЭВМ была очевидна: при годовых затратах на содержание ВЦ Главтюменгеологии в 335 тыс. руб. экономия от использования вычислительной техники составила свыше 10 млн руб.⁵

К 1989 г. в Тюменской области функционировало 139 АСУ и АС, в том числе 68 АСУ технологическими процессами (АСУТП). 123 из них действовали в подразделениях ЗСНГК: 47 АСУ – в Главтюменнефтегазе, 33 – в Тюменгазпроме, 15 – в Тюменьэнерго, 11 – в Главтюменнефтегазстрое, 17 – в Главтюменьгеологии⁶.

Научно-технический прогресс (НТП) стал одним из важных факторов успешного становления новых отраслей промышленности, однако со второй половины 1970-х гг. темпы НТП стали неуклонно снижаться, а новаторские традиции первопроходцев во многом были утрачены: нарастал системный кризис в СССР, стало заметным ухудшение всех макроэкономических показателей. В условиях снижения эффективности советской экономики руководство страны стало смотреть на новый уникальный нефтегазодобывающий район как на спасение от всех бед.

Скорейший запуск в разработку новых месторождений заслонил задачу, стоявшую первоначально – вводить в эксплуатацию новые нефтяные и газовые месторождения только комплексно автоматизированными и полностью механизированными. В итоге даже те промыслы, которые вводились в 1971–1975 гг. комплексно автоматизированными, при их дальнейшем расширении без должного внимания к проблемам НТП переставали отвечать

современным требованиям. Выходило из строя оборудование, выпущенное в 1960-е гг., устаревшее не только физически, но и морально.

Варварскую эксплуатацию тюменских месторождений объясняет и основополагающий экономический критерий (ОЭК) нефтедобычи в СССР – выполнение планов добычи при минимизации капиталовложений в нефтедобывающий район. На практике ОЭК невозможно было применить без потерь в нефтеотдаче пластов. Стремительный взлет нефтедобычи был достигнут во многом благодаря интенсивной выработке лучших по качеству и местоположению запасов минерально-сырьевых ресурсов. Так, например, на территории Ханты-Мансийского округа из числа выявленных почти 500 месторождений нефти и газа всего 12 месторождений в течение 1964–1995 гг. обеспечили 80 % добычи региона (за все время освоения)⁷. К началу 1980-х гг. крупнейшие тюменские месторождения прошли пик добычи, и резкий спад в отрасли региона стал для многих руководителей в министерстве и правительстве неожиданным. По словам Н.К. Байбакова, внедрение принципов ОЭК привело к «большой драме идей и людей».

Яркий пример – эксплуатация Самотлорского месторождения. «Ясно, – пишет ветеран нефтяной науки Г.Г. Вахитов, – что прежде чем начать его освоение, надо было с участием большой академической науки и всех крупных специалистов отрасли определить порядок и технологию его разработки и эксплуатации ... Если на аналогичных месторождениях за рубежом предпочтение отдавалось длительному комплексному геолого-физическому изучению объектов разработки и компьютерному моделированию технологических процессов перед вводом месторождения в разработку, то при освоении Самотлорского месторождения все делалось в спешке»⁸. Пробная эксплуатация скважин была слишком кратковременной, чтобы провести необходимые исследования: при составлении «Принципиальной схемы разработки Самотлорского нефтегазового месторождения» площадью 1200 кв. км были пробурены всего 33 разведочных скважины. Вопреки опыту разработки Ромашкинского (крупнейшее до Самотлора месторождение СССР в Татарии – авт.) и зарубежных месторождений, началась невиданная в мировой практике интенсификация добычи нефти с первых дней его освоения⁹. Чем это обернулось? Максимальный уровень добычи (155 млн т) продержался всего год (1980). Уже в 1988 г. на Самотлоре было добыто на 1/3 меньше проектного уровня. А соблюдение проектной цифры в 130 млн т в год позволило бы эксплуатировать Самотлор на этом уровне, по оценкам специалистов, 19 лет, сохранив его до 1994 г.¹⁰

Между тем, еще в 1978 г. Е. Ефремов, заместитель директора СибНИИ НП, доложил заместителю министра нефтяной промышленности СССР Э. Халилову о нарушениях проекта разработки Самотлора. В док-

ладной сообщалось о чрезмерной перегрузке наиболее известных и доступных залежей, пренебрежении остальными, об отклонении от технологии, нежелании внедрять механизированные способы добычи. О грубых нарушениях всей технологической схемы эксплуатации говорили и ученые ВНИИПНефть, геологи-эксплуатационники. Их не захотели услышать. Добыча нефти почти на четыре года опережала обустройство промыслов. Не были построены объекты, предусмотренные проектом, почти на 1,5 млрд руб.¹¹

Вот как прокомментировал ситуацию бывший первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г.П. Богомяков четверть века спустя: «Большие сложности появились с назначением на пост министра нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцева (ясно, что министр, в свою очередь испытывал сильное давление Кремля – авт.). Он слишком «задирал» темпы добычи нефти на Самотлорском, Федоровском и других крупных месторождениях. Мы нутом чувствовали, что добыча вскоре может повалиться»¹². Прежний министр В.Д. Шашин (1965–1977 гг.), в отличие от Н.А. Мальцева, крайне отрицательно относился к планам чрезмерной интенсификации нефтедобычи, но и давление со стороны Правительства и Госплана СССР на тюменских нефтяников до середины 1970-х гг. еще не было столь жёстким.

Разрыв между темпами добычи нефти и развитием научно-технической базы комплекса привел к тому, что в 1980-е гг. уровень автоматизации производственных процессов на промыслах Главтюменнефтегаза был уже ниже, чем в целом по отрасли, хуже, чем в старых нефтяных районах СССР¹³. Это не замедлило сказаться на численности работников. В 1986 году в Нижневартовске, главном районе нефтедобычи Западной Сибири, на одного работающего, занятого в основном производстве, приходилось пять – шесть и более работников обслуживающих отраслей и управленцев. В то же время на зарубежном Севере это соотношение выглядело как 1:1 или даже 1:0,5¹⁴. В результате не была решена главная задача – взять богатства Западной Сибири «не числом, а умением». Низкий уровень автоматизации и телемеханизации месторождений повлек привлечение в регион дополнительных трудовых ресурсов, и прирост производства в 1980-е гг. обеспечивался экстенсивным путем, за счет увеличения численности трудовых коллективов, что вызвало дополнительные затраты финансовых и материальных средств, еще более усугубило проблемы в социальной сфере ЗСНГК.

Что касается собственно отечественной науки, то на её отставании сказывались планово-распорядительный характер экономики, слабость материально-технической базы, неразвитость научного приборостроения.

В 1970-е гг. СССР уже существенно уступал Западу в развитии вычислительной техники. Эффективность создаваемых АСУ и АСУТП (АСУ технологическими процессами) во многом определялась их технической базой, а машины, которыми в основном оснащались вычислительные центры отраслей ЗСНГК (Минск-32, БЭСМ-4М, ЕС-1020) не могли обеспечить должный уровень автоматизации, так как не располагали необходимым быстродействием и объемом оперативной памяти¹⁵. Отсутствие в АСУ современных ЭВМ с развитой системой терминальных устройств затрудняло обмен оперативной информацией между удаленными объектами. Кроме того, для условий нефтяной промышленности первостепенное значение в рамках АСУ приобретали задачи прогноза и перспективного планирования основных показателей разработки месторождений и производственной деятельности в бурении, добыче и транспорте нефти. Однако в действовавших АСУ удельный вес указанных задач был мал, что снижало их эффективность.

Собственные вычислительные мощности СССР не могли угнаться за теми требованиями, которые выдвигала НТР, а на импорт электронно-вычислительной техники тратилась ничтожная часть нефтедолларов. По подсчету М.В. Славкиной, в общем объеме импорта СССР доля вычислительной техники – основы научно-технического прогресса – не достигала 0,5 %, в то время, как на зерно, мясо, одежду и обувь в разные годы тратилось от 30 до 100 % долларовой выручки от нефтеэкспорта¹⁶.

Нефтегазодобывающие районы Западной Сибири по количеству техники далеко превосходили традиционные районы добычи нефти и газа, однако в большинстве случаев это были не принципиально новые машины, а модернизация существующих серийных моделей машин и механизмов за счет их приспособления к работе в условиях низких температур. Вместе с тем, чрезмерное, на наш взгляд, увлечение закупкой импортного оборудования не стимулировало собственные разработки, особенно создание техники в северном исполнении.

Характерный пример – снегоболотоход «Тюмень». Происхождения весьма сложного. Сконструирован в системе Миннефтегазстроя. За основу взят колесный трактор «Кировец». На четырех заводах – Калужском, Сысертском, Кропоткинском, Тюменском, подчиненных трем разным министерствам: Нефтепрому, Газпрому Нефтегазстрою, «кировцев» «разували», ставили на широкие болотные гусеницы, и эта самодельная подотрасль выпускала 100 машин в год. «Где тут технический прогресс? – спрашивали корреспонденты «Известий». – Разве не рациональнее было осуществлять эту идею в автоматизированных цехах, на конвейерах того же Кировского завода или КамАЗа, иначе говоря, на специализированных предприятиях?»¹⁷.

Между тем спрос на такого рода технику был большой. Поэтому на Севере, как нигде, нужна была не частичная модернизация, а переход к новым технологическим системам, к технике последних поколений. Решить проблему в исследуемый период так и не удалось. Частые выходы из строя техники, не приспособленной к эксплуатации в условиях Севера, влекли за собой крупные материальные потери. Так, зимой 1973 г. на строительстве трубопровода Самотлор – Курган – Уфа – Альметьевск из-за низких температур вышло из строя более тысячи единиц техники. Ломались, как стекло, стрелы, выходили из строя двигатели. Не выдерживало морозов и оборудование на промыслах, сокращались сроки его эксплуатации.

В постановлении Госкомитета СССР по науке и технике от 31 мая 1983 г. № 239 «О создании и повышении эффективности использования горнодобывающей техники в северном исполнении» отмечалось, что «из-за недостаточного количества производимой в северном исполнении техники в районах с низкими температурами в зимний период приходится эксплуатировать машины в исполнении для умеренного климата, что приводит к снижению их производительности в среднем в 1,5 раза по сравнению с летним периодом, фактический срок службы сокращается по сравнению с нормативами в 2–3,5 раза. Все это приводит к огромным народнохозяйственным потерям, которые исчисляются десятками миллиардов рублей. Почти полностью отсутствуют системы машин, механизмов и оборудования, обеспечивающие комплексную механизацию и автоматизацию процессов разработки природных ресурсов, что особенно важно в условиях дефицита трудовых ресурсов и высокой стоимости работ, характерных для районов Севера»¹⁸.

В общем объеме машин и механизмов доля техники, предназначенной для работы в северных условиях, в организациях Миннефтегазстроя Западной Сибири в начале 1980-х гг. составляла лишь 2–3 %¹⁹. В 10-й пятилетке Главтюменнефтегазстроем был достигнут экономический эффект в строительстве в сумме 84 млн руб., однако анализ эффективности показал, что 90 % ее получено за счет внедрения новых организационных и технологических решений, и только 10 % – за счет внедрения новой техники²⁰. И в последующие годы машиностроители не обеспечили сибиряков машинами в северном исполнении.

У главков ЗСНГК были налажены хорошие контакты с десятками научных центров СССР, включая МВТУ им. Баумана, институт кибернетики АН УССР, институты СО АН СССР. Однако между учеными и производителями часто становился проектный институт с противоположным мнением. «И это не вина тех или иных работников проектных институтов, – отмечалось на VIII съезде НТО нефтяной и газовой промышленно-

сти СССР (1982 г.). – Сама система оценки деятельности проектных институтов по показателям снижения сметной стоимости и сокращению сроков проектирования, ограничения в применении новых, не опробованных еще решений – все это становится тормозом в применении нового»²¹.

Внедрение достижений научно-технического прогресса неоправданно затягивалось и потому, что капиталовложения на эти цели были незначительны. Если на фундаментальные исследования и разработки они составляли в общей сумме 10 %, на прикладные – 85 %, то на внедрение – лишь 5 %, при оптимальном соотношении 10, 30 и 60 %²². В результате, недостатка в новинках не было, но производственники их своевременно не получали. Такая ситуация была характерна не только для ЗСНГК, но и для промышленности СССР в целом.

Скорость внедрения научно-технических новшеств значительно отставала от зарубежной. Обновление парка машин и оборудования, а также производимой продукции шло чрезвычайно медленными темпами. По оценкам экономистов, в 1970–1980-х гг. отставание СССР от Запада в области нововведений составляло 15–20 лет, увеличившись по сравнению с серединой 1960-х гг. почти вдвое. Средняя продолжительность научно-производственного цикла в СССР составляла в 1970-е гг. 17,5 лет, в то время как в США – 6–8 лет при снижении этого срока к концу 1970-х гг. до 4–5 лет²³.

Темпы научно-технического прогресса и экономического развития страны в 1970–1980-е гг. неуклонно падали и в обществе стало складываться мнение, что виной всему «командно-административная система». Логику таких рассуждений показывают историки Е.Т. Артемов и Е.Г. Водичев. «Директивное планирование, – пишут они, – не может учесть динамики современной науки. Система стимулирования научно-технического прогресса, оправдавшая себя в военном производстве, не срабатывает в других отраслях экономики. С ее помощью директивным органам никак не удается наладить отслеживание потенциально возможных технологических прорывов и вовремя производить соответствующее перераспределение ресурсов. Сами же предприятия в условиях централизованно-планируемой экономики этого делать не могут, да и не заинтересованы в отсутствии конкурентной среды»²⁴.

В 1960–1980-е гг. масштабы экономики значительно возросли, хозяйственные связи неимоверно усложнились, новый этап НТР, развернувшийся в развитых странах со второй половины 1970-х гг., требовал адекватных ответов на новые вызовы времени. Госплану СССР становилось всё труднее выполнять свои прямые обязанности. Как вспоминал начальник отдела нефтяной промышленности Госплана СССР В.П. Патер, годовые

планы уже не соответствовали пятилетним, а реальные показатели отличались и от тех, и от других²⁵.

Наращение организационных проблем было особенно заметно на Тюменском Севере, потому что развивать региональное хозяйство с преимущественно моноотраслевой структурой можно было в основном за счет использования внешних ресурсов – финансовых, материально-технических, трудовых, а система «СССР–ЗСНГК» стала давать сбои. Контролировать ситуацию на северных промыслах не то что из Москвы, но и из Тюмени становилось всё труднее. Таким образом, в оценке научно-технических аспектов индустриализации Тюменского нефтегазового севера следует учитывать не только просчёты в государственной научно-технической политике, но и системный кризис.

Чем хуже складывалась ситуация в экономике СССР, тем большая нагрузка ложилась на нефтяников. Центр ставил перед Тюменью все более амбициозные задачи. В 12-й пятилетке (1986–1990 гг.) предприятия ЗСНГК должны были освоить 82 млрд руб. – столько же, сколько за предыдущие 20 лет²⁶. Но как это сделать, похоже, не знали ни в Центре, ни в регионе. Предпринятые в годы «перестройки» меры по ликвидации спада темпов тюменской нефтедобычи отражали старую тактику: ввод в эксплуатацию новых месторождений, форсирование темпов отбора нефти на эксплуатируемых месторождениях. Эта тактика не устранила глубинных причин кризиса: ЗСНГК остался на голодном пайке с точки зрения поставок техники и оборудования. Не помогла и наука. В стране нарастала анархия, закончившаяся распадом СССР. Обвальное с 1989 г. падение добычи сибирской нефти стало одной из его причин.

¹ Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень, 2005. С. 297.

² Цит. по: Карпов В.П. Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень, 2011. С. 219.

³ Там же. С. 221, 222.

⁴ ГАСПИТО. Ф. 2037. Оп. 1. Д. 39. Л. 96; Д. 40. Л. 86.

⁵ Тюменская правда. 1976. 14 марта.

⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2936. Л. 224.

⁷ Экономическое развитие Западной Сибири в XX веке (дискуссионные материалы) / В.В. Кулешов, В.А. Крючков. Новосибирск, 2000. С. 31.

⁸ Вахитов Г.Г. Нефтяная промышленность России: вчера, сегодня, завтра. Опыт разработки месторождений углеводородов в 1950–2012 гг. М., 2012. С. 66–67.

⁹ Там же. С. 67, 70.

¹⁰ Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Нефть во внешней политике и торговле Советского Союза в 1960–1980-е годы // Известия вузов. Нефть и газ. 2002. № 4. С. 119.

¹¹ Известия. 1985. 28 мая.

-
- ¹² Тюменская правда. 2004. 28 июля.
- ¹³ Подробнее см.: *Карпов В.П.* Западно-Сибирский нефтегазовый проект. С. 224.
- ¹⁴ Круг забот за полярным кругом // Советская культура. 1986. 9 октября.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 1853. Л. 6.
- ¹⁶ *Славкина М.В.* Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960–1980-е годы. М., 2002. С. 153, 155.
- ¹⁷ Заказ на технику // Известия. 1985. 8 июня.
- ¹⁸ ГБУТО ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 2613. Л. 144.
- ¹⁹ *Возняк В.Я.* Проблемы экономики строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. М., 1983. С. 51.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 2190. Л. 107.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 18. Д. 2190. Л. 108.
- ²² Вопросы философии. 1978. № 9. С. 19–20.
- ²³ *Глазьев С.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993. С. 209.
- ²⁴ *Артемов Е.Т., Водичев Е.Г.* Научно-техническая политика в советской модели трансформации общества // Социальные трансформации в российской истории: Докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург – Москва, 2004. С. 216.
- ²⁵ *Славкина М.В.* Байбаков. М., 2010. С. 150.
- ²⁶ *Карпов В.П.* Западно-Сибирский нефтегазовый проект... С. 249.

М.В. Комгорт

«Сценарии» индустриального развития Обского Севера накануне «нефтегазовой революции»

Индустриальное освоение восточных районов страны с целью более рационального размещения производительных сил и максимальным приближением промышленности к источникам сырья, топлива и районам потребления становится важнейшим направлением экономической политики государства в 1950–1960-е гг.¹ Возможности реализации намеченных задач были обусловлены как возросшими масштабами ее народного хозяйства, так и определенным влиянием научно-технического прогресса и конфронтации со странами западного мира². Многие исследователи считают 1950-е годы, особенно вторая их половина, являлись наиболее успешными в экономическом развитии страны. Экономический рост в эти годы, по разным данным, в среднем составлял от 7 до 13 % и обеспечивался как за счет экстенсивных, так и интенсивных факторов³. По мнению академика В.В. Алексеева, новый этап модернизации страны, «оказался не

менее результативным, чем предшествующий, но был глубже технологически и благотворнее для населения страны»⁴.

Природно-сырьевые ресурсы Азиатской России давали широкие потенциальные возможности для выбора отраслевой специализации регионов и реализации здесь крупных инвестиционных и инженерных проектов. Особого внимания со стороны государства требовали северные районы Западной Сибири, сырьевая база которых в силу объективных причин длительное время не была востребованной. Создание в 1944 г. двух новых областей – Тюменской (с включением в ее состав северных национальных округов) и Томской подтверждало намерение способствовать их активной индустриализации.

Следует заметить, что вплоть до признания факта открытия в первой половине 1960-х гг. на территории Западной Сибири новой нефтегазоносной провинции, экономический профиль ее северных районов оставался неопределенным. Об этом свидетельствовали, в частности, и проблемы с районированием территории будущей Тюменской области. В начале 1920-х гг. данную территорию относили то к Западно-Сибирскому (1921 г.), то Уральскому экономическим районам (1923 г.). В последнем случае это объяснялось необходимостью расширения энергетической базы Урала за счет лесных ресурсов Западной Сибири и задачей ускорения экономического развития Тобольского Севера с помощью уральской индустрии.

При создании Тюменской области в 1944 г. ее территория, согласно сетке экономических районов Госплана СССР, вошла в Западно-Сибирский экономический район⁵. По проекту Госэкономсовета о новом экономическом районировании СССР 1960 г. область планировали оставить в прежнем статусе. Однако областное руководство убедительно доказывало необходимость изменения районирования, мотивируя это тем обстоятельством, что Тюменская область имеет исторически сложившиеся экономические связи с областями, входящими в состав Уральского экономического района. Так, около 80 % народнохозяйственных грузов и комплектующих изделий, поступающих в область по кооперированным, поставкам ввозилось из промышленных районов Урала и Европейской части страны. В свою очередь, в Уральский экономический район из области поставлялось от 60 до 90 % продукции сельского хозяйства и отгружалось в западном направлении почти 80 % лесопродукции. Связи с областями Западно-Сибирского экономического района, ограничивались, главным образом, завозом отсюда нефтепродуктов и каменного угля и не имели перспективы значительного расширения в будущем⁶. Представленные региональным руководством доводы оказались убедительными. В результате пересмотра сетки экономиче-

ских районов СССР в 1961 г., Уральский район был значительно расширен за счет включения в него Тюменской области.

В 1940–50-е гг. область рассматривалась преимущественно в качестве аграрного «резервуара» индустриального Урала и промышленных областей Сибири. Госплан СССР делал ставку на развитие на ее территории традиционных отраслей экономики (лесной и рыбной) и, тем самым, исключал регион из проектов интенсивного промышленного развития. Не проявляли должного внимания к всестороннему изучению природных богатств и развитию производительных сил области Уральский и Западно-Сибирский филиалы Академии Наук СССР, поскольку она не являлась для них зоной приоритетных интересов⁷.

Преследуя цель создания на территории области ресурсной базы для новых отраслей промышленности, партийное руководство области также предпринимало многочисленные попытки привлечь внимание руководства страны к проблеме изучения минерально-сырьевых ресурсов региона. Об этом свидетельствуют многочисленные свидетельства обращений регионального руководства в центральные партийные и ведомственные инстанции, а также плановые органы и научные учреждения страны с конкретными предложениями по активизации поисковых геологоразведочных работ на территории области⁸.

В 1950-е гг. из всех возможных сценариев промышленного развития Обского Севера, предлагаемых руководством области, выбор планирующих органов был сделан в пользу преимущественного развития лесной промышленности. В планах перспективного размещения производительных сил Тюменская область представлялась резервной территорией будущего индустриального освоения, главным образом лесных ресурсов⁹.

В конце 1950-х гг. удельный вес валовой продукции лесной и деревообрабатывающей промышленности в отраслевой структуре экономики Тюменской области составлял 21,5 %, причем ведущее место занимала лесозаготовка (56 %) ¹⁰. По запасам леса область занимала пятое место в СССР, однако полностью использовать имевшийся потенциал, маломощные леспромхозы были не в состоянии¹¹. В течение года они заготавливали до 1 млн кубометров древесины, 80 % которой вывозилось в районы перевалки или потребления гужевым транспортом¹².

Большая часть древесины, поставляемой Тюменской областью, производилась на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Размещение лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий в округе было крайне неравномерным. Как правило, они концентрировались по берегам рек Обь, Иртыш и Конда, в местах удобных для сплава продук-

ции. Из-за отсутствия лесовозных дорог огромные лесные массивы междуречий не разрабатывались¹³.

В начале 1950-х гг. были приняты правительственные постановления, содержащие ряд мер, направленных на преодоление отставания и коренное улучшение работы лесозаготовительной промышленности страны. В связи с истощением лесосырьевых ресурсов в южных, центральных и западных районах Европейской части СССР ЦК КПСС и Совет Министров СССР указали на необходимость расширения лесозаготовок в лесоизбыточных районах и, в первую очередь, в районах европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока, сократив рубки в малолесных районах¹⁴.

В 1951 г. Министерство лесной промышленности разработало проект строительства на территории Тюменской области шести крупных предприятий лесозаготовительной промышленности с заготовкой до 10 млн кубометров древесины в год и строительства на берегу Оби в районе Нарыкары и Ханты-Мансийска заводов лесопиления, гидролизных, домостроения, целлюлозно-бумажных, фанерных и шпалорезных. «Развитие Тюменской области, – пишет Г.П. Богомяков (в 1973–1991 гг. – секретарь Тюменского обкома КПСС), – началось именно с лесной промышленности. Когда в конце 1950-х гг. были созданы совнархозы, стали говорить о развитии лесной и деревообрабатывающей промышленности. И железные дороги Ивдель-Обь и Тавда-Сотник не под нефть и газ строились, а под строительство четырех, а то и пяти крупнейших лесоперерабатывающих комплексов с глубокой переработкой древесины, чтобы самим выпускать бумагу, картон, целлюлозу...»¹⁵.

Другой возможный сценарий промышленного развития северных районов Тюменской области в 1950-е гг. связывался с гидроэнергетическим строительством. По расчетам института Гидропроект мощность Нижне-Обской ГЭС в районе Салехарда должна была составить 6,5–7 млн кВт с ежегодной выработкой 36 млрд кВт электроэнергии при себестоимости одного кВт – 0,03 коп. Для сравнения: Тюменская энергосистема превзошла этот показатель и достигла объема генерации электроэнергии в 10,5 млн кВт только к началу XXI в.

С целью преодоления энергетического «дефицита» и повышения индустриального статуса области партийное руководство поддержало идею строительства гидроэлектростанции. Привлекательность проекта для региональных властей была вполне объяснима, поскольку в условиях неопределенности нефтегазовых перспектив Тюмени, гидроэнергетика рассматривалась как реальная основа для модернизационных перемен в экономике региона. Одобрение проекта с их стороны означало: власти соглашались с тем, что на дне «Сибирского моря» окажется от 87 до 113 тыс. кв. км терри-

тории области. Затопляемая территория, охватив всю пойму Оби и Иртыша, должна была превысить суммарную площадь всех водохранилищ Волги и Днепра. При этом Салехард, Ханты-Мансийск, Лабитнанги, Березово, Октябрьское и еще 278 поселков и деревень обоих автономных округов должны были полностью или частично уйти под воду.

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Ф.С. Горячев, обосновывая необходимость усиления комплексных научных исследований на территории области в письме в ЦК КПСС и АН СССР (1954 г.), среди потенциальных природных ресурсов региона назвал в числе прочих и «большие возможности использования ресурсов р. Оби и ее многочисленных притоков для получения электроэнергии»¹⁶. К этому времени экспедиция института «Гидропроект» завершила топографо-геодезические изыскания на территории Ханты-Мансийского округа для составления схематического проекта Нижнеобской ГЭС и схемы энергетического использования рек Оби и Иртыша¹⁷.

В 1957 г. проект строительства гидроэлектростанции, представленный его разработчиками на совещании в Тюменском обкоме КПСС, получил одобрение большинства его участников. Резкие протесты геологов не были приняты во внимание. В январе 1959 г. партийное руководство Тюменской области в докладной записке «Об освоении естественных богатств и заселении малообжитых районов Тюменской области», адресованной в Госплан СССР, РСФСР и Совет Министров РСФСР, вновь признало строительство гидроэлектростанции на территории области «необходимым». В связи с этим региональное руководство просило поручить Госплану РСФСР представить на рассмотрение республиканского и союзного правительства «предложения о сроках начала и окончания строительства одной из крупнейших и необходимых для освоения богатств Урала и Сибири Нижне-Обской ГЭС»¹⁸. Как считают исследователи, «поддержка проекта Тюменским обкомом КПСС выступала серьезным фактором в продвижении проекта Нижне-Обской ГЭС. Несмотря на возражения со стороны Госплана, в 1960 г. Министерство строительства электростанций в его обход добилось включения проекта как приоритетного в генеральную перспективу развития народного хозяйства до 1980 г.

При проектировании строительства Нижне-Обской ГЭС были учтены и интересы лесной отрасли. По данным Гослесхоза РСФСР в зону затопления водохранилища будущей электростанции попадали покрытые лесом площади с запасами древесины от 300 до 400 млн кубометров. Для очистки дна водоема предполагалось использовать специально построенные гигантские лесоуборочные комбайны. «Скоро такая машина выйдет в лес, – сообщали разработчики, – и, словно сказочный богатырь Илья Муромец,

начнет косить направо-налево. Высокие деревья станут валиться, как подкошенные стебли травы... Смотришь, пока строится узел, от леса очистится вся зона затопления». На уже затопленных участках заготавливать древесину планировали с помощью «плавучего лесного комбайна». По мнению специалистов СОПСа при Госплане СССР, при мощном (1,5–2 м) ледяном покрове, неустойчивой погоде, сильном волнении, больших площадях водохранилища, с малыми вдоль берегов и с очень значительными (десятки метров) глубинами на большей его части, эффективность применения таких «комбайнов» и удобство жизни обслуживающего персонала на «благоустроенных брандвахтах» были «весьма сомнительны»¹⁹.

Полностью отказаться от амбициозного гидроэнергетического проекта с непредсказуемыми для региона последствиями позволило открытие в пределах Западно-Сибирской низменности нефтяных и газовых месторождений. Геологическая информация, накопленная к началу 1960-х гг. в результате бурения опорных скважин, и получение промышленной нефти дали серьезные основания для вывода об открытии в пределах Западной Сибири новой нефтегазоносной провинции.

В декабре 1961 г. первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербина обратился с запиской в ЦК КПСС, в которой убеждал высшее партийное руководство страны в том, что открытие в Тюменской области нефтегазоносной провинции с большими потенциальными запасами нефти и газа ставит в повестку дня вопрос «о значительном увеличении объемов геологоразведочных работ для организации в ближайшие годы нефтедобывающей и газовой промышленности»²⁰. ЦК КПСС обязал Госплан СССР и соответствующие министерства представить в Совет Министров СССР конкретные предложения по записке обкома партии. Эти предложения легли в основу постановления Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г. «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири»²¹. «Нефтегазовый вектор» индустриализации Тюменской области приобретал, таким образом, все более четкие перспективы.

¹ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 52; Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959; XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, М., 1962. Т. III. С. 282.

² *Ефимкин М.М.* Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. С. 90.

³ Мобилизационная модель экономического развития СССР: историко-теоретические проблемы // Россия в контексте мирового развития: история и современность: К 90-летию академика РАН В.А. Виноградова / Состав. Н.М. Арсентьев, Л.И. Бородкин. М., 2011. С. 324.

⁴ Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 284.

-
- ⁵ Атлас Тюменской области. М.-Тюмень: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1971. С. 3 (2).
- ⁶ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4138. Л. 175–176.
- ⁷ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3499. Л. 23–24.
- ⁸ *Комгорт М.В.* Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция: история открытия. Тюмень: «Вектор Бук», 2008. С. 110.
- ⁹ *Некрасов Н.Н.* Размещение производительных сил // Коммунист. 1963. № 3. С. 32.
- ¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4138. Л. 8–9.
- ¹¹ Тюменская область за 50 лет. Омск: Изд-во «Статистика», 1967. С. 6.
- ¹² ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 4000. Л. 5–6.
- ¹³ *Судаков А.В.* Развитие лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа в конце 1950-сер. 80-х гг. Автореф. Канд. истор. Наук. Сургут, 2005. С. 18–19.
- ¹⁴ *Тарасенков Г.Н.* На просторах Обь-Иртышья (Природа, хозяйство, культура Тюменской области). Свердловск, 1964. С. 175–176.
- ¹⁵ *Богомяков Г.П.* На пленуме партии я голосовал за перестройку // Тюменские известия. 2007. 16 февр.
- ¹⁶ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 3081. Л. 79.
- ¹⁷ ГА ХМАО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 154. Л. 4.
- ¹⁸ *Комгорт М.В., Колева Г.Ю.* Проблема повышения уровня индустриального развития Западной Сибири и проект строительства Нижнеобской ГЭС // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 86.
- ¹⁹ *Клопов С.В.* О влиянии проектируемой Нижне-Обской ГЭС на природу и народнохозяйственный комплекс Западно-Сибирской низменности // Проблемы Севера. Экономика. Вып. 9. М., 1965. С. 264.
- ²⁰ Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Т. 1. Свердловск, 1971. С. 23.
- ²¹ *Комгорт М.В.* Документ в контексте времени (история принятия постановления Совета Министров СССР от 19 мая 1962 г.) // Документ в контексте универсальных практик. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (12–13 ноября 2007 г.). Тюмень: 2007. С. 128.

Экономический потенциал Республики Бурятия в 1980-е гг.

Современная геополитическая ситуация делает актуальным изучение исторического опыта промышленного освоения малозаселенных сибирских пространств, к которым относится крупный национальный регион Восточной Сибири – Республика Бурятия. Промышленное и транспортное освоение территории Бурятской АССР в 1960–1980-е гг. привело к значительному увеличению притока инвестиций, что оказало неоднозначное влияние на ее хозяйственное развитие. Анализ экономического потенциала республики в 1980-е гг. позволил воссоздать предреформенную ситуацию в регионе.

Вторая половина 1980-х гг. характеризовалась весьма противоречивыми тенденциями. Инициаторы «перестройки» пытались совмещать экономически несовместимые задачи. В плане 12-й пятилетки (1986–1990 гг.) ставились задачи не только «обеспечить материально и духовно богатую жизнь», но и увеличить долю накопления в национальном доходе. Второй этап преобразований (1987–1990 гг.) характеризовался расширением самостоятельности предприятий, переводом их на полный хозрасчет, развитием индивидуальной и кооперативной форм собственности, привлечением иностранного капитала в форме совместных предприятий и т. п. При этом реформы были направлены на устранение «отдельных недостатков» существующей системы при сохранении социалистической собственности.

Основное место в экономической структуре Бурятии в 1980-е гг. принадлежало индустрии, отраслям, производящим средства производства (группа «А»). На их долю в 1989 г. приходилось 74,8 % от общего объема промышленной продукции. Производство предметов потребления (группа «Б») составляло 25,2 %¹. Всего в республике функционировало 238 промышленных предприятий, которые представляли 70 отраслей и подотраслей экономики. В 1970–1980-е гг. в ее структуре произошли определенные изменения, сократился удельный вес пищевой, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной промышленности, а также индустрии строительных материалов. Одновременно наблюдался рост в электроэнергетике, топливной и легкой промышленности, машиностроении и металлообработке.

Темпы роста этих отраслей превышали аналогичные показатели по стране, что свидетельствовало о наличии положительных структурных сдвигов в экономике Бурятии. Эти отрасли являлись основными в специализации республики в общесоюзном разделении труда, их продукция вывозилась за пределы региона. Бурятия производила 8,4 % промышленной продукции Восточно-Сибирского экономического района, однако по от-

дельным отраслям ее доля была значительно выше. Так, по производству мясных консервов и улову рыбы – на 18–35 %, по производству стиральных машин, шифера, оконного стекла и ремонту подвижного состава железной дороги – на 50–90 %, по производству электродвигателей, шерстяных тканей и переработке шерсти – на 100 %².

Показатели эффективности промышленности Бурятии колебались: динамический коэффициент эффективности за 1966–1970 гг. составил 1,62, а к концу 1980-х гг. он снизился до 0,99³. Основной причиной являлось изменение этих показателей в отдельных отраслях промышленности, в которых происходили структурные (ввод новых мощностей и медленное их освоение), а также специфические (дефицит трудовых, сырьевых и др. ресурсов) изменения, что влияло на общий показатель эффективности.

Ведущее положение в индустрии республики занимали отрасли обрабатывающей промышленности (в середине 1980-х гг. их удельный вес в общем объеме производства составлял около 82 %⁴), однако специализация отраслей производства не отвечала внутренним потребностям региона. Большинство предприятий республики специализировались на производстве не готовой продукции, а ее промежуточных стадий. Это приводило к тому, что значительная часть выпускавшейся продукции вывозилась из республики, в то время как потребности местного рынка удовлетворялись в основном за счет ввоза готовой продукции. Так, от 40 до 80 % продукции экспортировалась лесной, деревообрабатывающей промышленностью, индустрией строительных материалов, а также отраслями легкой и пищевой промышленности⁵. Одновременно фактически все необходимые потребительские товары, машины, техника и оборудование импортировались из центральных районов.

Следует отметить, что свыше 90 % производственного потенциала республики к концу 1980-х гг. по-прежнему находилось в ведении союзных и федеративных министерств⁶. К ним относилось большинство предприятий машиностроения и металлообработки, электроэнергетики, лесной промышленности и деревообработки. В ведении республиканских властей находились в основном предприятия местной пищевой, топливной, полиграфической промышленности и др. К концу 1980-х гг. на долю 50 предприятий союзного подчинения приходилось 45,8 % объема промышленного производства республики. Они сосредоточивали 81,3 % стоимости основных производственных фондов индустрии Бурятии и при этом не оказывали никакого влияния на обеспечение промышленного рынка республики⁷.

Объемы капиталовложений напрямую зависели от реализации крупных экономических проектов. В период строительства транспортной сети БАМ в 1970–1985 гг. в народное хозяйство Бурятии было вложено 8,9 млрд руб.,

Хакасии – 5,2 млрд, Тувы – 2,3 млрд руб.⁸ Наибольшие капиталовложения получили Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа для развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

К концу 1980-х гг. в республике был выполнен значительный объем строительных работ. В строй действующих вступили десятки новых промышленных объектов. По-прежнему велась разработка месторождений полезных ископаемых (Черемшанское месторождение кварцевых песков и др.). Однако средств на их добычу и строительство комбинатов выделялось сравнительно меньше, чем в предыдущие годы.

В исследуемый период появились новые отрасли индустрии – сельскохозяйственное машиностроение, целлюлозно-бумажная промышленность, значительно увеличились объемы производства в электроэнергетике, угольной и легкой промышленности. Вместе с тем отсутствие комплексного подхода в развитии ряда отраслей затягивало сроки освоения производственных мощностей новых предприятий. Так, при строительстве Улан-Удэнской трикотажной фабрики не были выделены средства на строительство жилья и объектов культурно-бытового значения⁹. Медленно осваивались мощности на Улан-Удэнской фабрике верхнего трикотажа, ЗММК, Селенгинском ЦКК и ряде других предприятий. В 1987 г. мощности ЗММК освоены всего на 55 %, на Селенгинском ЦКК по производству целлюлозы – на 86,4 %, картона – на 74,4 %¹⁰.

В конце 1980-х гг. освоение новых мощностей осуществлялось путем реконструкции действующих предприятий, в которые направлялась основная часть инвестиций. При этом затраты на внедрение новой техники значительно сократились: с 18,8 млн руб. в 1970 г. до 15,2 млн руб. в 1980-е гг. В результате процесс обновления производственного аппарата индустрии постепенно замедлялся, что свидетельствовало о падении темпов технического прогресса¹¹. Наряду с предприятиями, где основное оборудование в среднем имело возраст 10–12 лет (судостроительный завод, завод «Электромашина», ЛВРЗ), существовало много производств с устаревшей техникой¹². Причинами этого являлось, с одной стороны, наблюдавшееся удорожание современной техники, а с другой – отсутствие стимулирования научно-технического прогресса на производстве.

В то же время на промышленных предприятиях имелось большое количество нового, не установленного оборудования, стоимость которого в конце 1980-х гг. исчислялась в 10 млн руб.¹³ Незаинтересованность работников отрасли во внедрении новой техники объяснялась тем, что система материального стимулирования на предприятиях была нацелена в первую очередь на выполнение плана по производству продукции.

Застойные процессы в экономике отрицательно сказались на развитии производственного потенциала: терял престиж новаторский труд, формальным становилось социалистическое соревнование. Валовый объем промышленной продукции Бурятии в Восточно-Сибирском регионе снизился с 10 % в 1960-е гг. до 7,5–8 % в 1980-е гг.¹⁴ На показателях отразились также высокие темпы индустриального развития Красноярского края и Иркутской обл., определявшие в этот период тенденции экономического развития всего региона.

Кризисное состояние экономики республики не было преодолено в период «перестройки». Более того, во второй половине 1980-х гг. негативные тенденции усилились. Одной из таких тенденций являлся опережающий рост заработной платы по сравнению с ростом производства, что стимулировало инфляционный процесс. Так, по данным статистики, в Бурятии средняя заработная плата в промышленности в 1989 г. превысила производительность труда на 11,5 %, что оказалось на 7,5 % выше, чем в 1980 г.¹⁵

Многие предприятия работали крайне неустойчиво. Удельный вес капитальных вложений, выделявшихся на реконструкцию и техническое переоснащение производства, по-прежнему оставался на уровне 17 %, что было вдвое меньше среднего показателя по России. В июне 1987 г. принят закон «О государственном предприятии (объединении)», который существенно расширил права предприятий. Свобода без рыночной дисциплины обернулась активизацией потребительской деятельности предприятий в ущерб инвестиционной. Именно на этом этапе «перестройки» государственные органы утратили контроль над микроэкономическими процессами в стране, что во многом затруднило переход к рынку на следующем этапе реформ.

В мае 1988 г. вышел закон «О кооперации в СССР», а в ноябре 1989 г. – закон «Об аренде и арендных отношениях в СССР». Равноправие государственной и кооперативной собственности в них зафиксировано формально. В 1988–1989 гг. на условия полного хозрасчета и самофинансирования в республике перешли 85 промышленных предприятий, однако лишь некоторые из них смогли полностью освоить новые условия хозяйствования. В их числе – Улан-Удэнская кондитерская фабрика «Амта», которая увеличила объемы производства и улучшила качество выпускаемых изделий. По итогам 1988 г. фабрику признали победителем во Всероссийском социалистическом соревновании в своей отрасли¹⁶.

Однако подобных примеров было немного. Почти треть предприятий и объединений, перешедших на новые экономические условия работы, не справлялись с плановыми заданиями. В их числе – ЛВРЗ, объединение «Бурятферммаш», Тимлюйский шиферный завод, Улан-Удэнская фабрика верхнего трикотажа, предприятия объединения «Забайкаллес», Улан-

Удэнский авиационный завод и др. Так называемая конверсия – перефилирование мощностей авиационного, приборостроительного, моторостроительного заводов, Гусиноозерского радиозавода – на производство товаров народного потребления не принесла ожидаемых результатов.

В межрайонном разделении труда Бурятия участвовала в основном в производстве продукции промежуточного, сырьевого характера. Потребительский рынок республики находился в прямой зависимости от импорта товаров из других регионов и в условиях экономической перестройки становился все более неустойчивым. Во второй половине 1980-х гг. в республику было завезено товаров в 1,5 раза больше, чем произведено на месте¹⁷. Несмотря на значительный индустриальный потенциал, структура промышленного производства в Бурятии была неэффективной, что не способствовало ее адаптации к рыночным условиям.

Развитие транспортной системы республики определялось интенсивным освоением северных районов Бурятии, формированием новой транспортной магистрали – продолжением строительства БАМ. В 1984–1989 гг. на Бурятском участке уложено 350 км главного и около 100 км станционных путей. На трассе построено 11 поселков (Новый Уоян, Муякан, Кичера, Янчукан и др.) и город Северобайкальск. В связи с переходом на новые экономические условия хозяйствования в организациях БАМ также произошли качественные изменения.

Реорганизация ГлавБАМстроя в промышленно-проектное строительное объединение (ППСО) «БАМ-трансстрой» в 1987 г. создала возможность сконцентрировать усилия всех участников инвестиционного цикла в один узел, перейти на коллективный подряд и на полный хозрасчет. Уже первый год (1987 г.) работа на принципах коллективного подряда дала прирост объемов производства на 22 %. Строительство дороги в 1987–1988 гг. стало прибыльным¹⁸, больше внимания стало уделяться решению социальных вопросов, возросли темпы возведения капитального жилья (до 80 тыс. кв. м в 1988 г.¹⁹).

С вводом БАМ в постоянную эксплуатацию в 1989 г. страна получила второй, более короткий выход к Тихому океану, доступ к богатейшим природным ресурсам Сибири и Дальнего Востока. Появилась возможность разгрузить Транссибирскую магистраль, сократить объемы автомобильных и воздушных перевозок для БАМа, прекратить использование речного транспорта для сплава леса по рекам и оз. Байкал.

Однако строительство участка БАМ на территории Бурятии имело и отрицательные последствия, оно усугубило неблагоприятную экологическую ситуацию вокруг оз. Байкала. Окончание строительства БАМ означало для республики сокращение объемов инвестирования, а затем и его прекращение. Это сказалось на снижении темпов хозяйственного, про-

мышленного освоения не только северных районов республики, привело к замедлению процесса социально-экономического развития Бурятии.

Сельское хозяйство, являясь традиционной отраслью экономики республики, по-прежнему занимало значительные позиции. Однако объемы капвложений, несмотря на их некоторый рост в 1980-е гг., не удовлетворяли всех потребностей развития отрасли и были ниже, чем в Западной и Восточной Сибири и по России, но определенно выше (11,3 тыс. руб. в 1989 г.) показателей по другим национальным автономиям.

Проблемы сельского хозяйства постоянно поднимались на собраниях руководства, но рассматривались вне связи с проблемами реформирования производственных отношений в деревне и необходимости создания эффективно-экономического механизма управления отраслью. Принимавшиеся меры не давали желаемого результата по причине слабости экономических рычагов управления и отчужденности сельхозпроизводителя от результатов труда. Некоторые позитивные сдвиги наметились после принятия на пленуме ЦК КПСС 1982 г. Продовольственной программы²⁰, однако в целом сельскохозяйственное производство республики не справлялось с задачей удовлетворения потребностей населения в продуктах питания за счет местного производства. Прирост продукции растениеводства снизился с 43 % в первой половине 1980-х гг. до 15 % в 1986–1989 гг. Потребность населения в мясе с учетом норм питания в 1985 г. удовлетворялась лишь на 67,1 %²¹.

Позитивную роль в подъеме сельского хозяйства сыграло активное развитие хозрасчетных отношений, в том числе арендных. За арендными подрядами в 1989 г. закреплялось 93 % пашни, 70 % молочного стада, 96 % овец и все птицеводство²². Наряду с повышением закупочных цен были установлены специальные надбавки на сверхнормативную продукцию, а также списана кредитная задолженность сельхозпредприятий государству. Принятые меры привели к сокращению числа убыточных предприятий со 152 в 1980 г. до трех в 1989 г.²³ В городах и поселках стали активно поощряться коллективное огородничество и садоводческие товарищества. С целью улучшения питания рабочих на промышленных предприятиях создавались подсобные хозяйства.

Несмотря на позитивные сдвиги, эффективность сельскохозяйственного производства в регионе оставалась низкой, медленно росла урожайность сельскохозяйственных культур. Сельское хозяйство республики в 1989 г. характеризовалось невысокой эффективностью и рентабельностью. Принятые решения и постановления, призванные повысить уровень развития села, не «работали» в условиях конкретного производства, т. к. отсутствовал механизм их практической реализации и не учитывались интересы сельскохозяйственных работников.

Наглядным примером может служить политика цен на продукцию сельского хозяйства и других отраслей экономики, способствовавшая фактическому изъятию тех средств, которые получала деревня. Так, к концу 1980-х гг. цены на различные виды промышленной продукции поднялись в 2–5 раз, а закупочные цены на сельхозпродукцию только в два раза²⁴. Наряду с нарушением паритета цен в конце 1980-х гг. ухудшилось обеспечение агропромышленного комплекса материально-техническими ресурсами.

Колхозы и совхозы не имели реальных возможностей обеспечить производство продукции, адекватное росту потребностей внутреннего рынка. Доходы населения значительно опережали рост производства не только промышленной, но особенно сельскохозяйственной продукции. Так, в конце 1980-х гг. среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве Бурятии увеличилась в 1,6 раза, в то время как валовая продукция сельского хозяйства возросла на 22 %²⁵.

Относительная величина вклада республики в развитие общественного производства в конце 1980-х г. постоянно понижалась. Если в 1950–1960 гг. доля Бурятии в промышленном производстве Восточно-Сибирского района составляла 10 %, то в 1989 г. она снизилась до 7,5–8 %²⁶. Снизились и относительные показатели вклада республики в производство сельскохозяйственной продукции. За 1971–1985 гг. объем валовой продукции промышленности увеличился на 97 %, производство сельскохозяйственной продукции – на 7 %.

К концу 1980-х гг. в экономическом потенциале Бурятии накопились негативные тенденции. Во-первых, проблемы в строительном комплексе и задержка строительства второй очереди Гусиноозерской ГРЭС и Улан-Удэнской ТЭЦ привели к дефициту электрической и тепловой энергии. Во-вторых, несовершенство технологий по использованию сырья привело к большим потерям древесины, цветных, редких металлов и других ресурсов и в итоге – к снижению темпов развития производства конечной продукции. В-третьих, динамика сельскохозяйственного производства не обеспечила качественный сдвиг в решении продовольственной проблемы населения. В-четвертых, транспортная сеть не удовлетворяла потребностям хозяйства в перевозках и эффективной кооперации с другими регионами. В-пятых, недостаточность инноваций отразилась на снижении темпов роста производительности труда в машиностроении, пищевой промышленности, других отраслях. В-шестых, неразвитость социальной сферы сказалась на трудообеспеченности и текучести кадров.

Таким образом, в 1970–1980-е гг. республика представляла собой регион дотационного типа. Значительная часть государственных вложений осваивалась не эффективно. Рост инвестиций из Центра давал лишь временный эф-

фект и не мог коренным образом изменить ситуацию. Реформы и другие мероприятия в области экономики не привели к совершенствованию производственных отношений. В хозяйственном освоении новых территорий региона преобладал не федеральный (союзный), а ведомственный подход, тормозивший внедрение новых форм и методов управления экономикой республики.

¹ Народное хозяйство Бурятской АССР в двенадцатой пятилетке (1986–1989 гг.). Улан-Удэ, 1990. Ч. 2. С. 15–16.

² Там же. С. 16.

³ Коэффициент эффективности промышленности Бурятии рассчитан А.Г. Лисом. См.: Экономическое и социальное развитие Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1990. С. 46–48.

⁴ Сыренова Д.С. Техничко-организационный уровень промышленности региона. Новосибирск, 1986. С. 30.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Человек у Байкала и среда его обитания. Улан-Удэ, 1991. С. 32.

⁷ Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10747. Л. 100.

⁸ Индустриальное развитие и формирование кадрового потенциала национальных районов Сибири: исторический опыт и уроки (1961–1985 гг.) Абакан, 1998. С. 60.

⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 67. Д. 98. Л. 76.

¹⁰ Кряжев Е.А. Эффективность использования основных фондов в промышленности Бурятии. Улан-Удэ, 1989. С. 35.

¹¹ Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ, 2001. С. 51.

¹² НАРБ. Ф. 77. Оп. 6. Д. 7. Л. 43.

¹³ Сыренова Д.С. Техничко-организационный уровень... С. 54.

¹⁴ Сыренова Д.С., Павлов И.Т. Научно-технический прогресс как фактор социально-экономического развития региона. Улан-Удэ. 1988. С. 54.

¹⁵ Народное хозяйство Бурятской АССР в двенадцатой пятилетке (1986–1989 гг.). Ч. 1. Улан-Удэ, 1990. С. 63.

¹⁶ НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3338. Л. 54–55.

¹⁷ Халбаева М.М. Бурятия в 1960–1990 гг.: тенденции и противоречия социально-экономического развития. Улан-Удэ, 1999. С. 24.

¹⁸ Цыкунов Р.А., Власов Г.П. Социально-экономические проблемы истории хозяйственного освоения региона БАМа (1970–1999 гг.) // Байкало-Амурская магистраль на территории Бурятии: история строительства, ее роль в хозяйственном освоении региона. Улан-Удэ, 1999. С. 105.

¹⁹ Там же. С. 107.

²⁰ Саганов В.Б. О неотложных мерах по улучшению продовольственного обеспечения населения республики // Правда Бурятии. 1990. 8 мая.

²¹ Сыренова Д.С., Павлов И.Т. Научно-технический прогресс как фактор... С. 56.

²² Алексеев М.Л. Капитальное строительство Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1981. С. 34.

²³ Республика Бурятия. 75 лет: Стат. сборник. Улан-Удэ: Госкомстат РБ, 1998. С. 207.

²⁴ На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990. С. 254.

²⁵ Подсчитано по данным: Народное хозяйство Бурятской АССР в двенадцатой пятилетке... Ч. 1. С. 66; Ч. 2. С. 51.

²⁶ *Сыренова Д.С., Павлов И.Т.* Научно-технический прогресс как фактор... С. 51.

Ю.И. Казанцев

Современное состояние индустриального наследия раннего промышленного освоения Западной Сибири

В отечественной историографии принято считать эпохой масштабного индустриального освоения Сибири XX век. Отчасти с этим утверждением можно согласиться. Тем не менее, интенсивное продвижение индустриального потенциала русской промышленности за Урал началось гораздо раньше. Именно «уральская горнозаводская цивилизация» явилась основной стартовой базой промышленного развития сопредельной территории Западной Сибири. Вторым «плацдармом» успешного индустриального развития края была крестьянская колонизация, носившая массовый характер с середины XVII века. Важно заметить, что именно с аграрного, а не промыслового освоения, на территории Западной Сибири начинали складываться устойчивые поселения, как будущие промышленные центры. XVII век можно назвать эпохой наиболее масштабной северо-восточной экспансии, связанной с освоением бассейнов великих рек, расположенных за Уралом, приведшим русских в течение жизни одного поколения к берегам Тихого океана¹.

В XVIII веке масштабы уральской металлургии уже не удовлетворяли растущие потребности Российской империи в железе, цветных и драгоценных металлах, а накопленный предпринимательский опыт пробуждал в клане Демидовых все больший интерес к Сибири. Начинается активное продвижение русской горнозаводской промышленности на восток. Ведущая роль в индустриальном освоении Западной Сибири принадлежит горнозаводчикам Демидовым. В их сибирскую промышленную империю входили Кольванский (1729–1799 гг.), Барнаульский (1744–1893 гг.), Павловский (1765–1893 гг.), Локтевский (1789–1893 гг.), Змеевский (1805–1893 гг.), Томский (1771–1864 гг.), Сузунский (1766–1914 гг.) и другие медеплавильные и железоделательные заводы, объединенные в Кольвано-Воскресенский округ. Основными

поставщиками руды для заводов являлись Змеиногорское, Зыряновское, Салаирские и Риддерское месторождения.

Развитие горнозаводской промышленности в Сибири сопровождалось заметными переменами в облике края. В 1730 г. А. Демидов переселил 200 приписных крестьян в устье реки Барнаулки для строительства завода, так был заложен город Барнаул. Неразрывно связана со строительством демидовских заводов история г. Павловска, Сузуна и других крупных населенных пунктов Западной Сибири. Все заводы соединялись устойчивым дорожным сообщением с рудниками. Стали прокладываться тракты. До сих пор местное население именует дороги как Барнаульский тракт, Павловский тракт, Бийский тракт, Змеиногорский тракт и т. д. Так постепенно формировалась простейшая инфраструктура края. Сами заводы являлись градообразующими предприятиями. Они заложили основу русской промышленной цивилизации за Уралом. Заводские поселки были застроены с учетом генплана. К началу XIX века основные месторождения полиметаллических руд края оказались выработанными, заводы стали не рентабельными и оказались заброшенными. Что же стало с этими уникальными памятниками раннего промышленного освоения Азиатской России?

В.В.Данилевский, возглавляя Алтайскую экспедицию в 1938 г. не без тревоги писал: «Нет, конечно, ничего удивительного в том, что обитатели горно-таежных районов, посещенных нами, ничего не знают об интереснейшей инженерной работе, проведенной в данном крае в XVIII в. Но никак непростительно, что об этом по существу не знают местные городские работники, чрезвычайно интересующиеся историей своего края. Во время работ экспедиции пришлось убеждаться, что исторические памятники, которыми мы обязаны гордиться, полностью беспризорны и почти совсем забыты. Абсолютно никакой работы по охране исторических памятников в обследованных районах нам не пришлось ни разу наблюдать»². К великому сожалению приходится констатировать, что власть и общество не уделяли должного внимания памятникам индустриального наследия края на протяжении всего двадцатого века.

2001 год ознаменовал начало третьего тысячелетия и был объявлен ООН годом диалога культур народов мира. Это выстраданный результат развития человечества в предшествующее XX столетие, наполненное конфликтами, двумя мировыми войнами, которые привели к массовому разрушению исторических памятников многих стран мира и прежде всего нашего Отечества. Современный опыт радикальных реформ России так же убеждает в том, что ее невозможно успешно переустроить, игнорируя важный фактор национального успеха – историческое наследие и социальную память нации.

В настоящее время постепенно становятся экономически перспективными те регионы, которые располагают богатым историческим наследием.

Вплоть до начала XX в. Россия представлялась соотечественникам и иностранцам в двух измерениях: как Европейская Россия и как самобытная Азиатская Россия. Проблема соотношения общего и особенного, европейского и евразийского поставлена в научной литературе представителями разных научных школ и направлений. Среди ярких исследователей проблемы можно выделить имена С.В. Бахрушина, который исследовал процесс освоения Сибири русским народом и внес большой вклад в разработку истории коренных народов Сибири. Н.И. Конрад доказывал идею единства мирового исторического процесса и в то же время подчеркивал самобытность культурных ареалов³.

В современных условиях возникает необходимость тщательного анализа работ всех предшественников для того, чтобы выявить логику осмысления феномена Азиатской России. Среди современников, активно изучавших проблему азиатской части российского государства и его отдельных регионов, следует отметить труды В.В. Алексеева, В.Л. Соскина, Н.А. Миненко, Л.М. Горюшкина и других исследователей. Автор предлагаемой статьи долгое время изучал проблему сохранения памятников индустриального наследия Сибири и вел поиск вариантов их музеефикации и использования⁴.

Постановка проблемы носит не только теоретический, но и прикладной характер. Патриот России Н.К.Рерих в середине 30-х годов XX столетия предложил человечеству «Пакт о защите культурных ценностей» в случае вооруженного конфликта. Идею Рериха поддержал президент США Франклин Рузвельт и руководители многих государств мира. В поддержку Пакта выступили Ромен Роллан, Бернард Шоу, Рабиндранат Тагор, Томас Манн, Альберт Эйнштейн, Герберт Уэллс и другие выдающиеся личности. Предложив народам программу сохранения цивилизации «Мир через Культуру», Н.К. Рерих с волнением писал о том, что и без грома пушек в каждодневной суете люди часто совершают такие же «непоправимые ошибки против культуры». Этим объясняется страстное стремление Н.Рериха охранять историко-культурные ценности не только во время войн, но и в условиях мира.

Действительно, огромная часть памятников гибнет не от снарядов, а разрушается от старости, уничтожается стихийными бедствиями и стирается с земли потомками, равнодушными к наследию предшественников. Для Азиатской России, имеющей сравнительно «короткую историю», проблема сохранения историко-культурного наследия приобретает особый

смысл. Памятники истории, архитектуры, индустриального наследия азиатской части страны имеют возраст не более 250 лет.

Развитые страны мира подчеркнуто уважительно относятся к своей истории и ее материальным носителям – памятникам. В последнее время во всем мире набирает силу тенденция создания так называемых коридоров наследия. Это направление переключает внимание специалистов с отдельных памятников на имеющие историческое значение районы, области и более обширные территории.

Подход к выявлению, оценки значимости, музеефикации и использованию памятников, существовавший в советской России нуждается в существенной корректировке. В этом смысле показателен пример уникального памятника Западной Сибири – Сузунского медеплавильного завода. Село Верх-Сузун было основано в 1526 г. беглыми крестьянами из России еще до похода в Сибирь Ермака. В 1764 г. на берегу реки Нижний Сузун началось строительство Сузунского медеплавильного завода, который вошел в состав Колывано-Воскресенского округа. Предприятие действовало с 1766 по 1914 г. Здесь был один из трех монетных дворов Российской империи, где с 1766 по 1781 г. чеканилась «Сибирская монета». На Сузунском заводе в 1806 г. была изготовлена первая русская турбоустановка Поликарпа Залесова, а так же были сделаны котел и цилиндр для машины известного русского изобретателя Ивана Ползунова. Здесь же была изобретена камнерезная машина Филиппа Стрижкова. Любое из этих изобретений выходит по своему значению далеко за рамки регионального масштаба и дает основание для внесения памятника в кадастр важнейших охраняемых государством объектов⁵. Но этого не случилось! К сожалению, этот уникальный объект индустриального наследия оказался за рамками кадастра важнейших памятников. В силу разных причин бывший завод оказался разрушен. Частично сохранился лишь корпус толчельни, где измельчали руду. В настоящее время предпринимаются попытки по воссозданию частично сохранившегося корпуса толчельни, но основная часть строений завода безвозвратно утрачена.

Немногом удачнее сложилась судьба демидовского индустриального наследия на Алтае. От былого величия горно-металлургического производства остались фрагменты Барнаульского и Павловского заводов, Колыванской шлифовальной фабрики, Змеевского рудника. Среди дошедших до нашего времени остатков есть кирпичные постройки конца XVIII века, это весовая и кузница Барнаульского заводского комплекса, корпуса которого пытались приспособить под хозяйственные нужды. К корпусу первой плавильной фабрики были пристроены здания для спичечной фабрики, эвакуированной из Гомеля в 1942 г. В здание второй фабрики в советские

времена был перенесен лесопильный завод. Случившийся здесь пожар привел к обрушению части пролетов. Реконструкция этих сооружений сегодня еще возможна, но требует больших финансовых затрат. А между тем эти уникальные памятники индустриального наследия могли быть предметом гордости сибиряков и местом туристического паломничества.

Существовавшие методики определения исторической ценности памятников были не совершенны и политизированы. Скажем, в центре г. Новосибирска сохранили и оберегают Дом музей С.М. Кирова. Этот дом не является уникальным памятником зодчества, он лишь напоминает горожанам о том, что в их городе проездом бывал видный деятель партии большевиков С.М. Киров.

Встает ряд принципиальных научных и практических вопросов: переход от узко политического к общенациональному критерию оценки памятников; отказ от практики раскассирования памятников и вывоз из провинций наиболее ценных экспонатов в областные и центральные музеи; пересмотр отношений собственности в сфере недвижимых памятников с целью их реставрации и использования.

Опыт убеждает в том, что для сохранения, реставрации и популяризации исторических памятников недостаточно только административных решений. Памятники принадлежат нации, и заботиться о них нужно всем миром. Важно пробуждать историческое сознание и начинать широкое общественное движение в защиту историко-культурного наследия России. Концептуальная модель широкого общественного движения должна строиться с учетом экономических, социальных, национально-конфессиональных параметров. В итоге, нужно выстроить такую модель, которая была бы научно выверенной и приемлемой современным обществом.

В обыденном сознании российского человека исторические памятники представляются малоценным препятствием на пути развития городов. Можно ли прогрессировать, разрушая историю, не приведет ли этот путь к духовной стагнации общества? К огорчению мало кто сегодня усматривает в памятниках истории ресурс возрождения и обновления страны.

Потенциал культурно-исторического наследия Азиатской России огромен и позволяет реализовать крупные проекты. Только вокруг г. Новосибирска узловыми элементами такого проекта могут стать уникальные памятники разных эпох и народов Сибири: это археологический комплекс на северо-западном въезде в г. Новосибирск у села Катково Коченевского района, расположенного неподалеку от первобытного поселка «Крохалевское городище»; Колывань – один из старейших населенных пунктов Новосибирской области с великолепными образцами сибирского зодчества; исторический комплекс «Ирмень» у места последнего сражения

русских с сибирским ханом Кучумом в августе 1598 г.; реликтовый Каранский бор, внесенный в правительственную туристическо-экологическую программу; уникальный заповедник Умревинский острог; древнее татарское городище Юрт-Ора и другие объекты.

Создание такого туристического комплекса гарантировало бы сохранность уникальных объектов древности и открывало возможности организации на их базе внутреннего туризма. Одновременно с уникальным археолого-историческим комплексом может быть создан современный высокоэффективный комплекс сервисного обслуживания. Так возможно совмещение двух уровней задач, с одной стороны, – это охрана и рациональное использование исторического наследия края, с другой стороны – создание современной туристической инфраструктуры, формирование современного уровня сервисного обслуживания туристов, что может стать частью программы динамичного развития Азиатской России в XXI веке.

¹ Федоров Р.Ю. Освоение Сибири: структурно-коммуникативные аспекты. // Вестник Тюменского государственного университета № 5. 2008. С. 236–256.

² Данилевский В.В. Алтайская экспедиция ВИА РККА 1938 г. (Предварительный отчет начальника экспедиции) // Вестник Военно-инженерной академии РККА им. В.В. Куйбышева. Вып. 25. Фортификационный сборник. М., 1939. С. 148.

³ Бахрушин С.В. Новейшие странички истории Сибири (о книге С.В. Киселева. Старая история Южной Сибири. М.–Л., 1949). //Новый мир, № 4. С. 283–285; Бахрушин С.В. Снаряжение российских промышленников в Сибири в XVII веке. //Исторические монументы российского арктического мореплавания XVII в. М.–Л., 1951. С. 86–92; Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972; Конрад Н.И. Из истории средних веков стран Восточной Азии // Н.И. Конрад. Избранные труды. История. М., 1974. С. 334–460 и др.

⁴ Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. М., 2004; Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007; Казанцев Ю.И. Проблемы изучения индустриального наследия Новосибирской области. // Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. (ч.1). Новосибирск, 1995; Казанцев Ю.И. Сохранение и использование промышленных памятников Сибири (исторический и социальный аспекты) // Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век. Вып. 4. Новосибирск. 2000; Казанцев Ю.И. Азиатская Россия в диалоге культур // Проектирование и строительство в Сибири. № 1. 2001; Казанцев Ю.И. Металлургические предприятия уральских заводчиков Демидовых в Сибири // Развитие металлургического производства на Урале. Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России 4 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001 и др.

⁵ Памятники Новосибирской области: сб. ст. / сост. Л.М. Горюшкин, Б.И. Семко. Новосибирск, 1989; Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: каталог в 4-х кн. / Ю.И. Андрианова, Т.В. Воеводина, Ю.В. Иванова. Кн. 2. Новосибирская область (памятники, состоящие на гос. охране). Новосибирск, 2003.

Т.В. Сниткина

Инвестиционное сотрудничество Новосибирской области с КНР в середине 1990-х гг.

Децентрализация в начале 1990-х гг. внешнеэкономической деятельности положила начало регионализации российской экономики и, как следствие, реформированию внешнеэкономической деятельности в целом. Во многом стихийный выход российских регионов на внешние рынки породил уникальный опыт внешнеэкономической деятельности. Анализ конкретных практик международных региональных связей на примерах отдельных российских регионов позволяет значительно конкретизировать и детализировать общую картину международного регионального сотрудничества Российской Федерации. Так, практически одновременная трансформация экономик России и Китая активизировала внешнеэкономическую деятельность этих государств. Внутренний рынок России нуждался в ликвидации дефицита потребительских товаров, а экспортный потенциал Сибири создавал широкие возможности для Китая. Выход стран на уровень регулируемого межрегионального сотрудничества требовал создания договорно-правовой базы, а также принятия экономических решений для обеспечения собственно экспортно-импортных операций.

С учетом усиления регионального фактора в сфере внешнеэкономической деятельности актуальным становилось создание нормативно-правового поля не только на уровне Центра, но и на уровне регионов. Формирование основ внешнеэкономической деятельности началось только в середине 1990-х гг. Первоначально вся внешнеэкономическая деятельность регулировалась указами президента и решениями правительства. В 1995 г. был принят федеральный закон «О внешнеэкономической деятельности»¹, подготовленный Министерством внешних экономических связей РФ. Закон предусматривал широкие возможности для российских регионов, а именно: формирование и реализацию региональ-

ных программ внешнеэкономической деятельности, заключение межрегиональных соглашений в области внешних экономических связей. Принятие нормативно-правовых актов не только «соответствовало принципу приоритета федеральных интересов и федерального законодательства», но и способствовало активизации регионального сотрудничества².

В развитие федерального закона были приняты региональные нормативные акты. Так, в Новосибирской области уже к октябрю 1995 г. была принята Концепция развития внешнеэкономической деятельности и межрегиональных связей Новосибирской области³ и распоряжение Правительства Новосибирской области от 6 февраля 1996 г. «Об организации разработки прогноза социально-экономического развития Новосибирской области на 1996–2005 гг.»⁴. В дополнение к этому, 29 февраля 1996 г. правительства Новосибирской области приняло постановление «О региональной программе по привлечению отечественных и иностранных инвестиций в экономику Новосибирской области», а 10 ноября 1996 г. состоялось решение Новосибирского областного Совета депутатов «О социально-экономическом положении в Новосибирской области»⁵. Претворение в жизнь принятых законов способствовало регулированию и значительному улучшению инвестиционной политики области.

Формирование нормативно-правовой базы внешнеэкономической деятельности, как указывалось выше, сказалось на инвестиционном климате. Сотрудничество Новосибирской области с КНР развивалось через создание совместных предприятий и международную торговлю. В структуре иностранных инвестиций доминировали торговля, машиностроение, металлообработка, деревообрабатывающая, топливная, пищевая и легкая промышленность⁶.

В 1993 г. на территории области действовало 88 совместных предприятий, в т. ч. 10 российско-китайских, шесть из которых были производственными, а остальные работали в сфере услуг. Промышленно ориентированные российско-китайские предприятия специализировались в области машиностроения, деревообработки, строительства и поставок каменного угля. В уставных фондах совместных предприятий доля зарубежных и российских партнеров составляло 55,5 и 44,5 % соответственно. Причем среди российско-китайских предприятий соотношение доходило до 99,9 и 0,1 %, как в случае с компанией по обработке каменного угля «Син Чунь». Указанные данные свидетельствуют не только об инициативности китайских партнеров, но и о слабости российского капитала.

В 1994 г. количество российско-китайских предприятий увеличилось до 21. Среди стран-участниц дальнего зарубежья доля Китая в уставных фондах составляет 17,9 % (170,1 тыс. долл. США)⁷. К середине 1990-х гг. в

сфере внешнеэкономической деятельности работало уже каждое десятое промышленное предприятие области⁸. Возросло количество совместных предприятий: в 1993 г. их было 88, а в 1996 г. – уже 102 с суммарным уставным капиталом свыше 1 млрд руб.⁹ В 1996 г. на территории области действовало 31 российско-китайское предприятие (15 валютных и 16 рублевых компаний). КНР наряду с США и ФРГ стала главным инвестиционным партнером Новосибирской области. Основными партнерами являлись китайские провинции Хэйлунцзян, Чжэцзян и Ляонин. Говоря о специализации, можно выделить такие совместные российско-китайские компании, как «Цзянсинь», экспортирующая лесоматериалы в КНР; «Синь Чунь», занимающаяся агломерацией каменного угля; «Санлун», выпускающая машины специального назначения и комплектующие к ним; «Син-Сун», производящая деревянные строительные конструкции и столярные изделия. Специализация указанных компаний свидетельствует о сотрудничестве в самых разных областях – от строительства до машиностроения.

Данные статистики внешнеэкономической деятельности по Новосибирской области позволяют в самых общих чертах показать объемы оборота внешней торговли и товарную структуру экспортно-импортных операций. Но важно отметить, что региональная статистика 1990-х гг. сохранилась крайне фрагментарно, хотя самостоятельный отдел внешнеэкономической деятельности был сформирован в структуре Статистического управления Новосибирской области уже к 1992 г.¹⁰

Объемы внешней торговли Новосибирской области с Китаем в середине 1990-х гг. наглядно отражают общегосударственную тенденцию в экономике – отрицательное сальдо торгового баланса. Так, в 1996 г. объем экспорта совместных предприятий на территории Новосибирской области составил 51,0 тыс. долл. США, импорта – 1779,0 тыс. долл. США, а доля Китая в экспорте товаров составила 1,3 %, в импорте – 6,0 %. Таким образом, можно говорить о явном перекосе в экспортно-импортных операциях в пользу импорта, что связано в первую очередь с началом формирования рыночной экономики в регионе и хаотичностью местного законодательства, начавшего оформляться только в 1995 г.

Товарная структура экспортно-импортных операций показывает, что к середине 1990-х гг. сотрудничество Новосибирской области с КНР происходило в основном в машиностроении, легкой промышленности и в сфере услуг. Новосибирская область традиционно экспортирует в КНР продукцию машиностроения. Завод «Сибэлектротяжмаш» поставляет двигатели, «Тяжстанкогидропресс» – фрезерные станки, «Элсиб» – генераторы переменного тока, «Сибтекмаш» – челночные и бесчелночные машины, завод «Электросигнал» – аппаратуру для гражданской авиации.

Помимо машиностроения экспортируются также продукция легкой промышленности (одежда дорожные и пледы) и сфера услуг (гостиница, рестораны, услуги почты и связи). Импорт представлен в большей части товарами народного потребления. Среди них рис, чай, фрукты, продукты животного происхождения (кишки, пузыри и желудки)¹¹. Вполне очевидно, что регион пытался удовлетворить дефицит потребительских товаров, тогда как в Китае была востребована продукция новосибирского машиностроения и услуги связи.

К середине 1990-х гг. сформировались основы для межрегионального сотрудничества регионов России и Китая. Основным направлением взаимодействия стало инвестиционное партнерство, создание совместных предприятий и торгово-экономическое сотрудничество. За короткий срок Китай вышел на лидирующие позиции на региональном рынке по объему инвестирования, международных услуг и товарооборота. Хотя структура экспорта и импорта не была сбалансированной, она отвечала потребностям региональной экономики. Принятые на федеральном и региональном уровне решения способствовали расширению регулируемого межрегионального сотрудничества и дальнейшему формированию внешне ориентированной экономики.

¹ Федеральный закон «О внешнеэкономической деятельности» от 24 февраля 1995 г. № 566-1 ГД [Эл. ресурс] // BestPravo. Информационно-правовой портал. URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/bh-dokumenty/a2w.htm> (дата обращения 14.04.2013).

² Олех Г.Л. Новосибирская область: проблемы глобализации и регионализации [Эл. ресурс] // Сибирская Заимка: история Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/today/olekh5.shtml> (дата обращения 14.04.2013).

³ Олех Г.Л. Новосибирская область: проблемы глобализации и регионализации [Эл. ресурс] // Сибирская Заимка: история Сибири в научных публикациях. URL: <http://zaimka.ru/today/olekh5.shtml> (дата обращения 14.04.2013).

⁴ Постановление Правительства Новосибирской области «Об организации разработки прогноза социально-экономического развития Новосибирской области на 1996–2005 годы» от 6 февраля 1996 г. № 53 [Эл. ресурс] // Законы Новосибирской области. URL: <http://zakonnovosib.ru/1996-god/postanovlenie-ot-06-fevralya-1996-g.-n-53.html> (дата обращения 14.04.2013).

⁵ Решение Областного Совета депутатов (шестая сессия) «О социально-экономическом положении в новосибирской области» от 10 ноября 1994 г. [Эл. ресурс] // Законы Новосибирской области. URL: <http://zakonnovosib.ru/1994-god/reshenie-shestaya-sessiya-ot-10-noyabrya-1994-goda-o-sotsialno-ekonomicheskopolozhenii-v-novosibirskoy-o.html> (дата обращения 14.04.2013).

⁶ ГАНО. Ф. 11. Оп. 13. Д. 368. Л. 5. Производство продукции совместных предприятий за период 12 месяцев 1993 г.; Оп. 16. Д. 716. Л. 1. Сводные годовые отчеты об инвестициях в Россию из-за рубежа и инвестициях из России за рубеж за 1996 г.

⁷ ГАНО. Ф. 11. Оп. 14. Д. 161. Л. 11–19. Сводные годовые отчеты о деятельности совместных и иностранных предприятий за 1994 г.

⁸ *Чернобай О.Л.* Международные связи Новосибирской области // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 109.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАНО. Ф. 11. Оп. 13. Л. 19. Новосибирский областной комитет государственной статистики.

¹¹ Там же. Оп. 16. Д. 715. Л. 112–134. Сводные годовые отчеты о деятельности совместных и иностранных предприятий за 1996 г.

Е.П. Антонов

Роль И.Н. Барахова в модернизации экономики Якутии

Государственный и политический деятель Исидор Никифорович Барахов (1898–1938) внес огромный вклад в развитие региона в 1920-е гг. Его жизнедеятельности посвящены работы В.С. Петрова и Е.Е. Алексеева, раздел в книге М.М. Хатылаева¹. Однако вклад И.Н. Барахова в модернизацию экономики в нэповскую эпоху остается недостаточно раскрытым.

В начале 1920-х гг. вопрос о модернизации России являлся главной темой партийных дискуссий². Экономическая программа Н.И. Бухарина основывалась на убеждении, что массовое потребление стимулирует развитие промышленности¹. На I Якутской областной партийной конференции 29 декабря 1922 г. председатель СНК ЯАССР И.Н. Барахов предлагал воздержаться от развития новых затратных отраслей и сосредоточиться на восстановлении работы предприятий, не требующих инвестиций. Он подчеркнул необходимость организации научных исследований ресурсов края с привлечением квалифицированных кадров из центра⁴.

Организация комплексной экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. и разветвление краеведческого движения представляли собой мобилизацию научной общественности на изучение производительных сил Якутии. Среди лидеров краеведческого движения значились такие ведущие ученые дореволюционной школы, как председатель Центрального бюро краеведения академик РАН С.Ф. Ольденбург⁵. Комплексное изучение Якутской АССР силами Академии наук было инициировано политической элитой республики.

На основе результатов работы комплексной экспедиции АН СССР был составлен генеральный план реконструкции народного хозяйства ЯАССР на 10–15 лет, в разработке которого принял участие И.Н. Барахов. В документе

речь шла о развитии горнодобывающей золотой, железорудной, серебряно-винцевой, соляной и других отраслей. Выдвигалась задача и по обрабатывающей промышленности стройиндустрии, переработке леса и др., так как авторы стремились к тому, чтобы республика не была лишь сырьевым придатком центра. Вместе с тем, И.Н. Барахов предлагал в 1922 г. отказаться от поддержки за счет государства предприятий, «которые не нужны и не прибыльны»⁶.

В генеральном плане пристальное внимание уделялось восстановлению Аянского и Охотского трактов, прокладке автомобильной дороги от Неве-ра до Якутска, освоению Северного морского пути, организации регулярных авиарейсов, созданию пароходного сообщения, строительству железнодорожной магистрали. И.Н. Барахов активно выдвигал вопрос о строительстве Якутско-Амурского тракта и железной дороги от станции Сковородино до Якутска⁷. Ставилась задача освоения Якутии в течение 10–15 лет путем привлечения людских ресурсов (переселения 40 тыс. чел.) из других регионов страны.

При активном хозяйственном освоении республики на первом месте стояли интересы государства, а не региона. По договору между федеральным наркоматом путей сообщения с трестом «Лензолото» от 23 марта 1922 г. весь флот с обслуживающей инфраструктурой оказался в арендном пользовании этого треста. В результате условия перевозки грузов по р. Лене для республики приобрели «характер экономической кабалы», когда стоимость одного доставляемого пуда составила один рубль, в то время как до революции она обходилась в 65 коп. При этом полностью отсутствовали гарантии по своевременной доставке товаров в Якутск и их надлежащему качеству.

Высокая цена фрахта судов вынудила Якутию арендовать у треста «Лензолото» пять пароходов и 12 барж сроком на пять лет. Трест-монополист потребовал от республики выплаты 100 000 золотых рублей, что составляло 10 % бюджета региона. Кроме того, Якутская АССР должна была за свой счет отремонтировать судна. Еще в апреле 1922 г. И.Н. Барахов от имени Якутской АССР обратился с просьбой о передаче в аренду республике семи пароходов с береговой инфраструктурой, но комитет путей сообщения отказал в ходатайстве⁸.

И.Н. Барахов стоял у истоков развития золотодобывающей промышленности на Алдане, где формировались первые национальные инженерно-технические кадры: А.И. Львов, И.П. Лебедкин, Г.Т. Семенов, П.Г. Габышев, Г.Т. Корнилов, И.Н. Макаров⁹. В 1920-е гг. руководство страны ввело в высших и средних учебных заведениях квоты (бронь) для поступления абитуриентов из восточных республик, в которых катастрофически

не хватало специалистов, особенно среди коренных народов. На практике же регионы отправляли на учебу по данной льготе в основном русских, евреев и украинцев, что не могло улучшить ситуацию. Способную молодежь коренных национальностей направляли в основном в педагогические училища в рамках борьбы за ликвидацию неграмотности. Следствием такой политики стало разделение интеллигенции республик на русскую техническую и национальную гуманитарную¹⁰.

В 1920-е гг. возник конфликт между руководством республики и трестом союзного подчинения «Алданзолото». В 1927 г. на заседании Якутского обкома отмечалось, что трест проводил политику обособления Алдана от Якутской АССР. Поэтому И.Н. Барахов как секретарь Якутского обкома ВКП(б) указывал, что «на золотых приисках все взоры обращены к Амуру». Предложения якутской интеллигенции учитывать интересы республики отвергались и расценивались, как попытка тормозить работу золотодобытчиков. Якутских крестьян вынуждали продавать мясо на Алдан по 10–11 руб., себе в убыток, тогда как его рыночная цена доходила до 14 руб. Трест «Алданзолото» игнорировал сельскохозяйственные рынки Якутии, организовал скрытую монополию в торговле, установил высокие цены, не вносил налоги, и т. д.¹¹

Н.И. Бухарин считал, что советская индустриализация, в отличие от капиталистической, была обязана развивать экономически и культурно сельский сектор, «открыть новую эпоху в соотношении между городом и деревней, которая кладет конец систематическому отставанию деревни»¹², однако на практике все происходило иначе.

По требованию ЦК партии Якутская АССР заключила договор с «Лензолото» о поставке 100 тыс. пудов мяса. Это распоряжение, по мнению И.Н. Барахова, поставило республику «в крайне тяжелое положение», а для животноводческих хозяйств якутов означало разорение. Заготовительная цена одного пуда мяса составляла всего 6–7 руб. (в Якутске – 12–15, в Бодайбо – 30 руб.). Благодаря усилиям И.Н. Барахова, трест «Лензолото» стал осуществлять заготовку продовольствия через государственные и кооперативные органы республики¹³. В результате в 1926 г. прибыль от извозного промысла на Алдан составила 1,6 млн руб. Если до 1917 г. в «Лензолото» вывозилось от 80 до 100 тыс. пудов мяса, то к 1926 г. – 82 тыс. пудов. Рост сельского хозяйства республики произошел за счет таких новых явлений, как использование сельскохозяйственных машин и орудий, кредитование аграрного сектора, расширение объектов извозного промысла, рост кооперации среди населения¹⁴.

И.Н. Барахов добился в центральных органах включения Якутской АССР в разряд остро нуждающихся регионов, для восстановления ее эко-

номики стало выделяться 0,5 % бюджета РСФСР¹⁵. На II Всеякутском съезде Советов 11 декабря 1923 г. И.Н. Барахов назвал позитивные причины увеличения бюджета региона: расширение функций местных органов власти; получение автономных прав; увеличение расходов на просвещение, здравоохранение. В условиях нехватки твердой валюты вводились временные платежные заменители денег – боны, цены на привозные товары снижались до уровня продукции местного производства¹⁶.

В 1925 г. Н.И. Бухарин объяснял, что «ускорение оборота, расширение рынка» – условия развития социалистической экономики. ВКП(б) провозгласила курс на аграрную реформу, ограничение вмешательства государства в торговлю, снижение цен на промышленные товары¹⁷. В 1924 г. в Якутской АССР произошло первое снижение цен на ряд предметов широкого потребления (от 25 до 50 %). В 1928 г. снижение цен на сахар составило 7,4 %, на чай – 28, на табак – 20, на ситец – 15 %. В свою очередь, стоимость мяса возросла на 30 %, на масло – на 40 %. В целом, в госторговле снижение цен составило 20 %, в кооперации – 19, в частном секторе – 16,9 %¹⁸.

И.Н. Барахов высоко отзывался о «широчайшей демократии финансовой политики царской России», когда якутские улусы и наслеги пользовались неограниченными бюджетными правами, исчисляли свои внутренние налоги без контроля и вмешательства извне. Попытка отмены самостоятельных улусных и наследных бюджетов при советской власти могла быть реализована лишь при компенсации всех расходов за счет общереспубликанского бюджета, а это было невозможно.

И.Н. Барахов призвал местные исполкомы упорядочить налоговые обложения, собирать их один раз в год осенью, а не в период весеннего голода, и разрешить вводить начисления на налоги для компенсации нужд наслегов и улусов¹⁹. Сравнивая расходы Борогонского и Дюпсинского улусов, И.Н. Барахов пришел к выводу, что чем меньше улус, тем больше налоговые тяготы населения. Он предлагал учитывать это обстоятельство при выделении дотаций. И.Н. Барахов сравнил также бюджеты названных улусов до революции и после и заметил, что в сметах 1920-х гг. отсутствуют расходы на ремонт дорог и мостов. Он призвал восстановить общественные работы по содержанию путей сообщения.

И.Н. Барахов подчеркнул необходимость включения в улусные бюджеты расходов на содержание наследных советов²⁰ и важность поддержки председателей, секретарей наследных советов и сельских исполнителей – единственных представителей советской власти в улусах, собиравших налоги, созывавших народ на сходки, сопровождавших инструкторов и милиционеров и передававших по юртам устные распоряжения нассвета²¹.

С воссозданием Государственного банка в ноябре 1921 г., развитием налоговой системы, кредита, сберегательных касс и банковского дела произошел возврат к общепринятой финансовой политике²². И.Н. Барахов подробно разъяснял необходимость открытия в Якутске отделения Государственного банка, который позволил бы хозрасчетным предприятиям, частным предпринимателям и торговцам получать кредиты. Заинтересованность банка в возвращении выданных сумм с процентом от государственных, кооперативных и частных учреждений способствовала экономическому росту и лишению кредитования спекулятивных и бесполезных предприятий²³.

Одна из важнейших задач экономики периода нэпа заключалась в «развязывании товарного оборота», что Н.И. Бухарин определил как «генеральную линию нашей хозяйственной политики». Расширение емкости товарного рынка, увеличение общего объема товаров, ускорение их циркуляции между промышленностью и сельским хозяйством он считал главным методом ускорения темпа хозяйственной жизни²⁴.

В 1923 г. И.Н. Барахов призывал к созданию «собственных оборотных средств» путем развития торговли, так как к 1924 г. торговый капитал Якутии по сравнению с дореволюционным периодом снизился с 22,5 млн руб. до 14–15 млн руб.²⁵ Расходная часть республиканского бюджета существенно превышала доходную часть. В 1924–1925 гг. республика перечислила в федеральный бюджет 1,5 млн руб., а уровень расходов составил 2,5 млн руб. Основными статьями дохода являлись финансовая помощь центра, местные поступления от кустарно-промысловых предприятий, торговли, а также сельскохозяйственный налог²⁶.

Потребности улусного якута удовлетворялись лишь на 57–58 % из-за постоянного роста цен: стоимость аршина ситца возросла в 3,5 раза, масла – в 2,6 раза. Поэтому, выдвигалась задача удешевления цен на товары с целью роста экономического благосостояния населения. Создавались условия для перехода от экстенсивных, первобытных к интенсивным формам хозяйствования. В период нэпа с целью предотвращения «хищнического и спекулятивного выкачивания» ресурсов с населения посредством колониальных торговых операций предлагалось наращивание республиканского бюджета²⁷.

Н.И. Бухарин ставил задачу постепенного вытеснения из торговли и производства частного капитала и замещения его государственным сектором. Победа в этой борьбе обеспечивалась лишь за счет удешевления стоимости производства и продажи товаров, предоставления крестьянину более дешевого кредита²⁸. В Якутии низовую кооперативную сеть пришлось создавать заново. Население республики не имело никаких накоп-

лений, нуждалось в помощи и кредитовании. Руководство Якутской АССР добилось к 1924 г. практически полного сосредоточения розничной торговли в руках государства и кооперации. И.Н. Барахов ратовал за создание единого государственного «торгового фронта» с целью борьбы с частным перекупщиком. Для удешевления товаров предлагалось усилить деятельность союза «Холбос» по отношению к низовым сельским кооперативам и увеличить налог на частных торговцев, что позволяло снизить расценки на 10–15 %. При этом контроль над ценами возлагался на окружные и улусные исполкомы²⁹.

На развитие экономики в период нэпа оказали влияние взгляды Н.И. Бухарина, который считал, что классовая борьба в Советской России должна вестись путем соревнования между социалистическим и частным сектором экономики. Первоначально возобладали тенденции к росту числа частных предприятий. В 1923–1927 гг. число государственных торговых организаций увеличилось с 91 до 120, кооперативных – с 89 до 175, частных – с 521 до 1 228. Государственные учреждения утратили гибкость в рыночных условиях. В 1923 г. кооперация дала 1/6, государство – 1/2, а частная торговля – 1/3 часть торгового оборота. В Якутию приходилось частично ввозить продукты питания, а также промышленную продукцию³⁰. В 1922 г. в Якутии действовало 35 кооперативных обществ, членами которых являлись более 1 100 чел. К 1929 г. в городских поселениях имелось 6,5 тыс., а в сельской местности – около 30 тыс. членов кооперативов. За указанный период их численность возросла в 32 раза. В конце 1920-х годов треть городского и четверть сельского населения Якутии были охвачены различными формами кооперации³¹.

Одно из крупных кооперативных объединений «Холбос» имело свои филиалы по всей республике. Первый его председатель К.О. Гаврилов указывал, что огромный экономический эффект может быть получен от использования зимнего труда сельского населения. К 1927 г. в «Холбос» входили: 18 земледельческих артелей (более 1 000 чел.), владевшие 1 600 головами скота и 120 десятинами посевной площади. Респотребсоюз объединял также 18 охотничьих артелей (900 чел.), 10 машинных, сельскохозяйственных и одно мелиоративное товарищества (около 900 чел.). Кроме того, имелись кредитные общества, объединявшие 12,5 тыс. чел. Общий капитал «Холбоса» достиг 58 тыс. руб. Респотребсоюз закупал товаропродукты вне пределов республики, заготавливал ценную пушнину и сельхозпродукцию³³.

Доступной для якутского крестьянства стала кредитная кооперация. 7 июля 1923 г. было создано общество сельскохозяйственного кредита «Салгабыл», председателем которого стал И.Н. Прядезников. Если в 1924–1925 гг. это общество состояло из 17 товариществ (около трех тыс. членов), то в

1927 г. – из 26 объединений с 4,2 тыс. чел., т. е. численность членов кооперации возросла в 1,4 раза. Основной капитал увеличился с 200 тыс. руб. в 1924–1925 гг. до 360 тыс. руб. в 1927–1928 г., т. е. в 1,8 раза. Председатель ЯЦИК П.А. Ойунский предлагал сосредоточить в «Салгабыле» средства, выделяемые сельскому хозяйству ЯАССР³⁴.

Огромный вклад в развитие народного хозяйства внесла промысловая кооперация, объединявшая в 1921 г. более 500 кустарей. К 1937 г. в Якутии действовало 37 артелей с 1 300 членами. 30 апреля 1925 г. был организован союз промысловой кооперации «Иделях»³⁵. Члены артели «Работница» шили тулупы, овчинные полушубки, заячьи жилеты, жакеты из шкур крыс и сусликов, рукавицы, одеяла, обувь, выделанную из шкур оленя. Кооператоры изготавливали детские игрушки, артель «Ширпотреб» освоила выпуск портретов с росписью на стекле и десять видов зеркал. Шторы, панно, коврики, дорожки расписывались масляными красками. Продукция промкооперации занимала заметное место в народном хозяйстве, а по отдельным видам ей принадлежала ведущая роль³⁶. Кооператоры сыграли большую роль в объединении товаропроизводителей республики и насыщении местного рынка товарами широкого потребления.

И.Н. Барахов поддерживал идею организации новых коллективных хозяйств в форме артелей, коммун и товариществ. На развитие общественной обработки земли, как подготовительную школу к образованию сельскохозяйственных коммун, он предлагал обратить «самое серьезное внимание». Введение продналога связывал с переходом от государственного регулирования сельского хозяйства к развитию хозяйственной инициативы сельского труженика. Обнадеживающие перспективы для сельского населения он видел в реализации новой земельной политики, выдвигавшей вопросы о хуторах, аренде земли, использовании наемного труда и т. д.

Стержнем аграрной реформы Н.И. Бухарина являлась трансформация крестьянских хозяйств от «потребительско-натурального к производящему товарному хозяйству», что означало поддержку средних и зажиточных крестьян. Весной 1925 г. увеличен период сдачи земли в аренду, узаконен наемный труд в сельском хозяйстве, снижен государственный налог, ослаблено государственное регулирование твердых цен на зерно и сняты препоны для свободной торговли³⁷.

В Якутской АССР допускалась аренда земельных угодий для владельцев 20 голов скота, существовали длительные сроки расчисток (мелиорации) сроком до 27 лет, что стимулировало развитие крепких зажиточных хозяйств. И.Н. Барахов рассматривал аренду как устранение недостатков прежнего землеустройства и временную меру в отношении хозяйств, вынужденных арендовать свои участки (семьи вдов, сирот и т. д.). Допуск наемного труда преду-

смагивался в хозяйствах, лишенных кормильца, а также в образцовых и технически оснащенных хозяйствах. Эти меры позволяли, по мнению Исидора Никифоровича, интенсифицировать сельское хозяйство³⁸.

И.Н. Барахов возглавил Якутскую АССР в труднейшую эпоху после революций и гражданской войны. В своей деятельности он опирался на концептуальные положения Н.И. Бухарина и учитывал региональную и национальную специфику. И.Н. Барахов постоянно расширял свои познания в экономике, истории, культуре, начал модернизацию экономики региона с организации комплексного изучения Якутской АССР. Как государственный, он в своей деятельности по развитию региона дистанцировался от политических крайностей. И.Н. Барахов внес огромный вклад в формирование интеллектуального потенциала, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта, сельского хозяйства, кооперации, торговли. В результате модернизации республика стала аграрно-промышленным регионом. Проект преобразований, предложенный политической элитой Якутии того времени, нашел поддержку среди различных слоев населения.

¹ *Петров В.С.* Славный путь большевика. О жизни и деятельности И.Н. Барахова. Якутск, 1961; *Алексеев Е.Е.* И.Н. Барахов. На якут. яз. Якутск, 1998; *Хатылаев М.М.* Политические деятели Якутии 1917–2003 гг.: первые лица. М., 2005. С. 31–32.

² Цит. по кн.: *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография 1888–1938 гг. М., 1988. С. 161.

¹ *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография... С. 219.

⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Якутии. Сб. док. и мат. Кн. 2. Ч. 2. Якутск, 1962. С. 142–146.

⁵ *Мельникова Е.* «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–1930-х гг. и советская национальная политика // *Ab imperio*. 2012. № 1. С. 213–214.

⁶ Генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10–15 лет. Якутск, 1927. С. 30; *Барахов Ис.* Задачи момента // Автономная Якутия. 1922. 24 сент.

⁷ *Исидор Никифорович Барахов*. Сб. док. и мат. С. 400; *Барахов Ис.* Об итогах V Якутской областной конференции ВКП(б) // По заветам Ильича. 1927. № 2. С. 7. Генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской АССР на ближайшие 10–15 лет. Якутск, 1927. С. 145–148.

⁸ Исидор Никифорович Барахов. Сб. док. и мат. С. 322–324.

⁹ *Антонов Е.П.* Изменение интеллектуального потенциала Якутии в контексте экономического развития // Наука и образование. 2007. № 3. С. 134.

¹⁰ *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923–1939 гг. М., 2011. С. 227, 228, 233.

¹¹ НАРС(Я) Ф. 181. Оп. 1. Д. 51. Л. 96, 86; Оп. 20. Д. 55. Л. 19.

¹² *Коэн С.* Бухарин. Политическая биография... С. 207.

-
- ¹³ Исидор Никифорович Барахов. Сб. док. и мат. С. 156; *Барахов Ис.* Задачи партии в связи с политикой цен // По заветам Ильича. 1924. № 1–2. С. 29–30.
- ¹⁴ *Барахов Ис.* Итоги пленума Якутского обкома ВКП(б) // // По заветам Ильича. 1926. № 5. С. 11.
- ¹⁵ *Петров В. С.* Славный путь большевика... С. 50.
- ¹⁶ *Барахов Ис.* Улусные и наследные бюджеты // Автономная Якутия. 1924. 25 мая.
- ¹⁷ *Коэн С. Бухарин.* Политическая биография... С. 214.
- ¹⁸ НАРС(Я). Ф. 52. Оп. 17. Д. 252. Л. 21–22.
- ¹⁹ *Барахов Ис.* Улусные и наследные бюджеты // Автономная Якутия. 1924. 25 мая.
- ²⁰ *Барахов Ис.* Улусные бюджеты // Автономная Якутия. 1924. 20 мая.
- ²¹ *Барахов Ис.* Наследные бюджеты // Автономная Якутия. 17 мая.
- ²² *Коэн С. Бухарин.* Политическая биография... С. 158.
- ²³ *Барахов Ис.* Роль и значение банков // Ленский коммунары. 1922. 14 фев.
- ²⁴ *Коэн С. Бухарин.* Политическая биография... С. 213.
- ²⁵ *Барахов Ис.* Задачи партии в связи с политикой цен // По заветам Ильича. 1924. № 1–2. С. 16.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 237. Оп. 1. Д. 4. Л. 5, 30, 32, 35.
- ²⁷ *Барахов Ис.* Задачи партии в связи с политикой цен // По заветам Ильича. 1924. № 1–2. С. 16.
- ²⁸ *Коэн С. Бухарин.* Политическая биография... С. 218, 238.
- ²⁹ *Барахов Ис.* Об итогах V Якутской областной конференции ВКП(б) // По заветам Ильича. 1927. № 2. С. 3; *Барахов Ис.* Задачи партии в связи с политикой цен // По заветам Ильича. 1924. № 1–2. С. 25.
- ³⁰ *Гоголев З. В.* Социально-экономическое развитие Якутии (1917 – июнь 1941 гг.). Новосибирск, 1972. С. 147; ГАНО. Ф. 1180. Оп. 1. Д. 21. Д. 45.
- ³¹ НАРС(Я) Ф. 68. Оп. 1. Д. 1809. Л. 31–32.
- ³³ НАРС(Я). Ф. 64. Оп. 18. Д. 58. Л. 9–10.
- ³⁴ НАРС(Я). Ф. 68. Оп. 1. Д. 1960. Л. 34, 49, 50, 52.
- ³⁵ НАРС(Я). Ф. 64. Оп. 18. Д. 58. Л. 9–10, 35–36.
- ³⁶ НАРС(Я). Ф. 68. Оп. 1. Д. 1958. Л. 105, 112, 113.
- ³⁷ *Коэн С. Бухарин.* Политическая биография... С. 212, 228, 196.
- ³⁸ *Барахов Ис.* Задачи землеустройства в связи с новой экономической политикой // Ленский коммунары. 1922. 30 марта; Исидор Никифорович Барахов. Сб. док. и мат. С. 158; *Барахов Ис.* Задачи РКП в Якутии // Ленский коммунары. 1922. 30–31 мая.

Советская визуальная пропаганда индустриализации в странах Западной Европы в 1930-е гг.

Наряду с изобразительным искусством и кинематографом в 1930-е гг. мощнейшим средством пропаганды советского образа жизни стала фотожурналистика. Фотоснимки на страницах периодических изданий оказывают на читателя гораздо большее воздействие, чем текстовая информация. «Человек обычно верит своим глазам больше, нежели тому, о чем ему рассказывают люди», – подчеркивалось в популярном издании, предназначенном для рабочих фотокорреспондентов¹. Наглядность, убедительность, информационная емкость, дешевизна и простота распространения обеспечили фоторепортажу исключительно важную роль в формировании визуальных образов. Революционная власть, видя эффективность использования фотографии в агитации и пропаганде, прибегла к услугам фотожурналистики с целью создания позитивного образа молодого советского государства за рубежом.

Советская индустриализация, проводимая на фоне депрессии и массовой безработицы на Западе, видимо, производила ошеломляющее впечатление на европейцев. Неудивительно, что советские снимки с большим интересом воспринимались зарубежным читателем. План работы прессы ТАСС на 1931 г. в области иностранной информации предусматривал «политизирование содержания фотопродукции, посылку в первую очередь материалов, иллюстрирующих наши хозяйственные, политические и культурные достижения»². Фотографированию достижений следовало уделять особое внимание потому, что «наши зарубежные товарищи настойчиво требуют именно этого рода фотоснимков, желая воочию убедиться в успехах рабоче-крестьянской страны. ... Фотографирование наших достижений имеет интернациональное значение»³.

К началу 1930-х гг. в СССР функционировали два центра фотопропаганды: отдел «Фотохроника», входивший в структуру ТАСС, и возглавляемый С. Евгеновым трест Союзфото, которые должны были обеспечивать централизованный выпуск фотоиллюстраций для газет и журналов. В состав Союзфото входили: редакционный отдел с секторами внутренней фотоинформации, иностранной, массовой работы, спецзаказов, массовых изданий, отдел распространения и производственный отдел. В краевых и областных центрах открывались отделения Союзфото и корпункты, за границей находились его представительства.

В обязанности иностранного сектора, который возглавил Леонид Межеричер, вменялась работа по внедрению советского снимка в иностранную печать⁴. Для распространения фоторепортажа в зарубежной прессе (на что Союзфото обладало монополией) имелись Бюро и представительства Союзфото за границей. Центральным в Европе являлось Берлинское Бюро (Унион-Бильд)⁵. Иносектор снабжал советской фотографией печатные издания 24 стран⁶.

О масштабах работы советской фотопропаганды за границей можно судить по следующему факту. Фоторедакцией пресс-клише ТАСС на 1931 г. был установлен план отправки за рубеж ежедневно 600 снимков⁷. Особое значение советская власть придавала тиражированию в прессе фотоиллюстраций, рассказывающих о строительстве крупнейших промышленных предприятий в СССР. За годы первой пятилетки советские фотокорреспонденты побывали на 518 важнейших новостройках⁸.

За границей часто устраивались выставки советской пропагандистской фотографии. Одной из постоянных рубрик было советское индустриальное строительство. ОДСКФ (Общество друзей советского кино и фото) в 1929 г. совместно со Всегерманским объединением рабочих фотографов устроило передвижную выставку работ советских фотографов по городам Германии⁹. Успешные выставки в 1930-е гг. прошли также в Варшаве, Праге, Лондоне¹⁰. Инициатива их проведения принадлежала Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей (ВОКС). Зарубежные фотовыставки находились под непосредственным контролем Наркомата иностранных дел СССР¹¹.

В 1930-е гг. поиск наиболее эффективных способов визуализации процесса модернизации страны велся советскими иллюстрированными журналами: «СССР на стройке», «Строим», «Наши достижения», «Даешь», «Наша страна», «Смена» и другими. В Испании громадным успехом пользовался журнал «Октябрь»¹². Иллюстрированные журналы, по замыслу их создателей, должны были доставлять читателю информацию в другой, нежели газетная, форме: «Метод не рассказа, а показа, – писали сотрудники «Огонька». – Иллюстрации, рисунки, снимки, яркое художественное слово»¹³.

Иллюстрированный журнал «СССР на стройке» выпускался с 1930 г. до Великой Отечественной войны (после войны издание журнала возобновилось) и был рассчитан не столько на граждан СССР, сколько на зарубежную публику, поэтому выходил в 1930-е гг., кроме русского, еще на трех европейских языках (французском, немецком и английском). Журнал входил в подписку английского парламента и пользовался большим успехом среди депутатов. Кредо журнала было сформулировано в первом номере за 1930-ый год: «Чтобы лишить наших врагов... возможности искажать и порочить показания слов и цифр, мы решили обратиться к

светописи, к работе солнца – к фотографии...», – и далее, – «Фотографические изображения нашего строительства... должны быть доступны всем интересующимся нашим строительством»¹⁴.

В 1930–1932 гг. на страницах журнала «СССР на стройке» представлены бесконечные картины строительства и производства, где реализуются «достижения». В первом номере «СССР на стройке» за 1930 г. фотографии посвящены «Азнефти». Перед зрителем – трубы, станки, нефтяные вышки. Дальше приводился снимок нового хлебозавода, затем – завода «Электросталь», кабельного и судостроительного заводов в Ленинграде и т. д.¹⁵.

С 1932 г. редакция журнала кардинальным образом перестроила стратегию. Мозаику строительных и производственных снимков сменили тематические номера с комментариями. В основном, это комментарии типа «было» – «стало» (тракторов, пудов зерна, тонн стали, чугуна и т. д.). В номерах стал выстраиваться внутренний сюжет: заводы строят технику, идет подготовка кадров, затем – «техника выходит на поля», и, наконец, урожай¹⁶. С этого времени почти каждый номер «СССР на стройке» посвящался определенной отрасли отечественной промышленности или конкретному предприятию.

Поворотным моментом в стратегии журнала можно считать своеобразный «дайджест» журнала – вышедший в 1933 г. на четырех языках фотоальбом «СССР строит социализм» фотокорреспондента Э. Лисицкого, состоящий из монтажных, фоновых (во весь разворот лицо шахтера, а на его фоне – разрез шахты), остроаккурсных, диагональных снимков, игры со светом, неожиданных фоторешений (Волховская ГЭС снизу, турбина изнутри). Художественное фото сопровождалось здесь грамотными комментариями, материал тематизирован и иерархизирован (по республикам, отраслям, новостройкам)¹⁷.

Образцом фотопропаганды в 1931 г. была официально признана фотосерия «24 часа из жизни московской рабочей семьи Филипповых». Ее публикация в западном коммунистическом издании – германской иллюстрированной газете («АИЦ», 1931 г., № 38) и вызвала широкий резонанс: 52 снимка с сопроводительным текстом были восприняты как документальная повесть о положении рабочего класса в СССР. На примере семьи московского рабочего Филиппова зрители за границей должны были составить представление о новой, безоблачной жизни рабочих в Советском Союзе. Все стороны благополучной, разнообразной, насыщенной трудовой и семейной жизни Филипповых – на работе, в заводской столовой, в магазине, в школе, за занятиями спортом, в свободное время, в домашней обстановке – были представлены в наглядной, доступной и убедительной форме и нашли свое отражение в снимках, отличавшихся высоким уровнем¹⁸. Настоящая серия обошла в более полном и сокращенном виде (после опубликования ее Со-

юзфото в «АИЦ») свыше 20 периодических изданий в Европе и Америке¹⁹. В частности, в мартовском номере американского журнала «Азия» за 1932 г. появилась обширная статья об СССР в сопровождении 15 прекрасно воспроизведенных снимков из настоящей фотосерии²⁰.

Успех «Семьи Филипповых» дал импульс к созданию целого ряда фотосерий. Качественно новую форму фоторепортажа предложил М.В. Альперт. Его фотосерия «Гигант и строитель», опубликованная в журнале «СССР на стройке» № 1 за 1932 г., рассказывала о рабочем Викторе Калмыкове, за два года прошедшем на строительстве Магнитогорского металлургического комбината путь от завербованного на стройку крестьянина до ударника-бригадира, орденосца. Интересно, что при отборе героев для фотосъемки приоритет отдавался, как правило, тем, кто совсем недавно прибыл на новостройку. Так на главную роль в фотосерии М. Альперта претендовали пять человек. Фотокорреспондент, рассмотрев все кандидатуры, остановился на двух: Калмыкове и Шайхутдинове. Выбор был сделан в пользу Калмыкова, потому что он представлял собой еще совсем «сырой» материал, в отличие от Шайхутдинова, имевшего за плечами опыт работы на социалистических стройках. Как выяснилось, Калмыков просто утаил факты своей биографии от фотомастера и, став героем фотосерии, попал на страницы уважаемого журнала. Калмыков до приезда в Магнитку два года работал на Сталинградском тракторном заводе²¹.

Фотографии наглядно рассказывали о том, как на социалистической стройке простой деревенский парень из крестьянина — единоличника превратился в представителя рабочего класса. Зритель видел его землекопом, потом бетонщиком, затем бригадиром. Калмыков учится, перебирается из палатки в благоустроенную квартиру, женится, вступает в партию, получает орден Красного знамени. Серия завершалась словами о том, что «путь Виктора Калмыкова — это путь десятков тысяч. Новый человек выходит на историческую арену. Этого человека создает социалистическая стройка».

Данная фотосерия реконструировала события двухлетней давности. Прием восстановления фактов позволил авторам в 1932 г. «вернуться» на два года назад — ко времени появления на стройке В. Калмыкова. Несмотря на то, что многие современники отзывались о серии как о «вещи громадной воспитательной работы»²², некоторые критики догадались о том, что фотосъемка велась не на протяжении нескольких месяцев, а в течение нескольких дней, рассмотрев на одном из снимков перебинтованный палец Виктора. Существенную ошибку в серии усматривали и в том, что на одном из снимков Калмыков на классной доске изучает геометрию, так как «всем понятно, что парню из деревни еще очень рано до геометрии»²³. Из первоначального варианта фотосерии был изъят снимок, изображаю-

щий родную деревню Калмыкова. Дело в том, что М. Альперт заснял нищего крестьянина, пашущего землю, а официальная пропаганда утверждала, что «на строительство из деревни приходят не от тяжелой жизни, а потому, что новые условия деревни освобождают рабочую силу, которая переходит на строительство»²⁴. Положительный отзыв о фотоочерке дал Максим Горький²⁵. Несмотря на все недостатки и хронологические подтасовки, серия была хорошо воспринята за границей.

Позже советским фотокорреспондентам пришла идея рассказать языком фотографии о знаменитом донбасском шахтере-рекордсмене Никите Изотове. На снимках из фотосерии М. Маркова «Уголь и розы» можно увидеть Никиту Изотова, беседующего по возвращении из шахты с бригадой следующей смены, на производственном совещании, у себя дома, на слете поваров-изотовцев Донбасса, в театре, а также его жену и детей. Однако из 14 негативов, предоставленных М. Марковым в Союзфото, в серию вошло лишь девять. Редакцией были «отсеяны» те снимки, которые заостряли внимание на частной жизни шахтера, «не уделяя места роли партии в борьбе за повышение качества продукции»²⁶. В сокращенном варианте фотосерия, сопровождаемая короткой пояснительной статьей, была разослана в редакции зарубежных газет и журналов. Серия была напечатана в «АИЦ», в бельгийском журнале «Ту» и во французском – «Photo». Однако серия была напечатана не полностью, причем в различных изданиях в разном объеме. Так из девяти высланных снимков журнал «Ту» напечатал восемь под заголовком «Черные глотки»²⁷ в красной стране». Неопубликованным остался снимок «Н. Изотов в президиуме слета поваров-изотовцев Доннарпита». Вероятно, редакция журнала руководствовалась тем, что на снимке не было видно, что он изображает именно президиум слета поваров.

«АИЦ» в свою очередь посвятила этой серии обложку и две страницы текста, причем было сохранено название, содержащееся в пояснении, данном редакцией Союзфото: «Шахтер-забойщик – Никита Изотов – гордость и пример всей страны», а статья была перепечатана практически дословно. Из девяти снимков при этом опубликовали всего семь, изъяв из печати снимок, показывающий Изотова в президиуме слета поваров, и снимок, изображающий то, как шахтер разговаривает по телефону с заводом. Интересно, что «АИЦ» не поверила выполнению Изотовым плана на 2 000 %, и, сочтя это за нелепую опечатку, «снизила» рекорд шахтера до 200 процентов.

Французская газета «Регар» напечатала только три снимка, которые наряду с другими были помещены под общим заголовком: «Советские рабочие живут лучше, чем раньше». Венский «Интересанте Блатт» напечатал один снимок из фотосерии, а именно «Изотов осматривает выставленные блюда», изменив советскую текстовку. «Повара общественных столовых Донбасса вступили в соц-

соревнование. Выставленные блюда были осмотрены народным комиссаром Изотовым», – гласила подпись к фотоснимку, в которой донбасского шахтера повысили в звании²⁸. Допущение подобных искажений объяснялось «плохо поставленной работой Отдела иностранной цензуры». Вырезки из иностранных газет, в которых помещаются советские фотоснимки, продаваемые за границу фотохроникой ТАСС – лежали в отделе иностранной цензуры длительное время (до года). При таком положении исключалась возможность быстрой реакции со стороны фотохроники ТАССа на допущенные в снимках искажения, на «неправильные или антисоветские» надписи на фото и т. д.²⁹

Известно, что в годы первых пятилеток на новостройках длительное время работали иностранные бригады, привлеченные к проектированию и строительству предприятий тяжелой индустрии. Естественно, зарубежные гости не могли не сделать на память несколько снимков строительства. Например, часть снимков с Магнитостроя была вывезена за пределы Советского Союза³⁰. Естественно, снимки вывозились за границу по специальному разрешению.

Надо отметить, что советская власть вообще неохотно шла навстречу иностранцам, желающим запечатлеть на фото пленку страну советов. Например, иностранным рабочим делегациям, приезжавшим к 15-й годовщине Октябрьской революции в Москву, было запрещено снимать целый ряд объектов. «Какое же это свободное пролетарское государство, когда не разрешают делать фотоснимки для нашей агитации за границей о Советском Союзе», – недоумевали некоторые делегаты³¹. За вывозом из страны снимков и негативов строго следили. Так при въезде в Советский Союз в паспорт иностранца вписывался номер фотоаппарата, а при выезде гость отчитывался за любительские фото- и киносъемки, а также за неиспользованные фотопластинки³².

Отделом иностранной цензуры Главлита осуществлялся контроль за визуальными материалами (фотоснимками и кинолентами), предназначенными для отправки за границу. Например, в 1939 г. было проверено 17 тыс. 848 бандеролей с визуальным материалом, отправляемым на международную выставку в Америку. В том же году было задержано 87 фотографий, отправлявшихся за рубеж³³. Подобные факты свидетельствуют об опасении советских цензурных инстанций допустить возможную «утечку» идеологически неправильных материалов за рубеж.

Сложно сказать, какой была реакция зарубежной публики, ознакомившейся с очередной советской фотосерией. Известно, что один голландский рабочий, «вооружившись» номером «АИЦ», в котором была опубликована серия о семье рабочего Филиппова, сумел организовать у своего завода небольшой летучий митинг, где агитировал за поддержку СССР³⁴.

Советская фотопропаганда, помимо всего прочего, изображала образцовую работу и быт приехавших в СССР иностранных рабочих и специалистов³⁵. Можно предположить, что советский фоторепортаж, давая наглядное представление о жизни рабочего в «красной стране», подталкивал рядового европейца к сопоставлению жизни «здесь» и «там». «Много интересного делается на свете, особенно там, где капиталу дали отставку», – сказал капитан бельгийского судна «Вап», просмотрев журнал «СССР на стройке»³⁶.

В июне 1934 г. в Варшаве была организована выставка советской фотографии. Член союза польских фотографов инженер Витольд Дедерко дал следующую оценку реакции посетителей выставки на снимки: «Зритель выходит с выставки ошеломленным и дезориентированным. Несомненно, что выставленные экспонаты производят очень сильное впечатление и они настолько для нас новы, они настолько отличаются от всего, что мы до сих пор смотрим, что дать бесстрастную оценку является задачей весьма трудной... В работах советских фотографов мы не видим разбросанных ворончиков, пепельницу с сигарными и папиросными окурками, бумажных клочков, зато мы видим фабричные трубы, машины, тракторы, научные экспедиции, весь мир, неизмеримо более важный, чем стакан сельтерской воды перерафинированных людей Западной Европы... Портреты – тоже отличаются от тех, которые мы привыкли видеть... Выражение сильное, решительный взгляд показывают нам людей твердых, простых и сильно отличающихся от нас. Характерная черта выставки – это жизнерадостность, огромная, безудержная, иногда просто нам, людям запада, непонятная»³⁷.

Несомненно, советский фоторепортаж времен первых пятилеток оказывал сильное воздействие на европейского читателя. Фотоматериалы, предоставленные агентством Союзфото в зарубежную прессу, проходили предварительный отбор и преподносились, как правило, в слегка измененном виде, воспринимаясь, тем не менее, как неопровержимые доказательства роста благосостояния советских индустриальных рабочих.

Киновед Г.М. Болтянский обобщил это так: «Фоторепортаж в известной мере повлиял на психику западноевропейского рабочего, в смысле интереса к нашей борьбе и симпатии к советской власти. Нашей печати не верили, но фотографиям нельзя было не верить»³⁸.

¹ *Вострогин М.* Что и как фотографировать рабкору. М., 1930. С. 21.

² ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 448. Л. 17.

³ *Вострогин М.* Что и как фотографировать рабкору... С. 32.

⁴ Советское фото. 1934. № 1. С. 2.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 20. Л. 110.

⁶ Советское фото. 1934. № 7. С. 24.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 448. Л. 28.

-
- ⁸ Аксельрод Л., Рыжов Ю. *Летопись великих строек* // Советское фото. 1957. № 9. С. 19.
- ⁹ РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 11. Л. 114.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2383. Оп. 1. Д. 28. Л. 8.
- ¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 256. Л. 17.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 2383. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
- ¹³ *Заковырина Н.С.* Особенности развития отечественной фотожурналистики 1920-х – 1930х годов и журнал «Советское фото»: дисс. канд. филологических наук. СПб, 2008. С. 92.
- ¹⁴ СССР на стройке. 1930. № 1. С. 2.
- ¹⁵ *Добренко Е.* Потребление производства, или иностранцы в собственной стране // Советская власть и медиа: Сборник статей. СПб., 2005. С. 176.
- ¹⁶ Там же. С. 177.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Сарторти Р.* Фотокультура II, или «верное видение» // Советская власть и медиа: Сборник статей. СПб., 2005. С. 151.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 20. Л. 110.
- ²⁰ Советское фото. 1932. № 4, С. 8.
- ²¹ Магнитогорский комсомолец. 1931. 18 сентября.
- ²² *Стигнеев В.Т.* Век фотографии. 1894–1994. Очерки истории отечественной фотографии. М., 2005. С. 290.
- ²³ Там же. С. 291.
- ²⁴ Там же. С. 103.
- ²⁵ *Альперт М. В.* Беспокойная профессия. М., 1962. С. 36.
- ²⁶ Советское фото. 1934. № 1.
- ²⁷ Черные глотки – бельгийское народное название шахтеров.
- ²⁸ Советское фото. 1934. № 1.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 8. Л. 119.
- ³⁰ Сотрудник американской фирмы «Мак-Ки» Б. Вернон получил разрешение на вывоз восьми снимков строительства, семь фотографий Магнитостроя забрал с собой в Германию немецкий инженер Г. Адольф. Несколько снимков личного характера были увезены на родину американцем Дж. Скотом, проработавшим несколько лет простым рабочим на строительстве комбината, а также членами бригады немецкого архитектора Э. Мая, проектировавшего соцгород Магнитогорска.
- ³¹ *Голубев А.В.* «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х гг. М., 2004. С. 212.
- ³² *Токарев В.А.* Советская фотожурналистика 1930-х гг.: контрасты эпохи // Проблемы российской истории. М.-Магнитогорск, Выпуск VIII. 2007. С. 353.
- ³³ ГАРФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 10. Л. 60.
- ³⁴ Советское фото. 1931. № 12. С. 34.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 11. Д. 448. Л. 27.
- ³⁶ *Токарев В.А.* Советская фотожурналистика 1930-х гг. ... С. 365.
- ³⁷ РГАЛИ. Ф. 2383. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.
- ³⁸ РГАЛИ. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ И КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Е.Н. Волосов

Особенности кадровой политики в отношении технократической элиты Ангаро-Енисейского региона в 1960–1980-е годы

Региональная технократическая элита являлась специфической частью партийной номенклатуры. Кадровые передвижения ее представителей находились под контролем партийной бюрократии, так как система кадровых назначений в Советском Союзе всегда являлась прерогативой партийных органов. Однако ее реальные, а не декларативные принципы до настоящего времени остаются недостаточно изученными исторической наукой. Назначения на руководящие хозяйственные должности отличались от подбора и расстановки кадров в системе политических и общественных организаций. К технократической элите предъявляли не только стандартные требования, такие как политическая лояльность, человеческая скромность, уважение к товарищам по работе, но и специфические – технические знания, опыт руководства организациями и учреждениями технического профиля. В данной статье анализируются основные принципы и процедуры назначения на руководящие хозяйственные должности, схемы карьерного роста, механизмы кадровых ротаций технократической элиты.

Как правило, для получения номенклатурной хозяйственной должности тем или иным претендентом, необходим был консенсус как минимум двух структур: согласия соответствующих министерств на центральном уровне и регионального комитета КПСС – на местном. На всех уровнях и этапах согласования должностных назначений действовала система контроля, мониторинга за движением кадров (номенклатура).

Номенклатуры должностей различных региональных комитетов КПСС в 1960–80-е гг. мало, чем отличалась друг от друга. В номенклатурный список входили должности, подотчетные многочисленным отделам комитетов партии. Например, в основной номенклатуре Иркутского обкома (ОК) КПСС в 1966 г. насчитывалось 1 077 должностей, при этом на строительно-промышленный сектор приходилось 152 должности¹. В номенклатуру Иркутского обкома КПСС входили должности хозяйственных руководителей всех промышленных предприятий союзного и республиканского значения, железнодорожного транспорта – начальники отделений ВСЖД. Строительная отрасль была представлена руководителями Главвостоксиб-

строю, управляющими строительными и монтажными трестами, Ангарского управления строительства.

Номенклатура Красноярского крайкома КПСС исследуемого периода по своей структуре немного отличалась от аналогичного списка соседней территории. Это было связано с тем, что экономический потенциал края был выше, чем у Иркутской области, а партийная организация Красноярского края по численности превосходила соседнюю. Соответственно, должностей руководителей различных предприятий, учреждений и организаций, состоящих в партийной номенклатуре регионального комитета КПСС, было немного больше².

Некоторые важные должности из ВПК отсутствовали в вышеупомянутом списке номенклатурных должностей. Так, среди номенклатуры Иркутского ОК КПСС не было должности начальника Ангарского электролизно-химического комбината. В номенклатуре Красноярского крайкома КПСС не было должности директора Красноярского машиностроительного завода, химического комбината «Енисей» и ряда других предприятий оборонного профиля. Вместе с тем, несмотря на отсутствие вышеуказанных должностей в справках по основной и учетной номенклатуре, утверждение руководителей на эти посты на заседаниях региональных партийных комитетов, проводилось регулярно³. Вероятнее всего, в отношении этих предприятий действовали какие-то особые инструкции (повышенная секретность), не позволявшие партийным комитетам включать руководящие должности в открытую номенклатуру, но разрешавшие открыто утверждать на их заседаниях того или иного хозяйственного руководителя.

Как уже отмечалось выше, номенклатура существовала не только в системе партийного аппарата, но и в министерствах и ведомствах. Кандидатуры, рекомендованные для включения в резерв на выдвижение, согласовывались с местными партийными организациями. Например, в списке кандидатов на руководящие должности по Иркутскому заводу тяжелого машиностроения в 1986 году были указаны: на должность директора – секретарь парткома Н.Н. Гуманюк и заместитель начальника сборочного цеха В.М. Прозоров; на пост главного инженера – заместитель главного инженера А.Е. Шахов. То, что такие списки не были простой формальностью, показывает пример Н.Н. Гуманюка, который был назначен на должность руководителя завода в 1987 году и проработал в этой должности до 1994 года⁴.

Назначению на вакантную должность предшествовала определенная цепочка согласований. Часто в протоколах заседаний бюро при обсуждении кадровых вопросов встречалась формулировка: «Принять предложение...». Так в феврале 1967 г. бюро Красноярского крайкома КПСС принимает «предложение Дивногорского ГК КПСС об утверждении

Козьярского Юрия Константиновича главным инженером управления строительства Красноярской ГЭС»⁵.

29 ноября 1973 г. бюро крайкома согласилось с предложением Норильского горкома партии об утверждении Колесникова Бориса Ивановича директором Норильского горно-металлургического комбината, освободив его от обязанностей главного инженера этого же комбината⁶. Оба случая объединяет одно: предприятие, руководитель которого утверждался на бюро крайкома по предложению нижестоящего партийного комитета, находилось вне краевого центра.

В решениях Иркутского обкома КПСС формулировок, указывающих на двойную номенклатурную принадлежность хозяйственных руководителей, практически не встречается. В то же время, трудно поверить, что решения на уровне бюро регионального комитета партии принимались без консультации, пусть даже формальных, с нижестоящей партийной инстанцией. На наш взгляд, нет смысла искать какие-либо причины различий в формулировках бюро Красноярского крайкома и Иркутского обкома КПСС. Видимо, партийные инструкции не требовали их стандартизации при решении кадровых вопросов.

Инициатива назначения руководителя на ту или иную должность в подавляющем числе случаев исходила от вышестоящей профильной инстанции. Министерства и ведомства направляли в адрес руководителей региональных партийных организаций просьбу согласовать кандидатуру на руководящую должность⁷.

Бывали нередкими случаи, когда инициатором кадрового назначения являлся региональный комитет партии. Например, в начале 1970-х гг. на строительстве Усть-Илимского ЛПК сложилось крайне тяжелое положение, для разрешения которого требовался руководитель с широкими полномочиями. По просьбе Иркутского обкома КПСС Министерство целлюлозно-бумажной промышленности в 1974 году назначило генеральным директором строящихся предприятий Усть-Илимского ЛПК и г. Усть-Илимска и, одновременно, заместителем министра целлюлозно-бумажной промышленности М.И. Бусыгина⁸.

Кадровая работа в системе министерств и ведомств, как и в партийных органах, заключалась не только в назначении ответственных лиц на руководящие должности, но и в увольнении, переводе, снятии за какие-либо проступки. В экстраординарных случаях региональный комитет партии и министерство выступали консолидированно, быстро и жестко. Такими основаниями являлись проступки, связанные с аморальным поведением (адюльтер, пьянство), коррупцией и рабочим вопросом. Последнее требует пояснения. В материалах Красноярского крайкома и Иркутского обкома

КПСС изредка встречаются факты «забастовок» рабочих по экономическим причинам (недовольство размером заработной платы, условиями труда и т. д.). Виновных в подобных инцидентах искали не только среди «волынщиков», но и в начальственных кругах.

Одним из примеров быстрого и жесткого наказания может служить случай с рабочими Ангарской сплавной конторы, которые отказались работать из-за неправильных, по их мнению, расчетов за выполненную работу. По итогам проверки бюро Иркутского обкома КПСС в начале 1971 г. рекомендовало «освободить от занимаемой должности директора Ангарской сплавной конторы Мишарина и его заместителя Штешенко», что и было незамедлительно выполнено руководством объединения «Иркутсклеспром». По требованию обкома приказом по министерству от 5 февраля 1971 г. был освобожден от работы и управляющий трестом «Востсиблессплав» Б.В. Войтов⁹.

Назначению на ответственную должность предшествовал этап сложных согласований. Среди обязательных были следующие условия назначения на должность: 1) наличие должности в списке номенклатуры регионального партийного комитета и министерства; 2) представление партийного комитета города, на территории которого располагалось предприятие; 3) предложение управления министерства, отвечающего за кадры и министерской структуры, курирующей производственную деятельность предприятия, организации; 4) соответствующие характеристики; 5) согласования кандидатуры, назначаемой на вакантную должность (устные переговоры партийных и хозяйственных руководителей). Такая, отчасти бюрократизированная и формализованная система, позволяла выявить самые явные, лежащие на поверхности недостатки кандидата, отсеять случайных, неблагонадежных, некомпетентных людей и распределить ответственность на всех, кто рекомендовал данную кандидатуру.

Технократическая элита являлась специфическим отрядом партийной номенклатуры, что подтверждается практикой многочисленных ротаций хозяйственных руководителей, их кадровых передвижений по партийному и отраслевому векторам. В отличие от традиционного пути советского номенклатурщика, ярко показанного в работе М. Восленского «Номенклатура»¹⁰, схемы карьерного движения технократов носили другой характер. Одним из важнейших свойств партийной бюрократии являлось почти биологическое чувство самосохранения. А любое промышленное предприятие, строительная или транспортная организации требовали компетентного руководства по многим экономическим, политическим и технологическим причинам. Поэтому отдавать их на откуп непрофессионалам было слишком опасно.

Анализ более чем 200 биографий хозяйственных руководителей периода 1960–80-х гг., показывает, что примерно у 20-ти человек административная карьера не носила линейно-отраслевого характера. На определенных этапах трудовой биографии каждый из них работал в партийных структурах. Например, до занятия крупной хозяйственной должности партийными работниками уровня секретарей парткомов, городских и районных комитетов партии были будущий министр лесной и целлюлозно-бумажной промышленности М.И. Бусыгин, директор Иркутского завода тяжелого машиностроения Е.А. Мармонтов, начальник Красноярского краевого геологического управления В.А. Неволин и многие другие руководители.

Работа в аппарате регионального комитета партии рассматривалась как важная ступень для последующего занятия руководящей должности в секторе реальной экономики. Из числа профессиональных партийных работников, ставших крупными руководителями можно назвать инструктора Иркутского ОК КПСС М.И. Щадова (начальник комбината «Востсибуголь» – министр угольной промышленности СССР), заведующего отделом лесной промышленности Красноярского крайкома КПСС (начальник объединения «Красноярсклеспром») И.А. Кириллова, заведующего строительным отделом Иркутского обкома КПСС И.Т. Смолянина (начальник Главвостоксибстроя) и др.

Другая карьерная стратегия, имевшая место в Ангаро-Енисейском регионе – переход с высокого партийного поста на региональном уровне на новую должность в министерстве, правительстве и ЦК КПСС. Например, начальник Норильского горно-металлургического комбината В.И. Долгих после трех лет работы в должности первого секретаря крайкома КПСС был назначен на пост секретаря ЦК КПСС, курирующего весь сырьевой сектор экономики страны.

И, наконец, четвертый распространенный вариант карьерного продвижения, это переход со значимой хозяйственной должности на важный пост в региональном партийном аппарате. Так, директор Красноярского комбайнового завода А.А. Кокарев был избран сначала первым секретарем Красноярского горкома КПСС, а затем – Красноярской партийной организации. В 1971 году В.Ф. Малова, директора Братского алюминиевого завода, избрали вторым секретарем Иркутского обкома КПСС. Управляющий трестом «Ачинскалюминстрой» (Красноярский край) О.С. Шенин первоначально был избран секретарем краевого комитета партии в перестроечный период, а в 1990 году – секретарем и членом Политбюро ЦК КПСС. Каждое упомянутое лицо оказалось на новом посту не случайно и не благодаря родственными или корпоративным связям.

Одной из важных статусных позиций для многих советских граждан являлось место в выборном органе: партийном, советском, профсоюзном, комсомольском. Избирательная система в Советском Союзе носила строго централизованный, плановый характер, учитывала большое количество данных в социально-профессиональном «портфолио» (досье) кандидата. Любой выборный орган политической (партийной) и законодательной власти в СССР с 1930-х до начала 1990-х гг. формировался по образцу Земских Соборов Московского царства и представлял собой социально-политический срез общества¹¹. По таким же лекалам и их уменьшенным копиям специалистами организационно-партийных отделов территориальных комитетов партии конструировались региональные выборные конференции, советские и партийные органы. Систему «выборного назначения» в любые органы политической и законодательной власти в СССР М. Восленский метко назвал «номенклатурным лжепарламентаризмом»¹².

Анализ кадровых ротаций хозяйственных руководителей, партийных и советских работников в 1960–80-е гг. показал, что за редкими исключениями можно с высокой долей вероятности объяснить включение тех или иных руководителей в состав и бюро региональных комитетов партии, региональных партийных конференций, советских выборных органов различных уровней, их передвижения внутри системы выборной власти их должностью. Определяющими принципами вхождения в состав выборных органов для исследуемой социально-профессиональной группы являлись статусность, норма, престижность, полезные знакомства.

По степени представленности технократов в выборных органах власти можно судить о важности для партийной бюрократии той или иной отрасли народного хозяйства. В качестве примера можно привести данные о составе региональных комитетов партии в течение 1964–1990 гг., а точнее, количестве и соотношении в них представителей технократической элиты. Прежде всего, следует обратить внимание на предприятия и организации тех отраслей, руководители которых являлись членами выборного партийного органа практически во все созывы: военно-промышленного комплекса, строительства, цветная металлургии, транспорта. В данном случае речь идет о закреплении квоты за конкретными, особо важными не только для региона, но и страны предприятиями и организациями.

В Красноярском крае действовало крупнейшее предприятие ракетного комплекса страны – Красноярский машиностроительный завод. Независимо от стажа работы на предприятии, «вхожести» в региональную элиту, руководители предприятия в обязательном порядке избирались членами Красноярского крайкома КПСС. Иркутская область также имела предприятия ВПК всесоюзного значения. Руководитель авиационного завода

В.А. Максимовский был единственным представителем технократической элиты, который входил в состав бюро обкома с 1974 по 1981 гг., правда, в качестве кандидата.

Вторая половина XX в. стала временем интенсивного промышленного освоения Ангаро-Енисейского региона, где ключевую роль на первом этапе хозяйственного строительства играл строительный комплекс. Участие руководителей строительных организаций в работе выборных органов органично вписывалось в общую политику и носило обязательный протокольный характер. В Красноярском крае, как и в Иркутской области, в обязательном порядке в состав региональных комитетов партии входили руководители ведущих строительных организаций: Главкраснояркстроя, Главвостоксибстроя, Братскгэсстроя: Б.М. Зверев, В.П. Абовский, В.И. Прядко, И.И. Наймушин¹³.

Для экономического развития регионов важную роль играли транспортные коммуникации. Ангаро-Енисейский регион, благодаря своему географическому положению, расположению производителей сил, относился к числу немногих территорий страны, где стратегическое значение играли все четыре системообразующих вида транспорта: железнодорожный, авиационный, речной и автомобильный. И это объясняет стабильное присутствие их руководителей среди членов и кандидатов в члены краевого и областного комитетов партии и депутатов советов народных депутатов¹⁴.

Ключевую, стратегическую роль в экономике Ангаро-Енисейского региона играла энергетика, и руководители этой отрасли в обязательном порядке избирались в состав краевого и областных комитетов партии. В 1960–70-е гг. бессменным членом обкома являлся управляющий РЭУ «Иркутскэнерго» П.Г. Некряченко, с 1966 по 1978 гг. избирался членом крайкома КПСС управляющий РЭУ «Красноярскэнерго» М.П. Сморгун¹⁵.

Квотирование мест для технократической элиты существовало и в выборных органах Советской власти. Руководители промышленных предприятий, транспортных и строительных организаций, экономических учреждений избирались в органы законодательной власти различных уровней от Верховного Совета СССР до местных – городских и районных Советов.

В связи с этим возникает вопрос об общих и отличных чертах технократической «фракции» в советских и партийных органах власти. Для ответа на данный вопрос необходимо выделить схожие черты в профессиональных характеристиках. Прежде всего, обращает на себя внимание стабильное и широкое присутствие в составе обоих структур руководителей строительных и транспортных организаций. Число транспортников оставалось стабильным и соответствовало традиционным видам транспорта: железнодорожному, авиационному, водному и автомобильному. Причем транспортную квоту традиционно занимали только первые руководители ведомств.

Вместе с тем, можно говорить о некоторой «второсортности» Советов, которая хорошо видна на примере строительной отрасли. Всего на территории Красноярского края и Иркутской области в 1960–80-е гг. действовало пять крупных строительных организаций: Главкрасноярскстрой, Красноярскгэсстрой, Братскгэсстрой, Главвостоксибстрой, Ангарское управление строительства. Представители всех пяти обязательно входили в состав региональных Советов. Но в отличие от транспортных организаций, разброс кадров по иерархии должностных лиц был значительно больше. Места депутатов часто занимали вторые лица, главные инженеры, заместители руководителей: Ю.К. Козьярский, А.А. Бабенко, И.А. Саенко, В.Г. Зыбкин¹⁶.

На протяжении 1960-х – середины 1980-х гг. в обоих Советах работали по одному, максимум по два руководителя предприятий ВПК. Старожилами региональных законодательных органов были директора Красноярского машиностроительного завода Б.К. Гупалов и Иркутского авиационного завода В.А. Максимовский. В обоих региональных Советах всегда были представлены руководители двух инфраструктурных комплексов: материально-технического снабжения и связи. За исследуемый период в Красноярском крае и Иркутской области сменилось по два руководителя органов МТС (А.И. Перцович, Н.Ф. Бурухин, И.Н. Прихотько, В.И. Шишов) и три начальника региональных производственно-технических управлений связи (В.Е. Медюк, В.П. Шейкин, Н.Ф. Шаповалов). И все они в обязательном порядке избирались депутатами региональных Советов.

Таким образом, особо важные для региона и страны предприятия и организации имели де-факто закрепленную квоту на места в выборных партийных и советских органах. Наиболее широко в них были представлены руководители хозяйствующих субъектов системообразующих отраслей: военно-промышленного комплекса, транспорта и строительства. В сравнении с другими стратами и социальными группами Ангаро-Енисейского региона по уровню избираемости в различные органы власти в относительных пропорциях региональная технократическая элита уступала только партийной и советской бюрократии.

¹ ГАНИИО. Ф. П-127. Оп. 73. Д. 77. Л. 25–26.

² ГАКК. Ф. П-26. Оп. 36. Д. 16. Л. 248, 257–258.

³ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 44. Д. 18. Л. 16.

⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1569. Оп. 4. Д. 3. Л. 33, 58.

⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 38. Д. 14. Л. 52.

⁶ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 8. Д. 363. Л. 22.

⁷ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 9, 583. Л. 212.

⁸ *Кинцак В.* Лесной министр (Интервью с М.И. Бусыгиным) // Восточно-Сибирская правда. 2001. 26 июня.

⁹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 88. Д. 73. Л. 4, 25.

¹⁰ *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 132.

¹¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 121–122.

¹² *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс... С. 358.

¹³ *Абовский В.* Стройка: ее надежда и забота // Красноярский рабочий. 1974. 10 февраля; ГАКК. Ф. Р-2291. Оп. 1. Д. 841. Л. 3; *Долгинин Е.* От Саян до Таймыра // Красноярский рабочий. 1975. 22 августа; *Мацуль А.* Возможности роста // Восточно-Сибирская правда. 1974. 7 марта; *Наймушин И.И.* Братский комплекс сегодня Восточно-Сибирская правда. 1973. 5 сентября.

¹⁴ Встречу выборам XXIV областной партконференции // Восточно-Сибирская правда. 1988. 17 декабря.

¹⁵ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 88. Д. 10. Л. 35–38.

¹⁶ Сообщение о регистрации кандидатов в депутаты Иркутского областного Совета депутатов трудящихся // Восточно-Сибирская правда. 1969. 25 февраля; Кандидаты в депутаты Краевого Совета депутатов трудящихся // Красноярский рабочий. 1973. 1 июня; 1977. 1 июня; Список депутатов в Красноярский Совет народных депутатов // Красноярский рабочий. 1980. 29 февраля.

А.А. Николаев

Политический мониторинг кооперативных кадров Сибири в условиях нэпа

В современной исторической науке сложилось определенное единство в оценке достижений дореволюционной кооперации в Сибири. Успехи в социально-экономической и культурной сфере в значительной мере были достигнуты благодаря профессиональным кадрам, которые, опираясь на рыночные приемы и методы хозяйствования, сумели вовлечь крестьянские хозяйства и городское население в разнообразные кооперативные организации. После окончания Гражданской войны многие кадры дореволюционной формации подверглись арестам, так как выражали несогласие с новой кооперативной политикой.

Первая волна замены опытных кооперативных кадров на новых советских выдвиженцев прошла в конце 1919 – начале 1921 гг. Кооператоры арестовывались органами ВЧК по подозрению в сотрудничестве с белыми и обвинялись в попытках организовать продажу товаров по спекулятивным ценам. Массовые аресты грозили полной дезорганизацией коопера-

тивной работы, что в условиях послевоенной разрухи могло нанести непоправимый урон новой государственной власти. После вмешательства центральных властей и личных распоряжений Ф.Э. Держинского аресты приостановились, и многие кооператоры вернулись на руководящие должности, но не в качестве первых лиц. Они заняли по преимуществу должности членов правлений или заведующих отделами, а также стали выполнять второстепенную управленческую работу.

В составе Сибирского отделения Центросоюза статус членов правления сохранили В.Н. Остальцев, К.Г. Петунин, П.И. Швейцер и другие. Они восполнили дефицит кадров, образовавшийся в результате эмиграции значительной части бывших руководителей Союза сибирских маслодельных артелей, Закупсбыта и Синкредсоюза (А.Н. Балакшин, К.И. Морозов, Ф.А. Савченко, А.В. Сазонов, А.А. Трутнев и другие)¹.

Не вызывает сомнения, что кадры дореволюционной кооперативной школы, на практике придерживавшиеся кооперативных принципов и ценностей, определили позитивный тренд развития российской кооперации в условиях нэпа. Они стремились восстановить экономику на основе уже освоенных приемов и методов хозяйствования. Так, член правления Центросоюза К.Г. Петунин (входил в правление Закупсбыта в 1918–1920 гг.) в докладе на совещании руководителей губсоюзов в Москве 1 августа 1924 г. по вопросам кооперативной торговли и экспорта льна² в деталях инструктировал кооперативный актив о переходе на коммерческие методы заготовок и сбыта сельскохозяйственной продукции. Работа по товароснабжению деревни и закупкам сельскохозяйственных продуктов, по мнению К.Г. Петунина, должна была строиться на принципе комиссионно-посреднических отношений во всех звеньях системы. Комиссионный принцип должен был превратить кооперативные центры в служебно-исполнительные органы, пробудить инициативу снизу. Он полагал, что функциями кооперативной системы должны стать организация сбыта на внутреннем и внешнем рынках, финансирование заготовок, организация контроля над техникой обработки товара. Первые две функции будет выполнять союзная система, а последнюю (приведение товара в стандартное состояние) – низовые организации. К.Г. Петунин предложил сохранить элементы старой политики, обеспечивающей успешность и стабильность в работе. Центросоюз сохранял свое влияние за счет финансовых механизмов (выдача аванса на заготовки низовым кооперативам и губсоюзам), дающих право свободно маневрировать товаром, поступившим на комиссионную продажу.

Занимаясь ответственной хозяйственной работой, опытные кадры старой школы находились под постоянным наблюдением органов политического

руководства (ОГПУ), с помощью которых деятельность выборных органов управления ставилась под контроль правящей партии. Они готовили информационные отчеты, содержащие политические оценки кадрового корпуса не только на краевом и губернском уровне управления, но и в низовой кооперативной сети. На основе представленных материалов разрабатывались конкретные рекомендации по регулированию социального состава кооперации, укреплению руководящих органов партийными кадрами.

Органы ОГПУ через особые отделы в кадровых службах контролировали перемещения руководящих работников и технического персонала. Под особым контролем находились руководство и члены правлений краевых и губернских кооперативных союзов. 30 июня 1924 г. полномочное представительство ОГПУ по Сибири направило в Сибкрайсоюз список руководящих кооперативных работников из 25 чел., состоявших в прошлом в мелкобуржуазных партиях. От Сибкрайсоюза требовалось дать им исчерпывающую характеристику, заблаговременно извещать о служебных командировках в другие города, фиксировать все случаи недоброжелательного отношения к властям, влияние на окружающих людей, симпатии сотрудников. Из старых кадров в списке значился только один человек – бывший член правления Закупсбыта К.И. Бажутин, получивший положительную характеристику: «В общественной жизни участия не принимает. К Соввласти и РКП(б) безусловно лоялен. Работник хороший». Позже, в феврале 1927 г., К.И. Бажутин был лишен доступа к секретной переписке³.

В информационных материалах ОГПУ за 1927–1928 гг. социально-политическая квалификация кадрового корпуса остается осевой линией, и в незначительной степени дополняется оценками хозяйственной компетенции руководителей. В докладе Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю о политических настроениях и деятельности «антисоветских элементов» в аппарате Сибкрайсоюза, с которым 1 января 1928 г. ознакомился И.В. Сталин, сообщалось: «Всего имеется в аппарате СКС приблизительно 45 ответственных отраслей работы. Руководят самостоятельными отраслями работы: заведуют отделами, п[од]отделами, секциями и проч. 28 человек антисоветского элемента, в этом числе есть и члены правления. В этой группе имеются: б[ывших] членов антисоветских политпартий – 20, заподозренных в принадлежности к антисоветским политпартиям – 4, б[ывших] белых – 3 и антисоветски настроенных, состоящих у нас на учете – 1. Антисоветский элемент занимает 60 % наличного числа ответственных должностей, дающих возможность самостоятельно руководить работой и проводить известную линию. Членов ВКП(б) на ответственных должностях состоит около 7 человек, 4 являются членами правления и 3 заведуют отделами и п[од]отделами. Остальные 10–11 ответственных должностей,

т. е. 27 %, т. к. члены ВКП занимают 13 %, заполнены беспартийными, среди которых также есть антисоветски настроенные лица»⁴.

Ответственность за комплектование кадров, как явствует из документа, несли: член правления Сибкрайсоюза эсер Бажутин; буржуазный кооперативный идеолог член правления Шилин; управляющий делами главной конторы эсер Ершов, блокирующийся с вышеуказанными лицами и подчиненный им по работе⁵.

Руководители старой кооперативной школы, несомненно, стремились содействовать комплектованию аппарата Сибкрайсоюза за счет ответственных и грамотных работников. Но они по политической и социальной принадлежности не устраивали правящую партию, рекрутировавшую в систему кооперативного управления новобранцев «от сохи и лопаты». Представители старой и новой волны, совершенно очевидно, не могли испытывать взаимных симпатий, так как принадлежали к различным слоям общества и различались не только по уровню образования, но и психоментальным характеристикам. «В отношении сокращения «своих», – сообщалось в цитируемом выше документе, – антисоветский элемент отзывается отрицательно. Из ряда примеров приводим факт, характерный по содержанию: член ревизионной комиссии сотрудник заготовытотдела главной конторы, состоящий у нас на учете антисоветского элемента, Киселев А.Ф. по поводу сокращения б[ывшего] белого офицера Кузечкина говорил: «Увольнение Кузечкина мы допустить не должны. Нужно принять все меры и отстоять. Следует через ревизионную комиссию воздействовать на местком. Разной шпаны теперь из Красной армии сколько угодно идет. Местком ополчился на Кузечкина только потому, что он бывш[ий] белый офицер, им обязательно нужно «красноперов». Они, «красноперые» (т. е. члены ВКП – пред. месткома Данилина и др.), стараются устраивать на службу партийцев, несмотря на их пустые головы»⁶. Процитируем и другой характерный фрагмент текста: «Считая себя незаменимыми, занимающие руководящие должности эсеры и меньшевики живут сознанием своей якобы большой роли в советской кооперации. Особенно ярко это отобразил в своем выступлении эсер Шапшал. Он говорил: «Сибирская и вообще кооперация живет и развивается только благодаря руководству ею нас, эсеров и меньшевиков, сидящие в кооперации коммунисты кооперацией руководить не умеют, а подписывают только готовое, как, например, Стриковский и др. служат ничем иным, как мебелью, и если мы из кооперации *уйдем*, то она в непродолжительное время развалится, ибо коммунистам с ней не справиться»⁷. Для справки: упомянутый Л.С. Стриковский являлся председателем правления Сибкрайсоюза.

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. в руководящем кадровом корпусе сибирской потребительской кооперации более отчетливо обозначились два противоборствующих идеологических течения. Опорой государственной власти являлись члены ВКП(б), занимавшие высшие должности в структуре управления кооперативных союзов (председатели правлений и ревизионных комиссий) и являвшиеся проводниками официального идейно-политического и экономического курса. Кооператоры старой школы занимали доминирующие позиции в среднем звене управления. Являясь руководителями ведущих отделов, они занимались реальной хозяйственной работой на основе рыночных принципов. Именно это ключевое противоречие стало обостряться в связи с изменением государственной экономической политики, нацеленной на мобилизацию ресурсов для проведения промышленной модернизации. Кооператорам стали приписываться враждебные действия в хозяйственной работе, приводящие к затовариванию продукции на складах, нецелевому использованию кооперативных средств, несвоевременному снабжению населения нужным ассортиментом товаров, игнорированию потребностей хлебозаготовительной кампании и невыполнению директивы правительства о снижении административно-хозяйственных расходов.

Органы ОГПУ стали все активнее вмешиваться в кадровую политику, чем в значительной степени объяснялась высокая текучесть руководящего персонала. Согласно сведениям, представленным в секретную часть учетно-распределительного отдела Центросоюза 23 января 1929 г., основная часть из 19 номенклатурных работников Сибкрайсоюза состояла в должности с 1928 г., т. е. имела стаж работы до одного года. Из кадров с дореволюционным стажем работы статус члена правления Сибкрайсоюза сохранил только К.И. Бажутин⁸. Это свидетельствовало о крайне нестабильном положении кадров кооперативного управления.

Отход от принципов нэпа в конце 1920-х гг., вызванный необходимостью мобилизации средств для проведения ускоренной индустриализации, напрямую затронул все кооперативные системы, идеологию и практику кооперативного движения. Судьба старого кадрового корпуса ставилась в прямую зависимость от способности выполнять задачи по мобилизации ресурсов и налаживанию системы централизованного снабжения населения, что в корне противоречило кооперативным принципам организации. Как и в начале нэпа, актуализировалась ленинская формула «кто кого». Либо нэпманы, и в новых условиях старые кооператоры сохраняют независимость и автономию кооперации, либо власть подчинит их своим целям и задачам. Для проверки кооперативного аппарата на лояльность развернулась кампания по его чистке. В соответствии с решениями

XVI конференции ВКП(б), состоявшейся 23–29 апреля 1929 г., образована Центральная комиссия по чистке советского аппарата. 2 июня 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли специальное постановление и утвердили инструкцию, разработанную Наркоматом Рабоче-Крестьянской инспекции. Документ явился правовой основой деятельности комиссии, которая развернула свою работу через специально созданные рабочие бригады из представителей администрации, общественности, рабочих с предприятий. К работе комиссий по чистке аппарата подключались партийные группы, ячейки и фракции ВКП(б) кооперативных союзов, органы рабоче-крестьянской инспекции, инструкторский персонал.

Основной целью чистки аппарата провозглашалось выявление и удаление из кадрового корпуса «классово-чуждых и бюрократических элементов», улучшение и перестройка управления в соответствии с новыми задачами. К «социально-враждебным элементам» относились лица, лишенные права участвовать в выборах органов политической власти по конституции 1924 г. (бывшие крупные частные собственники, белые офицеры, служители культа, часть предпринимателей в мелкой промышленности и торговле и др.) «Лишенцам» не оставалось легитимного пространства для существования. Их ожидали серьезные проблемы с трудоустройством и сталинские лагеря.

Органы ОГПУ отслеживали анкетные данные руководящих кадров кооперативных работников, подбирали компрометирующий материал, свидетельствующий о провалах в хозяйственной работе, продолжали пристально следить за передвижением кадров. 8 мая 1929 г. за подписью председателя Правления Сибполеводсоюза Адамынь, заведующего секретной частью Фоминых, в Сибкрайсоюз было послано письмо следующего содержания: «Ввиду предстоящей чистки аппарата – проходит выявление сотрудников с плохих сторон, в связи с чем просьба не отказать в присылке характеристики во всех отношениях на Посохина А.В. до поступления к нам экономстатистом. Он работал у Вас, личность довольно скрытая и недобрая». Характер запроса фактически предопределял содержание ответа, который был получен 16 мая 1929 г. В нем сообщалось, что Посохин Алексей Вениаминович работал в аппарате Сибкрайсоюза с 1924 по 1926 год статистиком и заведующим секцией. Способный, но безынициативный работник, «...являясь плохим товарищем, он должным авторитетом не пользовался. Политически ненадежный, иронически относится как к советской власти, так и к намеченным мероприятиям и начинаниям»⁹.

Только благодаря высокой квалификации и отсутствию реального состава преступления А.В. Посохину удалось избежать в дальнейшем сурового приговора, и провести в тюрьме под следствием почти полтора года, с

3 июня 1938 г. по 21 ноября 1939 г., в местах заключения НКВД Новосибирской области. Освобожден за прекращением дела. В дальнейшем работал на руководящих должностях в угольной промышленности¹⁰.

С первой половины 1930 г. началась активная фаза работы комиссий по чистке кооперативного аппарата, которая совпала с развернувшейся коллективизацией сельского хозяйства, что отрицательно сказалось на хозяйственной работе. На заседании коллегии СибРКИ 14 мая 1930 г. после обсуждения доклада «О результатах чистки аппарата Сибкрайсоюза» в постановляющей части констатировалось: «Рабочие бригады в момент обследования (февраль) отмечали неудовлетворительность хода заготовок вследствие слабой подготовленности, недостатка руководства со стороны СКС, что в известной мере отражалось на выполнении планов по наиболее важным заготовкам, так по хлебофуражу на I/IV выполнено 74,2 % плана по пушнине – 55,5, пеньке – 56, утилю за 5 мес[яцев] – 18,5 % от плана»¹¹.

Отмечая существенные недостатки в работе аппарата Сибкрайсоюза, коллегия СибРКИ не подвергла резкой критике хозяйственную деятельность, за исключением сферы организации общественного питания. Постановляющая часть носила общий рекомендательный характер. Состав аппарата управления, по заключению комиссии, обладал «сравнительно небольшой прослойкой чуждых элементов». Однако приведенные цифры расходились с такой оценкой. Среди служащих, на которых приходилось две трети (66,6 %) сотрудников аппарата, 6,3 % являлись бывшими белыми офицерами, 0,88 % дворянами и 1,17 % торговцами – итого 8,35 %¹². Доля «чуждых элементов» по меркам того времени была чрезмерно велика. Возможно, данный документ дал импульс к более углубленному анализу кадрового корпуса Сибкрайсоюза и организации в 1931 г. в Новосибирске процесса «О контрреволюционной вредительской организации в Сибпотребкооперации и Госбанке».

Одновременно кампания по чистке проходила в московском представительстве Сибкрайсоюза и в целом в аппарате управления Центросоюза. О характере, методах и целях чистки позволяют судить документы фонда «Центральной комиссии по чистке советского аппарата НК РКИ» (Ф. Р-8341 за 1926–1932 гг.) Государственного архива Российской Федерации. Они до сих пор в незначительной степени использованы исследователями. Источники (протоколы, стенограммы заседаний комиссий по чистке, доклады и справки о результатах чистки, переписка) содержат богатейшую информацию о социально-политической обстановке в стране и позволяют раскрыть механизмы реализации государственной политики, приведшей к подавлению рыночного потенциала российской потребительской кооперации.

По результатам деятельности рабочих бригад специальной комиссией была подготовлена докладная записка «Об итогах чистки аппарата Центросоюза» от 13 июня 1930 г., которая легла в основу решения Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР¹³. В этом обширном документе ключевое значение отводилось характеристике руководящего состава Центросоюза в первую очередь с точки зрения политической лояльности по отношению к Советской власти. При оценке руководителей учитывалось до-революционное прошлое, а также такие существенные критерии как связь с частными предпринимателями, соответствие практической работы установкам директивных органов, личные моральные качества. Вот несколько характерных примеров, содержащих персональные данные о выходах из сибирской потребительской кооперации.

Швейцер П.И. – бывший член правления Закупсбыта и коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза. На момент прохождения чистки член правления Центросоюза. Обладал информацией о заготовках рыбы в Астрахани через частных поставщиков и не принял мер по защите интересов Центросоюза, что дало основание причислить его к сторонникам теории здорового частника¹⁴.

Петунин К.Г. – видный и активный деятель РСДРП (меньшевиков) в 1905–1918 гг., член правления Закупсбыта в 1916–1920 гг., в начале 1920-х гг. член коллегии распорядителей Сибирского отделения Центросоюза. С 1922 г. член правления Центросоюза. В 1929–1930 гг. – заведующий финансовым отделом Центросоюза. Выступал в защиту финансовых интересов системы Центросоюза и противодействовал изъятию оборотных средств. Выдвигал и защищал идею создания Покобанка (банка потребкооперации), преследуя цель создания замкнутого хозяйства потребительской кооперации. Госбанк, по его мнению, мог быть только экзекутором по отношению к потребительской системе¹⁵.

В сущности, руководящие кооперативные работники защищали корпоративные хозяйственные интересы от поползновений государства, и в этом их поддерживала часть партийно-профсоюзного актива Центросоюза. В докладной записке отмечалось, что в ряде организаций местный актив встал на сторону проверяемых. Эта позиция квалифицировалась как скрытое сопротивление, стремление замазать провалы, вскрытые рабочими бригадами. Руководители партийной ячейки Центросоюза выступали против «жестких методов» чистки. А правление и ревизионная комиссия Центросоюза дистанцировались от проводимой кампании и не представили рабочим бригадам никаких компрометирующих материалов.

Но после соответствующей идеологической проработки многие партийно-профсоюзные активисты изменили свою позицию. «Лишь после того, как

комиссия по чистке в процессе своей работы со всей решительностью ударила по враждебным и гнилым элементам в аппарате, – говорилось в документе, – среди служащих произошло расслоение, в результате чего лучшая часть служащих во главе с новым руководством месткома переключилась на активную действенную помощь рабочим бригадам и комиссиям по чистке. Однако, часть аппарата, в том числе и ряд партийцев, продолжали проявлять к чистке нетерпимое отношение, частично мешали чистке, брюзжали, окрыляя тем самым бюрократические элементы аппарата»¹⁶.

Заключение комиссии по чистке аппарата Центросоюза не оставляло сомнений в том, что проверяемые руководители, не прошедшие испытания на политическую лояльность к властям, признавались и профессионально не пригодными. «Проводником линии потворства и особого благоприятствования частнику являлись, главным образом, бывшие противники Советской власти и партии (меньшевики, эсеры) – люди, побывавшие у Колчака, и, наконец, политически беспринципные чиновники, лишённые собственной инициативы в хозяйственно-оперативной работе, лже-специалисты, торгаши и деляги. <...> Обнаруженные в процессе проверки аппарата Центросоюза прорывы на важнейших участках и крупные недочёты в работе в значительной степени объясняются чрезвычайной засорённостью аппарата чуждыми и враждебными элементами, извращающими классовую линию, не понимающими и не способными осуществлять задачи, возложенные на потребкооперацию в условиях реконструктивного периода»¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что в аппарате управления Сибкрайсоюза имелась достаточно сильная прослойка руководящих кадров, которые на протяжении нэпа находились под постоянным наблюдением органов ОГПУ. Их высокая квалификация и отсутствие весомого компромата политического свойства обусловили сохранение управленческих должностей на важнейших участках хозяйственно-кооперативной работы. Только в конце 1920-х гг., когда был взят курс на установление системы жесткого централизованного планирования и отказа от рыночных методов работы, опыт старых кооператоров оказался не только не нужным, но и опасным для выполнения государственных программ. Приоритетными методами хозяйственно-кооперативной работы становились не торговля и закупки сельскохозяйственной продукции, а плановые заготовки и карточно-фондовое распределение товаров. Драматизм ситуации обуславливался обострением глубинного противоречия между основными целями и задачами потребительской кооперации по улучшению материального положения своих членов-пайщиков и государственной политикой, ориентированной на изъятие средств у населения, экспроприацию мелкой частной собственности в промышленности, торговле и сельском хозяйстве. В 1931 г. накопленная орга-

нами ОГПУ компрометирующая информация стала основанием для уголовного преследования руководящих кооперативных работников.

¹ *Николаев А.А.* Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе. Новосибирск, 2000. С. 33–40.

² *Николаев А.А.* Проблемы кооперативной торговли и экспорта льна в условиях нэпа. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 84–90.

³ ГАНО. Ф. Р-42. Оп. 2, Д. 16. Л. 113, 108; Д. 23. Л. 29.

⁴ Сибирская потребительская кооперация на переломе эпох (1911–1931 гг.). Новосибирск, 2012. С. 368.

⁵ Там же. С. 371.

⁶ Там же. С. 372.

⁷ Там же. С. 377.

⁸ ГАНО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 323а. Л. 28.

⁹ Там же. Л. 118, 117.

¹⁰ Подлинник справки управления НКВД по Новосибирской области предоставлен И.К. Посохиной.

¹¹ *Николаев А.А.* Документы о чистке аппарата управления потребительской кооперации в Сибири в 1930 г. // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Вып. 5. Сборник научных трудов. Новосибирск 2006. С. 237.

¹² Там же. С. 238

¹³ ГАРФ. Ф. 8341. Оп. 1. Д. 587. Л. 3–23 об.

¹⁴ Там же. Л. 15.

¹⁵ Там же. Л. 9 об., 10 об.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 16.

С.А. Красильников

Трудовые конфликты и механизмы их разрешения в Сибири (1922–1923 гг.)

В отечественной историко-экономической литературе сложилось и длительное время устойчиво воспроизводилось стереотипное представление о том, что трудовые конфликты являлись порождением и индикатором противоречий, присущих дореволюционной экономической модели с ее частно-хозяйственными отношениями и проявлениями антагонизма между трудящимися и предпринимателями, между «трудом» и «капиталом». С приходом к власти большевистской партии, провозгласившей создание нового государства на базе экономического фундамента, основанного на некапиталистических началах, предполагалось, что трудовые отношения

перестанут содержать в себе конфликтный потенциал, хотя допускалось наличие споров и конфликтов в сфере труда в «переходный период» при сохранении негосударственных форм хозяйствования. Период Гражданской войны и политики «военного коммунизма» исключал какое-либо регулирование трудовых отношений, кроме чисто директивных, мобилизационного типа. Действовали механизмы обязательности труда, всеобщей трудовой повинности.

Результатом поэтапной отмены трудовой повинности, отказа от чрезвычайных методов регулирования трудовых отношений и возвращения к ординарным, обычным стало принятие в 1922 г. основополагающего законодательного документа в данной области – Кодекса законов о труде (КЗоТ, далее Кодекс). Ценность Кодекса трудно переоценить хотя бы потому, что он действительно служил на протяжении 1920-х гг. фундаментальным регулятором социально-трудовых отношений, обеспечивая права и обязанности всех субъектов этих отношений – от работников до управленцев. Трудовое законодательство имело и весьма солидное институциональное обеспечение в виде системы государственных органов, представленных Наркоматом труда (НКТ) и его структурами в регионах и на местах. Примечательно, что именно регулирующая функция наркомата в поле социально-трудовых отношений придавала необходимую динамику и определенную устойчивость развитию сферы труда. Именно развитая система организаций, обеспечивавшая правовое рассмотрение и решение трудовых конфликтов, создавала возможность «гасить» последние на стадии их возникновения, не доводя конфликты до фазы открытого противостояния работников и управленцев в случаях, когда это касалось защиты и отстаивания групповых и коллективных интересов перед администрациями предприятий и учреждений – государственных, общественных, частных.

Наличие таких структур, как конфликтные (позднее расценочно-конфликтные) комиссии (КК), примирительные камеры (ПК) и третейские суды (ТС), действовавших в строго установленных процедурных рамках, обеспечивало последним авторитетность в глазах рядовых работников и профсоюзов, которые получали возможность досудебного рассмотрения трудовых коллизий. О работе данных структур исследований немного. Есть ряд публикаций, в которых рассматривается деятельность НКТ в области трудового законодательства в контексте социально-трудовых отношений 1920-х гг.¹, появляются и диссертационные исследования в данной области². Специальных исследований о деятельности органов НКТ в Сибири по регулированию трудовых конфликтов в 1920-е гг., кроме работы Е.А. Андриенко, посвященной участию в этой сфере профсоюзов³, нами не выявлено.

Принцип работы механизма разрешения трудовых конфликтов (ТК) в Сибири в начальный период существования региональной системы можно рассмотреть на примере конфликта, возникшего летом 1922 г. между группой рабочих и правлением «Лензолото», в котором разбиралась Иркутская губернская конфликтная комиссия (губКК). 6 июля 1922 г. последняя заслушала ходатайство 45 рабочих о возмещении стоимости их проезда от станций Жигалово и Качуга до Иркутска. Несколькими месяцами ранее рабочие возвращались из Дальневосточной республики к местам своего постоянного жительства. В Иркутске они были задержаны и в порядке трудовой мобилизации губотделом труда направлены в Бодайбо на прииски «Лензолото». В мае 1922 г., после их демобилизации, «Лензолото» оплатило им проезд только части пути, а дальше до Иркутска они добирались за свой счет. Рассмотрев конфликт по существу, губКК приняла сторону рабочих, признав их ходатайство «справедливым и подлежащим удовлетворению» и обязав правление «Лензолото» исполнить данное решение в трехдневный срок. Иркутские работники исходили при этом и из фактора времени: рабочих следовало быстрее отправить дальше на запад, к местам их проживания, да еще и изыскать для этого средства уже за счет государства. Однако сам конфликт затянулся на месяц, и стороной, его затягивавшей, являлась государственная организация, правление которой обратилось в Сибтруд, как более высокую инстанцию, с протестом на вынесенное в Иркутске решение. Правление намеренно затягивало исполнение решения и даже шло на обострение ситуации, считая, что рабочих на прииски направил сам Иркутский губотдел труда, не сформулировав при этом четко перед «Лензолото» условий оплаты проезда рабочих⁴. 26 июля Иркутский губКК, вторично рассмотрев данный вопрос, подтвердил право рабочих на компенсацию их затрат по переезду до Иркутска. Руководство «Лензолото» обратилось напрямую в Сибтруд (Новониколаевск) с протестом против решения иркутского губернского органа, полагая, что намеренно созданная срочка позволит избежать, хотя и не очень обременительной, потери денег⁵.

Сибтруд, затребовав материалы дела в Новосибирск, 29 июля 1922 г. уведомил Иркутский губотдел труда о превышении губКК своих полномочий, поскольку последняя «присвоила себе право не только разрешать взаимоотношения между работодателем (Лензолото) и рабочими в решении вопроса, относящегося к компетенции госорганов»⁶. 1 августа в Иркутск, помимо письма, была также отправлена и телеграмма о необходимости приостановки решения губКК ввиду поступившего обжалования на эти действия. Через три дня из Иркутска был получен телеграфный ответ о том, что постановление губКК уже приведено в исполнение и что в губКК

начали поступать новые заявления от других групп рабочих с аналогичными жалобами в адрес «Лензолото»⁷.

Заведующий Сибтруда Кокосов оказался в непростом положении, выход из которого, однако, был найден следующий. 7 августа Кокосов направил в адрес правления «Лензолото» уведомление о существующих порядке и сроках обжалования решений конфликтных комиссий, которые самим правлением не соблюдались. В свою очередь Кокосов строго потребовал от Иркутского губотдела труда все последующие решения по конфликтам между рабочими и «Лензолото» «исполнением приостановить и направить в Сибтруд»⁸.

Действия иркутской губКК действительно свидетельствуют о том, что становление новых социально-трудовых отношений в начале 1920-х гг. происходило в остроконфликтных формах, когда корпоративные и ведомственные интересы крупных государственных предприятий и учреждений вступали в противоречие с установленными законодательными нормами, а органы труда оказывались в эпицентре противоречий. Опыт этого периода нашел отражение в годовом отчете иркутской губКК о работе (за май 1922 г. – май 1923 г.): «Дела ленских рабочих, иски возвращающихся с приисков Лензолото на родину демобилизованных рабочих, прибывающих неорганизованными группами и массами в Иркутск, эти дела являлись как бы экзаменом организационной устойчивости только что сформированной губкомиссии. Создавалась нездоровая обстановка для работ комиссии: с одной стороны, приказы губисполкома немедленно решать дела и приводить постановления комиссии в исполнение, с другой – ряд телеграмм Сибтруда приостановить взыскания по решенным искам. Лензолото в лице иркутской конторы, которой приходилось выплачивать до десятка миллиардов (совзнаками – С. К.) рабочим, иски которых ею признавались вздорными, все до одного решения губКК [оно] обжаловало в Сибкомиссию». Однако, как с удовлетворением констатировали иркутские работники, Сибтруд в кассационном порядке утвердил все решения губКК⁹.

Вместе с тем, как отмечал руководитель губКК Емельянов, в течение истекшего года работы произошли и негативные сдвиги в общественном восприятии деятельности органов труда. Поначалу оперативность и результаты работы конфликтной комиссии позволили поднять «на должную высоту авторитет губКК в рабочих кругах, которые видели в ней орган защиты прав рабочих, решения которого проводятся в жизнь без всяких промедлений». Однако далее, по мере применения госпредприятиями и учреждениями тактики затягивания исполнения выносимых КК решений путем их обжалования в вышестоящих инстанциях Наркомтруда, эта тактика «довольно значительно поколебала авторитет губКК в глазах трудящихся, т. к. комиссия утрачивала свою притягательную силу – немедлен-

ное приведение в исполнение своих постановлений. Как результат, наблюдалось уменьшение подачи конфликтных заявок из рабочей среды, ибо последние шли на убыточные для себя сделки с администрацией, лишь бы избегнуть волокиты при возбуждении гласного конфликта»¹⁰.

Процитированное выше компетентное мнение одного из непосредственных участников сферы «трудовой конфликтологии» примечательно в первую очередь тем, что Емельянову удалось ухватить суть одного из базовых противоречий, возникавших при рассмотрении споров, – отсутствие оперативности и несоблюдение процедурных норм при принятии и исполнении постановлений конфликтных комиссий фактически вело к затягиванию сроков и негативно влияло на способы решения трудовых споров. Очевидным образом, к оспариванию решений КК в более высоких инстанциях прибегнуть могла не просто проигравшая на слушаниях в губКК сторона (либо работники, либо работодатели), но именно та из них, которая обладала более значительными административными, финансовыми и другими ресурсами. И здесь преимущество получали управленцы. В то же время именно органы труда объективно должны были выступать в качестве противовеса административному давлению управляющих структур, своим весом арбитра выравнять шансы конфликтовавших сторон и рассматривать конфликты по существу.

О направлениях, масштабах и результатах работы губернских КК дает представление статистическая информация губернских отделов труда в Сибтруд за май-декабрь 1922 г. Согласно этим данным, всего конфликтными комиссиями губернского уровня было рассмотрено 460 индивидуальных и коллективных дел с участием 6,4 тыс. чел. Долевое отношение рассмотренных дел по территории было следующим: Омская губ. – 28,9 %, Новониколаевская – 23,5, Енисейская – 19,8, Иркутская – 16,7, Алтайская губ. – 6,3, Бурят-Монголия и Якутия – 1,3 %¹¹. По характеру дела были представлены спорами вокруг заработной платы (248 случаев) и в связи с увольнениями (161), 51 дело возникло по «прочим причинам». Из числа рассмотренных и завершенных дел 85 % решились в пользу работников; было подано на обжалование в СибКК 27 дел (около 6 %). При рассмотрении указанных жалоб СибКК отменило решение губКК по семи делам. Тем самым статистика свидетельствовала в пользу активной и результативной деятельности конфликтных комиссий по рассмотрению жалоб в трудовой сфере в 1922 г.

При обращении к статистическим данным о деятельности губКК в отдельных регионах устанавливается, что в губерниях промышленно более развитых (Омская, Новониколаевская, Иркутская, Енисейская) трудовая конфликтность была выше и разнообразнее; по характеру поданных профсоюзами и отдель-

ными работниками жалоб на действия администрации дела, связанные с оплатой труда и увольнениями, оказывались численно близкими. Данное обстоятельство служит свидетельством того, что в индустриальных и административных городах Сибирского региона существовали определенные традиции защиты работниками своих трудовых прав, развитое профсоюзное движение и т. д. Тот факт, что по Сибири в целом в четырех из пяти случаев конфликты разрешались органами труда в пользу работников, также подтверждает эффективность деятельности этих структур.

Статистика за первый квартал 1923 г. характеризовалась ростом рассмотренных сибирскими органами дел по трудовым спорам: их количество достигло 254 с числом участников в них в 6,17 тыс. Наряду с конфликтами вокруг заработной платы (70 % обращений) и увольнениями (18 %) 21 дело (8 %) рассматривалось по жалобам профсоюзов на условия коллективных договоров и тарифных соглашений (жалобы подавались от коллективов с общим числом работников в 3,6 тыс. чел.); 80 % дел завершилось решениями органов труда в пользу работников. В то же время существенно увеличилось число апелляций в СибКК на пересмотр решений губернских органов труда – 31 случай (16 ходатайств было удовлетворено)¹². Приведенная выше статистика говорит о том, что в начале 1923 г. для сферы трудовых отношений характерна активизация не только фактов возникновения споров, но и случаев оспаривания решений по ним в первой инстанции (местные органы труда).

Для того чтобы рассмотреть в общих чертах механизм деятельности губКК, обратимся к статистике, представленной Енисейской губКК за апрель 1922 – апрель 1923 г. Из 78 рассмотренных по существу дел большинство (48) возникло на государственных, 30 – в кооперативных и частных предприятиях и учреждениях. Важной характеристикой при спорах являлось наличие коллективного договора и тарифного соглашения (30 дел), или их отсутствие (48 дел), в последнем случае вероятность конфликта возрастала. Инициаторами конфликта выступали профсоюзы (16 дел), а также группы и отдельные работники (62 дела). Руководство предприятий и учреждений, а также частные предприниматели инициаторами не выступали. Практически все жалобы подавались в губКК как в первую инстанцию. При этом подавляющее число рассмотренных дел завершалось решениями в пользу работников (50 дел), тем не менее, шесть дел завершились решениями в пользу частных предпринимателей¹³.

По данным Омской губКК, представленным в Сибтруд, за отчетный год ею было рассмотрено 250 дел; по большинству из них (228 дел) работники получили решения об удовлетворении своих заявлений, однако в 38 постановлениях (около 12 %) содержатся сведения о лишь частичном удовле-

творении жалоб работников в адрес администрации государственных, кооперативных и частных организаций¹⁴. Из отчета Алтайской губКК за тот же период следует, что не только удовлетворялись интересы работников (83 дела), госучреждений и предприятий (19), частных (7 дел), но и примирялись интересы «той и другой стороны» (12 дел), а 11 дел передавалось в суд для дальнейшего рассмотрения¹⁵.

Весной 1923 г. порядок рассмотрения трудовых споров, сложившийся в 1922 г. после введения КЗоТ, подвергся существенной корректировке. Конфликтные комиссии, рассматривавшие вопросы, не урегулированные в примирительно-третейском порядке, подлежали ликвидации согласно постановлению Президиума ВЦИК от 22 марта 1923 г., а полномочия КК по рассмотрению конфликтов передавались постепенно особым сессиям народных судов по трудовым делам, или трудовым сессиям. Отделы труда обязывались выделять для участия в слушаниях дел трудовыми сессиями наиболее опытных и подготовленных работников. В суды передавались оставшиеся нерассмотренными дела, поступившие в губКК¹⁶. В дальнейшем, при практическом воплощении данного постановления, выяснилось, что трудовые сессии можно было учреждать и проводить прежде всего в крупных городах губернского масштаба и далеко не в каждом уездном городе. Выход из ситуации был найден следующий: не учреждая в таких местностях особых сессий, обязывать народные суды рассматривать трудовые споры «в общем порядке»¹⁷. При рассмотрении дел в судах инспекторам труда предоставлялось, согласно совместному циркуляру Наркомюста и Наркомтруда от 15 мая 1923 г., «право знакомства с производством по делу, давать заключения по этим делам, поддерживать обвинения, получать копии приговоров и решений и других имеющихся в деле материалов, а также приносить кассационные жалобы в губернский суд в установленные сроки»¹⁸.

Первые же месяцы работы по рассмотрению трудовых споров в судах выявили ряд трудностей и проблем как организационного, так и содержательного порядка, возникавших при координации действий органов труда и юстиции. Поскольку работа на уездном уровне не была отрегулирована, то на губернские сессии по трудовым делам пришлось значительная нагрузка. Так, томской губернской трудовой сессией за первые 2,5 месяца (май – середина июля 1923 г.) было рассмотрено 128 дел – 105 гражданских и 23 уголовных. Как отмечало руководство Томского губотдела труда в своем письме в Сибтруд от 24 июля 1923 г., отдел труда выделил для участия в сессии своего представителя, но возникли новые трудности: «Практика уже показала, что это должно быть особое лицо, не связанное с текущей деятельностью в губтруде. Заседания трудсессии проходят четыре раза в неделю, нередко с 10 час. утра до позднего вечера. По новым шта-

там такое лицо не предусмотрено, но ни зав. губтруда, ни его зам. данную работу вести не имеют возможности»¹⁹.

Однако такого рода, как в Томском губсуде, соотношение между уголовными и гражданскими делами в пользу последних не являлось типичным. В Иркутской, Алтайской и Омской губерниях, напротив, три четверти рассмотренных в судах трудовых конфликтов квалифицировались по разряду уголовных, а в Енисейской губернии имел место паритет между делами уголовного и гражданского характера²⁰. Как правило, отделам труда приходилось адаптироваться к возросшим нагрузкам, выделяя для работы в судебных сессиях заместителей заведующих губотделами, ранее являвшихся председателями упраздненных губКК. Попытка губотделов компенсировать нагрузки путем выплат этим работникам хотя бы частично содержания за счет средств губсудов встретила отказ. Так случилось с обращением заведующего иркутским губотделом труда Бесеневица в Сибтруд от 13 сентября 1923 г., в котором тот, в частности, писал: «...принимая во внимание, что трудовым судом рассматриваются преимущественно дела по частным заявлениям и жалобам трудящихся, ...губотдел труда со своей стороны полагал бы наиболее справедливым, чтобы все члены трудового суда, в т. ч. назначаемые от учреждений, раз они повседневно заняты работой в суде, отнесены были по выплате содержания на средства губсуда». На это обращение заведующий Сибтрудом Кокосов разъяснил, что суды не располагают фондами на оплату труда представителей от госучреждений²¹.

Деятельность работников отдела труда на сессиях народных судов действительно отличалась разнообразием, требуя от них одновременно выполнения функций и обвинителя, и свидетеля. В частности, представитель томского губотдела труда в ходе заседаний в ноябре 1923 г. в четырех делах выступал обвинителем, а в шести – свидетелем²². Опыт полугодовой работы рассмотрения трудовых споров судами показал необходимость своего рода разгрузки судов от значительного количества дел, которые могли быть рассмотрены в до судебном порядке, под надзором специальных структур при органах Наркомтруда. Сибтруд в своем письме местным органам от 17 ноября 1923 г. указывал: «Народные суды не принимают к производству дела, если в соответствующих коллективных договорах оговорено, что трудовые конфликты разрешаются в примирительно арбитражном порядке, в примирительных камерах и третейских судах НКТ»²³.

Опыт первых полутора лет создания и деятельности в составе органов труда специальных структур, занимавшихся разбором трудовых споров в досудебном порядке (примирительные камеры, третейские суды, конфликтные комиссии), подтвердил высокую эффективность их работы по урегули-

рованию конфликтов между работниками и нанимателями, не доводя их до рассмотрения в судебном порядке. Об этом, в частности, свидетельствовал тот факт, что в суды передавались лишь немногие дела, возникавшие на почве трудовых отношений. Сам установленный порядок оперативного рассмотрения дел фактически на базе одной организации (отдел труда), включавший стадии первоначального слушания спора в примирительной камере с возможной передачей дела в третейский суд, только после этого – в конфликтной комиссии уездного и губернского уровня, способствовал формированию авторитетности органов труда не только в среде рабочих и служащих, но и в административно-управленческих кругах. Данное обстоятельство приобретало особое значение в условиях переходного периода, наступившего при отмене чрезвычайного законодательства, связанного с эпохой трудовых мобилизаций и принудительного труда. Введение норм обычного трудового законодательства утверждалось в преодолении практик чрезвычайных мер и пренебрежения управленцами новых основ трудовых отношений. Можно считать эмпирически установленным, что в начальный этап введения КЗоТ его практическое применение носило наиболее «чистый» и адекватный характер с точки зрения главенства трудового права над административно-управленческими ресурсами, а социальный вектор законодательства, направленный на защиту прав трудящихся, также действовал с небольшими деформациями. С момента устранения конфликтных комиссий и передачи их функций в судебные органы весной 1923 г. ранее единообразно выстроенная вертикаль разрешения трудовых конфликтов потеряла в значительной мере свой потенциал мощного и авторитетного регулятора социально-трудовых отношений, которым она была наделена в момент введения КЗоТ весной 1922 г.

¹ *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М., 2006; *Она же.* Социально-трудовые конфликты: причины и механизм разрешения в первые годы нэпа // *НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты.* М., 2006. С. 448–463; *Андрюшин Е.А.* Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012.

² *Камардин И.Н.* Трудовые конфликты в Среднем Поволжье, 1918–1929 гг. (по материалам Пензенской, Самарской и Симбирской (Ульяновской) губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2001.

³ *Андрюченко Е.А.* Деятельность сибирских профсоюзов по разрешению производственных конфликтов как форма реализации ими социально-защитной функции в период нэпа // *Хозяйственное освоение Сибири.* Томск, 1994. С. 138–147.

⁴ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 462. Л. 7–7 об.

⁵ Там же. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 2–4.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 13.

⁹ Там же. Д. 592. Л. 27.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Д. 603 а. Л. 53.

¹² Там же. Л. 55.

¹³ Там же. Д. 592. Л. 12 об.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 34.

¹⁶ Там же. Д. 479. Л. 5.

¹⁷ Там же. Л. 37.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 621. Л. 8–8 об.

²⁰ Там же. Д. 592. Л. 36–41.

²¹ Там же. Д. 621. Л. 14, 16.

²² Там же. Л. 25.

²³ Там же. Л. 10–10 об.

Р.Е. Романов

Влияние традиционной трудовой этики на поведение рабочей молодежи оборонно-промышленного производства сибирского тыла (1941–1945)

В годы Великой Отечественной войны одним из характерных явлений повседневной жизни Сибири стало массовое привлечение юношей и девушек на оборонные предприятия. В этих условиях большинство трудовых коллективов военных заводов, размещенных в регионе, составляли подростки и молодежь в возрасте от 13 до 25 лет. В целом они представляли поколение людей, родившихся преимущественно в семьях сибирских крестьян в 1920-е гг. В силу своего происхождения основная масса юных заводчан приобщалась к труду с детства, усваивая соответствующие нормы и ценности сельской жизни. В связи с этим возникает вопрос о влиянии сформировавшихся у крестьянских детей основ традиционной трудовой этики на поведение их в сфере оборонно-промышленного производства.

В отечественной историографии эта проблема изучалась как в работах, посвященных реконструкции крестьянской повседневности конца XIX–первой трети XX в., так и в исследованиях, касавшихся анализа этики труда российских рабочих до и после революции 1917 г. Б.Н. Миронов, опиравшийся на концепцию М. Вебера¹, отмечал, что в основе трудовой моти-

вазии крестьянина лежало стремление обеспечить удовлетворение самых насущных материальных потребностей своей семьи. При этом исследователь сделал вывод о преобладании в дореволюционный период «этики праздности» как среди крестьян, так и среди рабочих, которые, по его мнению, могли работать в полную силу только в экстраординарных ситуациях². А.К. Соколов и В.С. Тяжелникова отмечали тенденцию к консервации данной модели трудового поведения в рабочей среде уже в постреволюционный период³. В отличие предыдущих авторов, В. Бердинских на основе изучения воспоминаний вятских селян пришел к заключению, что крестьянская повседневность в первой трети XX в. характеризовалась постоянным и напряженным трудом, содержание и ритм которого зависели от особенностей годового природно-климатического цикла⁴. Данную позицию занимал и В.Б. Безгин, видевший причины хозяйственного консерватизма крестьян не в «этике праздности», а в желании не рисковать крайне нестабильным благополучием семьи⁵.

В целом в работах отечественных исследователей представлены различные взгляды на сущность традиционной трудовой этики и ее влияние на поведение индустриальных рабочих в дореволюционной и советской России, а также в СССР в 1920-е – 1930-е годы. В то же время данные вопросы не получили детального освещения в контексте истории сибирского тыла в годы Великой Отечественной войны. Вместе с тем, ответы на них позволили бы лучше понять ментальные истоки как конструктивного, так и деструктивного поведения рабочей молодежи, оказывавшего существенное влияние на функционирование оборонно-промышленного производства.

Методологической основой данного исследования является выделение характерных признаков этики труда юных заводчан в зависимости от целей, дисциплины, продолжительности и ритма их производственной деятельности⁶. Опираясь на эти признаки, попытаемся выявить в трудовом сознании и поведении молодых рабочих оборонных предприятий Сибири установки, формировавшиеся у них под влиянием сельской среды. Так, в традиционном обществе для юношей и девушек целью трудовой деятельности являлось не только выживание, но и воспроизводство жизненного опыта предыдущих поколений. Дисциплина труда воспитывалась у крестьянской молодежи под влиянием морально-нравственных устоев семьи и окружающего сельского микросоциума. Традиционно продолжительность и ритм работы в течение года определялся изменявшимися условиями естественной среды, уровнем материального достатка семьи, физическими возможностями и моральными качествами ее членов, половозрастным разделением труда.

Следует отметить, что в 1930-е гг. в результате сплошной коллективизации произошло частичное размывание крестьянской трудовой этики. Самы-

ми негативными последствиями данного процесса стало формирование у крестьян к концу данного десятилетия преимущественно равнодушного отношения к колхозному труду, вызванного утратой чувства хозяина и слабым материальным стимулированием занятости в общественном секторе сельского хозяйства. Одновременно изъятие большей части урожая государством, жесткая налоговая политика, дефицит потребительских товаров побуждали колхозников к активному ведению личного подсобного хозяйства, которое по существу стало основой их жизнеобеспечения. Однако из-за высокого налогообложения ЛПХ способствовали лишь выживанию жителей села. По мнению М.Н. Глумной сохранение низкого уровня потребления в колхозной деревне являлось одним из факторов консервации отдельных элементов традиционной этики труда, выражавшейся в воспроизводстве колхозниками привычных стереотипов поведения в условиях общественного производства. В частности исследователь отмечала, что эти стереотипы часто вступали в противоречия с новыми, официально установленными нормами трудовых отношений⁷. За их рамками оставалось и подсобное хозяйство, к ведению которого сельяне прилагали наибольшие усилия. Такие противоположные поведенческие стратегии усваивались также их детьми, работавшими как в ЛПХ, так и на колхозных полях. В совокупности данные стратегии оказывали противоречивое влияние на социализацию подрастающего поколения, юность которого была опалена войной.

1. Численность и состав рабочей молодежи. Чтобы понять, насколько важен вопрос о том, насколько сохранявшиеся элементы традиционной этики труда преломлялись в сознании и поведении рабочей молодежи, необходимо иметь представление о ее количественных и качественных характеристиках. В военные годы в условиях трудовой мобилизации неработающего населения численность рабочих в возрасте до 25 лет на предприятиях восточных районов СССР существенно возросла. Если в 1940 г. на заводах и фабриках Сибири было занято 170–180 тыс. юношей и девушек, то в 1945 г. – около 300 тыс. Во втором полугодии 1941 г. их доля в составе промышленно-производственного персонала региона (кроме ИТР) выросла с 30–40 до 60–80 %. К концу войны она сократилась примерно до 40–50 %. В крупных индустриальных центрах сибирского тыла основная масса юных тружеников концентрировалась в оборонной промышленности. Например, в 1943 г. на военных заводах Новосибирска насчитывалось 45,1 тыс. рабочих в возрасте до 25 лет, в 1944 г. – 37,3 тыс. Их удельный вес среди всей молодежи, работавшей на производстве, превышал 70 %⁸. В Омске, Тюмени, Томске, Кемерово, Красноярске и Иркутске большая часть молодежного контингента также трудилась на предприятиях оборонно-промышленных наркоматов.

Относительно качественного состава рабочего юношества стоит обратить внимание на наличие в нем существенной прослойки выходцев из сельских районов. В годы войны селяне составляли более 70 % юношей и девушек, призванных в учебные заведения гострудрезервов Сибири⁹. В связи с наличием значительной доли выпускников ремесленных училищ и школ ФЗО среди населения, направленного в промышленность региона, уроженцы села являлись одним из основных источников комплектования молодежных рабочих кадров. Вместе с тем, в составе женщин и подростков, мобилизованных Комитетом по учету и распределению рабочей силы на предприятия, доминировали горожане (72 %)¹⁰. Однако с учетом интенсивных довоенных миграций из деревни в город большинство из них оставались во многом носителями традиционных норм и ценностей сельского социума, в том числе и трудовых.

Следовательно, в первой половине 1940-х гг. рабочая молодежь Сибири являлась одной из самых массовых категорий промышленно-производственного персонала региона (кроме ИТР), в сознании которой еще сохранялись рудименты крестьянского отношения к труду. В частности они имели место в представлениях юношей и девушек о цели трудовой деятельности в условиях военного времени.

2. Цель труда. В данном случае под целью труда понимаются личные мотивы людей, побуждавшие их к работе на оборонных предприятиях. В годы Великой Отечественной войны внутренняя мотивация молодежи к производственной деятельности имела как моральную, так и материальную основу. Духовный фактор проявлялся, прежде всего, в отношении многих юношей и девушек к труду как к ключевому моменту своей повседневной жизни. С этой точки зрения интересны мемуары бывших работников военных заводов Сибири, которые в отдельных случаях представляют по существу цельную трудовую биографию. В качестве примера можно привести воспоминания ветеранов новосибирского завода № 386 Наркомата боеприпасов (НКБ), нередко имевших крестьянское происхождение¹¹. Некоторые из них состоят из трех частей, в которых последовательно упоминается о занятости в личном подсобном хозяйстве, колхозе или совхозе, о работе на заводе в первой половине 1940-х гг., а также последующие десятилетия. Так, в воспоминаниях уроженки Колыванского района Новосибирской области Анфисы Павловны Апалько 1927 года рождения биографические факты изложены следующим образом: довоенные годы (помощь родителям в личном подсобном хозяйстве) – военные годы (работа на колхозных полях, призыв в школу ФЗО и начало производственной деятельности на заводе) – послевоенные годы (продолжение производственной деятельности на заводе). При этом для автора воспомина-

ний труд с ранних лет являлся основополагающей нормой, образом жизни: «И как-то раньше был такой закон или порядок в деревнях, что дети 8–9 лет считались чуть ли не самостоятельными рабочими. В 10 лет я уже умела прясть и ткать, ухаживать за младшими сестренками, помогать в хозяйстве маме. И, не дай бог, мама увидит тебя без дела, греха не оберешься»¹². Очевидно, что эта мораль, имевшая крестьянскую ментальную основу, доминировала в массовом сознании сельской молодежи, мобилизованной в военно-промышленное производство. В целом традиционные моральные установки во время войны помогали многим подросткам и молодым людям усвоить конструктивную стратегию трудового поведения, концентрированно выражавшуюся в лозунге «Все для фронта, все для Победы!».

В годы военного лихолетья отношение рабочей молодежи к труду как базовой духовной ценности получило весьма специфическое преломление, заключавшееся в его восприятии в качестве источника победы над фашизмом. Данный мотив также получил отражение в воспоминаниях ветеранов оборонных предприятий Сибири. Например, бывший рабочий омского завода № 174 Наркомата танковой промышленности (НКТП) Валерий Александрович Белов отмечал: «... трудились самоотверженно, изо всех сил, понимая, что наш труд помогал героической армии разгромить коварного врага и приблизить победу, о которой мечтали, в которую верили. И когда с завода один за другим уходили на фронт эшелоны с прославленными Т-34, созданными руками омских рабочих эта вера только крепла»¹³. В данном случае целью работы на военных заводах являлось бесперебойное снабжение сражавшейся армии вооружением и боеприпасами. Участие в военном производстве вселяло в юных тружеников уверенность в неизбежный разгром Германии и ее союзников. Эта установка, в разных вариациях воспроизводившаяся в воспоминаниях ветеранов других военных заводов Сибирского региона («старались работать больше, чтобы быстрее победили наши»; «сутками не уходили с завода... надеялись, что победим»¹⁴), была одним из краеугольных камней трудовой этики рабочей молодежи, глубинные истоки которой коренились в традиционной ментальности¹⁵.

Наряду с духовными факторами, важную роль в формировании поведенческих стратегий юношей и девушек в годы войны играло их стремление к поиску источников пропитания. В этот период с ростом налогов, займов и рыночных цен уменьшалось потребительское значение заработной платы. Ведущее место в жизнеобеспечении жителей городов и рабочих поселков заняло нормированное снабжение продуктами питания по карточкам и талонам, промтоварами – по купонам и ордерам. К началу 1942 г. численность городского населения Сибири, получившего доступ к такому снабжению, достигла 4 939,6 тыс. чел., в том числе рабочих –

1 483,5 тыс., служащих – 399,6 тыс., иждивенцев – 1 618,9 тыс., детей в возрасте до 12 лет – 1 437,5 тыс.¹⁶ В частности нормы продовольственного обеспечения устанавливались дифференцированно в зависимости от той или иной категории горожан. Так, хлебный паек рабочего военного завода весил два раза больше пайка служащего или иждивенца. Столь существенная разница побуждала многих подростков и молодых людей к поступлению на оборонные предприятия. «На завод меня привел старший брат Алексей. Мне было 13,5 года. Пришел на завод ради хлебной пайки»¹⁷ – вспоминал ветеран красноярского завода № 4 Наркомата вооружения (НКВ) А.В. Волков. Подростки и молодые люди стремились, прежде всего, к освоению рабочих профессий, позволявших рассчитывать на обеспечение основными продуктами питания по наиболее высоким нормам. Типичная мотивация к индустриальному труду прослеживается в воспоминаниях ветерана завода № 386 НКБ Анастасии Мефодьевны Романовой: «... я проработала табельщицей недолго и решила пойти в работницы, чтобы получать рабочую хлебную карточку»¹⁸. О наличии данного вида мотивации косвенно может свидетельствовать и увеличение доли горожан, снабжавшихся по нормам рабочих и служащих (с 40 % в 1942 г. до 50 % в 1944 г.¹⁹). В данном случае цель производственной деятельности заключалась в желании юношей и девушек повысить шансы на выживание для себя и других членов семьи в экстремальных условиях войны. С учетом падения и без того низкого уровня жизни населения, данная установка была характерна для основной массы молодежи Сибирского региона. На наш взгляд, она также уходила корнями в представления о труде как единственном способе удовлетворения самых насущных материальных потребностей, присущие традиционному обществу.

В условиях войны данный стереотип делал юношей и девушек весьма восприимчивыми не столько к денежным, сколько к натуральным формам материального стимулирования ударного труда. «Мы добросовестно работали в своих сменах, выполняя и перевыполняя нормы выработки. Получали зарплату. Собственно, на величину зарплаты особого внимания не обращали. Все равно, на полученные деньги в магазине нечего было покупать, все давалось по карточкам»²⁰ – вспоминал ветеран новосибирского завода № 386 НКБ А.М. Чуркин. В свою очередь, государство умело использовало эту установку для активизации трудового энтузиазма среди рабочих. С осени 1942 г. по решению Совнаркома СССР за существенное перевыполнение норм выработки трудящихся получили право на второе горячее питание в заводских столовых, дополнительные промышленные и некоторые продовольственные товары, первоочередной ремонт обуви, одежды в мастерских ОРС, благоустройство жилья. Стремление многих юных заводчан к получению данных социально-

бытовых «льгот» стало важным фактором увеличения в их составе удельного веса передовиков производства. Так, если в конце 1942 г. доля стахановцев и ударников среди молодых рабочих предприятий Новосибирской области составляла около 20 %, членов комсомольско-молодежных бригад – 2–3 %, то в середине 1944 г. – более 60 и 35–40 % соответственно²¹. В данном случае одной из целей труда стахановской молодежи являлось желание поддержать минимальный уровень жизни, что было характерно также и для колхозников.

Следовательно, некоторые целевые установки трудового поведения юных рабочих в годы войны основывались на совокупности моральных и материальных мотивов, по существу являвшихся элементами традиционного крестьянского менталитета. При этом в зависимости от сохранения или размывания данных элементов выстраивались и поведенческие стратегии рабочей молодежи, влиявшие на производственную дисциплину.

3. Трудовая дисциплина. В данной статье понятие «трудовая дисциплина» определяется как совокупность правил поведения работников на оборонном производстве в условиях войны. В частности речь идет о проблеме адаптации молодых рабочих к законодательно установленной дисциплине труда. В первой половине 1940-х гг. на военных заводах Сибири действовали дисциплинарные нормы, введенные Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. Их суть сводилась к применению материальных, административных и уголовных санкций в случае нарушения рабочими и служащими норм трудового законодательства. За опоздание на работу или прогул по приговору суда полагались исправительно-трудовые работы сроком до шести месяцев с удержанием 25 % от заработной платы и части хлебного пайка, за самовольный уход с предприятия («дезертирство») – тюремное заключение сроком до восьми лет. Следовательно, с точки зрения высшего руководства страны угроза наказания должна была стать одним из основных факторов поддержания трудовой дисциплины на оборонных заводах.

Очевидно, что часть юношей и девушек, включавшихся в военное производство Сибири, добровольно или вынужденно адаптировалась к существовавшим дисциплинарным правилам. «Дисциплина на заводе была строжайшей. За 15–20 мин. опоздания на работу могли отдать под суд. Но все мы понимали, что законы военного времени должны быть суровы, любая расхлябанность была бы на руку врагу»²² – вспоминал ветеран омского завода № 174 НКТП Валерий Александрович Белов. В частности установка на соблюдение жестких норм производственных отношений обуславливалась стремлением юных рабочих соответствовать духу военного времени. В его основе лежало не только желание подростков и моло-

дых людей избежать сурового наказания, но и отношение к труду как к источнику Победы над врагом.

Вместе с тем, повседневные тяготы и лишения военного времени, разрыв связей с семьей и привычным образом жизни нередко приводили к размыванию этой конструктивной поведенческой стратегии в сознании юных рабочих. Следствием этого являлись массовые нарушения трудовой дисциплины, среди которых наибольший ущерб оборонному производству наносили самовольные уходы с заводов и фабрик. Так, если во втором полугодии 1941 г. предприятия промышленности боеприпасов Новосибирской области покинул 151 чел., то во втором полугодии 1943 г. – 6 904. Только за 1943–1944 г. в результате «трудового дезертирства» оборонная индустрия Новосибирска потеряла примерно 30 тыс. рабочих. За 1942–1944 и первый квартал 1945 г. по этой причине с крупных заводов Красноярска выбыло 18,6 тыс. работников²³. Такие поведенческие реакции были в большей степени характерны для заводской молодежи, особенно юных уроженцев села, вынужденно включавшихся в чуждый им жизненный мир индустриально-урбанистического общества.

Влияние различных моральных стимулов на трудовое поведение заводской молодежи нивелировалось, в первую очередь, тяжелыми производственными условиями. Поступавшие на предприятия юноши и девушки были вынуждены адаптироваться к длительному выполнению трудоемких и монотонных технических операций во вредной для здоровья внутризаводской обстановке. Например, в отчете о работе новосибирского завода № 617 Наркомата электропромышленности за первые пять месяцев 1942 г. отмечалось, что подростки в возрасте 14–16 лет с огромными трудностями осваивали электровакуумное производство из-за необходимости осторожной и внимательной работы с мелкими деталями и стеклом при использовании газа, создававшим удушливую атмосферу в цехах²⁴. Опасная техногенная среда производила тягостное впечатление на молодежь, особенно сельскую, привыкшую трудиться в естественных природно-климатических условиях. Тяжелая адаптация к этой среде побуждало юных тружеников к совершению различных дисциплинарных проступков, в том числе и к бегству с предприятий.

Наряду с вредным производством, на трудовой дисциплине молодых рабочих негативно отражалось также их тяжелое материально-бытовое положение. 16 октября 1941 г. участники заседания парткома новосибирского авиационного завода им. В.П. Чкалова отмечали, что многие выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО «живут “чемоданным настроением”, собираются уезжать» из-за неблагоустроенного быта наспех построенных каркасно-засыпных барачков. 18 марта 1943 г. инструктор

Новосибирского обкома ВЛКСМ Одинцов в справке, составленной по итогам посещения данного предприятия, сообщал своему начальству о массовых дисциплинарных проступках, совершенных «на почве исключительно плохой материальной обеспеченности молодых рабочих»²⁵. В справке Алтайского крайкома ВЛКСМ от 28 февраля 1944 г. многочисленные прогулы и самовольные уходы, имевшие место на барнаульском заводе № 17 НКТП, объяснялись, прежде всего, суровым барачным бытом рабочей молодежи. В отчете авиационного завода № 99 (г. Улан-Удэ) за 1942–1944 гг. среди причин на первом месте находились «усложнившиеся материальные условия в 4 году войны особенно с подноской одежды и расхатыванием организма недостаточным питанием»²⁶. В целом деструктивное влияние сурового барачного быта на поведенческие реакции юных заводчан было широко распространенным явлением военного времени.

Массовое трудовое «дезертирство», вызванное несоответствием между тяжелой работой и очень низким уровнем жизни в значительной степени было созвучно с крестьянским отношением к колхозному труду. В частности, данная проблема получила отражение в воспоминаниях крестьян²⁷, в том числе тех, кто в годы войны был мобилизован на оборонное производство. «Работает человек, трудодень заработал, и на него 200 грамм... А норма – 80 трудодней обязательно должен отработать и 200 грамм»²⁸ – вспоминала ветеран авиазавода им. В.П. Чкалова Зоя Андреевна Ремнева о причинах своего переезда из родного села в Новосибирск. Материально-бытовые трудности, периодически обострявшиеся в колхозной деревне, играли существенную роль в снижении мотивации сельской молодежи к труду и ее стихийной миграции в города. Очевидно, что такой же поведенческий стереотип срабатывал и в сознании юных работников военных заводов. Например, в письме учащихся ремесленного училища № 3 от 2 декабря 1944 г., адресованном первому секретарю Новосибирского горкома партии Асланову, сообщалось, что «директор Козлов не обращает на нас [внимание] мы раздеты. Кормят плохо... Если непоможете будем уходить домой»²⁹. В данном случае лейтмотив авторов письма (тяжелое материальное положение как причина возможного ухода из РУ) являлся следствием их еще во многом крестьянского отношения к трудовой деятельности, не позволявшей поддерживать минимальный прожиточный уровень. При этом подобная поведенческая стратегия получала дополнительный импульс в связи с отсутствием у юношей и девушек привычки к производственной дисциплине, существовавшей на предприятиях. Она носила явно деструктивный характер, поскольку вступала в противоречие с формальными нормами трудового права.

Данное обстоятельство побуждало многих кадровых работников оказывать помощь юным труженикам в адаптации к оборонному производству и барачному быту. Одним из ярких примеров такого взаимодействия старшего и молодого поколений индустриальных рабочих являлся опыт воспитательной работы мастера одного из новосибирских заводов Я. Юзефовича. В статье «Мастер-воспитатель», опубликованной в газете «Советская Сибирь»³⁰, он отмечал, что в начале 1942 г. на предприятия поступили несколько девушек из Нарымского округа. Девушки, не привыкшие к производственной обстановке и испытывавшие материальные лишения, сначала опаздывали на работу, совершали прогулы, а потом решили уйти с завода. Однако мастеру, благодаря воспитательным беседам и заботе об их бытовом положении, удалось удерживать юных работниц на производстве. Гораздо труднее ему было поддерживать дисциплину среди своих подчиненных во время смены. Девушки часто отвлекались от работы, уходили из цеха раньше гудка, не выполняли нормы выработки. Тогда по инициативе мастера было созвано внутрицеховое собрание, на котором он поднял вопрос о необходимости добросовестного отношения к выполнению производственных заданий. Воспитательное влияние коллектива оказалось действенным: впоследствии молодые работницы завоевали почетное звание «стахановца». Данный пример показывает, что порой неформальные отношения на производстве играли более значимую роль в регулировании поведения рабочей молодежи, по сравнению с нормами трудового законодательства. В целом успешность применения патерналистских практик в заводских коллективах обуславливалась привычкой юных тружеников, особенно мобилизованных из села, к соблюдению неформальных правил, установившихся в процессе непосредственных взаимоотношений в коллективе работников. В этой установке отражалось явно крестьянское отношение к дисциплинарным нормам как к моральным принципам, определявшимся самими участниками трудовых отношений³¹.

Следовательно, производственная дисциплина юных рабочих зависела, прежде всего, от восприятия ими условий индустриального труда и барачного быта, которое в ряде случаев преломлялось через призму традиционных ментальных установок. В свою очередь, патерналистское отношение к ним со стороны кадровых работников позволяло использовать эти установки для мобилизации юношей и девушек на бесперебойный выпуск продукции для фронта.

4. Продолжительность и ритм труда. В данной статье под продолжительностью труда понимается рабочее время, установленное на оборонных предприятиях сибирского тыла, под ритмом труда – степень его интенсивности. В первой половине 1940-х гг. фактор времени стал одним из ключевых в форсированном развертывании и развитии производства про-

дукции для фронта. В связи с этим государство было вынуждено пойти на существенное увеличение продолжительности рабочего дня на заводах и фабриках. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. директора предприятий получили право устанавливать обязательные сверхурочные работы для всех трудящихся в возрасте от 16 лет и старше продолжительностью от одного до трех часов в день. В результате рабочий день официально увеличился с 8 до 11 часов. Кроме того, отменялись очередные и дополнительные отпуска, заменявшиеся денежными компенсациями³².

Однако в годы войны длительность рабочего времени, как правило, выходила за рамки, определенные законом. На оборонных предприятиях Сибири для основной массы трудящихся была установлена 12-часовая производственная смена. В действительности продолжительность рабочего дня нередко превышала его нормативный объем. По сведениям партбюро завода им. В.П. Чкалова во второй половине 1941 г. учащиеся ремесленного училища и молодые рабочие трудились в его цехах по 16–18 часов в день³³. Ветеран одного из оборонных заводов Красноярска Н.Н. Пикуза вспоминал, что в военное время работать приходилось с восьми часов утра до часа ночи. Промежуток между сменами с часа ночи до восьми часов утра производственники считали выходным³⁴. В данном случае ежедневная занятость рабочих на заводе составляла до 17 часов или более чем две трети суток. По воспоминаниям ветеранов новосибирского завода № 386 «Искра» юноши и девушки трудились каждый день по 12 часов и более³⁵. Об этом свидетельствовал и ветеран омского завода № 174 Валерий Александрович Белов: «...нелегко было 14-летнему подростку трудиться наравне со взрослыми. Ведь работали всю войну по 12 часов в день, а по воскресеньям – по 18 часов, что было сделать пересменку»³⁶. Следовательно, многочасовой труд на оборонных предприятиях занимал как минимум половину суточного времени, что являлось для юных работников обыденной нормой повседневной жизни.

Другой характерной чертой производственной повседневности рабочей молодежи военных заводов являлась высокая интенсивность ее трудовой деятельности. При этом в течение месяца темпы работы возрастали из-за того, что предприятия не всегда успевали своевременно выполнить план по выпуску продукции для фронта. Данное явление было связано с опасной техногенной обстановкой, недостаточной механизацией и конвейеризацией, простоями мощностей из-за несвоевременного поступления сырья, отключения электроэнергии, поломки оборудования, затруднявшими повышение общей производительности труда заводских коллективов. В свя-

зи с этим возникала угроза срыва производственной программы, вынуждавшая дирекции заводов вводить в цехах казарменное положение, согласно которому трудящиеся должны были не покидать рабочие места до выполнения задания Государственного Комитета Оборона (ГКО).

В целом подобные требования заводского руководства, транслировавшиеся от начальников цехов, мастеров, бригадиров нередко посредством неформальных патерналистских практик, находили отклик среди молодых рабочих. Желание выполнить задание ГКО по выпуску вооружения и боеприпасов и стать на шаг ближе к желанной Победе, получить дополнительное материальное поощрение в сочетании с крестьянской трудовой закалкой нередко побуждало многих из них к длительной и интенсивной производственной деятельности. Например, в докладной Иркутского горкома комсомола от 9 августа 1941 г. сообщалось о наличии многочисленных примеров того, когда юные труженики не уходили из цеха до тех пор, пока полностью не сделают свою работу. Так, на авиационном заводе № 39 им. Сталина молодой рабочий Агеенко, чтобы выполнить задание, проработал 48 часов. В 1943 г. в одной из справок Омского обкома ВЛКСМ отмечалось, что на одном из заводов Тюмени рабочие-комсомольцы Величков, Череночкин, Полехин, Харин, Кисленок в течение шести дней не уходили из цеха. Их трудовой «порыв» был обусловлен необходимостью выпуска продукции в соответствии с установленным планом, который в итоге был выполнен на 100,7 %³⁷. Типичный мотив прослеживается и в воспоминаниях ветеранов новосибирского завода № 386 НКБ: «работали по двенадцать часов без выходных, причем даже не по времени, а по заданию»; «работали мы столько, сколько было нужно»; после окончания своей основной работы домой не расходились, а оставались делать другие операции»³⁸. В тех же случаях, когда физическая нагрузка превышала естественные возможности организма, подростки и молодые люди на протяжении смены часто чередовали работу и отдых, сменяли друг друга у станков. Об использовании ими «рваного» трудового ритма свидетельствовал ветеран завода им. В.П. Чкалова Николай Егорович Бердников: «...некоторые ребята ночевали прямо на заводе, под верстак залезает, у него там постель постелена, спит. Другой работает... Потом вылезает первый, этот залазит туда, первый начинает работать»³⁹. Ветеран одного из красноярских заводов Н.Н. Пикуза также отмечал, что из-за постоянной усталости рабочих трех – четырех часовой интенсивный труд периодически сменялся коротким сном, за которым снова следовал такой же короткий рывок⁴⁰. В целом моральная готовность многих юношей и девушек трудиться в зависимости от объема возложенных на них сменных заданий была созвучна с традиционными крестьянскими представлениями,

согласно которым продолжительность рабочего времени была связана с кругом хозяйственных забот, а ритм работы – со степенью их важности для выживания⁴¹.

Следовательно, продолжительность и ритм труда заводской молодежи обуславливались не только формальными нормами военно-промышленного производства, но и наличием в ее сознании традиционалистских установок, через которые преломлялось представление юношей и девушек о длительности и интенсивности выполняемой работы.

В целом проведенное исследование позволяет сделать вывод о наличии некоторого влияния традиционной трудовой этики, существовавшей в сознании крестьян, на поведение рабочей молодежи в условиях оборонно-промышленного производства сибирского тыла. В частности крестьянское отношение к труду как к моральному обязательству в годы войны органично соединилось с патриотической верой юношей и девушек в Победу, для достижения которой необходимо было приложить максимум усилий для обеспечения фронта вооружением и боеприпасами. На наш взгляд, именно эта целевая установка лежала в основе конструктивной стратегии трудового поведения молодых рабочих военных заводов. Другой, не менее важной, ее составляющей являлась характерная для сельского населения повседневная забота о выживании, воплощавшаяся в стремлении юных тружеников к повышенному нормированному снабжению. Однако невозможность удовлетворить иногда даже самые насущные потребности, а также невосприимчивость к формальным дисциплинарным правилам приводили иногда к нарушению этих норм юными заводчанами вопреки угрозе сурового наказания. Для нейтрализации деструктивных поведенческих стратегий некоторые кадровые работники стремились использовать свой неформальный авторитет и воспитательный потенциал цехового коллектива для формирования у молодых людей привычки к соблюдению производственной дисциплины. Патерналистские принципы взаимоотношений между поколениями способствовали мобилизации юношей и девушек на длительную и интенсивную трудовую деятельность. Данная установка переносилась также многими из них из крестьянского образа жизни в заводскую повседневность.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что сделанные выводы представляют собой лишь некоторые предварительные суждения, определяющие перспективы дальнейшего исследования проблемы влияния традиционной трудовой морали на поведение молодых рабочих Сибири в годы Великой Отечественной войны. В данном случае наиболее актуальным является вопрос о ее соотношении и сочетании с модернизационными элементами мотивации заводской молодежи к производственной деятельности, связан-

ными с ее устремлениями к освоению профессии, повышению квалификации, продвижению по должности, рационализаторству и изобретательству и т. д. Изучение этой темы позволит понять, насколько трудности военного времени способствовали консервации или модернизации трудовой этики юношей и девушек, впервые пришедших на производство.

¹ М. Вебер выделял два идеальных типа трудовой этики: традиционную (минималистскую) и буржуазную (максималистскую). Первая характеризуется стремлением работника к достижению «прожиточного минимума», вторая – к получению максимального дохода.

² *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 243–283.

³ *Тяжелникова В.С., Соколов А.К.* Отношение к труду: факторы изменения и консервации традиционной трудовой этики рабочих в советский период // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 69–116.

⁴ *Бердинских В.* Крестьянская цивилизация в России. М., 2001.

⁵ *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX в.). Тамбов, 2004.

⁶ Б.Н. Миронов выявлял особенности традиционной трудовой этики на основе следующих признаков: число рабочих дней и продолжительность рабочего дня; соблюдение работником трудового соглашения и правил поведения на производстве – см.: *Миронов Б.Н.* Отношение к труду в дореволюционной России // Историческая социология [Эл. ресурс] // Институт социологии РАН: официальный сайт. URL: http://www.isras.ru/files/File/Socis/10-2001/015Mironov_1.pdf (Дата обращения: 19.04. 2013). На наш взгляд, к этим признакам следует отнести также совокупность материальных и моральных мотивов, обуславливавших целевые установки трудового поведения людей.

⁷ Речь идет о несоблюдении колхозниками установленного рабочего времени и трудовой дисциплины – см. *Глумная М.Н.* Отношение к труду в колхозах Европейского Севера России в конце 1920-х – 1930-х годах // Краеведческие исследования на Европейской Севере [Эл. ресурс]. // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/2_13.htm (дата обращения: 19.04. 2013).

⁸ *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 125, 128.

⁹ В 1941–1944 гг. в учебные заведения гострудрезервов Сибири было мобилизовано 307 тыс. юношей и девушек в возрасте до 18 лет – см. *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь... С. 107.

¹⁰ См. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008. С. 331.

¹¹ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Исторический очерк и воспоминания ветеранов. Новосибирск, 2001. С. 50–112.

-
- ¹² «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра»... С. 73.
- ¹³ Обожгла наше детство война. Сборник воспоминаний детей военного времени. Омск, 2010. С. 31.
- ¹⁴ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра»... С. 106.
- ¹⁵ Историк В.Ф. Зима отмечал, что, наряду с подвигами на фронте, самоотверженный труд в тылу являлся следствием выдвижения на первый план в народном сознании ментальной установки на защиту Отечества от врага – см. *Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 253.*
- ¹⁶ Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1984. С. 137.
- ¹⁷ Цит. по: *Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы: становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 2008. С. 157–158.*
- ¹⁸ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра»... С. 96.
- ¹⁹ Рабочий класс Сибири... С. 137.
- ²⁰ *Чуркин А.М. Мое поколение. Новосибирск, 2006. С. 58–59.*
- ²¹ *Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири: Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 418–419; ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 764. Л. 72; Д. 962. Л. 87.*
- ²² Обожгла наше детство война. С. 32.
- ²³ *Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири... С. 260; Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы... С. 96.*
- ²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 432. Л. 21.
- ²⁵ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 2. Д. 951. Л. 69; Ф. П-738. Оп. 1. Д. 272. Л. 20.
- ²⁶ ГАРФ. Д. Р-7678. Оп. 6. Д. 185. Л. 68; РГАСПИ. Ф. М.-1. Оп. 8. Д. 86. Л. 25.
- ²⁷ См. Бердинских В. Крестьянская цивилизация... С. 350–351, 370–385.
- ²⁸ *Адоньева А.Г., Красильникова И.Е. «Страна, завод, люди...». Авиационный завод им. В.П. Чкалова в воспоминаниях ветеранов. Новосибирск, 2011. С. 83.*
- ²⁹ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 60.
- ³⁰ Советская Сибирь. 1944. 5 янв.
- ³¹ Так, М.Н. Глумная отмечала многочисленные факты неформального трудового поведения колхозников, в котором отражались традиционные нормы повседневной жизни доколхозного крестьянства – см. *Глумная М.Н. Отношение к труду в колхозах Европейского Севера России в конце 1920-х – 1930-х годах // Краеведческие исследования на Европейской Севере [Эл. ресурс]. // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/2_13.htm (дата обращения: 19.04.2013).*
- ³² Указ Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. // Подвиг тыла. (Документы, материалы газет и радио, дневники, письма, воспоминания военных лет). М., 1970. С. 6.

³³ ГАНО. Ф. П-738. Оп. 1. Д. 272. Л. 208, 209.

³⁴ См. *Шевченко В.Н.* Сибирский арсенал Победы... С. 122.

³⁵ «Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра»... С. 63, 74, 76, 88, 90, 106, 108, 111.

³⁶ Валериан Александрович Белов. «На фронте дерется боец за троих, а ты за троих налегай на работу!» // Обожгла наше детство война. Сб. воспоминаний детей военного времени. Омск, 2010. С. 31–33.

³⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 6. Л. 35; Д. 60. Л. 59.

³⁸ Долга на земле не имею». Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра»... С. 73, 80, 106.

³⁹ *Адоньева А.Г., Красильникова И.Е.* «Страна, завод, люди...». Авиационный завод им. В.П. Чкалова в воспоминаниях ветеранов. Новосибирск, 2011. С. 32.

⁴⁰ См. *Шевченко В.Н.* Сибирский арсенал Победы... С. 150.

⁴¹ См. *Бердинских В.* Крестьянская цивилизация... С. 54–58.

Б.Д. Шмыров

Труدمобилизованные Средне-Азиатского военного округа как контингент трудовых ресурсов военной экономики СССР (1942–1944 гг.)*

При изучении вопроса о трудовых ресурсах для экономики СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в советской историографии, как правило, рассматривались три категории тружеников тыла. К первой относились те, кто начал свою трудовую деятельность до начала войны, так называемые кадровые работники разных отраслей промышленности, строительства и транспорта, значительная часть которых была в первые дни войны мобилизована. На их место пришли ветераны труда – пенсионеры, которые вернулись на свои прежние места работы, частично заменив призванных в армию.

Для удовлетворения возрастающих потребностей экономики в работах широкое распространение получила мобилизация юношей и девушек в учебные заведения государственной системы «Трудовые резервы», которые вошли во вторую категорию тружеников тыла. Обучение проходило по ускоренным программам в школах фабрично-заводского обучения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013». Государственное отношение № 14. В 37. 21. 0001.

и в ремесленных училищах. Всего за годы войны в учебных заведениях «Трудовых резервов» по мобилизации прошли обучение и получили рабочие специальности 2 121 400 юношей и девушек¹.

Третью категорию составили мобилизованные по решению правительственных органов для работы в экономике страны. Для принятия эффективных мер по привлечению рабочей силы и её распределению по отраслям народного хозяйства и регионам страны 30 июня 1941 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) при СНК Союза ССР был создан Комитет по распределению рабочей силы (затем Комитет по учёту и распределению рабочей силы). За период работы с 1942 г. по июль 1945 г. Комитетом и его рабочими органами на местах было привлечено на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт 3 010 400 чел. городского и сельского населения страны. При этом, в топливную и энергетическую промышленность было направлено свыше 570 тыс. чел., в военную – 487 тыс. чел., в чёрную и цветную металлургию – 411 тыс. человек. Основную часть мобилизованных тружеников составляли женщины, так как большая часть трудоспособного мужского населения была мобилизована в ряды РККА².

Необходимо отметить, что до 1991 г. в советских исследованиях по экономике военного периода не говорилось о других контингентах тружеников, находившихся в распоряжении НКВД Союза СССР³. Среди них можно выделить только три группы, составлявшие в целом рабочую силу наркомата. Первую составляли заключённые. К середине 1944 г. их численность в промышленности и в строительстве составляла свыше двух миллионов человек⁴. Вторую группу составляли советские немцы. Осенью 1941 г. данная национальная группа граждан была выслана из мест своего постоянного проживания в Европейской части СССР в Казахстан, республики Средней Азии, в Сибирь и на Алтай. На основе Постановлений ГКО № 1123сс от 10.01.1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и № 1281сс от 14.02.1942 г. «О мобилизации немцев-мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных союзных республиках» началась массовая мобилизация советских немцев для работы на объектах народного хозяйства страны. При этом, мобилизация, транспортировка к местам трудовой деятельности и работа проходила под контролем НКВД. Для проживания и дальнейшей трудовой деятельности трудмобилизованные немцы доставлялись в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) НКВД. Так, например, в ИТЛ «Бакалстрой» (посёлок Першино, Челябинская область) для работы в строительстве металлургического завода, весной 1942 г. было доставлено 26 474 советских немца⁵. В мае 1942 г. на Урале находилось девять из пятнадцати ИТЛ, где размещался лица данной национальности⁶.

Третий контингент рабочей силы составляли трудмобилизованные Средне-Азиатского военного округа (САВО) уроженцы республик Средней Азии и Казахстана, чье участие в работе советской экономики не нашло достаточного освещения в работах советских и российских исследователей. Значительная часть трудмобилизованных из Средней Азии работала на объектах, находящихся под контролем НКВД СССР. Автор считает, что именно по этой причине данная категория рабочих ресурсов военного периода осталась по настоящее время практически без внимания, как в центральных, так и в региональных исследованиях. В работах и публикациях, посвященных работе советского тыла в годы войны информация о присутствии трудмобилизованных САВО на производственных и промышленных объектах страны практически отсутствовала или носила обобщающий, эпизодический характер⁷. Исследований, содержащих более или менее полную и глубокую картину положения пока не достаточно.

Осенью 1942 г. военная экономика СССР испытывала острый недостаток кадров. Советское руководство было вынуждено проводить дополнительные мобилизации различных категорий населения для работы на производстве. 14 октября 1942 г. было принято постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 2414с «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строительстве жел[езных] дорог и пром[ышленных] предприятий» (далее по тексту – Постановление ГКО)⁸. Мобилизация была проведена и в САВО, который, как военно-территориальная структура НКО Союза ССР, располагался на территории советских республик Средней Азии и части областей Казахской ССР. Указанным Постановлением ГКО планировалось мобилизовать в пределах САВО, Уральского и Южно-Уральского военных округов 350 тыс. чел. из числа военнообязанных в возрасте от 19 до 50 лет. Проведение мобилизации возлагалось на НКО. Постановлением предусматривалось, что мобилизованные должны были явиться на сборные пункты в исправной зимней одежде, с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия. Разрешалось призывникам выдать продовольствие из расчета на 10 дней за наличный расчет⁹. Как показал опыт отправки трудмобилизованных САВО в европейскую часть страны, на Урал и в Сибирь, этого количества выданного продовольствия оказалось недостаточно. Часть железнодорожных эшелонов из республик Средней Азии и Казахстан находились в пути около месяца, иногда и больше¹⁰. Предполагалось распределить мобилизованных из Средней Азии и Казахстана по наркоматам. Всего 326 тыс. чел., оставив в резерве 24 тыс. человек. При ГКО была создана комиссия для наблюдения за подготовкой наркоматами к приему, распределению мобилизованных по

предприятиям и выдачу нарядов на рабочую силу. На первом заседании комиссии ГКО, которое прошло 02.11.1942 г., было выдано нарядов на мобилизацию 250 тыс. человек¹¹.

К середине апреля 1943 г. 95 911 чел. из числа трудмобилизованных САВО работали на предприятиях 12 наркоматов, на 113 объектах промышленности, строительства европейской части страны, Урала, Сибири, в республиках Средней Азии и Казахстане, что видно из таблицы 1.

Таблица 1.

**Численность т/м САВО по отдельным наркоматам в регионах,
01.04.1943 г.***

Показатели	Количество объектов, шт.			Количество т/м, чел.		
	Всего	Южный Урал	Ср. Азия	Всего	Южный Урал	Ср. Азия
Народный комиссариат						
Боеприпасов	17	1	---	10 764	1 343	---
Вооружения	7	1	---	6 414	1 000	---
Миномётного Вооружения	1	---	1	3 360	---	3 360
Нефтяной промышленности	3	---	2	1 426	---	952
По строительству	14	5	1	10 410	3 365	400
Путей сообщения	9	1	1	13 641	1 024	2 000
Резиновой промышленности	16	1	---	1 718	168	---
Угольной промышленности	8	1	2	10 162	1 000	2 000
Химической промышленности	15	---	1	7 724	---	900
Цветной металлургии	8	2	---	2 915	500	---
Чёрной металлургии	12	2	---	10 064	1 500	---
Электростанций	4	1	2	17 313	500	15 877
Всего:	113	15	10	95 911	10 400	25 489

* Таблица составлена по данным: ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 26. Л. 28–31.

На территории Средней Азии в первой половине 1943 г. трудмобилизованные САВО работали только в Узбекской ССР. Значительная их часть (15 877 чел.), из числа оставленных для работ в среднеазиатском регионе, трудилась на строительстве каскада малых ГЭС на реке Чирчик, металлургического завода в городе Бекабад (Узбекская ССР). Часть уроженцев республик Средней Азии и Казахской ССР, мобилизованных по Постановлению ГКО № 2414с, работала на строительстве угольных шахт и разрезов треста «Средазшахтострой» наркомата угольной промышленности, другая занималась ремонтными работами на Среднеазиатской железной дороге наркомата путей сообщений. Трудмобилизованные САВО трудились и на других предприятиях Среднеазиатских республик СССР. Они осваивали выпуск миномётов на ряде заводов в Ташкенте, были заняты в промышленном производстве электрохимического комбината наркомата химической промышленности в городе Чирчик, трудились в трестах «Калининнефть» и «Ферганаозокерит» наркомата нефтяной промышленности¹². Чуть позже, летом 1943 г. трудмобилизованные САВО начали работать на заводе № 60 наркомата боеприпасов в городе Фрунзе (Киргизская ССР), на шахтах и угольных разрезах в Карагандинской области (Казахская ССР)¹³. Таким образом, вопросы по обеспечению рабочей силой вновь вводимых и расширяемых объектов промышленности и строительства в среднеазиатском регионе решались за счёт мобилизации военнообязанных местных жителей. Это значительно уменьшало расходы на транспортировку данного контингента рабочей силы. При этом трудмобилизованные САВО находились в привычных для них климатических условиях, что положительно сказывалось на их физическом состоянии в отличие от тех, кто был отправлен за пределы Средней Азии.

К сентябрю 1943 г. план по мобилизации рабочей силы на основании Постановление ГКО № 2414с был выполнен. Для работы в народном хозяйстве страны было мобилизовано в Средней Азии и Казахстане 351 750 человек при плане 350 тыс. человек¹⁴. На Урале среднеазиатские рабочие трудились и проживали в городах и рабочих посёлках Молотовской (Пермский край), Свердловской, Челябинской и Чкаловской (Оренбургская) областей.

Кроме уральского региона мобилизованные среднеазиатские рабочие весной 1943 г. трудились на многочисленных объектах промышленности и строительства в регионах и областях Российской Федерации. В европейской части страны трудмобилизованные САВО жили и работали в городах и населённых пунктах Московской, Тульской, Ярославской, Ивановской, Кировской, Горьковской, Куйбышевской, Пензенской, Сталинградской областях, Татарской, Чувашской, Удмуртской, Башкирской АССР. В Сибири и на Ал-

тае они осваивали промышленные и строительные объекты Красноярского и Алтайского краёв, Кемеровской и Новосибирской областей¹⁵.

Автор не согласен с выводом историка Гончарова Г.А. о том, что «отсутствие необходимого количества профессионально пригодных трудовых ресурсов заставило советское правительство с ноября 1943 г. прекратить проведение массовой мобилизации незанятого в производстве населения для работы за пределами среднеазиатских республик»¹⁶. Мобилизация рабочей силы для экономики страны в республиках Средней Азии продолжалась, хотя и была не столь масштабной по сравнению с проводимой по Постановлению ГКО № 2114с. Изучение архивных материалов позволяет говорить о том, что в 1944 г. только по линии НКВД без учёта мобилизации НКО, в республиках Средней Азии (без Казахстана) было мобилизовано и отправлено для работ за пределы региона 16 192 человека¹⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что трудмобилизованные САВО в балансе рабочей силы советской экономики в 1942–1944 гг. составляли самостоятельную группу трудовых ресурсов, имевшую свой правовой статус оформленный в виде постановления ГКО № 2414с от 14.10.1942 года. Они занимали своё место в системе трудовых ресурсов страны в указанный период и вносили вклад в военную экономику страны. При этом, деятельность трудмобилизованных САВО незаслуженно забыта и требует более пристального изучения со стороны специалистов истории трудовых отношений, деятельности наркоматов, государственных, партийных и других организаций в период Великой Отечественной войны.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 729.

² Там же.

³ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948; *Из истории рабочего класса Урала: Сборник статей.* Пермь, 1961; *Морехина Г.Г.* Великая битва за металл, 1941–1945. М., 1974; *Агарыниев П.Г., Евланова М.Н., Наумова А.Г.* и др. Урал – фронту. М., 1985.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Л. 10.

⁵ Борис Шмыров Металл Победы: «Мы за цену не постоим?» // Страницы истории. Челябинск, 2009. С. 62.

⁶ *Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 2006. С. 108.

⁷ *Гольдштейн Я.Е.* Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск, 1995. С. 162; *Землянский И.* Красная чайхана на стройке // Челябинский рабочий. 11 февраля 1944; *Дубровский Вл.* В котловане // Орский рабочий, 12 марта 1943; Столовая для рабочих-узбеков / рубрика «День города» // Орский рабочий, 13 июля 1943; *Узбекистан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)* / отв. ред. чл. корр. АН УзССР Р.Х. Аминов и д-р ист. наук Т.Д. Джураев. Ташкент: ФАН, 1966; *Павленко В.Д.* Трудмобилизованные Средней Азии и Казахстана на

предприятиях и стройках Урала. 1941–1945 годы // Вестник ЧелГУ, серия 10, 2002, № 1; Павленко В.Д. Огненный рубеж фронта и тыла. Челябинская область в 1941–1945 гг. Челябинск, 2005, С. 103, 128, 138–140; Златоуст – фронту. Изд. 2-е, испр. и доп. / Составители А. В. Козлов и Ф.Н. Яблонский. Златоуст, 2010.

⁸ РГАСПИ. Д. 64. Л. 37–39.

⁹ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 64. Л. 37.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9517. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9301 с. Оп. 1а. Д. 127. Л. 66; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1с. Д. 1157. Л. 160.

¹² ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1с. Д. 1157. Л. 28–30.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1с. Д. 6. Л. 4; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1с. Д. 26. Л. 157.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1с. Д. 26. Л. 4.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1с. Д. 26. Л. 28–31.

¹⁶ Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале... С. 119.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9419. Оп. 1. Д. 1222. Л. 77.

О.Н. Калинина

Инкорпорация и экскорпорация партийных кадров Западной Сибири в 1946–1953 гг.

В СССР исторически сложилась уникальная система подбора, подготовки и расстановки управленческих кадров, которая в отечественной историко-партийной историографии изучалась в контексте анализа кадровой политики КПСС¹. В работах советских исследователей основное внимание акцентировалось на общих проблемах кадровой политики КПСС, подборе, расстановке и подготовке, а также и переподготовке кадров, организационно-партийной работе, партийном строительстве². Отдельные аспекты кадровой политики, начиная с 70-х годов XX столетия, активно изучались также административно-правовой наукой, где учеными-юристами в основном разрабатывались положения, относящиеся к кадрам органов государственной власти. Ими анализировались вопросы деятельности аппарата управления, проблемы административно-правового регулирования и оценки труда государственных управленческих кадров³. В исторической литературе с конца 1980-х гг. и в постсоветский период появились многочисленные публикации, авторы которых рассматривали кадровую политику в контексте становления и формирования номенклатурной системы⁴. В отечественной историографии функционирования советской системы власти наиболее изучен период становления сталинизма, в том числе и относительно процессов формирования и функционирования номенклатуры в сибирских регионах⁵. В на-

стоящее время сложился круг исследователей, проявляющих устойчивый интерес к изучению региональных и местных управленческих кадров, а также отдельным аспектам кадровой политики партии в более поздние хронологические периоды⁶.

В данной статье, основанной на анализе печатных изданий и архивных документов, ставится задача исторической реконструкции основных механизмов инкорпорации и экскорпорации партийной номенклатуры Западной Сибири в позднесталинский период, как части кадровой политики партии. Инкорпорация номенклатуры заключалась в выдвижении, подборе, карьерном продвижении партийных кадров, т. е. «вхождении» работника в «политический класс», а экскорпорация – в «выходе» из номенклатуры неподходящих по каким-либо причинам управленцев (исключение из партии, освобождение от должности и т. д.). Источниками информации стали документы отделов кадров партийных органов в регионах Западной Сибири, письма, записки первых секретарей обкомов в Управление делами (УД) ЦК ВКП(б), письма и циркуляры отдела парторганов ЦК партии, отправленные в крайкомы и обкомы партии. Другая группа источников – письма, заключения Управления по проверке партийных организаций, поступавшие в Оргбюро и Секретариат ЦК.

Сталинскую кадровую политику следует рассматривать в контексте формирования мобилизационной модели советской общественной системы, направленной на осуществление модернизации страны, достижение которой достигалось, в том числе, и за счет использования технологий социальной мобилизации в отношении различных социальных групп советского общества. Можно согласиться с отечественными исследователями, интерпретирующими сталинизм как определенную модель социального конструирования⁷. В современной отечественной историографии термин «мобилизация» применительно к советской истории одним из первых использовал А. А. Галкин, по мнению которого мобилизационная модель развития позволяла власти в кратчайшие сроки достичь провозглашенных целей, используя максимум ресурсов и возможностей общества⁸. Сталинская кадровая политика, охватывавшая региональный и местный уровни управления, по своей сути являлась тоже мобилизационной, поскольку была нацелена на «конструирование» нового типа управленца, который бы в совокупности обладал востребованными режимом характеристиками и вместе с тем, будучи проводником ее политической воли, был бы способен реализовывать на практике масштабные проекты советской власти. Кадровая политика ВКП(б)–КПСС была главным инструментом партии в удержании власти и реализации своих программ и состояла из нескольких важных элементов: 1) идеологически оформленной концепции кадровой

политики в качестве методологической основы работы в кадровой сфере; 2) номенклатурного механизма кадрового обеспечения управленческого аппарата (подбор, выдвижение, расстановка, учет); 3) систему управления кадрами, включавшую механизмы многоуровневого контроля и материального стимулирования кадров (льготы и привилегии).

Концепция кадровой политики ВКП(б)–КПСС исследуемого периода базировалась на положениях о подборе и расстановке номенклатуры сформулированных И.В. Сталиным⁹, реализация которой на практике осуществлялась через номенклатурный механизм кадрового обеспечения. Особенностью данного механизма являлась концентрация полномочий по подбору и расстановке работников в специальных отделах аппарата ЦК ВКП(б)–КПСС. За годы существования советской власти был выработан определенный набор требований, выполнявших функцию социально-политических фильтров, при помощи которых осуществлялся отбор в номенклатуру. Важно отметить, что «альфой» и «омегой» кадровой политики партии являлась система управления кадрами, включавшая в себя механизмы многоуровневого контроля¹⁰ и материального стимулирования кадров (льготы и привилегии). Так, партийный контроль осуществлялся как непосредственно партийными комитетами на местах, так и специальным органом – Центральной Контрольной комиссией, а далее созданной в 1934 г. Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) (с 1952 г. – Комитет партийного контроля), сыгравшей немаловажную роль в сталинских «чистках» и репрессиях¹¹. Значимость и универсальность партконтроля заключалась в его тотальности, поскольку вступление в партию было первым шагом на пути политической социализации номенклатурного работника. На контрольные органы возлагалась, в том числе, и задача выявления не справлявшихся с работой управленцев.

В послевоенные годы перед страной стояли задачи масштабного восстановления разрушенной войной экономики и форсированного роста индустриального производства, поэтому власть нуждалась в квалифицированных управленческих кадрах в регионах. В связи с этим особое значение в деятельности региональных и местных партийных комитетов ВКП(б) получили вопросы подбора, выдвижения и расстановки руководящих кадров. Региональная специфика кадровой работы в Сибири выражалась, во-первых, в том, что еще в годы войны здесь были образованы новые административно-территориальные образования¹². Это только актуализировало вопрос инкорпорации номенклатуры, поскольку на этих территориях активно шел процесс формирования управленческих аппаратов. Во-вторых, для обеспечения необходимого уровня развития индустриального производства, необходимы были квалифицированные руководители, нехватка

которых усугублялась их оттоком в другие регионы из-за начавшейся в послевоенные годы эвакуации предприятий, оборудования, рабочих и управленческих кадров из Сибири.

Для стабилизации кадрового состава предпринимались следующие меры: 1) ужесточался контроль в кадровой сфере со стороны ЦК и региональных партийных комитетов; 2) создавался резерв кадров. Так, постановлением ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. назначение работников на номенклатурные должности ЦК и их освобождение должно было осуществляться только после соответствующего решения ЦК ВКП(б). Устанавливалось также, что в случае наличия разногласий обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик с министерствами и ведомствами по назначению, перемещению или освобождению работников они должны были входить в ЦК ВКП(б) с самостоятельными предложениями по спорным вопросам и представлять необходимые материалы, характеризующие номенклатурных работников ЦК по результатам их деятельности¹³. Но такая политика сковывала самостоятельность региональных властей в кадровой сфере, особенно в новообразованных регионах – Томской и Кемеровской областях, где наиболее остро ощущался кадровый голод. Так, для замещения вакантных должностей секретарь Томского обкома партии Н.В. Лукьяненко неоднократно обращался в ЦК с просьбой командировать подходящих работников. В телеграмме от 18 июля 1948 г. он просил направить в область троих выпускников ВПШ на должности зав. сектором по промышленности Томского обкома, зав. облфинотделом Томского облисполкома и директора Томской областной партшколы¹⁴.

Если со временем аппарат ЦК партии сумел наладить контроль в сфере подбора и расстановке кадров в регионах, то попытка создания кадрового резерва для выдвижения на местах практически провалилась. Дело в том, что большинство отделов кадров в обкомах и крайкомах партии не видело смысла в формировании списков резерва, так как существовавшие списки должностей учетно-контрольной номенклатуры выполняли по своей сути аналогичную функцию. Поэтому региональные и местные партийные комитеты ограничивались формальным составлением списков кадрового резерва.

Сложности формирования кадрового резерва объясняются также нежеланием подходящих для выполнения руководящей работы кандидатов идти на партийную и советскую работу преимущественно из-за тяжелых материально-бытовых условий на низовом управленческом уровне. В отчете отдела кадров Новосибирского обкома партии за 1945 г. отмечалось, что «многие райкомы партии не сумели закрепить кадры инструкторов и пропагандистов, коммунисты не идут в партаппарат из-за того, что руководство очень мало внимания уделяло вопросам улучшения материально-бытовых условий для работников

аппаратов, особенно организации общественного питания»¹⁵. Другая причина заключалась в отсутствии на местах квалифицированных и опытных работников, подходящих для руководящей работы. Например, в Веселовском райкоме партии Новосибирской области сложилась такая ситуация, когда на должность первого секретаря райкома в течение всего 1946 года не смогли найти подходящую кандидатуру. Большинство кандидатов, претендовавших на вакантную должность, как правило, не обладало нужными характеристиками: необходимыми опытом руководящей работы, уровнем образования, а также не соответствовали как по деловым и личным качествам руководителя. Так, например, выдвинутый на эту должность 2-й секретарь Каргатского райкома партии Зубатов, несмотря на большой стаж руководящей партийной работы (девять лет), отличался «отсутствием инициативы и твердости в работе, нежеланием расти политически»¹⁶.

Процесс назначения и выдвижения на руководящую должность состоял из нескольких этапов: 1) подбор отделами кадров кандидатуры на тот или иной пост, составление анкетно-биографической справки; 2) изучение и проверка кандидатуры отделом кадров и, в случае необходимости, компетентными органами (Министерство госбезопасности, Комитет партконтроля и пр.); 3) рассмотрение и утверждение на бюро соответствующего партийного комитета. Основным элементом системы персонального учета и изучения кадров являлось личное дело работника, которое состояло из анкетного листка, характеристик и отзывов о работе с предыдущих мест работы. Наиболее важным элементом личного дела являлся анкетный лист, состоявший из 38 пунктов¹⁷. Именно этот документ давал исчерпывающие сведения о работнике: его «социально-политический портрет», подготовку и деловую квалификацию, опыт работы.

В анкете значительное число вопросов выполняли функцию социально-политических фильтров, направленных на выявление чуждых и неблагонадежных работников. К ним можно отнести вопросы о социальной (сословной) принадлежности работника и его родственников, партийной принадлежности, наличии партийных и дисциплинарных взысканий и т. д. Фактор социального происхождения всегда являлся главным критерием в регулировании социального состава номенклатурных работников. Об этом свидетельствует то, что вплоть до второй половины 1950-х гг. за сокрытие социального происхождения, которое, как правило, трактовалось не иначе как «неискренность перед партией», руководящий работник исключался из партии и снимался с должности. Иметь рабоче-крестьянское происхождение было особенно выгодно. Все это свидетельствует о том, что ключевой характеристикой при отборе кандидатуры являлась не его квалификация, а лояльность и преданность режиму, исполнительность в реализации вышестоящих директив.

В первые послевоенные годы был ужесточен порядок прохождения кандидатуры на вакантное место, который стал включать в себя изучение учетных материалов личного дела, обмен мнениями между отделами обкома, личную беседу потенциального работника с зав. сектором отдела кадров и зав. отделами обкома и, наконец, с секретарём обкома по кадрам. Об усилении роли региональных партийных комитетов в осуществлении кадровой политики на региональном и местном уровнях свидетельствует запрет для нижестоящих партийных и советских органов назначать и перемещать входящих в номенклатуру обкома ВКП(б) работников без соответствующих санкций бюро обкома. В отделах кадров обкомов стала широко применяться практика заслушивания отчетов секретарей по кадрам горкомов и райкомов ВКП(б), а также командирование работников отдела кадров обкома в районы области для решения кадровых и других текущих вопросов. Наряду с созданием резерва для выдвижения на местах формировалась база данных на руководящих и ответственных работников. От нижестоящих партийных организаций в отделы кадров обкомов направлялись списки с характеристиками на руководящих работников, включавшими не только краткую биографическую справку, данные о результатах трудовой деятельности в соответствующей должности, но и выводы с рекомендациями.

В характеристиках номенклатурных работников существовали целые блоки устойчивых выражений, с помощью которых описывались необходимые положительные для системы качества: «морально устойчив, требователен к себе и к своим подчиненным», «требовательный и принципиальный товарищ», «выдержанный и дисциплинированный коммунист» и т. д. В советском обществе в них вкладывалось особое политико-идеологическое содержание. Так, дисциплинированность понималась как безусловное выполнение директив, распоряжений центра и являлась важным критерием отбора, свидетельствующим о профпригодности работника для ответственной работы. Под требовательностью к подчиненным подразумевалось умение руководителя обеспечить выполнение подчиненными директив и указаний руководства, а под принципиальностью – умение подвести «партийную» основу под требования безусловного выполнения решений руководства. В характеристике перспективного номенклатурного работника, как правило, присутствовали формулировки «настойчив и требователен в проведении в жизнь решений партии и правительства». В справке Томского обкома партии от 1949 г. первый секретарь Кривошеинского райкома партии характеризовался как перспективный работник, поскольку «имеет опыт партийной работы, вдумчивый серьезный, инициативный... Обладает хоро-

шими организаторскими способностями, энергичен, настойчив и требователен, к решению вопросов подходит обдуманно»¹⁸.

Анализ кадровых решений ряда бюро региональных партийных комитетов за 1940–1950-е гг. показывает, что на протяжении этого времени замещение должностных вакансий проходило преимущественно четырьмя путями, которые, по сути, являлись наиболее вероятными для карьерного продвижения работника: «линейный» (инструктор обкома – зам. зав. отделом обкома – секретарь горкома); «смешанный» (народнохозяйственная – партийная – советская отрасли); «общественный» (комсомольская – партийная – советская отрасли); «горизонтальный» (заклучался в переброске номенклатурного работника из одного района в другой). Названные типы карьерных путей управленцев лишь очень обобщенно отражают разнообразие карьерных практик номенклатурных работников, поскольку попытки их конкретизировать ограничиваются неполнотой эмпирических данных.

«Линейный» тип карьеры в основном характерен для периодов стабильного существования аппаратов, когда нет встрясок в виде административных реформ и т. д. Поэтому карьерный путь лишь двух из семи первых секретарей Кемеровского обкома, занимавших посты с 1943 по 1964 гг., можно отнести к данному типу продвижения. В этом случае карьерное продвижение номенклатурного работника проходило постепенно – с низшего уровня власти на более высокий уровень. Так, из анализа биографий руководителей Новосибирской области следует, что большинство из них получили свою первую номенклатурную должность на районном уровне – 58,3 % (14 чел.)¹⁹.

Наиболее характерным являлся смешанный тип карьерного продвижения управленцев. Так, многие работники начинали свой карьерный путь с работы в хозяйственных и советских организациях. Тип управленца-хозяйственника был очень востребован. Анализ биографий лидеров Новосибирской области показывает, что 66,7 % (16 чел.) начинали свой путь в сфере производства и народного хозяйства. Будущие лидеры регионов, как правило, проработав 5–6 лет по специальности, занимали руководящие должности в своей сфере деятельности, после чего продвигались уже по партийной или советской линиям. Следующим поставщиком кадров являлся комсомол. Тех, кто начал свою политическую карьеру с комсомольской работы, среди лидеров Новосибирской области было не так много – всего 16,7 % (четыре человека)²⁰.

Способ «географического перемещения» оставался также одним из самых распространенных при замещении вакантной должности и был особенно актуален в новообразованных областях – Томской и Кемеровской, где формировался собственный управленческий аппарат. О масштабах

распространения практики переброски кадров из одних регионов в другие, свидетельствует тот факт, что значительная часть партийных и советских руководителей Новосибирской области начинала свою политическую карьеру в других регионах страны – 87,5 % (21 чел.)²¹. С одной стороны, частые перемещения и мобильность номенклатурных работников способствовали выработке у них более широкого кругозора и практических навыков в управлении, что, несомненно, повышало уровень их компетентности в целом. Но, с другой стороны, имелся и негативный эффект от такого «назначенчества», выразившийся в том, что очень часто управленцы плохо знали конкретную специфику того района или региона, куда их направляли, что также могло стать причиной плохого результата их деятельности на новом месте. В конечном счете, многое зависело от личности человека, его способности быстро адаптироваться к новым условиям и обучаться, налаживать связи с другими управленцами.

Выдвижение рабочих и «наиболее близких к Советской власти крестьян» на руководящую работу стало активно использоваться как механизм обновления управленческих кадров со второй половины 1920-х гг., после выхода специального постановления в 1927 г.²² Роль выдвижения в формировании управленческих кадров исследователями оценивается неоднозначно. Так, О.В. Гаман-Голутвина считает, что политика выдвижения стала важной мерой для повышения эффективности функционирования номенклатуры, так как способствовала усилению вертикальной мобильности и обеспечивала высокие темпы ротации руководящего звена номенклатуры²³. В.П. Пашин и Ю.П. Свириденко выдвижению отводят менее значительную роль, поскольку, по их мнению, предложения низовых партийных организаций о выдвижении на практике не реализовывались, так как руководящие работники подбирались сверху, что делало сам факт выдвижения бессмысленным²⁴.

Анализ источников пополнения партийной номенклатуры показывает, что в послевоенные годы выдвиженчество как элемент кадровой работы оказалось востребованным, способствуя решению проблемы нехватки кадров. Основной тенденцией в послевоенный период стало заполнение номенклатурных должностей, главным образом за счет выдвижения демобилизованных из Советской армии кандидатов, которые, как правило, положительно зарекомендовали себя на практической работе. В некоторых случаях численность таких выдвиженцев составляла более 50 %. Так, по данным на начало 1947 г., 133 из 258 номенклатурных работников Молотовского райкома партии Омской области являлись участниками войны, основная часть их была выдвинута на руководящую работу в два послевоенных года²⁵.

В первую очередь новые кадры должны были заменить функционеров, мобилизованных в аппарат управления в военные годы, которые часто имели низкий общеобразовательный уровень и не обладали необходимыми профессиональными качествами и опытом руководящей работы. Но приток новых сил не решал главную кадровую проблему – нехватку квалифицированных управленцев, поскольку ротационные процессы способствовали приходу в управленческую сферу работников, в массе своей также не обладавших необходимой общеобразовательной и профессиональной подготовкой. В характеристиках на не справлявшихся с работой руководителей использовались следующие формулировки: «...Плохо растет и не повышает свой общеобразовательный и идейно-политический уровень» или «...имея низкую общеобразовательную подготовку, над собой работает мало»²⁶. Потребность в кадрах, обладавших широкими познаниями, как в производственной, так и в партийно-политической сфере, являлась одной из острых проблем послевоенного времени.

В новых условиях послевоенного форсированного восстановления экономики и модернизации народного хозяйства страны требовалось большое количество грамотных и компетентных руководителей. В конце 1946 г. в региональные партийные комитеты партии были направлены постановления ЦК ВКП(б) относительно работы с кадрами. В частности, постановление ЦК ВКП(б) от 28 октября 1946 г. «О работе с кадрами в Алтайской парторганизации» обязывало крайком и его 1-го секретаря Н.И. Беляева установить строгий контроль над тем, как руководящие работники повышают свой идейно-политический и общеобразовательный уровень, организовать работу по подготовке и переподготовке партийных и советских работников в краевой партшколе и на 6-месячных курсах, повысить качество преподавания в школе, укомплектовав ее квалифицированными преподавателями и создав все условия для нормальной работы²⁷.

Статистические данные за первые послевоенные годы свидетельствуют о невысоком образовательном уровне номенклатуры всех должностных групп. Даже среди регионального руководства не все руководящие работники имели высшее образование. Согласно статистическим данным, в 1946 г. высшее образование имели 40 % партийных и советских руководителей Алтайского края, неполное высшее – 40, неполное среднее образование – 20 % руководителей. В 1946 г. высшее, неполное высшее и среднее образование имели по 33,3 % руководителей Томской области соответственно²⁸. Частично проблему пытались разрешить путем расширения уже имеющейся базы партпросвещения. В стране создавалась довольно стройная система партийных учебных заведений, вершиной которой являлась Высшая партийная школа (ВПС) при ЦК КПСС, затем следовали респуб-

ликанские, областные и краевые партшколы. В Алтайском крае и Новосибирской области действовали областные партшколы, принимавшие также слушателей из других областей. В 1945 г. в Омске была создана годичная партшкола, преобразованная в 1951 г. в двухгодичную, впоследствии – трехгодичную²⁹. В 1946 г. в Кемеровской обл. была также создана двухгодичная партшкола³⁰. О масштабах сети партпросвещения говорят следующие цифры: по данным на 1946 г., только в сети партпросвещения Алтайского края обучалось 45 608 руководящих партийных, советских и хозяйственных работников³¹.

К первой половине 1950-х гг. в общеобразовательном уровне партийно-советской номенклатуры постепенно произошли положительные, но не кардинальные изменения. Основной тенденцией стало заполнение областного (краевого) звена управления кадрами с высшим и неполным высшим образованием, в то время как аппараты городских и районных партийных комитетов пополнялись в основном работниками с неполным высшим образованием. В подавляющем большинстве квалификации номенклатуры с высшим образованием ограничивались в основном инженерно-техническими и педагогическими специальностями. Так, согласно статистическим данным, в 1953 г. все партийно-советское руководство Алтайского края имело высшее образование. Среди заведующих отделами и секторами крайкома и крайисполкома процент лиц с высшим образованием вырос до 75 % и 35,7 % соответственно³². Наряду с повышением компетентности руководящих кадров формировался новый имидж власти как образованной и потому наиболее способной к управлению части общества. Это было особенно важно, учитывая то, что в стране стремительно увеличивалось число образованных людей, прошедших подготовку в вузах.

В середине 1940-х гг. лейтмотивом советской кадровой политики стало привлечение в управленческую сферу молодых работников, эта задача и была поставлена перед руководством регионов. 27 октября 1952 г. на Бюро Президиума ЦК партии Сталин потребовал «...вовремя выдвигать молодежь на руководящую работу...»³³. Практически во всех отчетах партийных и советских органов власти встречаются сведения о выдвижении молодых работников. Характеризуя возрастной состав номенклатуры первых послевоенных лет, следует отметить, что в этот период произошло существенное ее омоложение. Особенно этот процесс отразился на новообразованной Томской обл. Согласно данным на 1946 г., средний возраст партийного и советского руководства составлял здесь всего 37 лет. Среди партийных и советских работников 16,7 % были в возрасте 31–35 лет, 83,3 % – в возрасте 36–40 лет³⁴. В других областях также произошло омоложение кадрового состава руководящих партийных и советских работни-

ков, но оно не было столь значительным. Так, в Новосибирской области средний возраст первых должностных лиц области составлял 39 лет, а их возрастные данные распределились равномерно (по 33,3 %) по трем возрастным группам: 31–35, 36–40 и 41–45 лет³⁵.

Однако, несмотря на принимаемые меры по оптимизации управленческого состава, работа номенклатуры постоянно подвергалась критике, постоянно велась борьба с бюрократизмом, карьеризмом, организационными недостатками. Соответственно, ежегодно часть кадров снималась со своих постов с формулировками «как не справившиеся», «как скомпрометировавшие себя», «за нарушение директив вышестоящих органов» и пр. Причем число работников, снятых с должностей с такими формулировками, на протяжении изучаемого периода оставалось стабильно высоким. Так, в Томской области из 24 сменившихся в течение 1951 г. секретарей горкомов и райкомов партии девять человек (37,5 %) были сняты со своих должностей, из них пять человек (55,6 %) – «как не справившиеся», два человека (22,2 %) – «как скомпрометировавшие себя», еще два человека (22,2 %) – «по семейным обстоятельствам»³⁶.

В исследуемый период экскорпоративные процессы в номенклатуре были связаны с масштабной ротацией кадров всех уровней и звеньев управления, в ходе которой в партийные аппараты пришли новые управленцы, что, в первую очередь, было связано с изменениями в приоритетах кадровой политики. И хотя в позднесталинский период не было таких же ширококомасштабных чисток как в середине 1930-х гг., все же определенное число партийных работников ежегодно исключалось из партии и снималось с должностей. Так, в первые послевоенные годы местные партийные органы, особенно низового, районного звена, были вынуждены при выдвижении кандидатов на работу руководствоваться менее жесткими требованиями. По отчету партколлегии КПК при Томском обкоме на 1 января 1949 г., около 90 % рассматриваемых на бюро дел приходилось на номенклатурных работников, так называемого военного призыва. На критику, прозвучавшую от вышестоящих инстанций, руководители местных парторганизаций ответили развертыванием «чисток». Об этом свидетельствует высокий процент отмененных партколлегией решений горкомов и райкомов партии об исключении и наложении партвзысканий на номенклатурных работников (27,1 %)³⁷.

На контрольные органы, в первую очередь, возлагалась задача выявления не справлявшихся с работой управленцев. Согласно статистическим данным КПК при ЦК ВКП(б), большинство работников исключалось из партии или получало партвзыскания преимущественно за преступления или проступки экономического характера (растрата госсредств, присвоение денег, взяточничество, воровство и т. д.), совершенные вследствие

превышения служебных полномочий, – 43,3 % в 1950 г. За «недостойное поведение» (пьянство, нарушение общественного порядка, клевета, рукоприкладство, невыполнение вышестоящих директив и т. д.) было исключено 14,8 % в 1950 г.³⁸ Эти данные коррелируют со статистикой партколлегии КПК при Томском обкоме, одними из наиболее распространенных в коммунистической среде пороков являлись пьянство и аморальное поведение. Уличенные в этом управленцы исключались из партии также с формулировкой «за бытовое разложение», под которым подразумевались пьянство, уход из семьи, хулиганство и т. д. Количество исключенных из партии партколлегией «за бытовое разложение» составило 9,4 % в 1947 г. Стабильно высоким оставался показатель исключенных из партии за злоупотребление служебным положением и растрату государственных средств, т. е. за должностные, главным образом, экономические, преступления (27,2 % в 1947 г. и 29 % в 1953 г.)³⁹. Несмотря на принимающиеся жесткие «фильтрационные» меры из партии с формулировкой «за сокрытие социального происхождения» и «неискренность перед партией»⁴⁰ также ежегодно исключалась определенная часть руководящих работников. По данным партколлегии при Томском обкоме, «за сокрытие социального происхождения и обман партии» в 1947 г. было исключено из партии 6,3 % работников, в 1953 г. – 18,3 %⁴¹.

Из-за проблемы кадрового голода на управленческие должности в региональные и местные партийные аппараты попадали люди, часто не имевшие большого опыта руководящей работы, их компетентность, деловые и морально-этические качества проверялись непосредственно на практике. В первую очередь это касалось партийных и советских руководителей районного уровня власти. Так, по данным КПК при ЦК ВКП(б)–КПСС за 1950 г., 74 % номенклатурных работников, подвергшихся партвызысканию, занимали во властной иерархии низовое положение (районный уровень). Данный вывод подтверждается и другими источниками. Так, только за семь месяцев 1947 г. в 17-ти из 44 райкомов партии Новосибирской области к партийной ответственности было привлечено 369 руководителей (37,6 % от привлеченных по области), из них за «хищение и разбазаривание социалистической собственности» – 97 чел., «морально-бытовое разложение» – 55, «нарушение партийной и государственной дисциплины» – 217 чел.⁴²

На всем протяжении исследуемого периода процессы инкорпорации и эскорпорации номенклатуры шли довольно интенсивно, особенно в новообразованных Кемеровской и Томской областях, где наиболее остро ощущался дефицит кадров. Масштабная ротация номенклатуры в регионах Западной Сибири способствовала привлечению в партийные аппараты новых работников. Мероприятия кадровой политики в регионах Западной

Сибири были направлены на формирование и «конструирование» нового типа управленца. Ставка делалась в первую очередь на лояльных и преданных режиму, молодых и образованных управленцев, которых могли бы мобилизовать всю свою энергию на решение поставленных перед ними партией и государством задач и планов по модернизации страны.

¹ Становление номенклатурной системы подбора управленческих кадров началось еще в начале 1920-х гг. Принципиальные решения в кадровой сфере, в частности, о новых формах работы с кадрами, были приняты в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б). 12 ноября 1923 г. вышло постановление Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу об учете и распределении работников государственных и хозяйственных органов, устанавливался номенклатурный учет кадров. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68. Д. 446. Л. 28–31.

² *Котельников П.И.* О работе с кадрами. М., 1956; *Лисин Б.К.* Некоторые вопросы кадровой политики КПСС на этапе перестройки // *Кадры партии.* 1989. № 3; *Мошевитин А.Д.* Организация работы с номенклатурой партийных комитетов. М., 1962; *Яцков В.А.* Организация работы с номенклатурой партийных комитетов // *Проблема партийного и государственного строительства.* М., 1982. Вып. 2.

³ *Лебин Б.Д., Перфильев М.Н.* Кадры управления в СССР. Л., 1970; *Лазарев Б.Н.* Компетентность органов управления. М., 1972; *Бачило И.Л.* Организация советского государственного управления: Правовые проблемы. М., 1984

⁴ *Джавлани О.Т., Михеев В.А.* Номенклатура: эволюция отбора. Историко-политологический анализ. М., 1993; *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1; *Коржыхина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление и механизм действия // *Вопр. истории.* 1993. № 7; *Лисин Б.К.* Кадровая политика КПСС: социологические очерки. М., 2010; *Оников Л.А.* КПСС: Анатомия распада: Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996 и др.

⁵ *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992; *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; *Пашин В.П., Свириденко Ю.П.* Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора. М., 1998; *Саранцев Н.В.* Большевицкая властвующая элита. Возникновение, становление и трансформация. 1919–1939. Историко-социологические аспекты. Саратов, 2001; *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996 и др.

⁶ *Волосов Е.Н.* Технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в 1964–1991 гг.: опыт исторического анализа. Иркутск, 2010; *Калинина О.Н.* Партийно-государственная номенклатура Западной Сибири (1946–1964 гг.). Новосибирск, 2008; *Коновалов А.Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945 – 1991). Кемерово, 2006; *Мохов В.П.* Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990 гг.). Пермь, 1998 и др.

⁷ *Медушевский А.И.* Сталинизм как модель социального конструирования: К завершению научно-издательского проекта // *Российская история.* 2010. № 6. С. 3; *Куз-*

нецов И.С. «Молодым везде у нас дорога!»: ментально-демографические детерминанты формирования мобилизационной модели. Новосибирск, 2011. С. 3–17.

⁸ Галкин А.А. Общественный прогресс и мобилизационная модель развития // Коммунист. 1990. № 18

⁹ В обобщенном виде они были выделены в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 года и сводились к следующим пунктам: 1) Ценить кадры как золотой фонд партии и государства, дорожить ими, иметь к ним уважение; 2) Знать кадры, тщательно изучать достоинства; 3) Заботливо выращивать кадры, помогать каждому растущему работнику подняться наверх, не жалеть времени для того, чтобы терпеливо «повозиться» с такими работниками и ускорить их рост; 4) Вовремя и смело выдвигать новые, молодые кадры, не давая им «перестояться» на старом месте, не давая им «закинуть». См.: *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1940. С. 595–596.

¹⁰ В системе многоуровневого номенклатурного контроля существовало четыре главных «канала» по которым осуществлялось управление номенклатурой: партийный, административный или государственный, квазиобщественный или публичный и внутрикорпоративный контроль. Более подробно см.: *Калинина О.Н.* Многоуровневый контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х – начало 1960-х гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. Том. 10. Вып. 10: История. С. 70–75.

¹¹ Основной задачей КПК являлась проверка исполнения решений партии и ее руководства партийными, советскими и хозяйственными организациями и своевременная сигнализация в ЦК ВКП(б) обо всех компрометирующих коммунистов фактах. При региональных и республиканских партийных комитетах функционировали партколлегии при КПК, наделявшиеся широкими правами – проверять и отменять решения местных парторганов о наложении партвысказания, выносить решения по апелляциям коммунистов.

¹² В 1943 г. в составе РСФСР образована Кемеровская, а в 1944 г. – Томская и Тюменская области.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 277. Л. 18–19.

¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 932. Л. 47.

¹⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 9. Д. 168. Л. 1; Д. 166. Л. 2–3.

¹⁶ Там же. Л. 5.

¹⁷ См.: Приложение № 7 // *Оников Л.А.* КПСС: Анатомия распада. М., 1996. С. 209–217.

¹⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 2. Д. 2902. Л. 15.

¹⁹ Рассчитано по биографиям личных дел 24 партийных и советских лидеров области: ГАО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 166. Л. 5; Оп. 18. Д. 147; Оп. 20. Д. 1423, 5271; Оп. 23. Д. 231, 297, 607, 782, 4176, 4289; Оп. 59. Д. 16, 175, 1637, 2069; Оп. 70. Д. 35, 188; Оп. 65. Д. 2123; Оп. 87. Д. 194; Оп. 91. Д. 148; Оп. 109. Д. 241, 824; Ф. 22. Оп. 5. Д. 100, 965, 2221.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² См.: Постановление ЦК ВКП(б) о задачах партии в деле выдвижения и крестьян в госаппарат // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т.3. С. 157.

²³ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М. 2006. С. 258.

²⁴ *Пашин В.П., Свириденко Ю.П.* Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора. М, 1998. С. 47.

²⁵ ЦДНИ ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4604. Л. 47.

²⁶ Там же. Л. 30–31.

²⁷ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 164. Л. 6.

²⁸ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 158. Л. 3, 3 об., 5, 5 об., 7, 7 об., 9, 9 об., 13–13 об., 17–17 об.; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 2. Д. 2867, Л. 14 об.–16, 175 об.–179.

²⁹ ГАОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 329. Л. 43.

³⁰ *Коновалов А.Б.* Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005. С. 178.

³¹ ЦХАФ АК. Ф. П-1. Оп. 30. Д. 55. Л. 8.

³² Там же. Оп. 99. Д. 87. Л. 62–63.

³³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 54, 96.

³⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 2. Д. 2867, Л. 14 об.–16, 175 об.–179; Д. 2936 г. Л. 69–69 об.; Д. 2946. Л. 89–89 об.

³⁵ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 25. Д. 314. Л. 13–18; Оп. 30. Д. 46. Л. 149.

³⁶ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 2. Д. 2902. Л. 2.

³⁷ Там же. Д. 996. Л. 19.

³⁸ РГАНИ. Ф.6. Оп. 1. Д. 204–408

³⁹ Рассчитано по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 996. Л. 19; Д. 1192. Л. 28, 48; Д. 6732. Л. 8.

⁴⁰ «Неискренность перед партией» выражалась, как правило, в сокрытии каких-либо компрометирующих фактов из биографии (социальное происхождение, пребывание в плену, знакомство или связь с «врагами народа»), наличие родственников за границей и т. д.).

⁴¹ Рассчитано по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 996. Л. 19; Д. 1192. Л. 28, 48; Д. 6732. Л. 8.

⁴² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 116. Д. 251. Л. 5–6.

Комплектование кадров предприятий Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1980-е гг.

Создание нефтегазодобывающего района в Западной Сибири в основном падает на 1960–1980-е гг., характеризующиеся интенсивным хозяйственным освоением территории, ее заселением через привлечение кадров в новые отрасли промышленности. Правительственное постановление от 4 декабря 1963 г., заложившие основы стратегии развития нового добывающего района, предусмотрело перевод работников в организации нефтяной и газовой промышленности, геологии и строительства Тюменской области, открытие в г. Тюмени индустриального института¹. Одновременно перед партийными организациями Урало-Волжского нефтяного района была поставлена задача направления в Тюменскую область специалистов нефтяной и газовой промышленности, перед министерствами – проведения массовой разъяснительной работы о значении начинавшихся работ².

Для привлечения и закрепления кадров в новых отраслях на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов были введены: районный коэффициент к заработной плате в размере 1,7, вместо существовавшего – 1,3; установлены льготы в виде выплаты единовременного пособия, оплаты переезда к месту работы, выплачивались подъемные, надбавки к окладам и т. д.³ Все эти мероприятия обеспечили привлечение в новые отрасли промышленности в Тюменской и Томской областях необходимое число работников.

Ведущими формами комплектования кадров добывающих отраслей промышленности стали: вольный найм или прием на месте, перевод, приглашение-вызов; в строительстве: прием на месте, оргнабор, привлечение спецконтингента, общественный призыв. Прием выпускников вузов, техникумов, ПТУ, играя определенную роль в комплектовании кадров, имел очень незначительный удельный вес. Формами комплектования кадров в геологии являлись: прием самим предприятием, перевод, оргнабор, прием выпускников вузов и техникумов, привлечение сезонных рабочих.

На первом месте среди форм комплектования кадров в организациях Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в 1960–1980-е гг. стоял вольный найм или прием на месте самими предприятиями. С использованием этой формы комплектования кадров во второй половине 1960-х гг. на работу принимались в организации и предприятия нефтяной промышленности 84 %, газовой – 66 %, строительства – 75 % работающих⁴. Однако, эта форма комплектования кадров была преобладающей в категории рабо-

чих. При комплектовании ИТР она могла отходить на второй план после перевода. Так, в газовой отрасли Тюменской области по вольному найму принималось 67,8 % рабочих и только 17,5 % ИТР⁵. Е.И. Пилипенко исследовавший формирование кадров газовой отрасли Западной Сибири, отмечал, что на месте принимались в основном работники младшего обслуживающего персонала, а также часть рабочих и ИТР⁶.

В 1970-е гг. вольный найм сохранил свое лидирующее значение, при наметившейся тенденции к снижению удельного веса. В нефтяной промышленности в 1977 г. он равнялся 66 %, в газовой – 69,4 %, в строительстве (в системе Миннефтегазстроя СССР) – 49,5 %⁷. В геологии удельный вес принятых самим предприятием в 1970-е гг. колебался в пределах от 73,7 до 75,1 %⁸. В геологических организациях определенное количество вновь принятых составляли сезонные и временные работники (9,06 %), прием выпускников ПТУ (3,04 %), вузов (0,9 %); средних специальных учреждений (1,4 %).

Перевод с других предприятий министерств занимал второе место среди форм комплектования кадров в добывающих отраслях. Его значение было особенно велико в формировании кадрового ядра ИТР и управленцев. Среди руководителей аппарата нефтяной промышленности во второй половине 1960-х гг. 40,3 % специалистов были выходцами из Урало-Волжского нефтяного района, с преобладанием специалистов из Башкирии (15,02 %) и Куйбышевской области (17,37 %). Среди первых руководителей трестов, нефтепромысловых управлений представители «Второго Баку» составляли 64,2 %, среди главных инженеров, главных геологов трестов, управлений – 70,0 %⁹. Удельный вес перевода не был равнозначен по разным предприятиям. Его доля была более значительной в буровом тресте Главтюменнефтегаза, в газодобывающих предприятиях, а в нефтедобывающих предприятиях была сравнительно низкой¹⁰. В газовой промышленности Тюменской области на протяжении 1960-х гг. доля перевода в формировании кадров оставалась более высокой, чем в нефтяной: 24–37 % по всем категориям вновь принятых. В составе ИТР в 1967–1968 гг. она доходила до 50–75 %¹¹.

Перевод, как форма комплектования кадров, сохранял второе место по нефтегазодобывающим предприятиям и в 1970-е гг., при снижении удельного веса в нефтяной отрасли до 11,6 %, тогда как в газовой его доля в середине 1970-х гг. равнялась 25 %. Перевод с других строек имел значение в пополнении кадров строительных организаций. В Главтюменнефтегазстрое на его долю приходилось 5,6 % вновь принятых. Перевод внутри подразделений главка составлял 13,5 %. В целом, в пополнении кадров ИТР перевод в отдельные годы занимал первое место в сравнении с дру-

гими формами комплектования кадров ЗСНГК. В последствие наметилась тенденция к снижению его роли.

В строительных организациях среди форм комплектования кадров, начиная с 1960-х гг., второе место после приема на месте занимал организованный набор трудящихся, который представлял собой перераспределение кадров из районов с избытком населения в районы начинающегося хозяйственного освоения. Переезд работников стимулировался выплатами повышенного «единовременного безвозвратного пособия». Так, в ведущую строительную организацию нефтегазового комплекса Западной Сибири – Главтюменнефтегазстрой – в 1965–1967 гг. по оргнабору прибыло 8,5 тыс. человек¹². По оргнабору привлекались и демобилизованные воины, которые в отчетных документах чаще выделялись в качестве самостоятельной группы среди принимаемых на работу¹³.

В добывающих отраслях оргнабор не получил широкого распространения. Здесь случаи приема кадров из числа прибывших по оргнабору единичны, так как чаще всего он поставлял малоквалифицированные кадры.

В строительных организациях оргнабор и в 1970-е гг. сохранил второе место. Однако данные об этой форме пополнения кадров имеются не по всем строительным организациям. В то же время, в самой крупной строительной организации – Главтюменнефтегазстрой – на протяжении 1970-х гг. эта форма занимала второе место в пополнении работников. Она в среднем за год позволяла принимать около 3,5 тыс. человек¹⁴.

Третье место в пополнении кадров добывающих отраслей ЗСНГК занимал вызов (приглашение), который позволял получать высококвалифицированные рабочие кадры, мастеров бригад, участков, инженерно-технических работников и практиков для замещения вакантных должностей руководителей. Основанием для прибытия являлся вызов (документ) за подписью руководителя вызывающей организации, который давал право беспрепятственно уволиться с прежнего места работы, получить подъемные денежные средства при переезде. В 1960-е гг. доля приглашенных на работу в газовую отрасль составила 13,5 %, в нефтяную – от 3 до 5 % принятых. Среди по ИТР, особенно в бурении – от 3 до 18 %¹⁵. В 1970-е гг. в нефтяной промышленности приглашение специалистов сохранялось как исключительное явление, в газовой отрасли на него приходилось 6–7 % всех принятых рабочих, и 11,2 % ИТР¹⁶.

В 1970-е гг. всё более широко стало применяться направление в добывающие отрасли по комсомольским путевкам или общественному призыву. Через такую форму пополнения кадров прибывали в нефтяную и газовую отрасли демобилизованные воины. Только за 1976–1977 гг. в

Главтюменнефтегаз и ВПО «Тюменгазпром» прибыло 1 850 военнослужащих, уволенных в запас¹⁷.

С конца 1960-х гг. усилилось внимание к приему выпускников вузов, техникумов, профтехучилищ, школ, что давало в разные годы добывающим предприятиям от 1,5 до 10 % принимаемых на работу. Специалистов с высшим образованием в нефтегазовые отрасли Западной Сибири поставляли Уральский, Томский, Куйбышевский политехнические вузы, Тюменский индустриальный, Свердловский горный, а также Уфимский нефтяной, МИНХ и ГП им. И.М. Губкина, Московский автодорожный институт и т. д. Широкой была география и средних специальных учебных заведений, готовивших кадры для Западной Сибири. Система профтехобразования Тюменской и Томской областей лишь в малой степени удовлетворяла потребности в высококвалифицированных кадрах. В Тюменской области в 1960-е гг. только два ПТУ – ГПТУ № 5 в г. Тобольске и ГПТУ № 10 в городе Ханты-Мансийске – готовили рабочих для нефтедобывающей промышленности. Объединение «Тюменгазпром» базовых профтехучилищ не имело. Главтюменнефтегазстрой проводил работу по открытию базовых ПТУ, и уже в 1960-е гг. получил из них 2,2 тыс. выпускников.

В 1970-е гг. численность местной молодежи, поступавшей на работу в новые отрасли промышленности после окончания вузов, техникумов, профтехучилищ, школ возросла, увеличился вклад в обеспечение кадрами нефтяной промышленности системы профтехобразования Тюменской области. Подготовку рабочих кадров стали осуществлять: ГПТУ № 21 в пос. Лабитнанги и ГПТУ № 5 в Тобольске. В городе Сургуте в сентябре 1973 г. был открыт нефтяной техникум с филиалом в г. Нефтеюганске. Удельный вес выпускников ПТУ в пополнении кадров строителей ЗСНГК в 1970-е гг. колебался в пределах 2,8–3,2 %. Наибольшее число выпускников ПТУ в 1970-е гг. было принято в подразделения Главтюменнефтегазстроя, управления «Тюменстройпуть». Основная часть строительных подразделений собственных ПТУ не имели, и получили из системы профтехобразования менее одного процента принятых рабочих¹⁸.

Определенную роль в обеспечении строительства кадрами играло привлечение студенческих строительных отрядов. Работа по этому направлению развернулась с середины 1960-х гг. в рамках сезонного обеспечения кадрами строительных организаций. За 1965–1969 гг. на стройках нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири в составе студенческих строительных отрядов поработало 36 861 человек, 80 % выполненных ими работ приходилось на объекты производственного назначения¹⁹.

В 1970-е гг. по общественному призыву в Тюменскую область прибывали молодежные отряды из союзных республик и различных областей

страны. Первый, направленный по постановлению ЦК ВЛКСМ, отряд «Стахановец» начал работу в строительных подразделениях Главтюменнефтегазстроя в 1974 г. Всего за 1970–1977 гг. на стройки этого главка прибыло по комсомольским путевкам шесть тысяч человек, в управление «Тюменстройпуть» – 7,388 тыс. чел.²⁰ Причем для управления «Тюменстройпуть», осуществлявшего дорожное строительство в районах все более отдаленного севера, общественный призыв стал самой распространенной формой пополнения кадров. Всего за 1970–1977 гг. в составе ССО на объектах нефтегазового комплекса работало 123,7 тыс. студентов. Ими был выполнен объем работ на 465 млн руб. Почти половина объема работ приходилась на подразделения Миннефтегазстроя²¹.

Для обеспечения строительства рабочей силой использовался спецконтингент (условно-осужденные и условно-освобожденные). Во второй половине 1960-х гг. на работу в подразделения Главтюменнефтегазстроя было привлечено 8 266 чел. спецконтингента, в то время как по оргнабору – 8,5 тыс. чел.²² Как отмечал главный инженер Главтюменнефтегазстроя Ю.П. Баталин, «в первые годы пришлось ориентироваться в основном на условно-освобожденных из мест заключения, а позже на условно-осужденных»²³. В то же время, по такой строительной организации как «Тюменстройпуть» данных по привлечению спецконтингента нет. Однако нельзя согласиться с мнением Н.Ю. Гавриловой, поставившей в перечне «форм и методов привлечения трудовых ресурсов» использование спецконтингента на первое место²⁴.

Сведения о спецконтингенте в годовой отчетности строительных организаций в 1970-е гг. встречаются только по отдельным годам. Часть организаций его вообще не называет, хотя в перечне категорий работающих данные о спецконтингенте приводятся. В отдельные годы среди работающих Главтюменнефтегазстроя доля спецконтингента составляла 6,3 %, в объединении «Сибкомплектмонтаж» – 38,5 %²⁵. К этой форме пополнения кадров прибегали в подразделениях Главсибтрубопроводстроя, в трестах «Тюменгазпромстрой», «Стройиндустрия», объединении «Тюменстройматериалы»²⁶. Условно-освобожденные и условно-осужденные направлялись в строительные организации ЗСНГК из Башкирии, Украины, Белоруссии, Удмуртии, Свердловской, Пермской, Кировской, Омской, Челябинской, Орловской областей. Причины использования спецконтингента коренились, прежде всего, в хронической нехватке кадров на предприятиях и стройках ЗСНГК, обусловленной значительной их текучестью, дефицитом жилья, тяжёлыми условиями труда, иногда низкой заработной платой.

Совершенно новым явлением в обеспечении строительных организаций нефтегазового комплекса рабочей силой в 1970-е гг. стало привлече-

ние рабочих из стран-членов СЭВ. Так, болгарская строительная группа появилась в составе коллективов Главтөменнефтегазстроя и объединения «Сибкомплөктомонтаж». Она была сформирована из опытных, квалифицированных строителей.

В условиях постоянного наращивания объемов добычи нефти и газа, и преодоления дефицита кадров с конца 1970-х гг. стал использоваться вахтово-экспедиционный метод (ВЭМ), который вначале широко распространился в бурении, организации механизированной добычи, строительстве. Направление буровых бригад из добывающих предприятий страны в Тюменскую область стало называться «подрядным бурением». В 1980-е гг. в газовую промышленность Тюменской области в рамках ВЭМ были направлены буровые бригады из ВПО «Укргазпром», ПО «Кубаньморнефтегазпром», в нефтяную – из ПО «Башнефть», «Татнефть», «Белоруснефть», «Саратовнефтегаз», «Укрнефть», «Куйбышевнефть», в геологию – из Белнефтеразведки и Запукргеологии. В нефтяной отрасли удельный вес подрядного бурения в середине 1980-х гг. составлял 40 %, в газовой – 36 %, в геологии – 3,3 %. На начало 1980-х гг. вольнонаемных по ВЭМ в ЗСНГК работало 12,4 тыс. человек²⁷. Внимание к ВЭМ было значительным, указывалось на экономию средств в жилищно-гражданском строительстве. Но, как привлеченные, так и принимающие стороны оказались не удовлетворенными условиями и результатами деятельности. Подрядные коллективы имели более низкие технико-экономические показатели по сравнению с постоянно работающими.

В 1980-е гг. масштабы перераспределения ресурсов Миннефтепрома СССР в Западную Сибирь постоянно возрастали: направлялись бригады по ремонту и обслуживанию скважин. В декабре 1984 г. было принято решение о направлении в Тюменскую область предприятий «Татнефть» и «Башнефть» для организации в пос. Когалымском НГДУ ПО «Башнефть», и двух НГДУ в пос. Лангепас и Покачевском в составе ПО «Татнефть» для разработки ряда месторождений Тюменской области. В 1985 г. в объединениях «Грознефть», «Краснодарнефтегаз», «Союзтермнефть», «Куйбышевнефть», «Ставропольнефтегаз», «Белоруснефть», «Укрнефть» созданы специальные предприятия по ремонту нефтяных скважин для работы ВЭМ на нефтяных месторождениях Тюменской области и Коми АССР. Для доставки бригад Министерство гражданской авиации выделило дополнительные лимиты на авиаперевозки работников этих объединений.

Одновременно шло расширение использования ВЭМ в строительстве, прежде всего в системе Миннефтегазстроя СССР, где численность работающих по ВЭМ составила 80 тыс. чел., из них на Западную Сибирь приходилось 60 %²⁸. Вахтовый метод применялся на строительстве трубопро-

водов и возведении блочно-комплектных объектов, затем был распространен и на промысловое обустройство. На протяжении 1980-х гг. Миннефтегазстрой вынужден был направлять на строительство объектов ЗСНГК все новые силы.

С 1980 г. к выполнению строительных работ на территории ЗСНГК привлекались строительные организации подведомственные Советам Министров союзных республик, строительные подразделения крупных городов и областей СССР: Москвы, Ленинграда, Новосибирской, Свердловской, Челябинской, Волгоградской областей. Сроки действия этих организаций в Западной Сибири определенные 1981–1983 гг., продлевались до 1985–1990 г.²⁹ Общее количество работающих по ВЭМ в Тюменской области к концу 1980-х гг. выросло до 124 тыс. чел.³⁰

Анализ документов ведущих организаций ЗСНГК показывает, что в 1980-е гг., при сохранении лидерства в комплектовании кадров приема на месте и перевода, на третью строчку вышел вахтово-экспедиционный метод³¹. Сохранил свое значение оргнабор³². Направление выпускников вузов, средних специальных учебных заведений, СПТУ обеспечивало менее процента пополнения работающих.

В решении кадровых вопросов ЗСНГК в 1980-е гг. большое внимание уделялось побудительным мотивам. Наиболее сложно комплектуемые объекты объявлялись Всесоюзными ударными комсомольскими стройками. Шефство комсомола над объектами нефтегазовой промышленности Западной Сибири в рассматриваемый период было расширено. В каждом из принимаемых правительственных постановлений предусматривалось направление сюда молодежи по комсомольским путевкам («по общественному призыву»), который назывался «формой шефства Ленинского комсомола над крупнейшими новостройками страны». Для прибывавших устанавливалось единовременное денежное пособие в размере 100 руб., льготы при поступлении в вузы. Особое внимание проявлялось к направлению рабочих с семьями, и военнослужащих уволенных в запас³³.

Шефство комсомола над ЗСНГК с конца 1970-х гг. получило новый уровень организационного оформления. При ЦК ВЛКСМ в декабре 1978 г. был создан Центральный штаб по шефству и разработана комплексная программа шефства. Тюменский обком ВЛКСМ в сентябре 1976 г. создал Штаб всесоюзных ударных комсомольских строек Тюменской области. ЦК ВЛКСМ на протяжении 1980-х гг. на важнейших стройках области открывал Штабы ЦК ВЛКСМ: на строительстве и обустройстве Уренгойского газоконденсатного месторождения; строительстве железной дороги Тюмень-Новый Уренгой-Надым-Ямбург; строительстве Тобольского неф-

техмического комбината; строительстве объектов энергоснабжения Западной Сибири, обустройстве Ямбургского месторождения и т. д.

Направление в Западную Сибирь Всесоюзных ударных комсомольских отрядов происходило на строительные объекты Миннефтегазстроя с 1978 г. по 1986 г. За этот период было направлено девять отрядов, с общей численностью 36 тыс. человек; на обустройство Уренгойского месторождения – восемь Всесоюзных, семь республиканских отрядов. Особое внимание уделялось трестам, базировавшимся на Крайнем Севере (Главямбургнефтегазстрой, Главуренгойнефтегазстрой). 4,18 % кадров по общественному призыву получал Тюменстройпуть, строительные работы которого в 1980-е гг. сместились также на Крайний Север³⁴.

На протяжении 1980-х гг. значительно сократилось использование труда спецконтингента, который вытесняли Всесоюзные комсомольские отряды, направляемые на объекты ЗСНГК, отличавшиеся наиболее сложными условиями труда и низкой заработной платой. Сохранялось прибытие студенческих строительных отрядов, которые работали в рамках ЗСНГК в 1980-е гг. на стройках региона, выполняя ежегодно объем работ в 50–60 млн рублей. Максимальное количество объектов, на которых работали студенческие строительные отряды, относится к 1982–1984 гг., затем началось снижение и объемов работ и числа объектов³⁵.

В целом за 1960–1980-е гг. кадровый потенциал отраслей ЗСНГК рос очень высокими темпами и в конце 1980-х гг., несмотря на постоянную достаточно высокую текучесть кадров, достиг почти 800 тыс. человек. Большая часть работающих была связана со строительным производством, на втором месте по числу занятых находилась нефтяная отрасль.

Во второй половине 1980-х гг. Занятое население ЗСНГК составляло 30,5 % проживающих в районах нового хозяйственного освоения. Тюменская область прочно занимала первое место в стране по темпам прироста населения, которое с 1965 г. по 1989 г. выросло в 2,54 раза. За это же время в ХМАО население выросло в 10 раз, а удельный вес населения округа Тюменской области увеличился с 11,3 % до 41,2 %. Несколько ниже были темпы прироста населения ЯНАО, которое за этот период увеличилось в 7,8 раза, а его удельный вес вырос с 5,7 % до 15,8 %³⁶.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. М., 1968. Т.5 (1962–1965 гг.). С. 433.

² РГАЭ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 2049. Л. 179–182; Д. 2051. Л. 24, 33; Тюменская правда. 1964. 4 марта.

³ ГБУТО ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–61об.

-
- ⁴ *Колева Г.Ю.* Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: история становления. В 2-х ч. Тюмень, 2005. Ч. 2. С. 61–65, 67; ГБУТО ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 194. Л. 5; Д. 250. Л. 15.
- ⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 194. Л. 7; Д. 250. Л. 11, 15.
- ⁶ *Пилипенко Е.И.* Формирование кадров газовой промышленности (1966–1980 гг.) // Социальные аспекты индустриального развития Сибири. Новосибирск, 1983. С. 68.
- ⁷ ГБУТО ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1710. Л. 26; Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1512. Л. 71; Ф. 2145. Оп. 1. Д. 113. Л. 113–114; Д. 293а. Л. 124–128; Д. 392 б. Л. 137.
- ⁸ ГБУТО ГАТО. Ф. 1903. Оп. 1. Д. 1455. Л. 53; Д. 2482. Л. 34.
- ⁹ ГБУТО ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 487. Л. 28, 30, 45, 218.
- ¹⁰ ГБУТО ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 487. Л. 28, 30, 45, 218.
- ¹¹ ГБУТО ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 194. Л. 7, 11; Д. 250. Л. 11, 15.
- ¹² *Колева Г.Ю.* Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: история становления... Ч. 2. С. 68.
- ¹³ ГБУТО ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 161оц. Л. 49; Д. 361оц. Л. 44; Д. 471 оц. Л. 78; Д. 601оц. Л. 116. Подсчет.
- ¹⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 727. Л. 168; Д. 1305. Л. 39; Д. 1631. Л. 71. Подсчет.
- ¹⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 35. Л. 20; Ф. 2146. Оп. 1. Д. 487. Л. 28, 30. Подсчет.
- ¹⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. 2146. Оп. 1. Д. 1474. Л. 30; Ф. 2101. Оп. 1. Д. 903а. Л. 6. Подсчет.
- ¹⁷ *Колева Г.Ю.* Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: история становления... Ч.2. С. 96.
- ¹⁸ *Колева Г.Ю.* Там же. Ч. 2. С. 96.
- ¹⁹ *Колева Г.Ю.* Там же. Ч. 2. С. 70–71.
- ²⁰ ГБУТО ГАТО. Ф. 1870. Оп. 1. Д. 14. Л. 125; Д. 176. Л. 148; Д. 210. Л. 176.
- ²¹ *Колева Г.Ю.* Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: история становления... Ч. 2. С. 98–99.
- ²² ГБУТО ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 161оц. Л. 49; Д. 361оц. Л. 44; Д. 473 оц. Л. 78; Д. 601 оц. Л. 116. Подсчет.
- ²³ *Баталин Ю.П.* Трудные годы становления // Нефтегазостроители Западной Сибири. В 2-х кн. М., 2004. Кн. 1. С. 40.
- ²⁴ *Гаврилова Н.Ю.* Социальное развитие нефтегазодобывающих районов в Западной Сибири. (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002. С. 43.
- ²⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 1558. Л. 1; Ф. 2120. Оп. 1. Д. 52. Л. 1, 2. Подсчет.
- ²⁶ ГБУТО ГАТО. Ф. 2145. Оп. 1. Д. 113. Л. 123; Д. 392 б. Л. 138. Подсчет.
- ²⁷ ГБУТО ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 10. Л. 143, 211; Д. 12. Л. 204. Подсчет.
- ²⁸ *Хайтун А.Д.* Экспедиционно-вахтовое строительство в Западной Сибири. Л., 1982. С. 21.
- ²⁹ ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 890. Л. 330, 336; Д. 926. Л. 173. Д. 1007. Л. 54.
- ³⁰ ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2921. Л. 24–47, 51, 59, 64, 65. Подсчет.

³¹ ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2484. Л. 71. Подсчет.

³² ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2484. Л. 125. Подсчет.

³³ ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 5. Д. 963. Л. 183–188; Д. 906. Л. 17. Д. 835. Л. 286 об.

³⁴ Молодежь и время. Сборник документов и материалов из истории молодежных движений Тюменской области. 1917–1985 гг.: В 3-х ч. Тюмень, 1993. Ч. 2. С. 127–128; ГБУТО ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 2484. Л. 125, 128, 129.

³⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 2240. Оп. 1. Д. 12. Л. 185; *Шмаль Г.И.* Ставка на молодых // Нефтегазостроители Западной Сибири. Кн. 2. С. 207.

³⁶ *Колева Г.Ю.* Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие(1960–2000-е гг.). Тюмень, 2010. 258. С. 175.

Е.Б. Волосова

**Кадры культурно-образовательной сферы на рубеже
XX и XXI веков: проблемы выживания и развития
(на материалах г. Усть-Илимска)***

Реформы в области культуры и образования, происходившие в конце XX – начале XXI вв. являются неоднозначными и противоречивыми. Мнения общественности относительно проводившихся реформ весьма разнообразны, вплоть до утверждения, что действия министерства образования Российской Федерации способствовали уничтожению сложившейся школьной системы, в частности, и кризису российской культуры, в целом.

Однако, как бы ни оценивали вышеупомянутые процессы, они затронули жизнедеятельность всех российских регионов, в особенности небольших провинциальных городов, например, таких как Усть-Илимск, молодой город на севере Иркутской области. Культурные и образовательные учреждения выполняли, и выполняют по сей день, здесь роль системообразующего фактора, поэтому любые изменения в их функционировании отражаются на местном сообществе, и, в конечном счете, оказывают влияние на развитие города. Тридцатилетняя история города включает два драматичных периода, которые можно охарактеризовать как «кризис культуры и образования»: 1992–1995 гг. и 2008–2012 гг. В эти периоды были затронуты интересы людей, судьбы которых находилась в непосредственной зависимости от со-

* Работа выполнена в рамках проекта «Университеты в социальном пространстве провинции», реализуемого Центром независимых социологических исследований образования г. Иркутска под руководством кандидата философских наук, директора центра М. Рожанского при поддержке Фонда Маккартура.

стояния культурно-образовательной сферы – преподавателей, учителей, работников музеев и т. д. В новых условиях эти социально-профессиональные группы оказались вынуждены переосмысливать свое положение, менять стратегию поведения и адаптироваться, иницируя новые практики выживания и самореализации.

В фокусе данного исследования находятся две социально-профессиональные группы культурно-образовательной сферы, изучение которых представляется наиболее актуальным. В первую группу входят учителя общеобразовательных школ. К концу XX века в Усть-Илимске работало 17 школ, педагогический коллектив которых насчитывал около двух тысяч человек. Со времени своего появления школы аккумулировали интеллектуальные кадры, играли ведущую роль в формировании молодого поколения. Учительство оказалось одной из наиболее социально активных социально-профессиональных групп города, которая принимала непосредственное участие в разрешении кризиса 1990-х гг.

Ко второй группе относятся преподавательский корпус Усть-Илимского филиала Восточно-Сибирской академии образования (ВСГАО), а также выпускники данной академии, занятые в культурно-образовательных учреждениях города. Актуальность изучения данной социально-профессиональной группы, связана с тем, что в городе из семи филиалов российских вузов, функционировавших в Усть-Илимске в исследуемый период, только во ВСГАО можно было получить гуманитарное образование, которое способствует формированию не только творческого, но социально ориентированного субъекта развития города или региона.

Таким образом, объектом исследования являются люди, обладающие гуманитарным капиталом (образовательным, антропологическим и социальным) и в силу этого способные ответить на «вызов времени». Цель исследования заключается в анализе их позиции в условиях кризисов культурно-образовательной сферы конца XX – начала XXI столетия. В задачи данного исследования входит изучение стратегий поведения и практик разрешения конфликтов в каждой кризисной ситуации; причин, определявших выбор той или иной формы участия в судьбе культурно-образовательной сферы; социального опыта, приобретенного в каждой ситуации.

Источниками информации стали материалы газет «Усть-Илимская правда» (за 2008–2011 гг.), «Лесохимик» (за 1992–1995 гг.), «Вестник ЛПК» (за 2010–2012 гг.). Другая группа источников – воспоминания участников событий периода 1992–1995 гг., материалы интервью с преподавателями и выпускниками гуманитарных факультетов филиала Восточно-Сибирской государственной академии образования, занятых в культурно-образовательных учреждениях города.

Развал СССР, переход к рыночной экономике, осуществление приватизации и акционирования государственных предприятий вызвали острый социально-экономический кризис по всей стране, который не обошел стороной и город Усть-Илимск. Развитие и жизнедеятельность города, построенного в 1970-е годы, были связаны с функционированием Лесопромышленного комплекса, остановка которого в 1993–1994 гг. привела к опустошению городского бюджета и породила глубокие социально-экономические проблемы, главной из которых стала огромная финансовая задолженность муниципалитета по зарплате перед работниками бюджетной сферы. Сложившаяся ситуация вызвала волну социального недовольства и протеста. Одной из самых активных социальных групп городского сообщества стали учителя, которые использовали разнообразные формы протеста – от легальных до экстремальных. Первоначально, в 1993 г. ими использовались легальные формы протеста: открытые письма к губернатору Иркутской области, бойкотирование открытия начала нового учебного года (тем не менее, 1 сентября 1993 г. открылись все городские школы, в которых начались занятия); создание координационного совета независимых профсоюзов города и района. До августа 1994 г. учителя старались использовать и другие законные методы борьбы. Они принимали участие во всероссийской акции (письмо поддержки в Москву), составляли судебные иски о невыплате заработной платы (было подано более 800 исков, а удовлетворено всего несколько исков), иски о возмещении морального ущерба (ни один из них не был удовлетворен) и проводили санкционированные пикеты мэрии города.

В августе-сентябре 1994 г. в преддверии нового учебного года учителя общеобразовательных учреждений города объявили предзабастовочное положение в связи с невыполнением властями их требований о погашении задолженности по зарплатам и отпускным. 14 ноября 1994 г. преподаватели шести городских школ объявили на массовую голодовку, которая длилась три дня, по окончании которых, мэр города Анатолий Дубас, заявил, что требования учителей в основном были выполнены. Спустя некоторое время делегация педагогов выехала на встречу с губернатором Иркутской области Ю. Ножиковым, результатом которой стало появление «Совместного соглашения о прекращении конфликта, возникшего в городе Усть-Илимске в связи с требованиями работников ряда школ». Однако проблемы финансирования и выплат заработных плат педагогам города были решены только в 1996 г., после чего социальные волнения в городе пошли на спад.

Таким образом, в кризисные годы учительство оказалось наиболее активной и сплоченной социально-профессиональной группой, способной

сформировать стратегию и единую линию борьбы. Направления их протестной деятельности в 1992–1995 гг. (на пике забастовочного движения) в основном были связаны с борьбой за экономические интересы как наиболее острой проблемы. Вместе с тем, происходила эволюция взглядов учителей по вопросу защиты образования, а также осознание ими своих прав и гражданского долга. «Ответом» работников образовательно-культурных учреждений на кризисную ситуацию 1992–1995 гг. стала не только борьба, но и их профессиональная деятельность. Как ни парадоксально, но рыночная вакханалия внесла полную свободу в формы и содержание воспитательной и образовательной деятельности. В школах Усть-Илимска происходили инновационные поиски, направленные на развитие личности ребенка, соединение воспитательного и обучающего процессов. Работники учреждений культуры (библиотек, музея, театра и др.) трудились в обычном режиме. Везде звучали слова «энтузиазм», «за счет собственного энтузиазма», «не хлебом единым жив человек».

Слово «кризис» вновь появилось на страницах СМИ города в 2008 году в связи с начавшимися экономическими проблемами и растущим дефицитом городского бюджета. В 2010–2011 гг. произошло несколько важных событий, оказавших в совокупности определенное влияние на политику команды мэра города Усть-Илимска, которую впоследствии поддержала Городская дума. Во-первых, вновь произошло рассогласование общественных интересов, как и в начале 1990-х гг. В результате, городская власть и общественность города, в лице вышеупомянутых социально-профессиональных групп, оказались на разных сторонах баррикады. Администрация г. Усть-Илимск объявила о проведении оптимизации расходов бюджетных средств, с целью их сокращения, переложив часть расходов на бюджетные учреждения, которые были вынуждены самостоятельно изыскивать средства для выживания, экономя, при этом, муниципальные средства. Естественно, что для работников культурно-образовательной сферы, данная оптимизация означала существенное понижение жизненного уровня из-за сокращения ставок, увеличения объема работы, потери рабочих мест.

Какие силы способны сегодня взять на себя ответственность за обсуждение и решение социальных проблем, касающихся настоящего и будущего Усть-Илимска? Учителя, как в 1990-е годы? Преподаватели филиалов вузов? Выпускники гуманитарных специальностей, как наиболее социально ориентированный слой? Работники культурных учреждений? Ведущей стратегией поведения для данных групп на данный момент является сосредоточенность на профессиональной деятельности (работоспособность, активность, творчество, умение зарабатывать, отстаивать свои профессио-

нальные права). В процессе профессиональной деятельности человек чувствует себя субъектом индивидуального развития, но в тоже время происходит его внутреннее дистанцирование от социальных проблем. Данная стратегия имеет несколько вариантов, соотносимых с определенными социально-профессиональными (кадровыми) группами в культурно-образовательной сфере.

Учителя. «Каждый сам за себя». В отличие от 1990-х гг., у современных учителей отсутствуют протестные настроения, несмотря на то, что в школе имеется множество проблем. Среднестатистический портрет Усть-Илимского учителя выглядит следующим образом. Ниже приводятся выдержки из нескольких интервью с педагогами общеобразовательных школ города: «Учитель «задавлен», ничего ему не хочется, усталость, боится рот открыть, не верит в свои силы. Усиление командного стиля управления на уровне управления образования и дирекции, чтобы люди находились в постоянном стрессе. Учитель виноват во всем. Кто везет, на том и едут. Современный учитель – это работающая лошадка».

Депрессивные настроения учителей усиливаются растущей разобщенностью учительства как корпоративной и консолидированной ранее группы. Немаловажную роль в этом сыграла новая система оплаты труда (НСОТ). Молодые специалисты рассматривают школу как место, в котором можно выжить в условиях дефицита рабочих мест, не знают свои права и не умеют их отстаивать.

Работники учреждений культуры. «Учимся зарабатывать и развиваться вместе со своим учреждением». В Картинной галерее города работают в основном молодые сотрудники (средний возраст 25–35 лет, педагогическое образование). Согласно рассказу сотрудников данного учреждения только за один год в галерее было проведено множество мероприятий, что позволило организации заработать прибыль, которая превысила доходы за несколько предыдущих лет. Услуги, которые оказывает галерея платные, но вполне посильные для горожан. Это типичный пример менеджерской практики, способности экономить и зарабатывать, используя профессиональные умения и инициативность. Из данного примера, видно как происходит совпадение практик выживания в условиях кризиса и самореализации. Личностная карьера не отрицает, а напротив, является основой для развития организации, в которой работает человек. Действительно, Картинная галерея играет важную роль в просвещении горожан, создании творческого досуга, хранения художественных ценностей. Так, в своем интервью директор Картинной галереи города, выпускница филиала ВСГАО по специальности «история» рассказала: «Отношение к работе раньше было другое – мы были на дотации города и не задумывались,

нужны ли людям. Такое потребительское отношение было. В 2010 году произошла ломка, революция в умах. То есть в сегодняшней ситуации есть и плюсы, и минусы. Конечно, мы понимаем, что государство нас хочет скинуть со своих плеч, но это и заставляет нас двигаться».

Преподаватели и студенты филиалов вузов. «Мы чужие в своем городе». В 2010–2012 гг. в наиболее сложном положении оказались преподаватели филиалов вузов г. Усть-Илимск, в связи с резким сокращением количества вузов в городе. Так, преподаватели филиала ВСГАО рассказывают, что они уже «ни во что не верят, у них нет надежды на улучшение». Их позиция передается студентам, которые доучиваются в академии последний год. В интервью, данных ими, чувствуется обреченность и апатия. Люди ощущают себя чужими в городе.

В проведенном выше анализе, на примере 1990-х – 2000-х гг., были рассмотрены противоположные стратегии поведения интеллектуальных кадров г. Усть-Илимска в кризисных условиях. Специфика 1990-х гг. определялась тем, что в мышлении людей произошла существенная трансформация, в ходе которой осуществлялся переход от советского мировоззрения к постсоветскому, принципиально новому мировоззрению. Основы советского мировоззрения закладывались в педагогических вузах, в первую очередь в ходе обучения на общественных специальностях, а также во внеучебных формах деятельности. Учителя вспоминают, что на одной стороне оказались социальный и ценностный опыт, полученный в советское время, а на другой современная реальность и новые ценности. Об этом свидетельствуют материалы интервью: «Мы привыкли все от государства брать, жить в условиях социальных гарантий и всеобщего равенства, мы не были готовы к борьбе за физическое выживание социализм глубоко засел в сознании...Мы первоначально оказались не готовыми к борьбе, к росту цен, обогащению одних за счет других...». Таким образом, в сознании учительства собственное положение в условиях рождающегося капитализма вступило в острое противоречие с гуманистическими ценностями и идеалами, составляющими суть советского педагогического образования и определявшими место и роль учителя в обществе¹.

В 1990-е гг. учителя попали в критическую ситуацию, когда речь шла о физическом выживании, что и позволило им быстро сменить стратегию поведения. Позитивную роль сыграл опыт советского времени, ставший ресурсом их борьбы и победы: энтузиазм, сплоченность, коллективизм, активная позиция, обостренное чувство социальной справедливости («всем поровну»).

Современная ситуация имеет другую специфику, т. к. сформировался новый человек с постсоветским типом мышления, с устойчивыми пред-

ставлениями, относительной стабильностью существования. Конечно, современный кризис породил страх потерять работу, однако, люди не доведены до отчаяния. Приметой нового человека (на уровне мышления и существования) выступает фактор разобщенности. Так, в Усть-Илимске сегодня отсутствуют или недееспособны профсоюзы работников образования, культуры и высшего образования. Наблюдается внутреннее расслоение в сообществе учителей. Рост апатии и неверия в возможность влиять на решения власти – тоже черты современности. Это во многом объясняет причины, почему современные интеллектуальные кадры выбирают спокойные и локальные способы адаптации. Приоритетным становится выживание в одиночку, упор на развитие профессиональных практик, уход от решения социальных проблем.

Различается и социальный опыт, полученный в каждой из рассмотренных ситуаций. События 1990-х гг. показали, что работники культурно-образовательной сферы способны выступить силой, разрешающей конфликты. Они стали центром формирования публичного пространства, позволившего вести дискуссию с местной и областной властью, добиваться от них ответной реакции. Хотя основной вектор борьбы был направлен в сторону решения собственных проблем, учителя показали, что они являются силой, с которой власть должна считаться. Возможно поэтому в 1990-е годы, в сложнейших социально-экономических условиях, открылись два вузовских филиала, выставочный зал, краеведческий музей, художественная школа. В этой борьбе произошла ломка советского мировоззрения и формирование человека эпохи постперестройки.

Сегодня работники культурных и образовательных учреждений не проявляют себя ведущей силой в рамках городского сообщества, не оказывают влияния на решения администрации. Как следствие, под лозунгом «оптимизации» сжимается культурная и образовательная сфера. В первую очередь, это коснулось системы высшего образования. В 2001–2008 гг. во время изучения функций филиалов вузов в г. Усть-Илимск мы писали о том, что они играли значительную общекультурную и социальную роль². Во-первых, они обеспечивали для людей возможность «выхода из провинции», являясь своеобразным «социальным лифтом». Во-вторых, они подготавливали конкурентноспособных специалистов, имевших потенциал для саморазвития и развития малой родины.

За последние годы ситуация принципиально изменилась. В кризисных условиях студенты и выпускники вузов в основном предпочитали не покидать родной город. Однако закрытие вузов приведет к тому, что количество уехавших из города абитуриентов, студентов, выпускников значительно увеличится, что негативно скажется на кадровом потенциале города. Усть-Илимск уже

сейчас испытывает недостаток кадров, способных учитывать личные и общественные интересы. Если считать, что высшее образование является системообразующим фактором в жизнедеятельности малого провинциального города, то исчезновение вузов негативно скажется на его развитии.

¹ Мы – не рабы // Усть-Илимская правда. 1994. 15 ноября.

² Волосова Е.Б. Высшее образование в провинции. Опыт социологических исследований в г. Усть-Илимске (2003–2007 гг.). Усть-Илимск, 2008.

Н.Н. Аблажей

Международная трудовая миграция в восточные регионы России в начале XXI в.

Распад СССР привел к дезинтеграции ранее единого рынка труда. С одной стороны, межреспубликанские миграционные процессы трансформировались в межгосударственные. С другой – рыночные отношения и безвизовое пространство активизировали межгосударственную мобильность рабочей силы. И в-третьих, произошла интеграция бывших советских республик в международный рынок труда. Миграция послужила катализатором интеграционных процессов в первую очередь на постсоветском пространстве и привела к созданию, во многом стихийно, единого рынка труда¹. Россия стала центром постсоветской миграционной системы, а ее основной миграционный ресурс оказался сосредоточен преимущественно на постсоветском пространстве. В основе возникшей на данном пространстве миграционной системы лежат такие системообразующие факторы, как историко-культурная и экономическая (в первую очередь инфраструктурная) общность; «взаимодополнение» стран, основанное на различиях в темпах экономического развития и демографических тенденций. К началу XXI в. постсоветские страны оказались связаны отношениями «миграционной взаимозависимости»². Вместе с тем шло формирование и нескольких региональных миграционных субсистем (балтийской, центрально-азиатской и др.), находящихся в зоне России, государств СНГ и других стран. Формирование миграционных субсистем было обусловлено неравномерностью экономического развития, разницей демографических потенциалов и дисбалансом национального рынка труда³.

С распадом СССР Россия превратилась в страну массовой иммиграции. На постсоветском пространстве феномен «гастарбайтерства» стал реальностью уже в начале 1990-х гг. Миграция в Россию была преимуществен-

но вынужденной, по сути, «экономическим беженством». Одновременно с вынужденной миграцией в течение всего десятилетия наблюдался и рост трудовой миграции в Россию. Постепенно «мигрантский фактор» стал структурообразующим для российского рынка труда. С начала XXI в. трудовая миграция стала доминирующим трендом на всем постсоветском пространстве, а Российская Федерация вышла на позиции европейского лидера по масштабам трудовой иммиграции.

Эволюционно российская миграционная политика, в том числе в области трудовой миграции, существенно отставала от миграционной ситуации. Фактически ее (политики) формирование пришлось на рубеж 1990–2000-х гг. Специалисты выделяют несколько этапов эволюции. Так, формирование основ российской миграционной политики пришлось на конец 1990-х – начало 2000-х гг. В 2002–2005 гг. произошел дрейф в сторону «силового» управления миграцией. Сформированная в 2006–2008 гг. нормативно-правовая база в сфере трудовой миграции сочетала принципы либерализации и прагматизма. Конец «нулевых» был уже связан с попыткой дифференцированного подхода к трудовой миграции через сочетание мер по защите национального рынка труда и модернизации экономики.

В России относительно планомерный учет внешних миграций ведется только последние десять лет. При этом показатели легитимной трудовой миграции за первое десятилетие 2000-х гг. по-прежнему остаются заниженными. Факторами, определяющими рост нелегальной трудовой миграции в Россию, выступают: повышенный спрос на рабочую силу, дешевизна иностранных трудовых ресурсов, несовершенство российского законодательства, из-за чего многие нелегально находящиеся на территории страны трудовые мигранты не могут вести трудовую деятельность в рамках правового поля. Частичная легализация трудовой миграции отразилась на данных официальной статистики. В 2006 г. был введен уведомительный, взамен разрешительного, порядок регистрации прибывших в Россию иностранцев и прекращена практика их ежегодной перерегистрации. В 2007 г. вступили в силу новые правовые нормы, существенно упростившие процедуру легализации для мигрантов из стран СНГ, прежде всего для приезжающих на временную работу. Но одновременно с либерализацией миграционного законодательства последовали запретительные меры, в частности, квотирование иностранной рабочей силы не только для визовых стран, но и для стран СНГ.

В России существует несколько специализированных систем сбора данных по вопросам трудовой миграции в рамках отчетности ФМС и сферы государственного статистического наблюдения. Однако отечественная статистика миграций вызывает критику. Так, часть мигрантов остается «невидимой» для статистики: это граждане Белоруссии и иностранцы –

постоянные резиденты РФ. Выпадают из сферы статистического наблюдения мигранты, не получившие разрешение на работу и не заявленные в уведомлениях работодателей. Данные по контрактной и лицензионной трудовой миграции не отражают реальных масштабов трудовой миграции. Одновременно для статистики характерен повторный счет трудовых мигрантов и выданных разрешений на работу (отсутствует пролонгация разрешения на работу, поэтому мигрант учитываются как вновь прибывший). Нет точных сведений о сроках работы и видах деятельности, что не позволяет получить точной картины занятости иностранцев в России⁴. Тем не менее, имеющаяся статистика позволяет сделать предварительные заключения о масштабах трудовой миграции в Россию.

Официальная численность трудовых мигрантов, привлекаемых на работу в России, в 2000 г. составляла 213,3 тыс. чел., в 2006 г. – 1 014, в 2008 г. – 2 426, в 2010 г. – 1 641 тыс. чел. Данные по численности иностранной рабочей силы и основным странам-экспортерам приведены в табл. 1.

Таблица 1.

**Численность иностранных граждан,
привлекаемых на работу в РФ (тыс. чел.)***

Страна-экспортер	Годы										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Россия	213,3	283,7	359,5	377,9	460,4	702,5	1014,0	1717,1	2425,9	2223,6	1640,8
Страны СНГ	106,4	148,6	204,6	180,5	221,9	343,7	537,7	1152,8	1780,0	1645,1	1246,9
в т. ч.:											
Азербайджан	3,3	4,4	15,0	6,0	9,8	17,3	28,3	57,6	76,3	60,7	40,3
Армения	5,5	8,5	12,6	10,0	17,0	26,2	39,8	73,4	100,1	82,0	59,8
Грузия	5,2	5,0	6,8	3,2	3,8	4,3	4,9	4,8	4,2	-	-
Казахстан	2,9	3,6	7,6	4,0	4,3	4,1	5,0	7,6	10,4	11,2	8,3
Киргизия	0,9	1,7	6,4	4,8	8,0	16,2	33,0	109,6	184,6	156,1	117,7
Молдавия	11,9	13,3	40,7	21,5	22,7	30,6	51,0	93,7	122,0	101,9	72,2
Таджикистан	6,2	10,0	16,8	13,6	23,3	52,6	98,7	250,2	394,4	359,2	268,6
Узбекистан	6,1	10,1	15,5	14,6	24,1	49,0	105,1	344,6	642,7	666,3	511,5
Украина	64,1	91,9	61,0	102,6	108,6	141,8	171,3	209,3	245,3	205,3	167
Страны дальнего зарубежья	106,9	135,1	154,9	197,4	238,5	358,7	476,1	563,8	645,0	577,3	392,0
в т. ч.:											
Вьетнам	13,3	20,1	26,7	35,2	41,8	55,6	69,1	79,8	95,2	97,5	46,0
Китай	26,2	38,6	38,7	72,8	94,1	160,6	210,8	228,8	281,7	269,9	186,5
КНДР	8,7	9,9	12,7	13,2	14,7	20,1	27,7	32,6	34,9	37,7	36,5
Турция	17,8	20,9	15,4	37,9	48,0	73,7	101,4	131,2	130,5	77,2	45,7

* Составлена по: Труд и занятость в России. М., 2001, 2003, 2005, 2009, 2011. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 10.03.2011).

По территории России ситуация с привлечением и использованием иностранной рабочей силы сильно различается. В 1990-е гг. значительное количество трудовых мигрантов было сконцентрировано в приграничных

субъектах Федерации. В последующее десятилетие эта тенденция меняется: трудовые мигранты более дисперсно распределяются по территории страны, но с явной тенденцией к концентрации в Центральном федеральном округе (ЦФО), точнее, в Московской агломерации. Среди регионов, активно использующих иностранную рабочую силу, выделяют три группы: субъекты с крупными городскими агломерациями, экспортно-сырьевые регионы и приграничные территории⁵. В ЦФО на протяжении всего десятилетия было занято в среднем около 40–45 % всех трудовых мигрантов. Вторым по привлекательности для мигрантов все годы выступал Уральский федеральный округ (УФО), доля мигрантов в котором на протяжении десятилетия устойчиво держалась на уровне 13 %. Эта позиция Урала в значительной степени обеспечена использованием иностранной рабочей силы в северных нефтегазодобывающих регионах, территориально относящихся к УФО. Сибирский федеральный округ (СФО) продемонстрировал за десятилетие рост с 8 до 11 %. Сибирь, занимая, пограничное и трансграничное положение по отношению к Центральной Азии по степени активности международной трудовой миграции, начала во второй половине десятилетия выходить на ведущие позиции. Отрицательную динамику продемонстрировал Дальневосточный федеральный округ (ДФО). Еще в середине «нулевых» Дальний Восток занимал третье место (12,5 %) среди федеральных округов по численности иностранной рабочей силы. В 2005 г. в регионах ДФО было занято свыше 11 % иностранных работников, но уже в 2007 г. их доля сократилась до 8,6 %, а в 2008 г. – до 7,2 %, что переместило регион на предпоследнюю позицию.

География распределения трудовых мигрантов по территории Российской Федерации неравномерна и во многом зависит от уровня экономического развития российских регионов. Совокупно в экономике Урала, Сибири и Дальнего Востока в 2002 г. было занято более 120,4 тыс. трудовых мигрантов, что составляло треть от объема легальной трудовой миграции в России. В 2008 г. в восточных регионах страны было занято уже около 800 тыс. иностранных рабочих, но доля занятых иностранцев осталось той же. За 2002–2008 гг. количество трудовых мигрантов увеличилось на Урале – в семь раз (321 тыс. чел.), в Сибири – в 10 раз (289 тыс. чел.), на Дальнем Востоке – в 4 раза (до 174 тыс. чел.). По отдельным регионам Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов численность иностранной рабочей силы приведена в табл. 2. В конце десятилетия произошло резкое снижение – по РФ в целом и по регионам в частности – численности иностранной рабочей силы. Так, в 2010 г. количество трудовых мигрантов сократилось до 543 тыс. чел., в т. ч. на Урале – до 290 тыс., в Сибири – до 182 тыс., на Дальнем Востоке – до 152 тыс. чел.

Таблица 2.

**Численность иностранных граждан,
привлекаемых на работу в регионы РФ (чел.)***

	2002 г.	2004 г.	2008 г.	2010 г.
Россия	359 509	460 364	2 425 921	1 640 801
Уральский федеральный округ	47 798	69 850	321 218	209 286
Курганская обл.	351	420	1 956	817
Свердловская обл.	1 508	9 771	109 167	82 969
Тюменская обл.	41 829	52 790	154 995	101 378
в т. ч.:				
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	21 479	23 405	69 591	58 981
Ямало-Ненецкий авт. округ	14 137	25 579	42 497	29 160
Челябинская обл.	4 110	6 869	55 100	24 122
Сибирский федеральный округ	28 287	45 882	289 341	181 776
Республика Алтай	95	309	3 369	1 881
Республика Бурятия	2 100	3 179	13 190	4 959
Республика Тыва	292	715	634	940
Республика Хакасия	225	36	1 749	1 052
Алтайский край	1 736	3 039	8 935	5 427
Красноярский край	8 172	11 248	48 778	27 890
в т. ч.:				
Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	25	159	–	–
Эвенкийский авт. округ	22	209	–	–
Иркутская обл.	4 167	7 164	72 267	62 853
в т. ч.:				
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	56	177	–	–
Кемеровская обл.	2 815	1 426	25 007	11 407
Новосибирская обл.	2 080	5 613	55 863	33 857
Омская обл.	1 077	2 037	16 672	5 212
Томская обл.	1 098	1 081	9 196	5 037
Читинская обл. / Забайкальский край	4 430	10 035	33 681	21 261
в т. ч.:				
Агинский Бурятский авт. округ	150	214	–	–
Дальневосточный федеральный округ	44 323	53 661	174 436	151 604
Республика Саха (Якутия)	1 789	6 336	21 966	17 672
Приморский край	15 950	17 781	32 575	41 734
Хабаровский край	11 509	7 951	32 453	28 962
Амурская обл.	5 488	8 210	31 319	21 353
Камчатская обл. / Камчатский край	1 279	498	3 620	7 846
в т. ч.:				
Корякский авт. округ	...	278	–	–
Магаданская обл.	3 049	1 462	3 065	4 515
Сахалинская обл.	3 929	4 230	36 941	20 871
Еврейская авт. область	1 330	2 735	7 404	5 971
Чукотский авт. округ	...	4 458	5 093	2 680

* Составлена по: Официальный сайт МИРПАЛ (Migration and Remittances Peer-Assisted Learning) и Фонда Миграция XXI в.» URL: <http://www.mirpal.org/Статистика.html> (дата обращения 10.03.2011); Труд и занятость в России. М., 2011. URL: <http://www.gks.ru>

Среди дальневосточных регионов основными потребителями китайской рабочей силы были приграничные Приморский и Хабаровский края и Амурская область. В 2000 г. официально в Приморском крае трудилось 7 708 китайских рабочих, в Хабаровском крае – 2 038, в Амурской обл. – 468; в 2002 г. соответственно 10 061, 3 690 и 2 397 чел.⁶ В 2002 г. на Дальнем Востоке работало 44,3 тыс. иностранных работников, это 12,3 % от всей привлекаемой иностранной рабочей силы в Россию (при 4,6 % от численности населения страны)⁷.

За первую половину десятилетия в пределах дальневосточного региона произошло частичное замещение корейской рабочей силы китайской. К середине «нулевых» в ДФО из общей численности иностранной рабочей силы доля выходцев из КНР составляла почти 40 %. Но при росте абсолютных показателей по использованию китайской рабочей силы обозначилась тенденция к сокращению ее доли в структуре иностранной рабочей силы в регионе. Значительные показатели численности иностранной рабочей силы фиксировались в Приморье, но доля китайских рабочих здесь сократилась за 2006–2008 гг. с 94 до 65 %⁸. Абсолютные показатели китайской рабочей силы фиксировались для Еврейской автономной области и Амурской области. Со второй половины «нулевых» четко обозначилась тенденция к сокращению численности китайских рабочих в приграничных регионах страны. Но в течение всего десятилетия спецификой Дальнего Востока оставалось доминирование в структуре иностранной рабочей силы работников из дальнего зарубежья (даже в 2008 г. – 58,7 % от привлекаемой иностранной рабочей силы)⁹.

Необходимость регулирования миграционных процессов между РФ и КНР, в том числе и объемов привлечения китайской рабочей силы, традиционно аргументировалось наличием огромного демографического перепада. Власти Дальнего Востока в своей миграционной политике в 2000-е гг. отдавали предпочтение сценарию, связанному с привлечением иностранной рабочей силы преимущественно из Китая, но потребность региона искусственно сдерживалась Центром. Для приграничных регионов Дальнего Востока квота на китайскую рабочую силу также была уменьшена. В целом размер региональных заявок на рабочую силу из КНР в 3–5 раз превышал утверждаемые федеральным центром квоты.

В начале 2000-х гг. Читинская область была абсолютным лидером среди сибирских регионов по использованию китайской рабочей силы. Исследователи справедливо отмечали существование своеобразного забайкальского «перелома» в ее использовании¹⁰. Ситуация стремительно начала меняться в середине десятилетия, и за очень короткий период читинский «перелом» «преодолели» Иркутская, Новосибирская области и Красноярский край. В

итоге к концу десятилетия треть от общей численности всех трудовых мигрантов в СФО составляли китайцы¹¹. Но этот факт пока не получил оценку российских специалистов, списывающих всю потребность Сибири в китайской рабочей силе исключительно на приграничье.

Масштабы привлечения китайской рабочей силы по регионам Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов за 2005–2008 гг. представлены в табл. 3. По данным Росстата, численность китайских трудовых мигрантов в СФО увеличилась почти в три раза (на 58 тыс. чел.), в ДФО – почти в два раза (на 32 тыс.). Однако первенство перешло к Москве. Вторую и третью позицию в рейтинге заняли Забайкалье и Амурская область, следом шла Иркутская область и лишь затем Приморский и Красноярский края и Свердловская область.

Таблица 3.

Привлечение иностранных работников из Китая в 2005–2008 гг. (чел.)*

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Россия	160 569	210 784	228 848	281 679
Уральский федеральный округ	9 929	14 656	18 449	24 592
в т. ч.:				
Свердловская обл.	6 299	9 787	12 654	16 067
Челябинская обл.	2 848	3 963	4 613	6 996
Сибирский федеральный округ	30 262	44 441	66 054	88 641
в т. ч.:				
Республика Бурятия	2 231	2 609	4 685	8 928
Красноярский край	5 472	8 955	13 627	16 488
Иркутская обл.	4 251	6 145	8 805	17 326
Новосибирская обл.	2 940	4 634	6 878	10 332
Омская обл.	1 389	2 558	3 771	3 412
Забайкальский край				27 273
Читинская обл.	11 525	15 915	22 859	
Дальневосточный федеральный округ	33586	52496	57811	65529
в т. ч.:				
Республика Саха (Якутия)	1 442	1 785	2 724	4 404
Приморский край	14 669	24 410	18 792	16 016
Хабаровский край	3 812	5 258	9 347	10 889
Амурская обл.	8 390	13 129	19 452	23 567
Еврейская авт. область	4 144	6 149	4 755	6 768

* Официальный сайт МИРПАЛ (Migration and Remittances Peer-Assisted Learning) и Фонда Миграция XXI в.» URL: <http://www.mirpal.org/Статистика.html> (дата обращения 10.03.2011).

Структура занятости китайских рабочих в значительной степени обусловлена региональной спецификой, однако за 2000-е гг. она претерпела существенные изменения. Так, в 2002 г. ведущее место занимала торговля, доля которой составляла 70 %. Значительной была доля занятых в сфере общественного питания (16,6 %), в строительстве (4,8 %), в сельском хозяйстве (2,4 %), в промышленности (1,2 %). В 2005 г. в торговле было занято 64 %, в промышленности – 10, в строительстве – 8 % китайских рабочих, по 4 % приходилось на общественное питание, промышленность и сельское хозяйство¹². В 2009 г. в целом в РФ основными сферами деятельности китайцев была торговля (33,4 %), строительство (31,5 %) и сельское хозяйство (17,7 %)¹³.

Российская сторона оказалась не готова к миграционным потокам из Китая ни с точки зрения их правового регулирования, ни с точки зрения прогнозирования экономических и социальных последствий. «Нулевые» создавали возможности для выстраивания организованной миграции китайских трудовых ресурсов как в Россию в целом, так и в Сибирь и на Дальний Восток, но Центр предпочел минимизировать масштабы использования китайской рабочей силы, замещая ее центрально-азиатской компонентой.

Уже с начала 2000-х гг. становится очевидным резкое возрастание миграционной мобильности населения постсоветской Центральной Азии. Рост миграции был обусловлен экономической ситуацией, безработицей, аграрным перенаселением, трудоизбыточностью и низким уровнем жизни. Приток мигрантов из Средней Азии стремительно увеличивался и уже к 2005 г. составил примерно 1,5 млн чел. Рост неиспользованных трудовых ресурсов в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане составлял 1,5–2 раза, поэтому миграционный потенциал Центрально-Азиатской миграционной подсистемы весьма значителен. Именно на долю этих государств уже в 2005 г. приходилось 16,8 % общего миграционного потока в Россию и более 34,3 % – из стран СНГ. В 2006 г. эти показатели выросли до 23,4 и 44 % соответственно, в 2007 г. они уже составляли 41 и 61 %. За 2003–2007 гг. приток мигрантов из Средней Азии удвоился. По итогам 2010 г. граждане этих трех государств составили 55 % от числа всех легальных иностранных работников в России и 72 % – работников из СНГ¹⁴. К концу 2000-х гг. Российская Федерация стала главным миграционным партнером стран Центральной Азии и основным импортером рабочей силы из этого региона.

Основными параметрами миграционного потока из Центральной Азии является трансграничный характер значительного сегмента трудовой миграции. В безвизовом пространстве СНГ доля нерегулируемой, а следовательно, нелегальной миграции значительна: доля нерегулируемой миграции из Узбекистана в Россию колебалась от 52 до 65 %, чуть выше уровень

миграции из Киргизии, а доля Таджикистана доходила до 93 %¹⁵; в структуре трудовой миграции увеличивается доля титульных групп.

В отличие от южных стран Центральной Азии, которые являются поставщиками рабочей силы, Казахстан постепенно занял двойственное положение: с одной стороны, крупнейшего регионального импортера рабочей силы, конкурирующего с Россией, с другой – своеобразного транзитного коридора. Казахстан стал важнейшим транзитным коридором для трудовой миграции с юга на север постсоветского пространства. География транзитной миграции через Казахстан представлена в виде двух потоков. «Западный» поток проходит через западные и северные области страны и ориентирован на европейскую часть России. «Восточный» поток через приграничные с Казахстаном регионы России (Алтайский край, Омская и Новосибирская области) связывает страны выхода трудовых мигрантов с Западной и Восточной Сибирью. В РФ на «восточный» поток приходится лишь около 20 % мигрантов, но постепенно это направление становится все более заметным.

Среднеазиатская волна миграции ориентирована в первую очередь на потребности Центрального и Приволжского федеральных округов. Сибирский федеральный округ на протяжении десятилетия удерживал третью позицию по объемам использования рабочей силы из Средней Азии. На 2009 г. среднеазиатская компонента в миграционном потоке в регионах СФО приблизилась к 52 %, при этом более половины потока обеспечивал Узбекистан¹⁶. На Дальнем Востоке тенденция к росту числа мигрантов из Средней Азии обозначилась уже в начале 2000-х гг. Даже в приграничных регионах (Приморье, Хабаровский край и Амурская область) доля мигрантов из Узбекистана в 2000 г. составила 3,4 %, увеличившись к 2005 г. до 6,6 %¹⁷. В 2009–2010 гг. на фоне резкого сокращения численности трудовых мигрантов из стран дальнего зарубежья (прежде всего из Китая) на Дальнем Востоке доля стран СНГ утроилась. Максимальное количество мигрантов из Средней Азии сконцентрировано в северных регионах Дальневосточного федерального округа, преимущественно в строительной сфере. Сегодня каждый четвертый трудовой мигрант в России – узбек.

При наличии в России безработицы на протяжении 2000-х гг. сохранялась потребность в рабочей силе определенного качества и специализации. Отраслевая структура занятости иностранцев, сложившаяся в 1990-е гг., стала меняться в сторону снижения доли занятых в промышленности и сельском хозяйстве. Для профессиональной структуры трудовой миграции характерны преобладание массовых рабочих профессий, а также занятость в специфических секторах рынка труда. Наблюдался рост занятости трудовых мигрантов в строительстве и торговле. В середине «нулевых» около

40 % трудовых мигрантов было занято в строительстве, около 30 % – в торговле, 10 % – в промышленности, 7 % – в сельском хозяйстве¹⁸. К концу десятилетия структура занятости иностранцев существенно расширилась при сохранении на уровне 36 % их доли в строительстве. Только к концу 2000-х гг. российская статистика начала полнее учитывать мигрантов, занятых в сфере услуг, досуга и ЖКХ. Оформление «мигрантских» (или этнических) ниш занятости особенно заметно в крупных промышленных центрах, в южных сельскохозяйственных регионах, на приграничных территориях, а также в мегаполисах.

Стабильно более 80 % иностранных мигрантов занято в пяти основных видах экономической деятельности: строительстве, торговле, сельском хозяйстве, обрабатывающих производствах и на транспорте. Базовыми отраслями для иностранцев в России являются строительство и торговля. На протяжении почти всего десятилетия число занятых в строительстве составляло около 40 %, снизившись к 2008 г. до 36 %¹⁹. Доля иностранной рабочей силы в строительстве составила в 2000 г. – 1,9 %, в 2005 г. – 5,5, в 2008 г. – 18,3 % от числа занятых в отрасли²⁰. Всю первую половину десятилетия увеличивалось количество занятых в торговле – почти каждый третий трудовой мигрант, но после принятых в РФ ограничений этот показатель сократился вдвое.

Для каждого региона характерны своя специфика и динамика использования иностранных рабочих. Структура их занятости в восточных регионах страны представлена в табл. 4, 5. В Российской Федерации динамика занятости трудовых мигрантов по основным видам экономической деятельности в 2002 г. и 2004 г. была следующей: промышленность – с 11,4 до 11,1 %, сельское и лесное хозяйство – с 18,1 до 6,9 %, строительство – с 17,9 до 37 %, торговля – с 10,3 до 25,9 %. Структура занятости в СФО за тот же период следующая: промышленность – с 16,6 до 14,9 %, сельское и лесное хозяйство – с 30,5 до 19,7 %, строительство – с 15,6 до 36,8 %, торговля и общая коммерческая деятельность – с 12,9 до 16,4 %. Структура занятости по ДФО показывает следующую динамику: промышленность – с 17,3 до 24,7 %, сельское и лесное хозяйство – с 13,2 до 24,7 %, сельское и лесное хозяйство – с 13,2 до 8,3 %, строительство – с 14,8 до 36 %, торговля и общая коммерческая деятельность – с 19,7 до 23,6 %. Для Сибири и Дальнего Востока в первой половине 2000-х гг. была характерна более высокая занятость мигрантов в промышленности и торговле, чем в целом по стране. При этом наметившаяся еще в 1990-е гг. тенденция к снижению доли занятости в промышленности и сельском хозяйстве продолжилась.

По укрупненным видам экономической деятельности численность иностранных рабочих в 2010 г. представлена в табл. 5. По Российской Федерации удельный вес мигрантов следующий: сельское и лесное хозяйство – 9 %,

добыча полезных ископаемых – 2, обрабатывающие производства – 13,5, строительство – 36,3, торговля и ремонт – 16,6 %. По СФО и ДФО доля занятых в сельском и лесном хозяйстве составляет соответственно 10,9 и 14,9 %, в добыче полезных ископаемых – 6,3 и 5,2, в обрабатывающих производствах – 10 и 9,3, в строительстве – 50,4 и 42,8, в торговле и ремонте – 11,5 и 12,7 %.

По территории России ситуация с привлечением и использованием иностранной рабочей силы сильно различается. Удельный вес иностранных работников в общей численности занятого населения в 2005 и 2008 гг. приведен в табл. 6. Доля мигрантов по разным регионам составляет от 1,5 до 5 % экономически активного населения. В целом по РФ удельный вес иностранных работников от численности занятых в экономике составлял: в 2005 г. – около 1 %, в 2008 г. – 3,4 %; по СФО – соответственно 1,5 и 3 %, по УФО – 1,6 и 5, по ДФО – 2,5 и 5,3 %. Таким образом, внешняя трудовая миграция не создает напряженности ни на общенациональном, ни на региональных рынках труда.

Иностранная трудовая миграция стала распространенным социально-экономическим явлением. При этом внешняя трудовая миграция не создает напряженности на рынках труда, одновременно формируя специфические сегменты экономики. Исторически сложилось, что Сибирь и Дальний Восток представляют собой переселенческие сообщества. Без постоянного и мощного притока мигрантов невозможно развитие этих окраинных российских регионов и освоение их естественных ресурсов. Но сегодня такие традиционные для восточных регионов России источники миграции, как Европейская Россия, Украина и Белоруссия, исчерпаны. При этом и донорский потенциал постсоветского пространства будет постепенно снижаться. Сибирь и Дальний Восток находятся на пути мощных миграционных потоков из Азии – региона, обладающего избыточными трудовыми ресурсами. России в перспективе все равно предстоит переориентироваться на расширение географии миграционных потоков.

Таблица 4.

Численность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в субъектах РФ, по видам экономической деятельности в 2002, 2004 гг. (чел.)*

	Промышленность		Сельское и лесное хозяйство		Строительство		Торговля		Общая коммерческая деятельность		Другие отрасли	
	2002 г.	2004 г.	2002 г.	2004 г.	2002 г.	2004 г.	2002 г.	2004 г.	2002 г.	2004 г.	2002 г.	2004 г.
РФ	41238	51313	65096	31834	64346	170600	37343	119322	37274	19426	114212	67869
Уральский федеральный округ	11788	6950	1612	1125	16952	42505	3291	10068	1072	1133	13103	8069
Сибирский федеральный округ	4685	6850	8641	9043	4416	16915	3649	7517	1744	3326	5152	2231
в т. ч.:												
Республика Бурятия	431	1087	1298	266	87	1255	32	413	165	126	87	17
Иркутская обл.	1765	1841	865	700	543	3249	231	794	474	523	289	57
Красноярский край	411	1949	1387	2275	1234	3331	2041	2623	51	287	3048	783
Новосибирская обл.	25	640	771	946	453	2012	432	1139	287	446	112	430
Омская обл.	40	-	531	788	101	676	42	389	174	112	189	72
Читинская обл.	465	918	1968	3380	1366	4266	263	1160	16	38	352	273
Дальневосточный федеральный округ	7684	13246	5863	4449	6571	16093	8734	12693	6155	3901	9616	3279
в т. ч.:												
Приморский край	1065	2395	2821	1753	4012	5469	3056	5192	2984	2593	2012	379
Хабаровский край	1001	2925	1131	125	982	1726	2894	2718	1934	76	3567	381
Амурская обл.	2432	3220	298	984	639	1267	631	2312	256	42	1232	385
Сахалинская обл.	875	452	598	1654	398	1654	432	705	302	126	1324	1000
Еврейская авт. область	77	644	573	23	-	23	452	709	152	12	76	148

* Составлено по: Труд и занятость в России. М., 2001, 2003. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 5.

Численность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в субъектах РФ, по видам экономической деятельности в 2010 г. (чел.)*

	Сельское и лесное хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Строительство	Торговля, ремонт	Транспорт и связь	Другие виды деятельности
Россия	148571	33223	221509	595151	272114	70592	299641
Уральский фед. округ	9239	7366	20405	90815	43903	14082	23476
Курганская обл.	252	–	74	205	121	36	129
Свердловская обл.	3307	125	12623	21060	25222	5164	15468
Тюменская обл.	459	6801	5158	62978	11212	8003	6767
в т. ч.:							
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	212	5538	2953	32240	8053	7504	2481
Ямало-Ненецкий авт. округ	68	1263	337	22583	1737	252	2920
Челябинская обл.	5221	440	2550	6572	7348	879	1112
Сибирский фед. округ	19748	11447	18318	91563	20955	5881	13864
Республика Алтай	91	4	42	1416	122	20	186
Республика Бурятия	398	39	557	2845	621	102	397
Республика Тыва	39	544	23	166	68	2	98
Республика Хакасия	10	55	58	714	54	–	161
Алтайский край	391	172	541	2201	1265	53	804
Забайкальский край	4059	1168	543	11894	1509	213	1875
Красноярский край	4855	2611	2125	9447	4574	1447	2831
Иркутская обл.	4030	5496	4517	40536	4904	2341	1029
Кемеровская обл.	312	362	810	7648	1245	396	634
Новосибирская обл.	3787	655	7213	11328	5367	1023	4484
Омская обл.	1107	157	1048	1935	375	58	532
Томская обл.	669	184	841	1433	851	226	833
Дальневосточный фед. округ	22600	7892	14107	64913	19339	3518	19235
Республика Саха (Якутия)	208	1140	503	9849	2439	307	3226
Камчатский край	92	94	–	3283	610	282	3485
Приморский край	6899	28	6365	20831	3403	652	3556
Хабаровский край	3419	548	3420	10086	7072	985	3432
Амурская обл.	7284	436	1001	8217	2279	212	1924
Магаданская обл.	251	1761	98	1290	734	87	294
Сахалинская обл.	1267	2410	1859	9272	2393	903	2767
Еврейская авт. обл.	3177	247	725	1192	307	7	316
Чукотский авт. округ	3	1228	136	893	102	83	235

* Труд и занятость в России. М., 2011. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 15.04.2012).

Численность, российское население, занятого российском населении и иностранных работников по субъектам РФ в 2005, 2008 гг. (тыс. чел.)*

	Население РФ						Иностранные работники					
	Всего			Занятое в экономике			Всего			Удельный вес (%) в структуре		
							населения			занятых в экономике		
	2005 г.	2008 г.	2005 г.	2008 г.	2005 г.	2008 г.	2005 г.	2008 г.	2005 г.	2008 г.	2005 г.	2008 г.
Россия	143113,9	141956,4	68168,9	70965,6	702,5	2425,9	0,49	1,71	1,03	1,03	3,42	3,42
Уральский федеральный округ	12261,7	12247,7	6062,5	6337	97,2	321,2	0,79	2,62	1,6	1,6	5,07	5,07
В т. ч.:												
Свердловская обл.	4419,0	4395,1	2207,3	2238	26,6	109,2	0,60	2,48	1,2	1,2	4,77	4,77
Тюменская обл.	3315,4	3386,1	628,2	1838	8,1	42,9	0,25	1,27	1,29	1,29	2,35	2,35
Ханты-Мансийский авт. округ	1473,6	1512,6	783,2	837	24,4	69,6	1,66	4,60	3,11	3,11	8,32	8,32
Магад-Ненецкий авт. округ	527,0	543,2	289,9	320	26,0	42,5	4,94	7,82	8,98	8,98	13,28	13,28
Сибирский федеральный округ	19735,2	19549,4	9140,2	9396	66,1	289,3	0,34	1,48	0,72	0,72	3,08	3,08
В т. ч.:												
Республика Бурятия	966,2	960,3	398,7	429	3,4	13,2	0,35	1,37	0,85	0,85	3,08	3,08
Республика Хакасия	539,6	537,6	232,7	249	0,2	1,7	0,04	0,32	0,09	0,09	0,68	0,68
Забайкальский край	1118,0	1118,0	469	469	16,2	33,7	0,56	3,01	1,16	1,16	3,39	3,39
Красноярский край	2915,7	2890,1	1392,7	1441	9,4	48,8	0,37	1,69	1,16	1,16	5,94	5,94
Иркутская обл.	2536,1	2506,6	1121,3	1218	2,8	72,3	0,37	2,88	0,84	0,84	1,81	1,81
Кемеровская обл.	2846,8	2822,7	1357,8	1381	8,7	25,0	0,10	0,89	0,2	0,2	0,69	0,69
Новосибирская обл.	2656,1	2637,8	1263,7	1325	3,0	55,9	0,33	2,12	0,31	0,31	4,22	4,22
Омская обл.	2040,6	2016,1	949,1	992	1,3	16,7	0,15	0,83	0,83	0,83	1,68	1,68
Томская обл.	1035,4	1036,7	467,4	505	14,5	9,2	0,12	0,89	0,27	0,27	1,82	1,82
Читинская обл.	1132,0	1132,0	445,7	457	0,7	9,2	0,28	0,91	1,82	1,82	3,25	3,25
Агинский Бурятский авт. округ	73,8	73,8	37,0	37,0	0,3	7,4	0,21	0,21	0,49	0,49	5,28	5,28
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	134,0	134,0	56,4	56,4	0,3	7,4	0,21	0,21	0,49	0,49	5,28	5,28
Дальневосточный федеральный округ	4854,5	6473,2	3213,2	3306	78,8	174,4	1,62	2,69	2,45	2,45	5,28	5,28
В т. ч.:												
Республика Саха (Якутия)	610,0	950,6	440,4	457	10,6	22,0	1,74	2,31	2,41	2,41	4,81	4,81
Приморский край	1522,9	1991,9	992,7	1034	23,3	32,6	1,53	1,64	2,34	2,34	3,15	3,15
Хабаровский край	1137,2	1402,8	717,2	724	9,9	32,4	0,87	2,31	1,38	1,38	4,48	4,48
Амурская область	578,9	867,0	380,3	418	13,0	31,3	2,25	3,61	3,4	3,4	7,49	7,49
Камчатская область	277,2	175,3	175,3	175,3	0,3	0,19	0,12	0,19	0,19	0,19	0,19	0,19
Сахалинская обл.	529,3	516,5	284,9	277	10,4	36,9	1,97	7,14	3,66	3,66	13,32	13,32
Европейская авт. область	187,7	185,5	83,7	82	4,4	7,4	2,32	3,99	5,2	5,2	9,02	9,02

* Организация «Миграция и Ремитансы» (Migration and Remittances Peer-Assisted Learning) и Фонда Миграция XXI в.» URL: <http://www.mtrpld.org/Statistics.html> (дата обращения 10.05.2011).

-
- ¹ Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. М., 2009. С. 291.
- ² *Ивахнюк И.В.* Два десятилетия участия России в международной миграции населения: итоги и перспективы // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд. М., 2011. С. 34.
- ³ *Садовская Е.Ю.* Казахстан в Центральноазиатской миграционной подсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. М., 2009. С. 279–321.
- ⁴ *Чудиновская О.* Внешняя трудовая миграция: проблемы полноты и качества данных [Эл. ресурс] // Демоскоп Weekly. № 335–336. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0335/>
- ⁵ Легальное привлечение иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации в 2005–2008 гг. Аналитический материал на базе официальной статистической отчетности ФМС России и Росстата. М., 2009. С. 12. [Эл. ресурс] // Проект МИРПАЛ. URL: <http://www.mirpal.org/files/files>
- ⁶ *Понкратова Л.* Международная трудовая миграция на Дальнем Востоке России: современные реалии и перспективы // Трудовая миграция. Вопросы управления и защиты прав трудящихся-мигрантов в России: сб. статей. М., 2005. С. 82.
- ⁷ *Понкратова Л.* Указ. соч. С. 78.
- ⁸ Подсчитано по: *Вацук А.С.* Мигранты на дальневосточном рынке труда в начале XXI в. // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XX в. Новосибирск, 2009. С. 219.
- ⁹ Легальное привлечение иностранной рабочей силы на территории Российской Федерации...
- ¹⁰ Иностранцы мигранты на сибирском рынке труда / под ред. С.В. Соболевой, И.В. Октябрьской. Новосибирск, 2006. С. 73.
- ¹¹ *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Современные риски в формировании миграционных процессов Сибири // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XX в. – С. 231–232.
- ¹² *Загребнов Е.* Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогнозис. 2007. № 1(9). С. 252–277.
- ¹³ *Зайончковская Ж.* Когда же кончится война с «китайской угрозой»? // Миграция XXI век. 2010. № 2 (сент.). С. 15.
- ¹⁴ Анализ тенденций привлечения и использования иностранной рабочей силы в России за 2005–2010 гг. М., 2011. С. 4–5. [Эл. ресурс] // Проект МИРПАЛ. URL: <http://new.mirpal.org/files/files>
- ¹⁵ Региональное измерение трансграничной миграции в Россию. М., 2008. С. 80–86.
- ¹⁶ Подсчитано по: *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Указ. соч. С. 232.
- ¹⁷ *Понкратов Р.* Международная трудовая миграция на Дальнем Востоке России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 15; *Вацук А.С.* Трудовые мигранты из стран СНГ на Дальнем Востоке России в начале XXI в. // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 61.

¹⁸ Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция. М., 2011. С. 20–21. (Серия специальных докладов).

¹⁹ Анализ тенденций привлечения и использования иностранной рабочей силы в России за 2005–2010 гг. С. 6.

²⁰ Ивахнюк И.В. Аналитический доклад по итогам международного научно-практического семинара «Миграция на постсоветском пространстве: тенденции, последствия, перспективы» (2–3 дек. 2011 г., Москва) и рекомендации в области совершенствования миграционной политики. М., 2012. С. 38. [Эл. ресурс] // International Organization for Migration. URL: <http://moscow.iom.int/russian/publications/CARMP>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ

В. А. Исупов

Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х – 1930-е гг.

В России XX столетия одним из самых значимых аспектов модернизационного процесса была урбанизация, оказавшая кардинальное воздействие на экономическое, политическое и социо-культурное развитие как страны в целом, так и её отдельных регионов. Ускоренный рост численности городского населения, развернувшийся в СССР в полную силу в конце 1920-х гг. на основе форсированной индустриализации, был характерен, прежде всего, для восточных районов страны, таких как Урал, Сибирь и Дальний Восток. В Сибири, особенно в Кузбассе, урбанизация была столь бурной, что вышла за рамки процесса, характерного для многих других районов нового промышленного освоения. По темпам роста численности городского населения Сибирь, но в особенности Кузбасс, не имели себе равных.

Специфика форсированной урбанизации Сибири оказалась столь существенной, что сегодня мы вправе говорить о ярко выраженном аномальном процессе, обусловленном не только экономическими, но в значительной степени политическими факторами. Массовое бегство крестьян из деревни вследствие коллективизации и раскулачивания, многомиллионный (в масштабах СССР) приток населения в города обусловили широкую маргинализацию городского населения. Вместе с тем, лихорадочное развитие тя-

желой индустрии на фоне очевидной ресурсной необеспеченности социальной сферы городов вызвало мощные диспропорции между численностью городского населения и развитием инфраструктуры городских поселений. В этом аспекте рассматриваемый процесс вполне может быть обозначен как «квазиурбанизация».

Цель настоящей работы – в первом приближении выявить некоторые характеристики форсированной урбанизации (квазиурбанизации) на территории Сибири во второй половине 1920-х – 1930-е гг., и определить, насколько это возможно в рамках ограниченной по объему статьи, отдельные социо-культурные последствия этого процесса. При этом мы имеем в виду, что проблема «квазиурбанизации» достаточно четко укладывается в схему незавершенной (консервативной) модернизации СССР, разработанной А.Г. Вишневским¹.

Территориальные рамки исследования охватывают Западную (Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области) и Восточную Сибирь (Республики: Бурятия, Тыва, Хакасия, Красноярский край, Иркутская и Читинская области). Хронологические границы исследования определены по двум всесоюзным переписям населения 1926 и 1939 гг. Источниками послужили материалы всесоюзных переписей населения 1926 г. и 1939 г., а также материалы текущего учета естественного и механического движения населения.

Процесс формирования и развития городского населения Сибири в первой половине 1920-х гг. было бы ошибочно характеризовать как форсированную урбанизацию. Если судить по темпам роста горожан и динамике их удельного веса во всем населении, это была характерная для многих восточных регионов Российской империи вяло текущая урбанизация, развернувшаяся ещё в XIX в связи с хозяйственным освоением Сибири и строительством транссибирской железнодорожной магистрали. Территория Сибири в целом, но особенно та её часть, которая оказалась в стороне от магистрали, характеризовалась низким уровнем урбанизированности и невысокими темпами роста численности городского населения. Перепись населения 1926 г. зафиксировала, что на территории Западной Сибири проживало 7 432 тыс. чел. Из них только 877 тыс. чел. сосредоточивались в городских поселениях². Удельный вес городского населения в регионе, таким образом, не превышал 12 %. В Восточной Сибири численность населения по данным переписи 1926 г. составляла 3 305 тыс. чел., из которых в городских поселениях проживало всего 523 тыс. чел., что в абсолютном выражении не превышало 16 %³. Для сравнения укажем, что доля городского населения по СССР в целом составляла 18 %⁴. Согласно нередко используемой в нашей стране шкале уровня урбанизированности, разрабо-

танной Э. Россетом (с поправками С.А. Польского), доля городского населения менее 20 % свидетельствует об очень низком уровне урбанизированности, от 20 до 33 % – о низком, от 33 до 50 % о среднем, от 50 до 66 % – о высоком и 66 % и выше – об очень высоком уровне урбанизированности⁵. Из этого следует, что уровень урбанизированности Сибири в середине 1920-х гг. был вполне адекватен уровню «очень низкий».

Самыми крупными городскими поселениями Сибири являлись: Омск, наличное население которого в 1926 г. составляло всего 162 тыс. человек, Новосибирск – 120 тыс., Томск – 92 тыс., Иркутск – 99 тыс., Барнаул – 74 тыс., Красноярск – 72 тыс., Чита – 61,6 тыс. человек⁶. Основная масса городского населения края была расщеплена по многочисленным, но мелким и мельчайшим поселениям. Из 111 городских поселений, зафиксированных на территории Сибири в ходе переписи 1926 г., 82 городских поселения (почти 74 %) имели население менее 10 тыс. человек⁷. Многие из них не были даже утверждены официально как «городские поселения». Городскими поселениями они считались больше по названию главным образом из-за своих административных функций и исторического «старшинства». Это означает, что реальный уровень урбанизированности Сибири был ещё ниже, чем это показывает перепись.

Таблица 1.*

Динамика численности городского населения Сибири.**
в 1926–1939 гг., тыс. человек.

Дата	Все население	Сельское	Городское	
			Тыс. чел.	Уд. вес в %
17 декабря 1926 г.	11 024,0	9 609,0	1 415,0	12,8
17 января 1939 г.	14 112,0	9 688,0	4 424,0	31,3
1939 г. в % к 1926 г.	128,0	100,8	312,7	-

*Источник: *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 29.

**Включая Якутскую АССР.

Кардинальные сдвиги в численности городского населения Сибири, сразу же превратившие этот процесс в форсированную урбанизацию произошли только во второй половине – конце 1920-х гг. Страна, а вместе с ней и Сибирь, вступила в стадию ускоренной индустриализации с её астрономическими темпами роста. В сталинской стратегии индустриализации Сибири отводилось особое место. Ускоренное развитие тяжелой промышленности

придали экономическому и социо-культурному развитию Сибири особый облик. Темпы роста численности городского населения региона в эти годы характеризуются фантастическими, невиданными ранее величинами. Сибирь в 1930-е гг. переживала своего рода урбанистический взрыв. Формальным катализатором форсированной урбанизации служил тот факт, что исходный уровень урбанизированности региона был крайне низким. В течение 12-летнего межпереписного периода, как показывают данные табл. 1., численность городского населения Сибири более чем утроилось.

Таблица 2.*

**Динамика численности населения крупных городов
Западной Сибири (с числом жителей в 1939 г. свыше 50 тыс. чел.)
по данным переписей 1920–1939 гг.**

Город	1920	1926	1937	1939	1939 г. в % к 1920 г.
Новосибирск	68,0	120,6	360,1	404,4	594,7
Омск	144,5	161,7	270,5	288,9	199,9
Сталинск	4,5**	3,9**	158,1	165,7	3682,2
Барнаул	61,9	73,9	118,2	148,2	239,4
Томск	90,9	92,3	134,5	145,1	159,6
Кемерово	10,3 ***	21,7 ***	124,7	132,8	1289,3
Прокопьевск	-	10,7 ****	96,7	107,3	1002,8 (в % к 1926 г.)
Ленинск-Кузнецкий	5,5 *****	19,6	60,0	82,7	1503,6
Бийск	41,7	45,6	72,9	80,3	192,6
Тюмень	43,1	50,3	76,5	79,2	183,8
Анжеро-Судженск	23,4 *****	30,2 *****	67,9	69,0	294,9

* Источник: Население Сибири (по материалам Всесоюзной демографической переписи 1920 года). Погубернские, поездные и поволостные итоги. Т. I. Вып. 5. Новоиколаевск, 1921. С. 11, 12, 13, 15, 17; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. М. 1928. С. 102; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. М. 1928. С. 9, 10; Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М. 1991. С. 65; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 36–37.

** Численность населения города Кузнецка.

*** Совокупная численность населения города Щегловска, поселков Кемеровский рудник и Кемеровский химзавод.

**** Численность населения поселка Прокопьевский рудник.

***** Численность населения поселка Кольчугинский рудник.

***** Совокупная численность населения городов Анжерка и Судженка.

Важной особенностью урбанизации Западной Сибири было отчетливо выраженное точечное расселение, концентрация людского потенциала в

немногочисленных, но крупных городских центрах. В регионе ускоренными темпами росло население крупнейших промышленно-административных пунктов, таких как Барнаул, Новосибирск, Омск, Тюмень. Тенденции сталинской индустриализации, в частности первоочередное развитие тяжелой промышленности вызвали фантастически быстрый рост численности населения угольно-металлургических городов. В результате, в 1939 г. в 11 городах Западной Сибири с числом жителей свыше 50 тыс. человек, являвшихся индустриальными, административными и культурными центрами региона, сосредотачивалось 66 % горожан.

Население Новосибирска за 1926–1939 гг. выросло более чем в три раза, Омска почти в два, Иркутска и Красноярска – почти в три раза⁸. Но нигде в стране не было зафиксировано таких бурных темпов роста городского населения, как в Кузбассе. Здесь в указанные годы численность городского населения увеличилась сразу в 7,5 раз⁹. Сталинск (ныне Новокузнецк) увеличил свое население в 45 раз, Кемерово – в шесть, Прокопьевск – в 10, Ленинск-Кузнецкий – в четыре раза¹⁰. Уровень урбанизированности сибирского региона в 1939 г. повысился до 31 %.

На карте Сибири в 1930-е гг. возникло много новых городских поселений. Часть из них появлялась на «пустом», неосвоенном месте. Другие возникли на основе крупных сельских населенных пунктов, путем административного повышения их поселенческого ранга до рабочего поселка, а иногда и города. Всего в 1926–1939 гг. в регионе образовалось 89 новых городов и рабочих поселков¹¹.

Обеспечить столь фантастический рост городского населения только за счет естественного прироста было невозможно в принципе. Города Сибири не обладали для этого необходимым демографическим ресурсом. К тому же начиная с конца 1920-х гг. естественный прирост городского населения быстро сокращался. В основе лежало снижение рождаемости и увеличение смертности в связи с ухудшением условий существования. Таким образом, важнейшим и необходимым элементом форсированной урбанизации стали крупномасштабные миграции. Перемещения сельского населения в города и рабочие поселки в основном обеспечивались коллективизацией, проводившейся насильственными методами. Крестьяне сотнями тысяч выталкивались из деревни. Немаловажную роль играли насильственные депортации так называемых «кулаков». Сибирь превратилась в центр крестьянской ссылки. Без такого рода подпитки, форсированная урбанизация была бы невозможна. Миграции, хаотичные по форме, приняли огромные размеры. В 1926–1939 гг. на долю механического прироста во всем приросте городского населения Сибири приходилось свыше 72 %, тогда как удельный вес естественного прироста составлял всего 13 %.

Таблица 3.*

Источники роста городского населения Сибири 1926–1939 гг.

Источники роста	Тыс. чел.	%
Механический прирост	2 168,7	72,1
Естественный прирост	399,8	13,3
Преобразование сельских населенных пунктов в городские	440,5	14,6
Весь прирост	3 009,0	100,0

*Источник: *Московский А.С., Исапов В.А.* Формирование городского населения... С. 57.

Основной социальной группой, за счет которой формировалось городское население Сибири в 1930-е гг. являлось сибирское крестьянство. Так, согласно материалам локальной переписи городского населения Кузбасса, организованной в январе 1931 г., среди новоселов, проживавших в городских населенных пунктах региона менее трех месяцев, на долю выходцев из Сибирского края приходилось почти 83 %. Причем почти три четверти из них до момента миграции проживали в деревне¹². Согласно данным, основанным на регистрации прописки-выписки, в города Сибири в 1933–1937 гг. вселилось около 4,5 млн человек, из которых 2,7 млн являлись выходцами из деревни. Причем 2,2 млн новоселов до момента миграции проживали в сельской местности сибирского региона¹³.

Форсированная и, по сути, бессистемная урбанизация влекла за собой большое количество не только экономических, но, прежде всего социокультурных проблем. В сущности, говорить об урбанизации Сибири в полном смысле этого слова не приходится. Численность городского населения действительно росла очень бурно, но городов не по названию, а по сути, в регионе по-прежнему было очень мало. Те населенные пункты, которые сумбурно формировались вокруг градообразующего промышленного ядра – крупного завода, шахты или строительства городами можно назвать только с большой долей условности. Чаще всего они являли собой бесформенный конгломерат поселков, состоящих из общежитий, барачков, землянок, в лучшем случае из скромных деревянных домиков пониженной комфортности. Основная масса ресурсов вкладывалась в промышленное строительство. Жилищно-коммунальное хозяйство, транспортная система, культурно-бытовая сфера, здравоохранение, словом вся та социальная инфраструктура, которая и превращает населенный пункт в город как таковой, находилась в зачаточном состоянии. В этом отношении очень точно отражает сложившуюся ситуацию докладная записка, направленная в кон-

це 1939 г. секретарем Кемеровского горкома ВКП(б) Сифуровым в Новосибирский обком. В документе специально подчеркивалось: «ГК ВКП(б) отмечает недопустимую диспропорцию между освоением капиталовложений по промышленному строительству и культурно-бытовому строительству. За последние годы в Кемерово построены и пущены в ряд предприятий..., *но города по существу не построено...* (курсив автора – В. И). Имеющиеся ресурсы позволят осваивать, причем явно неудовлетворительно, только программу промышленного строительства»¹⁴.

Итак, города Сибири (за некоторым исключением) не являлись городами в полном смысле этого слова. Но их нельзя отнести и к сельским населенным пунктам, так как большинство их жителей были заняты в несельскохозяйственной сфере труда. В результате, к концу 1930-х гг. в Сибири сформировалась сеть маргинализованных населенных пунктов, условно отнесенных статистикой тех лет к городам и рабочим поселкам. Основным критерием такого рода классификации являлся не весь комплекс признаков, превращавших село в город, но главным образом численность населения. Эти маргинализованные населенные пункты были заселены маргиналами – бывшими сибирскими крестьянами, оторвавшимися от своих корней, но ещё не ставшими горожанами по своей ментальности, образу жизни, социальным ориентациям и целевым установкам. Как видим, маргинализованным населенным пунктам вполне соответствовало маргинализованное население.

С учетом этого, было бы правильнее говорить не об урбанизации Сибири, но скорее о своеобразном и весьма специфическом феномене квазиурбанизации. Главная причина, порождавшая квазиурбанизацию, заключалась в сталинской стратегии индустриализации, которая предусматривала сосредоточение ресурсов в промышленности. Все остальное откладывалось «на потом», на неопределенное будущее. Отметим, что такого рода квазиурбанизация была характерна не только для Сибири, но для всей страны. Отличие в том, что в европейской части страны, как более освоенной территории, квазиурбанизация проявлялась в несколько смягченном варианте. В Сибири же, особенно в Кузбассе, она была доведена до крайних, почти абсурдных форм, что предопределялось форсированными темпами экономического роста и ускоренными процессами роста численности горожан.

Подводя некоторые итоги, определим некоторые важные на наш взгляд качества квазиурбанизации:

1. Ускоренные темпы роста городского населения.
2. Особенно интенсивные миграции сельского населения в города.

3. Формирование резко выраженной диспропорции между численностью населения и степенью развития социальной инфраструктуры населенных пунктов.

4. Формирование сети маргинализированных поселений, в которых проживало маргинализированное население.

5. Задержка в формировании городского образа жизни, «промежуточность» между сельской и городской ментальностью.

Изменение ситуации, отказ от политики квазиурбанизации произошло только в 1950-е гг., когда в развитие городской инфраструктуры населенных пунктов Сибири стали вкладываться ресурсы.

¹ Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

² Население СССР (численность, состав и движение населения). 1973. Стат. сборник. М., 1975. С. 16.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 14, 16.

⁵ См.: Польский С.А. Урбанизация и условия жизни народонаселения СССР // Народонаселение СССР и мира: Развитие, проблемы, исследования. М., 1983. С. 146.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. М., 1928. С. 8–10.

⁷ Там же.

⁸ Московский А.С., Исунов В.А. Формирование городского населения... С. 145.

⁹ Население СССР (численность, состав и движение населения)... С. 16.

¹⁰ Московский А.С., Исунов В.А. Формирование городского населения... С. 145.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931. С. XVIII.

¹³ Московский А.С., Исунов В.А. Формирование городского населения... С. 66.

¹⁴ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-15. Оп. 8. Д. 19. Л. 18–19.

Изменения социальной сферы в городах Сибири в период форсированной индустриализации (вторая половина 1920-х – конец 1930-х гг.)

В русле процесса модернизации, развернувшегося в России (СССР) в первой половине XX столетия, серьезной перестройке подверглись все сферы общества, в том числе, социальная сфера. В социальную сферу входят такие стороны и характеристики жизнедеятельности общества, которые лежат вне производственно-экономической, политической и культурной сфер. В данном случае мы рассмотрим социальную сферу городов Сибири в плане исследования, прежде всего, материально-бытовых условий существования людей. В статье будут показаны основные тенденции изменений социальной среды обитания городского населения Сибири в период форсированной индустриализации. Источниками для рассмотрения темы послужат документы сибирских и центральных архивов, а также опубликованные статистические, справочные материалы и публикации в прессе.

Изменения социальной сферы в городах Сибири в рассматриваемый период происходили под воздействием трех основных факторов. Во-первых, значительное влияние на социальную жизнь горожан еще сохраняли принципы и нормы, сложившиеся в условиях традиционно-аграрного патриархального общества. Несмотря на серьезные отличия социальной среды в городе, значительная часть населения в устройстве домашнего быта продолжала сохранять черты крестьянского образа жизни.

Во-вторых, возрастающее воздействие на жизнь городского населения оказывал процесс становления индустриального общества в России. Основные нормы и принципы жизнедеятельности людей все в большей степени начинали определяться требованиями организации промышленного производства. Среди них ведущими являлись передача обществу значительной части функций по обслуживанию социально-бытовых потребностей людей, жесткая дисциплина промышленного производства, задающая свой ритм всем другим сферам жизни.

В-третьих, содержание и направленность изменений социальной сферы городов Сибири после революции 1917 г. определялись теми задачами и программными установками, которые утверждались в общественном сознании пришедшей к власти партией большевиков. В числе задач строительства социализма свое определенное место занимала задача формирования нового устройства социальной сферы. Разумеется, идеологические догмы и политические программы являлись лишь одним из факторов развития и не могли

полностью определять слабо регламентируемую по своей природе социальную сферу общества. Однако, не приходится спорить с тем, что теория и практика коммунистической партии оказали решающее влияние на устройство и формы жизнедеятельности людей на протяжении первых послереволюционных десятилетий XX в. Таким образом, изменения в социальной сфере городов Сибири невозможно понять без анализа изменений, происходивших в стране под влиянием тех ориентиров в идеологии и практической деятельности правившей партии, которые призваны были определять принципы устройства социальной сферы советского общества.

В ходе революционных преобразований общества в идеологии и практике постепенно формировался нормативный образ такого устройства социальной сферы, к которому необходимо было стремиться, на который нужно было ориентироваться в повседневной жизни. В частности, внедрение принципов коллективизма должно было охватить социальную сферу наряду с другими сферами общества.

Что касается конкретных направлений перестройки социальной сферы, то коммунисты в числе задач ее переустройства называли переход к социалистическому типу жилища, превращение семьи из хозяйственно-бытовой ячейки в свободный союз мужчины и женщины и преобразование частного домашнего хозяйства в отрасль общественного производства, переход от семейного к общественному воспитанию детей. Стоит отметить, что освобождение индивида от большей части домашнего труда и вообще материальных забот о своем повседневном существовании являлось одной из наиболее привлекательных черт социалистической идеологии, которые обеспечили ей поддержку населения России.

Одним из главных компонентов социальной сферы является жилищное положение людей. В исследуемый период в советской России существенно менялись нормативные представления о типе жилища городского жителя. Оно должно было принципиально отличаться от прежних, «капиталистических» жилищ. В программе РКП(б), принятой VIII съездом в 1919 г., намечалось строительство домов-коммун как одно из направлений социалистических преобразований.

Проблемы создания новой жилищной среды и строительства соцгородов в качестве важного направления строительства социализма стали широко обсуждаться в ходе разработки и принятия первого пятилетнего плана. Задача организации жилищной среды на коммунистических принципах была поставлена в повестку дня. Значительное распространение получили идеи радикального разрыва с прежними основами устройства быта, проведения социалистической бытовой революции. Некоторыми радикальными партийными публицистами (Ю. Ларин, Л. Сабсович, Н. Милютин) разра-

батывалась программа полной коллективизации быта, т. е. отказа от семейного хозяйства как традиционной формы организации потребления и частной жизни людей. При этом индивидуальное жилище семьи также объявлялось наследием капитализма. Оно должно было вытесняться домами коллективного проживания, в которых потребление и досуг были бы организованы на принципах бытовой коммуны, а семейное воспитание детей заменено общественным воспитанием в детских яслях и садах.

Для разработки оптимального проекта соцгорода в 1929 г. была создана правительственная комиссия под председательством Н.А. Милютин. В основу работы комиссии были положены следующие принципы: многоэтажный дом с индивидуальными квартирами – это наследие капитализма, которое следует ликвидировать. Новым типом жилища должны стать дома-коммуны. Необходимость строительства в новых городах только домов-коммун и постепенного их внедрения в существующих городах обосновывалась тем, что жители этих домов, особенно женщины, будут освобождены от малопроизводительного домашнего труда, отвлекающего от общественных занятий. С этой целью предполагалось создать развитую систему коммунальных учреждений, обслуживающих быт. Н.А. Милютин считал, что в соцгороде необходимо «создать экономические предпосылки для уничтожения семьи как хозяйственной единицы»¹.

Сторонники строительства соцгородов и коллективизации быта обосновывали необходимость этого как социально-политическими, так и экономическими потребностями общества. Наиболее часто в качестве аргумента приводились расчеты одного из ведущих экономистов – С.Г. Струмилина, согласно которым в СССР в результате перестройки быта на коллективистских началах можно высвободить из этой сферы и вовлечь в общественное производство около 20 млн работников².

Для Сибири в конце 1920-х гг. идея создания соцгорода приобрела особую актуальность. Быстрый рост промышленности в регионе, расширение старых городов, создание новых поселений вблизи таких флагманов индустриализации как Кузнецкий металлургический комбинат (КМК), «Сибкомбайн» и других промышленных новостроек, настойчиво требовали разработки планов градостроительства.

При возведении города почти с «нулевого уровня» возникала заманчивая перспектива создать совершенно новый тип поселения. Так, например, в рамках разработки плана развития народного хозяйства Сибирского края на первую половину 1930-х гг. Сибкрайисполком представил в СНК РСФСР предложения о придании особого статуса социалистических городов вначале трем быстро застраивавшимся населенным пунктам: Сталинску (Новокузнецку), левобережью Новосибирска (соцгород при строи-

шемся заводе сельскохозяйственных машин) и Прокопьевску, а в дальнейшем всем городам Кузбасса³. Основными принципами развития таких городов должны были стать вовлечение всего трудоспособного населения в общественное производство, организация нового типа жилища, т. е. домов-коммун, создание широкой сети коммунальных учреждений, благоустройство и озеленение улиц. Это предполагало специальное проектирование и особое финансирование строительства будущих социалистических городов. Проекты соцгородов активно обсуждались в различных инстанциях, более того, утверждались и предлагались к реализации. В них намечалось устройство повседневной жизни трудящихся на принципах социалистического быта. Так, проект соцгорода при КМК, рассмотренный и утвержденный СНК РСФСР, различными наркоматами и ведомствами, в их числе ВЦСПС, Наркомат труда РСФСР, Наркомат коммунального хозяйства СССР, аккумулировал в себе большинство предложений по социалистической перестройке быта. В частности, в проекте предусматривалось, что все рабочие, не имеющие семьи, должны быть расселены в домах – коммунах, а из семейных рабочих 60 % должны были проживать в домах – коммунах, 25 % – в многоквартирных домах, 15 % – в коттеджах⁴.

Для практической реализации этих планов в 1930 г. в Новосибирске создается специализированное краевое управление по строительству соцгородов и рабочих поселков (Новосибсоцстрой). В строительном сезоне 1930 г. трест «Востокуголь» начал строительство соцгорода при Прокопьевском руднике, в нем также предполагалось преобладание домов-коммун, создание широкой сети общественных учреждений по обслуживанию быта⁵.

Все это говорит о том, что идеи строительства соцгородов и домов-коммун были не просто проявлением творчества отдельных партийных публицистов, но и получали поддержку в массах, начинали претворяться в жизнь государственными и общественными организациями. Так, в Новосибирске рабочие жилищные кооперативы «Красный кожевник», «Химик», «Рабочая пятилетка» начали строительство крупных домов-коммун, всего в 1930 г. в городе намечалось возвести восемь домов-коммун⁶.

Материалы источников позволяют проследить, как трансформировались замыслы строительства социалистических городов в Сибири по мере их воплощения в действительность. Уже на первом этапе практической реализации этих планов пришлось столкнуться с колоссальным недостатком средств, что потребовало серьезной корректировки первоначальных проектов. Например, после продолжительных дебатов вокруг проекта соцгорода на левом берегу Новосибирска было решено с целью удешевления строительства использовать уже готовый и утвержденный правительством проект соцгорода при Магнитогорском металлургическом комбинате⁷.

Из-за недостатка финансовых и материальных ресурсов проекты соцгородов все время приходилось перерабатывать в сторону их удешевления. В конце концов, руководство партии и страны решило внести коррективы в общественное мнение, ясно и четко расставить приоритеты. В мае 1930 г., а затем в июне 1931 г. принимаются два программных постановления ЦК ВКП(б) по вопросам перестройки быта и развития городского коммунального хозяйства. В них создание социалистических городов, строительство домов–коммун определялось как в целом перспективное, но не своевременное направление. Отмечалась «необходимость в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта»⁸. Таким образом, народу было объявлено, что идеи радикальных изменений в сфере быта в настоящий момент не своевременны, их реализацию следует отодвинуть на неопределенное будущее. Главным сейчас является не вопрос об устройстве быта и жилища людей, а вопрос скорейшего создания социалистической индустрии. Вместе с тем названные постановления в принципе не отвергали саму идею создания соцгородов и домов-коммун.

В реальности строительство домов в предполагавшихся соцгородах велось под лозунгом максимальной экономии ресурсов. Например, вокруг КМК под лозунгами создания соцгорода стали возводиться дома с тесными квартирами, низкими потолками, однотипные. Это называлось строить «без архитектурных излишеств».

В июле 1933 г. Новокузнецк (тогда Сталинск) посетил нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе. Осмотрев возведенные и еще строящиеся дома, нарком был страшно возмущен их теснотой и неудобством. Неказистые коробки жилых домов без балконов, тесные квартиры с низкими потолками, в которых зачастую отсутствовали кухни и ванные комнаты, действительно производили мрачное впечатление. Газета «Советская Сибирь» так описывала результат, который получился в результате попыток построить социалистический город при острейшем дефиците средств: «60 корпусов стоят в затылок, словно солдаты в строю. Так распланирован существующий сейчас Сталинск... Совершенно однотипные коробки зданий, абсолютно без каких-либо архитектурных украшений, построены гуськом, создавая полное впечатление казарменного города»⁹.

Вынужденная переделка проектов соцгородов и домов-коммун, их приспособление к необходимости максимально удешевить жилищное строительство оборачивались созданием уродливых форм городской застройки. Повсеместно в квартиры, предназначенные для одной семьи, вселялось в каждую комнату по семье. «Коммуналка» стала привычной формой жи-

лица для большинства населения сибирских городов. Грандиозные замыслы создания соцгородов в основном остались на бумаге, на практике происходило строительство рабочих городков и кварталов, состоящих из однотипных зданий, в которых основным типом жилища стала тесная и неудобная коммунальная квартира.

Хотя при застройке новых рабочих районов архитекторы пытались внедрять некоторые элементы из проектов соцгородов, но ограниченность средств сводила такие начинания к чисто пропагандистским фрагментам планировки и оформления городской среды. Тем не менее, назывались эти новые кварталы и городки уже как бы по инерции социалистическими. Вот так в большинстве городов Сибири возникли и до сих пор продолжают существовать городские районы, которые население привыкло называть соцгородками, часто даже не задумываясь, какой смысл первоначально вкладывался в это название.

В то же самое время, когда обсуждались и принимались планы строительства социалистических городов, вокруг промышленных новостроек Сибири реализовывались совсем другие варианты устройства быта людей. Типичной в этом плане была как раз ситуация на строительстве КМК. Создание комбината начиналось на необжитом месте, поэтому, казалось бы, вначале нужно было создавать для людей необходимые жилищные условия, затем коммунально-бытовые, культурно-развлекательные учреждения и т. д. Однако из-за ограниченности средств, прежде всего, ускоренными темпами строились промышленные объекты КМК, в то время как основная масса рабочих была вынуждена выживать в совершенно экстремальных условиях. С началом строительства местность вокруг комбината была заполнена множеством землянок, шалашей, бараков; санитарные нормы в такой ситуации были забыты. В целом в начальный период создания КМК 95 % рабочих жило в бараках и землянках. В бараках, рассчитанных на 30–40 человек, размещалось по 80 и более человек¹⁰. На 1 января 1932 г. на одного жителя в Сталинске приходилось 1,27 кв. м жилплощади, если же исключить из этого расчета землянки и временки, то получалось только 0,44 кв. м. При этом только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия, остальные проживали в частном секторе¹¹.

Тяжелая ситуация с жильем наблюдалась и в других городах Сибири, предназначенных получить высокий статус соцгорода. В Прокопьевске, например, на одного жителя в 1930 г. приходилось 1,7 кв. м, в рабочих районах на левом берегу Оби в Новосибирске – около двух квадратных метров.

В несколько лучших условиях находились рабочие других городов Сибири. Так, в 1931 г. в Барнауле на одного жителя приходилось 3,4 кв. м жилплощади, в Омске – 3,9 кв. м.¹² Но принципиально ситуация не отлича-

лась, тяжелые жилищные условия были характерны для населения всех городов Сибири. Вместо создания социалистических городов в ходе форсированной индустриализации Сибири главной проблемой социальной сферы в городах Сибири, обусловленной форсированным характером урбанизации, стал дефицит жилья.

На протяжении исследуемого периода происходило последовательное снижение средних показателей обеспеченности жильем. К началу ускоренной индустриализации на одного жителя городов Сибири приходилось 4,8 кв. м. жилья (по данным на 1926 г.), в то время как в среднем по стране этот показатель составлял 5,86 кв. м.¹³ Рост численности городского населения при медленных темпах жилищного строительства и слабом финансировании вел к обострению жилищного вопроса. Так, если жилищная площадь основных городов Кузбасса за 1927–1930 гг. выросла в два раза, то численность населения – почти в три раза. В итоге на начало 1931 г. здесь в среднем приходилось лишь 2,4 кв. м. жилой площади на человека¹⁴. Не лучше обстояло дело и в Восточной Сибири, где в индустриальных районах на человека приходилось 2,0–2,5 кв. м. жилья¹⁵.

Особенно трудным было жилищное положение на стройках новых промышленных предприятий Сибири. Здесь строители, а затем длительное время и работники предприятий, жили в бараках, землянках, палатках, шалашах. В бараках «Сибкомбайна», например, в 1930 г. на одного человека приходилось менее двух квадратных метров жилья¹⁶.

Не лучше выглядела ситуация на строительстве завода горного оборудования в Новосибирске. Зимой 1932 г. в жилой зоне строительства свирепствовали эпидемии тифа и холеры, грязь и антисанитария были ужасающими. Большинство рабочих жило в палатках, землянках, на склонах оврага р. Каменки возник целый массив землянок, названный в народе «Копай-город». Жить в таких условиях в лютую сибирскую зиму казалось невозможным, но люди все же продолжали как-то существовать. Переполненные немногочисленные бараки представляли собой заполненные до отказа скопища людей¹⁷.

За годы первой пятилетки произошло снижение обеспеченности жильем. В городах Западной Сибири на одного жителя в 1929 г. приходилось 4,2 кв. м. жилья, в 1930 г. – 4 кв. м., в 1931 г. – 3,8 кв. м., в 1932 г. – 3,6 кв. м.¹⁸

Дома индивидуальной застройки были основным типом жилых строений в сибирских городах. Так, в Барнауле в 1931 г. они составляли 75 %, в Новосибирске – 67,7 %, в целом по городам Сибири – 72,8 всего жилого фонда¹⁹. Поэтому сибирские города, даже наиболее крупные, во многом были еще большими деревнями, сохраняя предметно-вещную и социальную среду, построенную по деревенским образцам. Только к концу 1930-х гг. в связи с возрастанием объемов государственного строительства доля частного сек-

тора в городах Сибири сократилась до 40–50 %²⁰. Проживание в собственном доме часто сопровождалось и организацией подсобного хозяйства: огорода, содержанием домашних животных и т. п. Таким образом, многие жители сибирских городов сохраняли значительные элементы прежнего крестьянского образа жизни уже в новых городских условиях.

Во второй половине 1930-х годов жилищный кризис в городах Сибири продолжал обостряться. Причины этого заключались в "остаточном принципе" финансирования социальных потребностей населения. Например, в Кузбассе, где острота жилищной проблемы была просто вопиющая, из общего объема капиталовложений в 1932–1937 годах только 15–25 % шло на строительство жилья. В результате такой политики, по данным на 1937 г., 89 % всего жилого фонда шахтеров Кузбасса составляли дощатые, бревенчатые и саманные жилища, а также землянки. В Прокопьевске количество землянок достигало 2 500, в Новокузнецке более половины работников КМК размещалось в бараках²¹. В Барнауле на окраине пос. Ильича раскинулась пролетарская слободка из землянок под названием «Копай-город», продолжали существовать землянки и в других частях города²².

К концу второй пятилетки среднедушевая обеспеченность жильем в городах Сибири была очень низкой. В 1937 г. в Новосибирске на одного жителя приходилось 3,2 кв. м. жилой площади, в Новокузнецке, Кемерово, Анжеро-Судженске – 3,1 кв. м., в Красноярске – 2,8 кв. м., в Ленинске – Кузнецком – 2,5 кв. м.²³

Но следует подчеркнуть, что в годы первых пятилеток объемы строительства нового жилья постепенно нарастали. В целом фонд жилплощади в городах Западной Сибири за 1928–1932 гг. вырос на 1 млн кв. м., т. е. увеличился в 1,7 раза, а в городах Кузбасса – в 3,2 раза²⁴. За годы второй пятилетки в городах Новосибирской области было введено в строй (с учетом индивидуального строительства) 1,5 млн кв. м., в городах Восточной Сибири – 3,3 млн кв. м. жилья²⁵. Только государственный жилой фонд в городах Западной Сибири вырос с 2,5 млн кв. м. в 1932 г. до 3,8 млн кв. м. в 1937 г.²⁶ Все это свидетельствовало об интенсивном развитии городов Сибири, но численность городского населения возрастала все же значительно быстрее, чем объемы вводимого жилья.

Форсированная урбанизация не могла создать благоприятную и благополучную социальную среду в сибирских городах. Они представляли собой сочетание очагов индустриальной цивилизации, в которых были воплощены современные достижения городского образа жизни, с сохранением старых отсталых городских районов, так называемых «нахаловок и шанхаев», в которых наблюдались самые негативные проявления начального этапа урбани-

зации. Значительную часть так называемого общественного жилого фонда в городах Сибири составляли бараки.

В целом для значительной части городского населения Сибири переход к новому типу жилища произошел, однако не в плане создания комфортного социалистического быта, как предполагалось программными установками партии. Жилище в определенном смысле действительно стало коллективной собственностью и в нем практиковались коллективные формы общежития: бараки, коммунальная квартира, в целом общественный жилой фонд.

В то же время такой путь развития в своеобразной форме повторял те изменения, которые происходили и других странах, прошедших процесс капиталистической модернизации. Во многих странах Европы, как и в России, на начальном этапе индустриализации создавались рабочие казармы, где существование людей сводилось к задаче простого воспроизводства физических сил работника: сон, еда, примитивный отдых. Лишь на более высоком уровне индустриального общества в странах Европы возникает потребность в развитии личности работника, а также в обеспечении благоприятных условий для подрастающего поколения. Строительство квартир для городского населения становится выгодным и необходимым для предпринимателей или государства. Превращение жилищного строительства в отрасль индустриального производства приводит к созданию многоквартирных домов с отдельными квартирами. Таким образом, переход к индустриальному обществу и в России, и в Европе обусловил своеобразное «обобществление» жилищной проблемы, которая прежде являлась сугубо заботой индивида, семьи, в плане возрастания значения общественного начала в строительстве и организации управления жильем.

Социальная сфера жизни городского населения включает в себя в качестве важнейшего компонента коммунально-бытовую инфраструктуру города. В индустриальном обществе новой чертой жизни людей в городах является создание развитой инфраструктуры обслуживания материально-бытовых потребностей населения. Если крестьянин в рамках натурального хозяйства почти целиком находится на самообеспечении в удовлетворении своих потребностей, то для городского жителя удовлетворение значительной части потребностей происходит вне стен собственного жилища. Оно становится зависимым от развития городского хозяйства, которое должно обеспечивать жизнедеятельность населения.

Быстрый рост городов в модернизирующихся странах, скопление в них больших масс населения потребовало более интенсивного развития городского хозяйства: водопровода, канализации, уличного освещения и т. п. Создание широкой сети предприятий торговли и общественного питания в модернизирующихся странах Европы также проходило быстрыми темпа-

ми, возникали предназначенные в основном для простых людей магазины и лавочки, столовые и закусочные. В советской России в условиях подавления частной коммерческой инициативы этот процесс обеспечивался государством крайне скудно, что определило неразвитость сферы общественного питания и торгового обслуживания городского населения.

В данном случае мы рассмотрим создание в городах Сибири сети коммунально-бытовых и торговых учреждений, принимавших на себя значительную часть удовлетворения материально-бытовых потребностей городского населения.

После установления советской власти в Сибири, в начале двадцатых годов городское коммунальное хозяйство находилось на очень низком уровне. Достаточно сказать, что в большинстве городов не было даже водопровода, население пользовалось водой из колодцев, водозаборных будок и т. п. Небольшое количество домов в центральной части городов было обеспечено подачей воды только в Иркутске, Омске, Томске и Барнауле. В 1926 г. начинается строительство водопровода в Новосибирске, в эксплуатацию он был введен в 1929 г. Мощность водопровода составляла 5 000 куб. м, протяженность – 50 км. К 1932 г. в городе были проложены водопроводные трубы общей длиной 60,8 км. Однако суточное потребление воды в городе пока отставало от санитарной нормы (40 л) и составляло всего 16 л на человека. Таким образом, потребности населения города удовлетворялись за счет водопроводной сети всего лишь на треть²⁷.

В годы первых пятилеток шло интенсивное строительство водопроводной сети. В целом общая протяженность водопроводной сети в городах Западной Сибири выросла в 2,5 раза за годы первой пятилетки и в 1932 г. составила 370,8 км.²⁸ За годы второй пятилетки только по Новосибирской области длина водопроводной сети с 250,8 км в 1932 г. возросла до 438,7 км, а число домовых соединений – с 1 616 до 2 869²⁹. Суммарная мощность городских водопроводов в Западной Сибири с 1928 по 1936 гг. выросла в 3,5 раза – с 17,8 тыс. куб.м до 64 тыс. куб. м воды в сутки³⁰. Правда, в большинстве сибирских городов не выдерживались санитарные нормы подачи воды. Средняя подача в расчете на одного жителя составила в Новосибирске 24 л в сутки, в то время как в Новокузнецке этот показатель равнялся 48,4, в Томске – 25,1, а в Омске – 12,7 л, что составляло менее трети нормы³¹.

Помимо подачи воды в жилища осуществлялась также установка коллективных водопроводных кранов и колонок, что позволяло населению городов сократить затраты времени и сил на доставку воды для домашних нужд. Значительная часть населения могла хотя бы таким образом пользоваться водопроводной сетью.

В середине двадцатых годов в городах Сибири разворачивается строительство канализационной сети. В Новосибирске к первому коллектору в 1926 г было подключено 10 зданий, в 1927 г. к ним добавилось еще 18 зданий. Общая длина канализационной сети в 1928 г. составляла 6 км, в 1932 г. она возросла до 22 км, т. е. почти в 3,7 раза.³² Общая протяженность по городам Западно-Сибирского края с 29 км в 1932 г. возросла до 85 км в 1936 г., т. е. почти в три раза. Однако централизованная канализационная сеть имела пока лишь в крупных городах Западной Сибири – Новосибирске и Новокузнецке. В остальных городах Сибири либо вовсе не было канализации, либо создавалась так называемая групповая канализация, охватывающая несколько домов³³.

В целом обеспеченность жилищ коммунальными удобствами была крайне низкой. Например, в Новосибирске в 1932 г. центральным отоплением оборудовано только 4,7 % домов, водопроводом – 2,6 %, канализацией – 0,6 % домов.³⁴ (Правда, если брать только государственный жилой фонд, то эти показатели будут, конечно, выше). За годы второй пятилетки эти показатели практически не улучшились. Большинство жилищ сибиряков по-прежнему не имело коммунальных удобств.

Важное значение в плане модернизации образа жизни людей имела электрификация жилищ. Строительство электростанций в городе позволило обеспечить жилища и улицы электрическим освещением, что оказывало влияние и на общее состояние жилищ, и на проведение свободного времени горожан. Например, появлялась возможность больше времени уделять чтению в вечерние часы. В исследуемый период положение существенно улучшилось. Так, в Новосибирске в 1926 г. от городской электросети получало освещение 6 233 квартиры или 28,9 % от общего числа жилых помещений в городе³⁵. В 1937 г. уже 87 % жилого фонда городов Новосибирской области имело электрическое освещение. Для сравнения отметим, что до революции только 5 % городского населения России могло пользоваться электроэнергией.

По мере постепенного огосударствления экономики и всех сфер жизнедеятельности общества в городах Сибири начинает развиваться общественный транспорт. В конце 1928 г. в Омске, Новосибирске, Красноярске и Иркутске курсировало около 35 автобусов³⁶, а к концу первой пятилетки только в Западной Сибири их насчитывалось более восьмидесяти³⁷. Вместе с тем автобусное движение, разумеется, не обеспечивало полностью потребности населения. В 1935 г. в Западно-Сибирском крае автобусное сообщение имело не только в Новосибирске, но практически во всех крупных и средних городах: было перевезено 13 390 тыс. пассажиров, или в 1,5 раза больше, чем в 1933 г.³⁸

В годы первой пятилетки начинается строительство трамвайных линий в Новосибирске и Новокузнецке. Пуск трамвая в Новосибирске состоялся 26 октября 1934 г., длина трамвайных путей составила 4,2 км. В Новосибирске за 1935 г. трамваем было перевезено 15 426 тыс. пассажиров. Длина трамвайных путей в Новосибирске в 1937 г. составила около 30 км.³⁹ В Новокузнецке трамвай начал ходить в 1934 г., а уже в 1935 г его услугами пользовались ежедневно около 63 тыс. человек. Развитие транспорта положительно влияло на быт горожан, сокращая затраты сил и времени на передвижение, способствуя увеличению свободного времени.

Одним из важных направлений развития коммунально-бытовой инфраструктуры стала организация системы общественного питания. В середине 20-х годов система общественного питания в городах Сибири практически отсутствовала. В 1927 г. в Сибири был создан краевой комитет содействия народному питанию, который возглавил работу по расширению сети общепита. В 1926 г. в Новосибирске работало только 12 частных столовых, которые, конечно, не могли удовлетворить потребности населения в общественном питании. В 1928 г. в Новосибирске было открыто 18 государственных столовых. Вместе с частными они могли предоставить населению города около пяти тысяч обедов в сутки⁴⁰.

Курс на развитие общественного питания постепенно претворялся в жизнь. Если на 1 октября 1926 г. в Сибири насчитывалось всего 32 столовые, то на 1 октября 1927 г. – уже 84 с пропускной способностью 16 тыс. обедов в день. В 1928 г. общее количество столовых в Сибири возросло до 113⁴¹. С развертыванием индустриализации система общественного питания получила ускоренное развитие. Быстрыми темпами росла сеть общественного питания в годы первой пятилетки. На 1 апреля 1931 г. по Западной Сибири насчитывалось 498 столовых, отпускавших 900 тысяч блюд в сутки. Охват населения, который рассчитывался по отношению возможного разового предоставления блюд к общему количеству населения, был довольно высок. Так, на 1 января 1931 г. в Новосибирске он составил 31,2 %⁴².

Мощность предприятий общественного питания за годы первой пятилетки выросла в 40 раз. В городах Западной Сибири в 1932 г. общественным питанием было обеспечено 575 тыс. человек против 7,5 тыс. на 1928 г., а годовой денежный оборот общепита возрос за эти годы с 2,4 до 166,2 млн руб.⁴³ Особенно возросла роль общепита в завершающие годы первой пятилетки. В начале 1930 г. сеть общественного питания было охвачено только 2,3 %, а в январе 1932 г. – уже 39 % рабочего населения Западной Сибири⁴⁴. Только сеть столовых кооператива общественного питания в Западной Сибири с 473 в 1930 г. выросла до 1 176 в 1933 г. Помимо столовых общепита действовали еще ведомственные столовые.

За годы второй пятилетки денежный оборот сети общественного питания в Новосибирской области увеличился в 1,5 раза, в Омской области – в 2,7 раза, в Красноярском крае – в 5,5 раза. Вырос и охват населения сетью общественного питания. Так, по данным на 1934 г. в Кузбассе он составил 64,8 %⁴⁵. Специальное обследование, проведенное в июне 1934 г. среди рабочих Кузнецкого металлургического комбината, показало, что 87,7 % работавших членов семьи, 20,6 % взрослых-иждивенцев и 43,3 % детей пользовались предприятиями общественного питания. При этом работавшие члены семей обращались к услугам столовых почти ежедневно: в среднем 25 дней в месяц завтракали, обедали, либо ужинали; из них 11 составляли дни, когда рабочие питались только в столовых. Дети питались в столовой хотя бы один раз в день в течение 18 дней месяца, взрослые, не работавшие члены семьи, – 14,6 дня⁴⁶. Разумеется, приведенные данные были характерны для крупных городов Сибири, в мелких и средних городах они были значительно ниже. Но все же они позволяют представить ведущие тенденции развития в социальной сфере жизни городского населения Сибири.

Важную роль в перестройке социальной сферы играли общественные учреждения по дошкольному воспитанию детей, обеспечивая возможности для вовлечения женщин в общественное производство. Сеть дошкольных учреждений в Сибири в исследуемый период практически была создана с нуля. В 1934 г. общее число детей, посещавших дошкольные учреждения в Восточной Сибири, возросло до 109,6 тыс. против 31 тыс. в 1931 г., т. е. в 3,5 раза. В Западной Сибири в 1934 г. детские дошкольные учреждения посещали 256,4 тыс. детей, что составляло 27 % всех детей дошкольного возраста. Только в яслях число мест возросло с четырех тыс. в 1930 г. до 47,7 тыс. в 1934 г.⁴⁷ После известного постановления о запрете абортов и развитии сети детских учреждений число мест в детяслях Новосибирска к 1939 г. возросло вдвое по сравнению с 1936⁴⁸. К концу 1930-х годов в Сибири была создана широкая сеть постоянно действующих и летних дошкольных учреждений.

Итак, создание сети государственных учреждений по обслуживанию бытовых нужд населения, развитие транспорта, благоустройства, других компонентов социально-бытовой инфраструктуры городов Сибири означало существенное улучшение социальной сферы. Вместе с тем, по-прежнему значительное время горожан уходило на домашний труд по обслуживанию себя и своей семьи.

Здесь нагрузка падала в основном на женщину, которая затрачивала на домашний труд в 3–4 раза больше времени, чем мужчина. Но все же, по расчетам известных исследователей Л.А. Гордона, Э.В. Клопова и Л.А. Ониква, основывающихся на данных обследований быта городских

рабочих в 1923/24 и в 1936 гг., затраты времени на домашний труд в среднем на взрослого члена семьи сократились за этот период с 35 до 24 часов в неделю⁴⁹.

В социальной сфере жизни городского населения важное место занимает организация снабжения потребительскими товарами через систему торговли. В 1920-х гг. в условиях НЭПа происходило бурное оживление торговой сети в городах Сибири. Разрешение частной инициативы, заинтересованность государственных и кооперативных предприятий в сбыте своей продукции позволили жителям почувствовать значительное улучшение снабжения. Однако допущение частника на рынок происходило дозировано и под постоянным контролем и давлением со стороны государства. Так, в 1927 г. жители Новосибирска приобретали в частной торговле 54,4 % продуктов, 23,7 % бакалейных товаров, 18,9 % промышленных товаров. В целом около трети розничного товарооборота в городе обеспечивалось частной торговлей⁵⁰.

Однако политика большевиков была направлена на концентрацию торговой сети в руках государства. Во второй половине двадцатых годов развернулась целенаправленная кампания вытеснения частника из сферы торговли. Наметившиеся тенденции изменений в соотношении различных секторов в розничном товарообороте показывают данные по Сибирскому краю (см. табл. 1).

Несмотря на предоставляемые приоритеты, сеть государственной торговли в силу своей неразвитости не могла сразу стать монопольной. В снабжении городского населения на ведущие позиции выдвигалась кооперация, в то же время шло постоянное сокращение доли частной торговли. В 1929/30 гг. жители Новосибирска приобретали в частной торговле только около трети продовольственных товаров, в том числе 25 % хлеба и мяса, 45 % молока, 58 % овощей⁵¹.

Таблица 1.

**Структура розничного товарооборота в Сибкрае в 1923–1928 гг.
(доля секторов в %)***

Сектор	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1928
Государственный	7,0	10,0	15,5	14,4	21
Кооперативный	46,2	56,4	59,1	63,5	61
Частный	46,8	33,6	25,4	22,1	18

*Составлено по: Народное хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. С.56; Советская Сибирь. 1930. 12 января

В конце 1920-х гг. возникли серьезные перебои со снабжением городского населения продуктами питания. С начала 1929 г. в городах Сибири вводится карточная система приобретения потребительских товаров: сначала хлеба, потом и других продуктов, а затем товаров промышленного производства. Система нормированного снабжения строилась в соответствии с принципами диктатуры пролетариата, отдавая приоритет рабочему классу и дискредитируя «социально чуждые элементы».

В течение 1929–1930 гг. практически все виды товаров массового спроса стали продаваться по карточкам. Нормы отпуска товаров устанавливались в централизованном порядке, однако реальное их обеспечение зависело от наличия товаров. Поэтому местные отделы торговли могли их корректировать в сторону снижения, довольно часто карточки вообще оставались неотоваренными.

С введением карточной системы снабжения городского населения частная торговля была вытеснена из розничного оборота. Например, в 1930 г. в снабжении промышленными товарами государственная и кооперативная торговля обеспечивала 95,2 % потребностей жителей Новосибирска. В обеспечении продуктами эта доля была несколько ниже – 66,6 %.

В начале 1930-х гг. частные магазины в городах Сибири прекратили свое существование. В 1932 г. был принят закон, по которому частным лицам запрещалось открывать и иметь торговые заведения. Некоторые частные торговцы пытались продолжать свою деятельность на городском рынке, подвергаясь ограничениям и преследованиям.

Нормированное распределение товаров заставило пойти на организацию особой формы торговли: закрытых рабочих кооперативов-распределителей (ЗРК). Они создавались в первую очередь для обеспечения рабочих, а также всех работавших на государственных предприятиях и в учреждениях. Уже первые месяцы работы выявили главный изъян системы ЗРК и нормированного распределения в целом: число карточек и количество проданных товаров слишком часто не совпадало с числом реально работавших на тех предприятиях, которые должны были обслуживаться соответствующим ЗРК. Зачастую продолжали получать товары те, кто уже уволился с предприятий, злоупотребления и хищения дополняли путаницу и неразбериху с числом прикрепленных. В 1932 г. была предпринята реорганизация: на крупных предприятиях были организованы отделы рабочего снабжения (ОРСы), в городских районах создавались управления рабочего снабжения (УРСы).

Рабочие и служащие получали на предприятиях так называемые «заборные» (от глагола забрать) книжки на себя и на членов семьи. В них на отдельных карточках отмечалось, сколько и каких продуктов предстоит им

получить в данном месяце. При этом нормы снабжения для служащих устанавливались, как правило, на 50 % ниже, чем для рабочих.

Установленные нормы снабжения на бумаге выглядели не так уж плохо: так, рабочему в 1931 г. по нормам Наркомата снабжения полагалось 800 грамм хлеба в день, 4,4 кг мяса в месяц, 2,5 кг рыбы, 400 г масла, 1 кг муки и 3 кг крупы, 10 штук яиц, 1,5 кг сахара⁵². Однако в действительности эти нормы редко обеспечивались. Поступавших товаров, как правило, было недостаточно для всех, имевших карточки, поэтому ожидание в очередях, сокращение норм выдачи, просроченные, но неотоваренные карточки были постоянными спутниками нормированного снабжения. По данным опросов потребителей и по сведениям Наркомата снабжения РСФСР выдачи по карточкам обеспечивали лишь от трети до половины действительных потребностей граждан⁵³.

Концентрация всех товарных ресурсов в руках государства определяла возрастающий монополизм государственной торговли: ее удельный вес в товарообороте городов Западно-Сибирского края с 33,9 % в 1928/29 гг. возрос до 80,6 % в 1934 г., в то время как удельный вес кооперативной торговли сократился за эти годы с 54,4 % до 19,4 %⁵⁴.

Об уровне жизни горожан и обеспечении их потребностей через систему торговли можно косвенно судить по данным о структуре товарооборота. В условиях нормированного снабжения и постоянного дефицита структура розничного товарооборота была примитивной. Городское население в своих покупках ограничивалось в основном товарами, необходимыми для поддержания жизни. Об этом, прежде всего, говорит значительная (более половины) доля продовольственных товаров. Так, в 1933–1937 гг. покупки продовольствия составили основную долю розничного товарооборота в городах Западной Сибири – 56–60 %, в том числе покупки хлеба – 5–6 % (а в некоторые годы они возрастали даже до 20 %), муки – 2–3 %, мяса – 3–4 %, молочные продукты – 1,5–2 %, остальные виды продуктов в среднем по 1 %. Кондитерские изделия занимали в товарообороте 6–7 %, сахар – 2–3 %. К числу продуктов питания статистика относила и алкогольные напитки, занимавшие довольно внушительную долю в товарообороте: хлебное вино – 13–14 %, другие алкогольные напитки – 4–5 %.

Среди покупок промышленных товаров, составлявших 40–44 % розничного товарооборота, преобладали покупки готового платья – 8–10 % от общего товарооборота, 4 % – обувь, 4 % – галантерейные товары, 2 % – трикотаж, 2 % – хлопчатобумажные ткани, 2,5 % – другие виды тканей; мебель – 0,5 %. Покупка культтоваров, куда помимо книг, предметов искусства, включались и школьные принадлежности, составляла 4 % общего розничного товарооборота. В то же время табачные изделия, помимо здоро-

вья, отнимали еще около 3,5 % всех средств, потраченных на покупку товаров населением⁵⁵. Стоит добавить, что большинство из перечисленных видов товаров, как правило, не лежали на полках, а продавались по карточкам населению, которое мгновенно расхватывало поступивший товар.

Контроль государства над ценами и товарными ресурсами породил еще одно уродливое явление советской торговли: так называемые «коммерческие» магазины, а также Торгсин (торговля с иностранцами). Продажа товаров в них по высоким (в 2–3 раза выше обычных) ценам приносила государству дополнительный доход. Предполагалось, что в таких магазинах товары будут покупать состоятельные граждане. Однако даже семьи мало оплачиваемых рабочих и служащих, которые не дождалась выдачи по карточкам или же нуждались в дополнительном объеме продовольствия, вынуждены были покупать товары в коммерческих магазинах. Организация коммерческих магазинов в значительной мере была скрытой формой повышения цен, так как в них продавались не только какие-то деликатесы или предметы роскоши, но и товары повседневного спроса. Так, в 1934 г. из 479,8 млн руб., полученных в коммерческих магазинах городов Западной Сибири, 248,5 млн руб., т. е. более половины, было выручено от продажи хлеба. Доля магазинов коммерческой торговли в общем розничном товарообороте городов Западной Сибири с 7,9 % в 1932 г. повысилась до 22,9 % в 1932 г. и 36,6 % в 1934 г., при этом в продаже промышленных товаров в 1934 г. она достигала 53 %.⁵⁶

Существовавшее положение с обеспечением населения товарами массового спроса подрывало денежный оборот, тормозило нормальное развитие экономики. Руководство страны приняло решение с 1 января 1935 г. перейти к свободной продаже хлеба, а позднее и других продуктов. С 1 октября 1935 г. (одновременно со снижением цены на хлеб) была введена свободная продажа мяса, рыбы, сахара, жиров и картофеля. В течение 1936 г. были отменены карточки на промышленные товары.

С отменой карточной системы коммерческая торговля и обычная торговая сеть были воссоединены, при этом цены устанавливались примерно на половине прежней разницы. Об определенном улучшении снабжения свидетельствует сумма, которую тратил за год, например, житель Новосибирска на покупку товаров в торговой сети: она выросла до 959,5 руб. в 1937 г. по сравнению с 351,3 руб. в 1932 г.⁵⁷ Однако при этом не стоит забывать и о росте цен, который существенно повлиял на этот показатель.

Итак, можно сделать вывод, что в исследуемый период система торговли и снабжения обеспечивала лишь скудное удовлетворение повседневных потребностей жителей городов Сибири. Кроме того, значительная часть свободного времени и сил горожан тратилась на стояние в очередях, покупка

товаров в эти годы превратилась в борьбу за добывание пищи, одежды или других необходимых вещей. В условиях нормированного распределения товаров торговля теряла свои естественные функции: из инструмента отслеживания спроса и предложения, удовлетворения основных потребностей жителей города она превращалась в канал административной системы распределения и контроля государства за населением.

Подводя итоги рассмотрения изменений в социальной сфере, мы можем констатировать, что в исследуемый период была предпринята попытка коренной ее реконструкции на основе той программы, которая была определена правившей партией большевиков. Однако утопичность многих ее положений, острейший дефицит сил и средств на практике привел к тому, что в большинстве случаев развитие социальной сферы шло по тем же направлениям, что и в других модернизирующихся странах, но со своей российской спецификой, определяемой, в частности, господствовавшей коммунистической идеологией.

Тем не менее, за исследуемый период были достигнуты серьезные сдвиги в развитии социальной сферы в городах Сибири. Несмотря на то, что не удалось преодолеть острейший дефицит жилья, были все же заложены основы для решения жилищной проблемы в ближайшие десятилетия, получило определенное развитие городское коммунальное хозяйство, расширилась торговая сеть городов, наметились некоторые тенденции изменений в формах и затратах домашнего труда горожан. Вместе с тем уровень развития социальной сферы городского населения Сибири был еще очень низким, что было обусловлено исходным уровнем экономического и социального развития края.

В целом можно констатировать, что наиболее существенные перемены в социальной сфере жизни населения принесло развитие коммунально-бытовой инфраструктуры городского хозяйства, включавшей в себя и общественный жилой фонд, создание многофункциональной сети государственных учреждений, принимающих на себя значительную часть труда и забот по обслуживанию потребностей горожан. В результате менялась постепенно в сторону создания цивилизованного урбанистического быта городская среда. В целом, изменения социальной сферы в городах Сибири свидетельствовали о тенденциях формирования и развития индустриально-урбанистического общества в регионе.

¹ См.: *Милютин Н.А.* Проблема строительства социалистических городов. М.-Л., 1930. С. 38–39.

² *Струмилин С.Г.* Проблемы социалистических городов. // Избранные произведения в 5 т. М., 1964. Т. 4. С. 8.

-
- ³ Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск. 1930. С. 23–24.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 466. Л. 7–18; Ф. А-390. Оп. 2. Д. 778. Л. 1–24.
- ⁵ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 707. Л. 6; Д. 1052. Л. 60; За уголь Востока, 1931, № 1, С. 30.
- ⁶ См.: *Баландин С.Н.* Новосибирск: история градостроительства. (1893–1945). Новосибирск, 1978. С. 99.
- ⁷ Советская Сибирь. 1930. 1 января; 11 января; 26 февраля; Жизнь Сибири. 1930. № 1. С. 93–98; № 2–3. С. 97–99.
- ⁸ Справочник партийного работника. Вып. 8. М., 1934. С. 733; См. также: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т. 4. С. 544–558.
- ⁹ Советская Сибирь. 1935. 18 мая.
- ¹⁰ АИ КМК. Оп. 2. Д. 45. Л. 205.
- ¹¹ НФ ГАКО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6. Л. 6.
- ¹² ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 304. Л. 17–19; Ф. 5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25; ГААК. Ф. 312. Оп. 1-а. Д. 1. Л. 90; ГАОО. Ф. 917. Оп. 1. Д. 22. Л. 229.
- ¹³ Жизнь Сибири. 1926. № 12. С. 15;
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 304. Д. 17.
- ¹⁵ Сибирский медицинский журнал. 1929. № 2–3. С. 20; ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 177. Л. 194.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25.
- ¹⁷ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 48. Л. 92.
- ¹⁸ ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.
- ¹⁹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 54. Л. 4.
- ²⁰ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. Новосибирск, 1939. С. 14–15; Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за пять лет. (1935–1939). Омск, 1939. С. 107.
- ²¹ ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 174. Л. 6–11.
- ²² ЦХАФАК. Ф. Р-312. Оп. 1-а. Д. 18. Л. 37; Ф. 333. Оп. 1. Д. 170. Л. 157.
- ²³ История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1982. С. 303.
- ²⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1609. Л. 11; Сборник постановлений и распоряжений президиума Западно-Сибирского крайисполкома. Новосибирск, 1932. № 27-а. С. 6027.
- ²⁵ История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 302.
- ²⁶ Коммунист (Новосибирск). 1936. № 13–14. С. 49.
- ²⁷ Жизнь Сибири. 1928. № 8. С. 127; За большевистские темпы (Новосибирск), 1931. 15 июля
- ²⁸ ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 111. Л. 9.
- ²⁹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937). С. 121.
- ³⁰ Коммунист. 1936. № 13–14. С. 49.

-
- ³¹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 100; Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за пять лет. С. 103; ГАНО. Ф. Р-1353. Оп. 1. Д. 177. Л. 3. С. 10–12.
- ³² НГГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 219. Л. 16
- ³³ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. С. 134; Коммунист. 1936. № 13–14. С. 49.
- ³⁴ Итоги жилищно-коммунальной переписи г. Новосибирска в феврале 1932 г. Новосибирск, 1933. С. 11
- ³⁵ *Алексеев В.В.* Электрификация Сибири. Ч. 1. Новосибирск, 1973. С. 183
- ³⁶ Советская Сибирь. 1928. 1 дек.
- ³⁷ Материалы к контрольным цифрам развития народного хозяйства и культуры. Новосибирск, 1932. С. VIII.
- ³⁸ ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 144. Л. 151.
- ³⁹ ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 144. Л. 153.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 128. Л. 19;
- ⁴¹ Советская Сибирь. 1928. 16 янв; Советская Сибирь. 1929. 13 дек.
- ⁴² *Ананьев А.* Большевики переделали Сибирь. Новосибирск, 1934. С. 77
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Советская Сибирь. 1932. 6 янв.
- ⁴⁵ История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 302.
- ⁴⁶ НФ ГАКО. Ф. 12. Оп. 11. Д. 32. Л. 10
- ⁴⁷ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 248. Л. 1–5
- ⁴⁸ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 380. Л. 37
- ⁴⁹ *Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А.* Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977. С. 149.
- ⁵⁰ Большевик. 1927. № 8. С. 37.
- ⁵¹ Статистика Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 124
- ⁵² *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993. С. 23
- ⁵³ Там же. С. 40–41.
- ⁵⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 599. Л. 24.
- ⁵⁵ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области за второе пятилетие. С. 93–94.
- ⁵⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 599. Л. 26.
- ⁵⁷ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области... С. 120.

Н.Н. Макарова

**«Послушайте храповую музыку ста с лишним человек»:
барачный быт Магнитостроя (1929–1935 гг.)**

На рубеже 1920–1930-х гг. В СССР бурно обсуждалась концепция социалистического города, особо подчёркивалась ценная перспектива строительства новых городов как мест свободных от стереотипов прежнего образа жизни. Магнитогорск в этом отношении являлся идеальной площадкой для социалистического эксперимента. Одной из проблем стал выбор формы социалистического жилья были завершены в конце 1934 г. Однако пока в теории шли поиски предпочтительной формы жилища для соцгорода, население Магнитогорска в реальности вынуждено было проживать в крайне неблагоприятных жилищных условиях, в основном в наспех построенных бараках¹.

В период индустриализации Урала проблема жилья остро стояла даже в старых промышленных городах, не говоря о новостройках, где положение было катастрофическим. Помимо ярко выраженной проблемы жилищного дефицита, ситуация в Магнитогорске осложнялась отсутствием генерального плана, который был принят лишь в 1940 г. Огромные размеры строительной площадки, а также отсутствие транспорта и качественных дорог определили местоположение жилых поселков возле строительных участков. Барачный городок состоял из отдельных, довольно крупных, участков, которые имели номера с 1 по 14. Официально строительные участки были образованы приказом начальника управления Магнитостроя от 29 июля 1930 г.

Первый участок был «элитным». Здесь размещались городские магазины, нарсуд, кинотеатр «Магнит». К югу от первого участка находился тринадцатый, а за ним одиннадцатый участки. Самым крупным участком был пятый, который располагался севернее будущего проспекта Пушкина. На окраинах этих участков для передовиков отводились земли под индивидуальное строительство. В результате вокруг барачных и земляночных участков образовались поселки, многие из которых существуют и ныне (Димитровский, Карадырский, Березки, Щитовые).

Во всех поселках жители сами строили для своей семьи дома, исключением был поселок «Березки» или Американский поселок, который строился по типовым проектам. Поселок являл собой идеальное воплощение в жизнь садового поселка, близкого к западно-европейским стандартам. В поселке проживали семьи иностранных специалистов, инженерно-технических и руководящих работников Магнитостроя. Состоял он из равных земельных участков, каждый из которых был огорожен красивым ме-

таллическим забором с калиткой. Жилые дома – коттеджи с полным благоустройством располагались в глубине участка. Рядом с домами находились мощные аллеи².

Полную противоположность «Березкам» являл поселок 8 Марта, который располагался между пятым участком и Ежовкой в низине. Среди местных жителей поселок имел название Шанхай. Этот жилой район, населенный чернорабочими и полуквалифицированными строителями, представлял собой скопление самодельных глинобитных домов, в которых вместе с семьями обитали скот и птица. Скопление людей в Шанхае было настолько велико, что «не поддавалось никакому учету. Ни один участок не имеет канализации. Действует исключительно выгребная система...»³. Этот жилой поселок возник стихийно. Люди, не выдерживавшие тесноты в бараках и жизни в палатках, решали свои жилищные проблемы самостоятельно – строили землянки без официального разрешения. Один из организаторов культурного строительства на Магнитострое Колбин вспоминал: «Идешь по площади – ничего, все в порядке, чисто. Идешь через два дня – что за черт – поселок вырос... Жилья нет, тесновато живем... Кроме того, каждый хочет иметь у себя корову, поросенка, подсобное хозяйство...»⁴.

К концу 1930-х гг. в областных центрах Урала бараки составляли половину городского жилья⁵. Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание, входы в которое осуществлялись через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивали центральный вход, ликвидируя при этом одну из комнат. Бараки имели чердачное пространство. Преимущественно строились бараки двух типов: для семейных рабочих и одиночек. По воспоминаниям инженера И.Н. Митина, отдельная комната в бараке вызвала у его жены, приехавшей в город с двумя детьми крайнее удивление: «Ах, батюшки мои, и как здесь только жить!»⁶. Для строителей-одиночек бараки строились по типу казарм на 250–300 человек, для семейных – с комнатной планировкой на 150–200 человек. Когда комнатных барачников не хватало, то семейных селили в бараки с одиночками. Один из первопоселенцев вспоминал: «Мы переехали в барак из дикого камня (на 6 участке). Там жили человек 80–100... Печки выводили в окна. Женатые жили там же в бараке, отгородившись одеялами, а то и просто так...»⁷. Подобное расселение вызывало недовольство обеих сторон. А.И. Сулимов вспоминал о том, как он обходил бараки с проверкой: «Мы спросили как они (женщины, которые днем оставались в бараке) живут, нравится ли им здесь. В это время из-за занавески буквально выскочила молодая женщина и закричала: «... попробуйте ночевать в бараке хоть одну ночь и послушайте храповую музыку ста с лишним человек...»⁸.

В протоколе собрания жильцов в бараках № 1 и № 7 от 8 декабря 1930 г. рабочие экскаваторной базы Горы просили горсовет о сдаче барака семейным на 34 семьи ввиду того, что быт рабочих в бараках № 1 и № 7 невыносим; «чересчур большое стеснение коек, каковые составляют собой сплошные нары, где живут семейные, которые в свою очередь отнимают жилую площадь общего барака, а также в бараке № 1 в одной комнате, которая предназначена для одной семьи, а живут по две и три семьи...»⁹. О.В. Быстрова рассказывала: «... ссоры часто возникали из-за тесноты. Многие не очень любили, ругались на тех, у кого маленькие дети рождались. Они ведь шумели все время...»¹⁰.

Планировочное решение семейных бараков в определенной степени напоминало проекты домов-коммун, которые разрабатывались архитекторами в 1920-е гг., осуществившими поиск нового социалистического быта. Отличие бараков от домов-коммун заключалось лишь в степени капитальности строений и их этажности¹¹. Коридорная планировочная схема хотя и являлась самой неэкономной для строительства, широкое распространение нашла именно в этот период. По мнению В.С. Федосихина и Б.В. Хорошанского, подобная система «создавала наиболее благоприятные условия для обобществления домашнего хозяйства, но и позволяла контролировать быт жителей партийным и комсомольским руководителям. Коридор, посредством которого осуществлялся постоянный контакт между проживающими, хорошо просматривался и всегда можно было пресечь несанкционированные действия»¹².

Условия проживания в бараках были тяжелыми, о чем постоянно писали газеты¹³. Барачная обыденщина оказывалась значительно сильнее энтузиазма, страха перед властями и законами. Большая скученность населения, отсутствие помещений для сушки одежды (сырую одежду сушили в бараках, что вело к повышению влажности воздуха и постоянной духоте), стирка белья и пеленок, прием пищи, пьянство, картежные игры, хулиганство – обычные явления в любом барачном поселке» делавшие жизнь рабочих невыносимой¹⁴. Хотя бараки оставляли желать лучшего, но, по признанию одного из первостроителей «мы радовались уже тому, что не живем в палатке...»¹⁵.

Жалобы населения на условия проживания были явлением широко распространенным. Вследствие растущего числа жалоб в 1930 г. была организована комиссия по проверке бараков, провели также совещание комendanтов. Результаты оказались неутешительными: ни одно жилое помещение не соответствовало санитарным нормам. Во многих бараках не было электричества, кипятка, постельных принадлежностей, в некоторых не было даже крыш, пола, а двери часто срывали. В результате в жилых

помещениях ночевали домашние животные (куры, козы и даже крупный рогатый скот), а дождь и талый снег падали прямо на жильцов¹⁶. Американец Дж. Скотт, участвовавший в строительстве города и завода, так описывал сравнительно «приличный» барак: «низкое деревянное белое здание, двойные стены проложены соломой. Крыша, крытая толем, по весне протекала. В бараке было 30 комнат. В каждой жильцы установили кирпичную или железную маленькую печку, так что, пока были дрова или уголь, комнаты можно было отапливать. Коридор с низким потолком освещался одной маленькой электрической лампочкой...»¹⁷. Б.Г. Козелев в письмах жене неоднократно указывал на отвратительный быт рабочих и «скотские условия»¹⁸.

Большинство сооружений, предназначенных под жилье, имели временный характер, т. е. сдавались в эксплуатацию без всякой отделки. Однако и капитальное жилье отличалось несущественно. Качество жилых строений как временных, так и капитальных, в Магнитогорске было неудовлетворительным: «Большинство построек, не исключая некоторых рубленых домов, отличается плохим качеством выполнения работ. Наблюдаются случаи во время дождей, затекания воды вовнутрь через крыши, щели... Оконные рамы имеют большие щели и так небрежно вставлены, что были случаи их выпадения»¹⁹.

Баракы требовали регулярного капитального ремонта: ремонта печей, остекления окон, починки крыш, дверей. Каменные дома соцгорода, вступив в третью зиму своего существования, оказались малопригодными для использования по назначению и требовали ремонта²⁰. Подготовка барakov к зимнему сезону шла крайне медленно. К 15 ноября 1931 г. не был завершен ремонт крыш, печей, стены по-прежнему оставались не оштукатуренными, а электропроводка отсутствовала в 23 бараках²¹. Магнитогорцы вынуждены были зимовать в подобных условиях. Жилищная проблема была настолько острой, что по Магнитогорску стали распространяться частушки на злобу дня²².

Со временем происходили изменения к лучшему. К концу 1934 г. большинство барakov было электрифицировано и утеплено. Значительная часть барakov были перестроены из общих в комнатные. Горожане, получившие отдельную комнату в бараке, были рады своему счастью. Так, Л.Т. Трубина вспоминала: «Семья наша жила на Доменном городке в больничном переулке в бараке № 2. Как раз выше нашего дома была больница, а справа и вверх детский садик. Это был комнатный барак. Когда в 1934 г. родители туда вселились, были счастливы. Да и у меня появился свой уголок...»²³.

Осенью 1931 г. ордера на вселение в первые капитальные дома Магнитогорска получили передовики и ударники строительства, закрепившиеся

в Магнитогорске на постоянное жительство²⁴. Горожане, вселившиеся в квартиры, сразу почувствовали массу неудобств. Начались жалобы рабочих на условия быта: отсутствие водоснабжения, канализации, отопления, близлежащих магазинов и амбулаторий²⁵.

В архивах сохранились сведения о том, что рабочие непосредственно занимавшиеся строительством этих домов, увидев каменные очертания готовых построек, возмутились, «они представили себе каково будет жить в этих мрачных клетках без всяких удобств»²⁶. Первые капитальные дома Магнитогорска выглядели так: «Мрачные казарменные фасады, зияли дырами не застекленных окон. Не были сделаны даже межкомнатные перегородки. Не было отопления – ждали прибытия радиаторов. Не было и уборных. Поднявшись по деревянной (своеобразное облегчение строительства) лестнице, люди попадали в огромные залы, занимавшие целый этаж. Там они ставили свои топчаны, привезенные из бараков, складывали «буржуйки», выводили трубы в окно, и начинали жить...»²⁷. Таким образом, барачный быт сохранился практически в неизменном виде и в капитальных домах Магнитогорска. Усугубились лишь бытовые проблемы: воду приходилось носить на верхние этажи, топить помещение стало гораздо сложнее, в результате в зимнее время температура в квартирах соцгорода иногда в морозы достигала 30–36 градусов ниже нуля²⁸.

В то время как продолжались дискуссии о приемлемой форме жилья для Магнитогорска, население существовало в жуткой тесноте. На XI Уральской областной партийной конференции, проходившей 23–30 января 1932 г., проблема жилищного строительства в регионе характеризовалась следующим образом: «Жилищное положение почти на всех строительствах и в крупных промышленных центрах неважное. Несмотря на то, что за последние годы на Урале развернуто колоссальное строительство, все же это строительство не поспевает за бурным ростом населения...»²⁹.

В начале декабря 1931 г. около 15 % населения проживало в домах относительно благоустроенных (Березки, Ежовка, Соцгород; канализация и водоснабжение отсутствовали и здесь), остальные 85 % – во временных бараках. Перенаселение привело к тому, что санитарные нормы не соблюдались. Так, по данным архива ЗАГС, в 1931 г., когда население Магнитогорска составляло 70,4 тысячи человек, общая жилая площадь равнялась 160 тыс. кв. м., т. е. 2,2 кв. м. на человека³⁰. С 1934 г. постоянная численность населения практически не менялась, составляя около 140 тысяч человек³¹. Однако не все магнитогорцы смогли улучшить свои жилищные условия.

Стремление власти максимально быстрыми темпами и с минимальными затратами создать гигантский металлургический комбинат привело к тому, что значительную часть рабочих составляли спецпереселенцы и заключен-

ные. По данным исследователя А.В. Бакунина спецконтингент в Магнитогорске составлял около 50 % рабочих³². Естественно, что жилищные условия этих рабочих были еще хуже. В постановлении Уральского областного комитета ВКП(б) отмечалось, что в мае 1934 г. на Магнитострое на одного спецпереселенца приходилось 0,83 кв. м.³³ По данным оперативной сводки, направленной наркому внутренних дел Г.Я. Ягоде, в июле 1934 г. на одного спецпереселенца приходилось всего 0,61 кв. м.³⁴ К осени 1934 г. данный показатель сократился до 0,54 кв. м. на человека³⁵.

Даже жилье, предоставлявшееся ИТР, отличалось от жилья спецпереселенцев незначительно. В лучшем случае инженера селили в вагончик, в котором он одновременно и работал, а в худшем – в барак: «когда к инженеру Терезову приехала жена и заболела, то им пришлось в бараке укрыться от дождя чертежами и чертежными досками»³⁶.

Несмотря на то, что в городе шло интенсивное строительство барачных и капитальных домов, жилплощади не хватало. Так, по данным планово-эксплуатационной части управления на 1 января 1935 г., из 32 000 рабочих – одиночек и 28 000 семейных в капитальных домах проживало только 1700 одиночек и 3800 семейных. Остальные по-прежнему жили в бараках и землянках. В капитальных домах на одного жильца приходилось в среднем 4,3 кв. м., а во временном фонде – 3,5 кв. м. Из категории «прочих служащих» постоянное жилье имели около 25 %. Важно отметить и тот факт, что из 154 790 жителей 10 % жили в землянках³⁷.

Вопрос мебели и обстановки помещений на Магнитострое решался следующим образом. Кровати были заменены топчанами – из дерева сбивали низкие помосты, на которые клали матрасовки, набитые соломой. Первоначально не хватало даже топчанов, так что трое рабочих спали на двух топчанах. По словам участника строительства Е.А. Гончарова, так спать было только лучше – теплее³⁸. Не хватало столов и табуреток. Их завозили исключительно в столовые, больницы и другие учреждения. До магазинов товары не доходили, поэтому рабочие в бараках вынуждены были превращать свой топчан и в кухню, и в спальню. Приблизительно в конце 1933 – начале 1934 г., когда бараки для одиноких в массовом порядке начали переоборудовать в комнатные, рабочие стали делать сами мебель для своих «отдельных квартир».

В комнате справа либо слева размещалась печь для обогрева помещения и приготовления пищи. Довольно часто жители устраивали в своих комнатах под полом погреб для хранения продуктов. Обычно около окна стоял дощатый стол. Вдоль стены размещалась железная кровать³⁹.

В каждом бараке в одной из комнат площадью до 30 кв. м. располагался красный уголок, в котором находилась библиотека, на стенах висели

портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также награды коллектива барака за «лучшую жизнь»⁴⁰.

В 1934 г. было решено начать строительство на территории города мебельной фабрики, которая бы обеспечивала потребность населения города и района в мебели. До открытия фабрики производством мебели должен был заниматься деревообрабатывающий завод⁴¹. Однако сигналы потребителей, зафиксированные в местной периодике, позволяют судить о том, что фактически производство мебели не было начато. Единственное исключение составляло изготовление мебели для детей: кровати, стулья и детские столы⁴².

Важно отметить, что жилищный кризис усугублялся крайней запутанностью характера распределения жилой площади и тем фактом, что получение ордера на квартиру еще не гарантировало вселение в нее. Рабочие зачастую сами отыскивали себе свободное место в бараке и располагались там⁴³. Подобная ситуация существовала в начальный период строительства завода и города. В докладной записке председателя Магнитогорского ГСПС Медведкова на имя Председателя ВЦСПС Н.М. Шверника, составленной предположительно в апреле 1932 г., сообщалось о выполнении решения ВЦСПС от 29 ноября 1931 г. о переселении рабочих по производственному принципу и расселении семейных и холостых⁴⁴.

С. Коткин описывает процесс заселения в квартиру: «Гражданин Макаров жил в глинобитной хижине, которую снесли, а самому "домовладельцу" посоветовали временно переехать с семьей в дом его друга. Две семьи жили в маленьком двухкомнатном домике, пока Макаров ожидал получение своего жилья. Наконец, ему выдали ордер на получение комнаты, но когда он пошел взглянуть на нее, оказалось, что жилплощадь уже занята»⁴⁵.

На Магнитострое появились «ведомственные городки» – бараки медработников, учителей, сотрудников ГорОНО. Возник доменный городок, в котором проживали рабочие, занятые на строительстве доменных печей. Достаточно часто ордер выдавали наиболее активным работникам, которые своим трудом заслужили улучшения условий проживания. Но, по меткому замечанию С. Коткина, «"заслуженных" людей всегда оказывалось больше, чем свободных квартир»⁴⁶. Поэтому в августе 1934 г. распределением жилья стало заниматься специальное культурно-бытовое управление (КБУ) сталелитейного завода, главной задачей которого стало справедливое распределение жилплощади.

На деле ситуация оказалась еще запутаннее, потому что районные руководители от цехов не хотели терять контроль и по-прежнему выписывали ордера. Страдали в результате рядовые магнитогорцы. Отраслевой характер распределения жилья породил необходимость руководителям ведомств «выбивать» жилплощадь для своих сотрудников, а иногда просто

ее захватывать. С другой стороны, ведомственные городки в Магнитогорске были заселены людьми одной профессии, приблизительно одного уровня образования и социального положения, что формировало значительное чувство сплоченности и взаимовыручки.

В целом, жилую зону, выросшую вокруг градообразующего предприятия, городом можно было назвать условно. Это был конгломерат жилых участков, состоявших из бараков и землянок, в лучшем случае, – из неблагоустроенных капитальных домов. Последних было крайне мало, да и в них традиции барачной жизни оставались преобладающими. Быт магнитогорцев был близок к походным условиям и заставлял горожан выработать соответствующие формы приспособления, закрыть глаза на дискомфорт и проявлять изобретательность. Жизнь в перенаселенных бараках лишала горожан частной жизни, уголков уюта, в которых можно было укрыться от социальной разрухи и ограничивала возможности социокультурного развития.

¹ Несмотря на преобладание в Магнитогорске бараков имелись в городе иные виды жилья: землянки, палатки и чингизки, дома-вагоны, индивидуальные и капитальные дома. Последних было крайне мало. В 1935 г. был выстроен только квартал № 1 Соцгорода и начато строительство квартала № 2. Каждый из которых был рассчитан на 9,3 тысячи человек при норме жилплощади на человека 6 кв. м.

² *Федосихин В.С.* Магнитогорск – классика советской социалистической архитектуры 1918–1991 гг. Магнитогорск, 1999. С. 46.

³ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 21.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 309. Л. 46.

⁵ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России. 1900–1941 гг. М., 2009. С. 142.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 302. Л. 33.

⁷ РГАЛИ. Ф. 2285. Оп. 1. Д. 104. Л. 49.

⁸ МУ МКМ. № 1908 / 19 н/в. Л. 53.

⁹ *Баканов В.П.* Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2002. С. 110.

¹⁰ Воспоминания О.В. Быстровой 1927 г.р., записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹¹ Бараки строились исключительно одноэтажные.

¹² *Федосихин В.С.* Магнитогорск – классика советской социалистической архитектуры... С. 49.

¹³ Горняк. 1933. 24 ноября.

¹⁴ Горняк. 1931. 15 августа; Магнитогорский комсомолец. 1932. 5 января; *Баканов В.П.* Испытание Магниткой... С. 111

¹⁵ *Коткин С.* Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001. С. 103.

¹⁶ *Баканов В.П.* Испытание Магниткой... С. 110.

¹⁷ *Скотт Дж.* За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М.-Свердловск, 1991. С. 63.

-
- ¹⁸ Письма Б.Г. Козелева жене // МУ «МКМ». № 1218. Л. 1.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5515. Оп. 1. Д. 375. Л. 7.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 25.
- ²¹ МУ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 34. Л. 72.
- ²² РГАЛИ. Ф. 1443. Оп. 1. Д. 131. Л. 44.
- ²³ Воспоминания Л.Т. Трубиной 1920 г.р., Записано Н.Н. Макаровой в 2008 г.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 302. Л. 33.
- ²⁵ *Федосихин В.С.* Магнитогорск – классика советской социалистической архитектуры... С. 80.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 17,19.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 17–18.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 361. Л. 18.
- ²⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 1. Л. 106.
- ³⁰ Магнитострой. Информационный бюллетень. 1931. № 2. С. 43.
- ³¹ Архив ЗАГС г. Магнитогорска. Книга учета архивного фонда книг о рождении. Л. 1–26. Книга учета архивного фонда книг о смерти. Л. 1–24; *Барышев А.А.* здравоохранение Магнитогорска (история становления и развития 1929–1960). Магнитогорск, 1976. С. 57.
- ³² *Бакунин А.В.* История советского тоталитаризма. Кн. 2.: Апогей. Екатеринбург, 1997. С. 191.
- ³³ ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.
- ³⁴ ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 31. Л. 18.
- ³⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 31. Л. 78.
- ³⁶ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 2059. Л. 29; *Терехов В.С.* Указ. соч. С. 159.
- ³⁷ *Баканов В.П.* Испытание Магниткой ... С. 112.
- ³⁸ Из-за сильных морозов и плохого отопления в бараках многие инженеры предпочитали ночевать на работе. Спали на своих письменных столах. ГАРФ. Ф. Р-7952. Оп. 5. Д. 306. Л. 3
- ³⁹ *Федосихин В.С.* Магнитогорск – классика советской социалистической архитектуры... С. 49–50.
- ⁴⁰ Там же. С. 50.
- ⁴¹ Магнитогорский рабочий. 1934. 6 июня.
- ⁴² Магнитогорский рабочий. 1934. 15 сентября. Скорее всего изготовление мебели для детей в 1934 г. было инициировано в связи с конкурсом на лучшие условия для детей, который в Магнитогорске получил широкую огласку.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 15. Д. 429. Л. 92
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. Р-5451. Оп. 16. Д. 311. Л. 43.
- ⁴⁵ *Коткин С.* Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России... С. 108.
- ⁴⁶ Там же. С. 106.

Производственный быт рабочих на предприятиях Западной Сибири в 1930-е годы.

Период 1930-х годов в Советском Союзе стал временем модернизации экономики страны — началом интенсивного формирования индустриально-урбанистического общества. В первую очередь модернизация была направлена на перевод экономики с аграрной на индустриальную платформу. Это привело к изменению географии расселения и социальной структуры — увеличилось количество промышленных предприятий и городских поселений, возросла доля рабочих и служащих, занятых в промышленном секторе. В целом, результатом модернизации народного хозяйства стали количественные и качественные изменения на всех уровнях жизнедеятельности государства и общества.

Одним из качественных изменений, связанных с модернизацией 1930-х гг., стало начало формирования массовой культуры труда индустриального типа. Под культурой труда автор понимает комплексную характеристику состояния труда, включающую в себя общепринятые принципы его организации, принципы взаимоотношения между участниками трудового процесса, уровень профессионализма работников, условия производственной деятельности. Кроме того, к области культуры труда относятся нормы поведения, присущие группе людей, занятых совместной деятельностью. Процесс формирования новой культуры труда в указанный период можно считать одним из элементов становления индустриально-урбанистического общества.

Для периода первых пятилеток можно обозначить три основные составляющие формирования новой индустриальной культуры труда. Во-первых, это нормативно-правовая база организации труда в СССР на которую должны были ориентироваться все институты так или иначе сопричастные организации и осуществлению трудового процесса. Во-вторых, жизненный опыт, навыки, устоявшиеся представления и традиции, привычки участников трудового процесса, сформированные у них до прихода в индустриальную сферу — то есть норма трудового поведения, сложившаяся ранее. В-третьих, непосредственная среда промышленного предприятия — то есть условия, в которых осуществлялась производственная деятельность. В процессе взаимодействия этих составляющих происходило формирование новой для нашей страны индустриальной культуры труда, носителем и активным создателем которой являлись трудящиеся массы.

В данной статье мы подробнее рассмотрим социально-бытовую составляющую условий труда на промышленных предприятиях Западной Сиби-

ри, то есть условия производственного быта, с которыми работники предприятий взаимодействовали ежедневно. С одной стороны, работники сами принимали участие в формировании производственной «атмосферы» промышленного предприятия, с другой — попадая в эту среду, люди подвергались её воздействию и корректировали свою поведенческую модель в соответствии со сложившимися ранее условиями.

Хотя мы не будем подробно останавливаться на анализе первых двух компонентов формирования культуры труда — прописной нормы трудовых отношений и норм, сложившихся у граждан до их включения в среду промышленного предприятия, — всё-таки необходимо кратко обозначить их некоторые характеристики.

Нормативно-правовая база трудовых отношений в 1930-е гг. была представлена в первую очередь Кодексом законов о труде РСФСР (КЗоТ) 1922 года¹. КЗоТ зафиксировал основные нормы отношений в сфере труда, в том числе, в нём были прописаны принципы организации производственной среды на предприятиях, а также распределялись обязанности по организации и контролю условий труда между администрацией предприятий, профсоюзами и инспекцией труда. Кроме того, постоянно выходили различные постановления, указы и распоряжения ЦК ВКП(б), ЦИК, СНК и ВЦСПС, касавшиеся регулирования отношений в трудовой сфере. Непосредственно на предприятиях существовали коллективные и трудовые договоры, правила внутреннего распорядка, фиксировавшие нормы взаимоотношений внутри отдельных предприятий. Эти документы разрабатывались с учётом КЗоТ, а также иных документов всесоюзного и республиканского уровня. Упомянутые документы задавали предельно нормированную рамку трудовых отношений, в том числе регулировали процесс организации производственной среды предприятий.

В период первых пятилеток значительная часть работников промышленных предприятий являлась выходцами из сельской местности (к 1937 г. в городах Западной Сибири доля выходцев из села составляла 68,5 % от общего числа прибывших²). У большинства этих людей не было долгосрочного опыта работы в индустриальной сфере. Более того, выходцы из сельской местности являлись носителями традиционной сельской культуры труда. В то же время, их старые представления и их опыт уже были, по всей вероятности, дополнены новыми установками и идеалами за счёт знакомства с периодической печатью, в которой вопросы промышленного труда освещались достаточно широко. Этот аспект формирования культуры труда довольно сложен и многогранен — он требует отдельного исследования и в данной статье рассмотрен не будет.

В центре нашего исследования находится работник промышленного предприятия. Поэтому социально-бытовую составляющую условий труда можно определить как производственный быт. Традиционно в классической социологии под бытом понимается «...область внепроизводственной жизни людей, связанная с процедурами удовлетворения материальных и духовных потребностей в процессе обеспечения жизнедеятельности, рекреации и социализации человека»³. Как видно из этого определения, быт выносится за рамки производственной жизни человека. Но в реальной жизни, находясь в стенах предприятия, человек продолжает удовлетворять свои материальные и духовные потребности, которые принято называть «бытовыми». У него остаётся потребность в утолении голода, в соблюдении санитарно-гигиенических норм, в восстановлении сил, в общении. Исходя из наличия этих потребностей, можно говорить о бытовом аспекте производственной жизни человека — производственном быте. В связи с этим, под производственным бытом мы будем понимать совокупность тех условий, в которых человек удовлетворяет материальные и духовные потребности во время осуществления трудовой деятельности. Производственный быт тесно связан с общими условиями труда на предприятии, а его качество непосредственно влияет на работоспособность человека.

Источниковой базой для изучения производственно-бытовых условий являются отчёты, акты и иные материалы инспекций по охране труда краевых комитетов и городских советов профсоюзов Западной Сибири⁴. На основании материалов, представленных в этих документах затруднительно выстроить чёткую динамику изменения состояния в производственно-бытовой сфере на предприятиях края в течение 1930-х гг., так как в архивных фондах сохранились отчёты лишь ограниченного числа предприятий региона. Однако в этих материалах отчётливо прослеживаются некоторые общие черты в сфере создания производственно-бытовых условий. В течение всего десятилетия инспекторы по охране труда отмечали на различных предприятиях в разных уголках Западно Сибирского края однотипные нарушения в организации производственного быта.

Первое, с чем сталкивался рабочий заступая на смену — необходимость подготовить себя к работе. В соответствии с нормами техники безопасности на промышленных предприятиях исключалась возможность трудиться в повседневной одежде. Работодатель (администрация предприятия) должен был регулярно обеспечивать рабочих спецодеждой либо, за неимением таковой, выплачивать денежную компенсацию, а также своевременно осуществлять починку и замену обветшавшей одежды⁵. Судя по отчётам инспекторов труда по результатам обследования техники безопасности и промсанитарии, эта чётко прописанная в законодательстве

норма не всегда реализовывалась на практике. Несоблюдение администрациями предприятий норм снабжения рабочих спецодеждой фиксировалось в отчётах в течение всего десятилетия. В некоторых случаях спецодежда не выдавалась, либо выдавалась не своевременно. В основном это было связано с нехваткой или отсутствием спецодежды на складах отдельных предприятий. В 1936 г. на одной из шахт комплект спецодежды приходился на двух – трёх человек⁶. Кроме того, выдача спецодежды могла быть отложена и по иным причинам. Так, в ходе проверки в конце 1930 года строительных организаций, занятых сооружением Кузнецкого металлургического завода (Кузнецкстрой), стало известно, что выдача спецодежды вновьприбывшим рабочим осуществляется с задержкой в несколько дней. Таким способом администрация стремилась сократить унос спецодежды⁷. Надо сказать, что опасения администрации имели под собой основание — число ушедших с Кузнецкстроя рабочих в отдельные месяцы 1929 г. достигало числа принятых на работу⁸. Подобные случаи нарушения нормативов по спецодежде встречаются практически в каждом отчёте. Невозвращение рабочими спецодежды и спецсредств в целом было обыденным явлением: кузбасские шахтёры уносили с шахт индивидуальные фляги для воды и т. п. Можно сказать, что таким образом работники предприятий края проводили «самокомпенсацию» за тяжёлый труд, задержки заработной платы и обчёты при её начислении.

Нормы и сроки обеспечения спецодеждой и спецсредствами устанавливались Народным комиссариатом труда для каждой профессии. В то же время, на местах имелась возможность переоценить эти нормы с поправкой на реальные условия труда. Так, в отчёте о ходе выполнения работ по улучшению условий труда на заводах треста «Сибсельмаш» (Омск) отмечалось, что нормы по спецодежде, установленные комиссариатом (то есть сроки выдачи и категории рабочих, которым должна выдаваться спецодежда) не соответствуют реальным производственным условиям. В конце отчёта перечислены мероприятия, необходимые для улучшения условий труда, в том числе была отмечена необходимость пересмотра норм по спецодежде⁹. Документ был подписан представителями профсоюза, завкома, отдела труда, парткома рабочих и заводоуправления.

Следующей обязанностью администрации по отношению к работникам было создание приемлемых условий для удовлетворения санитарно-гигиенических потребностей. Обязательными были наличие на предприятиях раздевалок, душевых кабин, уборных «в шаговой доступности», выдача мыла и полотенец. В реальности эти обязательные условия выполнялись «по мере возможности». Между тем, даже наличие или отсутствие уборных было напрямую связано со здоровьем работников предприятий.

Следствием отсутствия тёплых уборных в горячих цехах заводов треста «Сибсельмаш» являлись частые простудные заболевания среди рабочих¹⁰. На одном из кирпичных заводов уборные располагались на расстоянии 40—50 метров от цехов, что также не содействовало удобству на производстве и здоровью работников¹¹.

Одним из факторов, влиявших на условия производственного быта, была проветриваемость производственных помещений. Эта проблема, судя по сохранившимся материалам, была не менее значимой, чем снабжение спецодеждой. Наличие вентиляции в цехах предприятий было залогом не только комфортных условий труда, но и снижения заболеваемости работников. При этом, отсутствие или недостаточность имеющейся вентиляции являлась «большим местом» предприятий с вредными производствами. На большинстве производств не удавалось создать благоприятные для здоровья работников условия. Наиболее ярко этот вывод иллюстрирует отчёт по результатам проверки условий труда и техники безопасности на Томской махорочной фабрике (октябрь 1934 г.). В отчёте приведён подробный анализ ситуации с проветриваемостью производственных помещений: даны цифры концентрации вредных взвесей, а также их влияние на здоровье работников. У работников фабрики были зафиксированы нервные расстройства, заболевания желудочно-кишечного тракта и дыхательных путей, туберкулёз, выкидыши и другие проблемы с беременностью у женщин. Был сделан вывод о недостаточности имеющейся естественной вентиляции для обеспечения нормальных условий труда на предприятии и даны рекомендации по устранению недочётов¹².

Статья 98 КЗоТ предписывала нанимателю в обязательном порядке предоставлять трудящимся в течение рабочего дня перерыв для отдыха и приёма пищи. В нашем случае важной характеристикой производственно-бытовых условий является наличие у рабочих возможности использовать обеденный перерыв по назначению. В годы первой пятилетки мощность предприятий общественного питания в регионе выросла в 40 раз¹³. На первый взгляд такое увеличение мощности общепита впечатляет, но если принять во внимание темпы роста городского населения в тот же промежуток времени, то эти показатели не будут выглядеть оптимистичными. Дополнительным штрихом к общей картине обеспеченности предприятий Западной Сибири учреждениями питания могут быть данные отчётов низовых профсоюзных организаций, отправленные в Краевой совет профсоюзов в августе 1931 г. Данные были предоставлены 239 предприятиями. Из них собственные столовые имели лишь 138¹⁴. Работники предприятий не имевших своей столовой были вынуждены искать иные способы пропитания во время обеденного перерыва. При желании, рабочие могли посе-

тить учреждение общепита на стороне либо пообедать принесёнными с собой продуктами. Посещение столовых, принадлежащих другим предприятиям, грозило мелкими бытовыми конфликтами с работниками этих предприятий, обед на рабочем месте мог привести к конфликту с представителями санитарной инспекции.

Не менее острым был вопрос о качестве работы учреждений общественного питания. Судя по публикациям в периодической печати Запсибкрая и по отчётам санитарной инспекции качество обслуживания, разнообразие и качество блюд, а также качество самих помещений столовых и буфетов не соответствовали ни формальным прописным нормам, ни запросам потребителей¹⁵. Низкое качество работы столовых вызывало недовольство рабочих. Весной 1933 г. На фабрике им. ЦК Швейников в Новосибирске среди рабочих были зафиксированы разговоры следующего характера: «А столовая наша одна можно сказать отравна, просто есть невозможно, хороший хозяин раньше собаку [так] не кормил, а теперь нас рабочих кормят <...>, прямо надо сказать – лучше кусок с водой: вкуснее чем обеды в столовой»¹⁶.

Помимо недовольства рабочих, выражаемого в разговорах, качество питания в столовых приводило и к более существенным последствиям. Врач фабрики им. ЦК Швейников отмечал, что питание в столовых низкого качества, а его калорийность не доходит даже до 300 калорий в сутки, при минимальной норме в 2 500 калорий в сутки. В качестве результата недостаточного питания он назвал малокровие, что, по его словам, сказывалось на производительности труда. При этом доктор сетовал на своё профессиональное бессилие: «приходит ко мне, жалуется на плохое состояние здоровья – малокровие, ну а я что им помогу, сказать им чтобы они питались лучше, бесполезно, т. к. сам знаю, что этого сделать они не могут, ну и ограничиваешься разговорами. В последнее время особенно чувствуется истощение рабочих...»¹⁷. Неблагоприятные по обыденным и по формальным меркам условия питания на предприятиях, приводили к снижению работоспособности, а, следовательно, и производительности труда, а также отрицательно действовали на моральное состояние рабочих.

Вопросы неустроенности производственного быта решались не только администрацией и профорганизацией конкретных предприятий. Эта тематика поднималась в специализированной печати. Так, в журнале «За индустриализацию Сибири» отмечалось, что «нечуткое, а подчас даже грубое отношение административного и технического персонала к нуждам и законным требованиям рабочих» являются основной причиной текучести кадров на предприятиях. Это отношение, по словам автора статьи, заключалось в том числе в неумелом использовании ресурсов питания, специде-

жды, дефицитных промтоваров (имеется в виду, вероятно, неравномерное или несправедливое их распределение), а также в отсутствии плановой культурно-просветительной и политической работы¹⁸.

Судя по сохранившимся отчётам о результатах обследований условий труда рабочих на предприятиях Западной Сибири, проблема улучшения производственно-бытовых условий поднималась регулярно как инспекциями по охране труда и санитарной, так и заводскими комитетами профсоюзов. В ряде отчётов проводится взаимосвязь производственно-бытовых условий с уровнем травматизма, профзаболеваемостью и производительностью труда рабочих. При этом в них содержатся рекомендации для администрации предприятий по улучшению условий труда.

В целом, можно сказать, что необходимость улучшения бытовых условий на производстве в период первых пятилеток не только объективно находилась на поверхности, но и активно обсуждались на разных уровнях, что приводило к некоторым результатам в целом по промышленному сектору. В то же время, как свидетельствуют те же документы, в течение всего периода на отдельных предприятиях Западной Сибири, принадлежавших к различным отраслям промышленности, сохранялись однотипные нарушения в сфере создания производственно-бытовых условий работников. Рекомендации комиссий и инспекций зачастую выполнялись администрацией предприятий не в полном объёме. Тем не менее, в фокусе формирования культуры труда, наличие норм производственно-бытовых условий, а также мероприятия по их проверке их осуществления и устранению недочётов, должны были способствовать формированию новой нормированной культуры труда.

¹ Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. М., 1922 г., № 70. Ст. 903.

² Население Западной Сибири в XX веке / Отв. ред. *Н.Я. Гуцин, В.А. Исупов*. Новосибирск, 1997. С. 95.

³ Цитируется по: *Орлов И. Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. С. 4.

⁴ ГАНО. Ф. 621. Оп. 1. Д. 232, 234, 568, 649, 790, 792, 939, 941, 1027, 1033, 1035, 1036, 1037, 1038, 1112, 1176, 1177, 1180, 1182, 1183, 1184, 1230.

⁵ Кодекс законов о труде РСФСР. 1922 г. Ст. 86, 141, 142.

⁶ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1179. Л. 63.

⁷ ГАНО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 568. Л. 11.

⁸ Бюллетень Кузнецкстроя. М., 1929. С. 11.

⁹ Ф. 627. Оп. 1. Д. 790. Л. 15.

¹⁰ Ф. 627. Оп. 1. Д. 790. Л. 15.

¹¹ Ф. 627. Оп. 1. Д. 1179. Л. 77 а.

¹² Ф. 627. Оп. 1. Д. 1035. Л. 2–4.

¹³ *Исаев В.И.* Коммуна или коммуналка. Изменения быта рабочих Сибири в годы индустриализации. Новосибирск, 1996. С. 88.

¹⁴ ГАНО, Ф. 627. Оп. 1. Д. 689. Л. 71–82.

¹⁵ Примеры можно найти: Советская Сибирь. 1930. 8 марта; Советская Сибирь. 1934. 26 апреля. 2 июня и др.

¹⁶ ГАНО, Ф. 627. Оп. 1. Д. 1002. Л. 28.

¹⁷ ГАНО, Ф. Р-627. Оп.1. Д.1002. Л. 28–29.

¹⁸ За индустриализацию Сибири. 1931 г. № 11–12. С. 22.

Н.М. Маркдорф

Роль спецгоспиталей в восстановлении трудоспособности иностранных военнопленных в Западной Сибири (1943–1950 гг.)

На территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период действовало три специальных госпиталя для лечения иностранных военнопленных и интернированных: № 1512 в г. Славгороде Алтайского края (май 1943 – сентябрь 1944 гг.), № 2494 в г. Новосибирске (1945–1948 гг.) и № 1407 в г. Сталинске Кемеровской области (декабрь 1948 – июнь 1950 гг.). В мае 1943 г. крупный этап военнопленных из Радинского лагеря № 188 НКВД СССР принял тюменский лагерь № 93 в Западной Сибири¹. Эшелоны № 5198 со станции Алексино (ФППЛ № 53), № 5183 со станции Рада (лагерь № 188) 17–22 мая 1943 г доставили в спецгоспиталь № 1512, дислоцированный на территории города Славгорода Алтайского края 821 чел. – больных и раненых солдат вермахта². Так начал свою деятельность первый в Западной Сибири спецгоспиталь № 1512³. За весь период существования госпиталь в основном обслуживал военнопленных тюменского лагеря НКВД СССР № 93. Выздоровливающие переводились в тюменский лагерь № 93 и Спасозаводский режимный лагерь № 99 (ст. Караганда-Угольная), лагерь № 241 (Пермская область).

Вольнонаемные врачи имели фронтовой опыт, большой медицинский стаж и высокую профессиональную квалификацию⁴. Инструкции НКВД рекомендовали выявлять медперсонал из военнопленных, и направлять их в лечебные и оздоровительные учреждения.

В мае 1943 г. поступившим в госпиталь пациентам были поставлены диагнозы. Среди заболеваний преобладали алиментарная дистрофия, пеллагра, экссудативный плеврит, авитаминоз, цинга. Однако наиболее

серьезную опасность представляли, прибывшие в антисанитарном и крайне тяжелом состоянии, больные сыпным тифом, дизентерией и обезвоживанием организма Их доля составляла всего лишь 8 %. Однако их наличие создавало предпосылки для распространения данных видов инфекции не только в госпитале, но и в крае⁵. Эти пациенты нуждались в строгой изоляции, проведении комплекса санитарных и противоэпидемических мероприятий, в опытных врачах-инфекционистах.

Всего за время существования госпиталь принял на лечение 1 187 больных, из них 53 % отправлялись специальными эшелонами как крупными (150 чел.), так и более мелкими партиями (15–20 чел.) с пассажирскими поездами⁶. Основная масса контингента из лагеря № 93 поступала в период с октября 1943 по март 1944 г. (586 чел.).

Больных размещали по роду и тяжести заболеваний, из которых около 30 % приходилось на туберкулез легких; дизентерию, гемоколиты; обморожения. Удельный вес заболеваний дистрофией, пеллагрой и сопутствующими им заболеваниями: цингой, плевритами, пневмонией, менингоэнцефалитами, миокардитами, тромбофлебитами среди коечных больных колебался в 1943 г. в пределах 60–80 %⁷. Во многом такая структура болезней объяснялась определенными недостатками в организации лечебного дела, отсутствием специального питания, неиспользованием местных ресурсов витаминотерапии, но главное – поступлением военнопленных в крайне запущенном состоянии⁸. В основном больные прибывали в спецгоспиталь в очень тяжелом состоянии, но, тем не менее, смертность военнопленных за весь период его деятельности составила 106 чел. (9 % от общего количества контингента), из которых 97 % были в возрасте – от 18 до 40 лет⁹.

Более 60 % пленных, отправленных из спецгоспиталя № 1512 в тюменский лагерь № 93, по физическому состоянию относились к III–V группам трудоспособности, нуждались в дальнейшем амбулаторном и длительном стационарном лечении. С целью недопущения подобной вредной практики в спецгоспиталь поступило телеграфное распоряжение за № 3201 от 31.12.1943 г. заместителя Наркома внутренних дел, комиссара госбезопасности второго ранга С.Н. Круглова, потребовавшего проведения тщательного медицинского освидетельствования выздоровевших с обязательным привлечением в комиссию начальника спецгоспиталя, его заместителя по режиму и охране, представителей санитарных отделов УНКВД края и лагеря № 93¹⁰. Категорически запрещалось выписывать военнопленных, не относящихся к I–II физическим группам.

В то же время, для увеличения количества обслуживаемых пациентов под нажимом УНКВД Алтайского края, рекомендовавшего не задерживать пленнх в стационаре и немедленно отправлять их мелкими партиями в

лагеря. Администрация госпиталя должна была самостоятельно договариваться с командованием местных частей конвойных войск о перевозках выздоровевших людей под охраной¹¹. Часто из спецгоспиталя в лагерь поступал не закончивший лечение, ослабленный, с различными патологиями, а, следовательно, непригодный к труду контингент. Эти тенденции сохранялись в течение всего периода «взаимоотношений» госпиталя № 1512 и лагеря № 93. Например, 52 чел. (8 %) бывших пациентов, страдающих тяжелыми, неизлечимыми недугами (дистрофией II–III степеней, пеллагрой, цингой, остеомиелитом, фурункулезом), имеющих незарубцевавшиеся раны и свищи, были направлены (иногда в день прибытия) в лагерь стационар или отправлены обратно в спецгоспиталь¹².

Во второй половине 1944 г. спецгоспиталь № 1512 был передислоцирован в Ворошиловград. Последние партии выздоравливающих военнопленных перевели в карагандинский лагерь НКВД № 99, а больные – в спецгоспиталь № 3757 (ст. Шумиха)¹³.

Таким образом, недостаточно качественная лечебно-профилактическая работа, значительная удаленность госпиталя от лагеря, неоправданная попытка сокращения пребывания пациентов в спецгоспитале существенно влияли на эффективность лечения военнопленных тюменского лагеря № 93, что привело в нем к росту показателей заболеваемости и смертности.

Опыт организации лечебного дела в госпитале № 1512 для военнопленных был использован в послевоенный период в системе ГУПВИ НКВД–МВД СССР. В это время изменился характер задач, поставленных перед специальными медицинскими учреждениями, действовавшими как многопрофильные лечебно-диагностические, консультативные центры для медицинского персонала лагерей. В тоже время хорошо оборудованные по сравнению с гражданскими больницами спецгоспитали № 2494 и № 1407, которые осуществляли лечение особо тяжелых больных, направляемых из близлежащих лагерей – № 199 (Новосибирская область); № 503, № 525 и № 464 (Кемеровская область) оказались даже лучше оборудованными и обеспеченными медицинской техникой, чем многие гражданские больницы¹⁴.

Решение об открытии в Новосибирске специального госпиталя для военнопленных № 2494 на 150–250 коек с учетом крайне напряженной обстановки в лагере № 199 (смертность военнопленных за октябрь 1944 – март 1945 г. составила 1 662 чел. или 20 % от общего числа контингента) и дефицита медицинских кадров было принято в апреле 1945 г.¹⁵ Судя по строевым запискам, новосибирский спецгоспиталь № 2494 первых 335 больных и раненых принял ^{1 мая 1945 г.}¹⁶

Сразу после окончания войны, когда военнопленные в Западную Сибирь стали поступать в массовом порядке, загрузка спецгоспиталей прово-

дилась по нарядам ГУПВИ МВД СССР, а имеющийся в Западной Сибири единственный госпиталь № 2494 не обеспечивал фактическую потребность в лечении больных даже одного лагеря № 199. В Кузбассе, Алтайском крае и Тюменской области (прежде всего, из-за отсутствия подходящего жилого фонда) не были созданы спецгоспитали, и больные отправлялись на лечение в другие регионы страны (в том числе и в спецгоспиталь № 2494)¹⁷.

В 1945–1948 гг. в спецгоспиталь № 2494 больные поступали преимущественно с алиментарной дистрофией I–III степеней, активной формой туберкулеза, дерматитами, воспалением легких и желудочно-кишечными заболеваниями. За этот же период количество выписанных пациентов из спецгоспиталя в лагерь № 199 равнялось 2 023 чел. (74 %), смертность составила 49 чел. (2 %)¹⁸. Максимальная загрузка спецгоспиталя, более 130 % наблюдалась в 1945–1947 гг., на начало 1948 г. – 95 %, а на середину этого же года – 39 %¹⁹. Средняя продолжительность пребывания в госпитале одного военнопленного составляла 26 дней²⁰, что было явно недостаточным для лечения тяжелых форм заболеваний и с длительным инкубационным периодом. Однако спецгоспиталь вынужден был регулировать сроки пребывания пациентов, увеличивая или сокращая их в зависимости от числа пациентов. Максимальный срок лечения в госпитале особо тяжелых пациентов доходил до четырех месяцев.

Госпиталь № 1407 был размещен на базе оздоровительного лаготделения № 8-525 в окрестностях г. Сталинска²¹. В организационный период как госпиталь № 2494, так и № 1407, испытывали острую нехватку жилых помещений для медицинского персонала и вахтерского состава. Если эта проблема в спецгоспитале № 2494 так и не была разрешена, то для личного состава спецгоспиталя № 1407 было выстроено пять жилых домов. Если спецгоспиталь № 2494 был прикреплен для обслуживания военнопленных новосибирского лагеря № 199 (май 1945 – июнь 1948 гг.), то спецгоспиталь № 1407 принимал на лечение больных лагерей № 503 и № 525 (декабрь 1948 г. – сентябрь 1949 г.), а после репатриации основной массы военнопленных и интернированных (октябрь 1949 г. – июнь 1950 г.) арестованных и осужденных режимного лагеря МВД СССР № 464 в Кемеровской области.

Для оказания квалифицированной медицинской помощи военнопленным по решению правительства СССР госпитали укомплектовывались лучшими медицинскими кадрами, работающими в системе НКВД и имеющими фронтový опыт. Коллектив военных медиков спецгоспиталя № 1407 прошел боевой путь на Южном, Северо-Кавказском, Северо-Западном, 2-м Прибалтийском, Ленинградском, Забайкальско-Амурском фронтах и с декабря 1945 г. по декабрь 1948 г. обслуживал японских воен-

нопленных лагеря № 4 МВД СССР в пос. Тырма Амурской области. По состоянию на 15 сентября 1949 г. в госпитале № 1407 работали 19 врачей с высшим специальным образованием. Это был слаженный коллектив, практически в полном составе прибывший с Дальнего Востока, имевший многолетний стаж (в том числе фронтовой) совместной работы.

Немногочисленные нарушения дисциплины и устава (48 случаев за весь период деятельности) совершал вольнонаемный средний медицинский персонал и вахтеры, принятые на работу в Кемеровской области. Среди зафиксированных правонарушений: связь с медицинскими сестрами, прогулы, невыполнения приказов, опоздания на работу, мелкие кражи, а также единственное «персональное дело» капитана медицинской службы, сумевшего «разбазарить» импортные антибиотики. Как выяснилось в ходе расследования, во время войны он присвоил себе воинское звание, не имея медицинского диплома, выдавал себя сначала за врача – стоматолога, а затем за врача – венеролога и был осужден в конечном итоге Военным трибуналом²².

Для повышения эффективности лечения госпитали остро нуждались в «узких» специалистах. Например, госпиталь № 2494 до начала 1948 г. не имел невропатолога, окулиста, психиатра²³. Отчасти эта проблема решалась посредством направления врачей на курсы переподготовки. Так, за 1949–1950 гг. с учетом потребности в специалистах 11 врачей спецгоспиталя № 1407 успешно окончили курсы в Новосибирском институте повышения квалификации врачей по следующим циклам: хирургии, рентгенологии, офтальмологии, отоларингологии, физиотерапии, туберкулеза, неврологии, терапии, лор и кожно-венерических заболеваний²⁴.

В отличие от спецгоспиталя № 1512 недокомплект медицинских кадров был компенсирован также за счет привлечения к работе квалифицированных военнопленных врачей, фельдшеров и санитаров. Обязанности дежурного врача стали выполнять переведенные из лагеря № 525 немцы – опытные терапевты и хирурги. Военнопленным врачам поручались самостоятельные ночные дежурства, ведение историй болезней, что свидетельствовало о доверии к ним администрации и персонала. Кроме того, немцы – врачи были постоянными донорами, как медики выполняя свой профессиональный долг по отношению к пациентам²⁵. Интересен тот факт, что после репатриации врачи спецгоспиталя № 1407 В. Шнайдер, Б. Мюллер, Г. Штекель, П. Бенинг и В. Штейкснер продолжали свою лечебную практику в послевоенной Германии²⁶.

Вследствие этого фактора, военнопленные и интернированные стремились разнообразными способами продлить свое пребывание в госпиталях и охотно устраивались на любые подсобные работы в качестве хозяйственной obsługi. Исходя из конкретных потребностей в рабочей силе, а также

с целью трудотерапии (согласно распоряжения начальника УПВИ НКВД СССР за № 28/4/95 «Об упорядочении режима спецгоспиталей» от 25.08.1944 г.²⁷ и с санкций УМВД), администрация спецгоспиталей № 2494 и № 1407 использовала выздоравливающих военнопленных в соответствии с их гражданскими профессиями на заготовке топлива, для починки обмундирования и обуви, для ремонта зданий, на работах в пищеблоке и в качестве санитаров по обслуживанию больных²⁸.

Хозяйственная обслуга и санитары принимались на срок не более двух месяцев (за исключением поваров, сапожников и портных) с последующей их заменой другими лицами. Для пленных, выполняющих хозяйственные работы, выделялись отдельные жилые помещения²⁹.

Медицинское освидетельствование двух тысяч больных, поступивших в спецгоспиталь № 1407 с декабря 1948 г. по июнь 1950 г., показало, что по сравнению с 1945–1947 гг. (спецгоспиталь № 2494) в составе больных по диагнозам заболеваний произошли существенные изменения. Так, среди военнопленных бывшей германской армии существенно уменьшился удельный вес алиментарной дистрофии (с 62 % до 34 %), в то же время туберкулез легких возрос (с 8 % до 13 %)³⁰.

Несмотря на послевоенные экономические трудности в стране, коллективы спецгоспиталей № 2494 и № 1407 использовали современные методы лечения, чем способствовали сокращению заболеваемости и смертности военнопленных и интернированных. Серьезным фактором в лечении больных алиментарной дистрофией и гемоколитами являлось дробное переливание крови. Например, в госпитале № 1407 были созданы группы доноров, количество сданной крови которыми составило 28,6 кг, причем в число доноров входили военнопленные врачи, фельдшеры, функционеры и другие представители антифашистского актива.

Врачи спецгоспиталя № 1407 разработали новые оригинальные методики диагностики и терапии крупозной пневмонии, туберкулеза легких, алиментарной дистрофии, переломов, глазных болезней, которые впоследствии были рекомендованы для применения в других лечебных учреждениях страны. Здесь же уделялось много внимания усовершенствованию медицинского инструмента. Многолетний военный и послевоенный опыт врачебной практики, в том числе по лечению военнопленных в условиях Дальнего Востока и Кемеровской области, был обобщен в ряде научных монографий, таких как «Мальтийская лихорадка», «Миелоидная лейкемия», «Осенний японский энцефалит»³¹.

Кроме терапевтической помощи больным в соответствии с планами УМВД по Кемеровской области квалифицированные врачи спецгоспиталя № 1407 проводили санитарно-профилактическую работу, выезжая в ста-

ционеры и амбулатории лагерей для чтения лекций и бесед, консультируя медицинский персонал в лечении особо тяжелых больных. Всего за период существования спецгоспиталя в Кузбассе врачи и фельдшеры прочитали и провели 217 лекций и бесед³². В экстренных случаях для консультаций привлекались специалисты Новосибирского института усовершенствования врачей и городских больниц.

С целью повышения квалификации врачебно-медицинского персонала лагерей на базе спецгоспиталя № 1407 с января 1949 г. стали действовать краткосрочные учебные курсы, лекции на которых читали доценты Новосибирского института усовершенствования врачей на следующие темы: «Основной принцип лечения переломов», «Раневой сепсис», «Мужская гонорея», «Сифилис», «Гнойничковые заболевания кожи», «Крупозное воспаление легких», «Острый нефрит», «Грипп», «Пищевые интоксикации», «Бруцеллез», «Туберкулез». По всем прочитанным лекциям проводились практические занятия, рассчитанные на 24 часа аудиторного времени. В марте 1950 г. по инициативе руководства спецгоспиталя № 1407 была проведена научно-практическая конференция врачей с приглашением профессуры и ведущих специалистов г. Новосибирска по изучению профиля и специфики заболеваний военнопленных, на проведение которой ОПВИ УМВД Кемеровской области выделило 3 000 рублей³³.

Военные медики ответственно относились к выполнению своих должностных обязанностей. Многие получили поощрения. Например, за период деятельности спецгоспиталя № 1407 правительственные награды (ордена и медали) получили 17 служащих и врачей. 10 работников среднего медицинского персонала были премированы на общую сумму 3 000 руб. Кроме того, с апреля по июль 1949 г. премиями в размере 40 руб. трижды поощрялись военнопленные врачи; по 100 руб. – функционеры, пропагандисты по антифашистской работе и руководители госпитальной самодеятельности; по 15 руб. – хозяйственная обслуга, а повар Ф. Геркер в качестве премиальных получил 150 руб.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Спецгоспиталь № 1512, созданный в годы войны для лечения больных военнопленных, вынужден был сокращать сроки их лечения в ущерб его качеству. Как следствие, снижения заболеваемости и смертности в тюменском лагере № 93 не произошло, так как возвращавшиеся из госпиталя зачастую нуждались в дополнительном лечении, помещались в стационары или направлялись обратно в госпиталь.

В послевоенное время в западносибирском регионе наблюдался высокий уровень санитарных потерь среди военнопленных и интернированных. Они находились в неблагоприятной эпидемиологической обстановке, ис-

пытывали острую потребность в специализированных медицинских учреждениях. Однако на территории Алтайского края, Кемеровской и Тюменской областей (до декабря 1948 г.) из-за отсутствия подходящего жилого фонда спецгоспиталей создано не было. Единственный в регионе спецгоспиталь № 2494 не мог обеспечивать необходимой лечебной помощью даже один новосибирский лагерь № 199. Как следствие, наблюдался устойчивый рост заболеваемости и смертности, возникали эпидемии сыпного тифа, дизентерии, ликвидированные только к концу 1947 г. Людские потери можно было существенно сократить, если бы в данных областях имелись специализированные лечебные учреждения и возможность оказания ими своевременного квалифицированного медицинского обслуживания в соответствии с реальной потребностью лагерей.

Созданием спецгоспиталей № 2494 и № 1407 удалось решить следующие задачи: максимально приблизить квалифицированную медицинскую помощь к лагерям; сократить государственных расходы по перевозкам: из области – в область (больных – в спецгоспитали, выздоровевших – обратно в лагерь); успешно лечить инфекционные заболевания; по сравнению с лагерными стационарами более результативно восстанавливать физическое состояние пленных, а, следовательно, повышать эффективность их трудового использования.

За период своей деятельности западносибирские спецгоспитали стали лечебно-консультативными, диагностическими базами для лечебных учреждений в лагерях, а также научными и учебными центрами по специализированной профессиональной переподготовке врачебного и среднего медицинского персонала в системе НКВД–МВД СССР.

В спецгоспитали направлялись преимущественно больные с тяжелой формой алиментарной дистрофии, активным туберкулезом, фурункулезами, заболеваниями сердечнососудистой системы в стадии декомпенсации и травматике. В результате правильной постановки лечебного дела в спецгоспиталях удалось поставить барьер распространению эпидемических заболеваний и в конечном итоге добиться сокращения смертности военнопленных. Наличие высококвалифицированных кадров, а также хорошая оснащенность данных лечебных клиник позволили полностью обеспечить военнопленных качественной медицинской помощью. Лишь в отдельных случаях, когда загруженность спецгоспиталей превышала предельно допустимые нормы, а также в целях изоляции психических больных, использовались резервы лечебных учреждений местных органов здравоохранения.

¹ РГВА. Ф. 124п. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1–16.

² ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 128.

³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 6з. Д. 31. Л. 5; ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 172–173.

-
- ⁴ Там же. Л. 178–179.
- ⁵ РГВА. Ф. 124п. Оп. 2. Д. 2. Л. 28, 28 об.; Д. 3. Л. 36, 36 об.
- ⁶ ИЦ ГУВД ТО. Ф. 27. Оп. 20. Д. 7. Л. 22.
- ⁷ Труды Терапевтической клиники. Том II / Под ред. И.М. Рыбакова. Горький, 1942. С. 177–188.
- ⁸ РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а. Д. 2. Л. 97–98.
- ⁹ ОСД УАДАК. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 4. Л. 154–155, 157–159.
- ¹⁰ ИЦ ГУВД ТО. Ф. 21. Оп. 20. Д. 11. Л. 211; ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 21. Л. 211–213.
- ¹¹ ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 117–118.
- ¹² РГВА. Ф. 1п. Оп. 4з. Д. 23. Л. 194 об., 201; Оп. 6з. Д. 21. Л. 12, 12 об., 34, 67, 92, 92 об., 105.
- ¹³ ИЦ ГУВД АК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 22. Л. 173.
- ¹⁴ РГВА. Ф. 1п. Оп. 3г. Д. 19. Л. 2–3.
- ¹⁵ ГАНО. Ф. 4. Д. 194. Л. 180–181.
- ¹⁶ РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 138. Л. 19–24 все с об.; Д. 413. Л. 114.
- ¹⁷ РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 7. Л. 1–2.
- ¹⁸ Подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 138. Л. 19–24 все с об., 31–32 все с об., 67, 71, 88–89 об., 93, 115, 119, 144–145, 147, 155–157 все с об., 158–160, 166–167 все с об., 175, 181, 186–186 а., 188, 190, 192, 205, 211, 213, 220, 225, 234, 242, 247, 251, 257, 265, 283, 293, 298; Д. 413. Л. 111–122; Д. 821. Л. 1, 2, 5–12, 17, 19, 30, 32, 33, 41, 44, 46–47 об., 53, 92, 94, 99, 107, 118, 155, 167, 171, 174.
- ¹⁹ Подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 07е. Д. 821. Л. 7–8, 30, 41, 44, 92.
- ²⁰ Подсчитано по: РГВА. Ф. 1п. Оп. 14 з. Д. 14. Л. 97.
- ²¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 7. Д. 11. Л. 75.
- ²² ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 39. Д. 4а. Л. 38, 56, 61–62, 69–70, 182, 201, 221–222; Д. 5. Л. 38–40 об, 45, 76; П. 43. Д. 3. Л. 2–4, 19–21.
- ²³ РГВА. Ф. 166п. Оп. 1. Д. 6. Л. 45–46.
- ²⁴ ИЦ ГУВД КО. П. 14. Д. 1. Л. 203–204, 226, 250; Д. 2. Л. 25.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 205. Т. 14. Л. 180–180 об.
- ²⁶ Rulc S. Unvollständige chronik 1945–1950: Ein tagebuch zur Werwolf – Legende. Berlin, 1997. S. 85–88; Hecht Herbert Willi Paul. Sibirische Glocken: glaube und Hoffnung. Gernrode, 2006. S. 72–75.
- ²⁷ Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД–МВД СССР. 1941–1952 гг.: Отчетно-информационные документы и материалы. Волгоград, 2004. С. 430–431.
- ²⁸ РГВА. Ф. 166п. Оп. 2. Д. 9. Л. 20–21.
- ²⁹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 13. Д. 13. Л. 25.
- ³⁰ Подсчитано по: ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 14. Д. 2. Л. 76–79; П. 39. Д. 1. Л. 2, 6, 9, 16, 76, 87, 99, 113, 121; Д. 2. Л. 18–27; Д. 3. Л. 1, 6, 53–55, 77, 80–82; П. 41. Д. 1. Л. 25, –35, 38–42 все с об.
- ³¹ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 14. Д. 1. Л. 60–61.
- ³² ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 14. Д. 2. Л. 99, 100, 102.
- ³³ РГВА. Ф. 1п. Оп. 10и. Д. 1. Л. 189.

Демографический фактор в урбанизации Восточной Сибири (1950 – нач. 1990-х гг.)

Вторая половина XX в. в Восточной Сибири прошла под знаком активной индустриализации и урбанизации ее территории. Многие из тех событий в разной степени освещены в литературе. Менее других исследован процесс формирования населения региона. Его изучали «по горячим следам» в Институте географии СО АН СССР. Полученные результаты обобщил В.В. Воробьев в монографии о населении Восточной Сибири 1920 – нач. 1970-х гг.¹ Позднее подобных публикаций, к сожалению, не появлялось.

Историки к данной проблеме обращаются не часто. Если сельское население Восточной Сибири 1950–1980-х гг. исследовано довольно полно², то городское – фрагментарно и далеко не всесторонне. Между тем актуальность изучения его очевидна и не раз аргументированно обосновывалась³.

В данной работе ставится задача охарактеризовать основные тенденции и особенности социально-демографического развития городского населения Восточной Сибири на самом бурном этапе ее индустриального освоения – в 1950–1980-х гг., выявить и оценить определявшие его факторы.

Перепись населения 1959 г. учла в Восточной Сибири 3,4 млн горожан, неравномерно расселенных по территории (табл. 1). Три четверти их (74 %) жили в Иркутской обл. и Красноярском крае. Судя по удельному весу городского населения (52,7 %), регион в целом достиг высокой стадии урбанизации, если оценивать ее по шкале Э. Россета-С.А. Польского. Согласно ей, к очень низкому уровню урбанизированности относятся территории, где городские жители составляют менее 20 %, к низкому – 20–32, среднему – 33–49, высокому – 50–65, очень высокому – 66 % и более⁴.

Территориальные образования Восточной Сибири по уровню урбанизации находились все же на разных стадиях развития. Высокого уровня достигли Иркутская и Читинская обл., подошел к нему Красноярский край. Бурятия находилась на среднем уровне, Тува – на низком. С одной стороны, эти показатели означали большой скачок в урбанизированности региона в последние десятилетия, с другой, – указывали на наличие в нем больших резервов урбанизации, в том числе, ресурсов сельского населения.

Ускорение в 1950-х гг. индустриального освоения Восточной Сибири создало массу проблем, главная из которых заключалась в крайне слабой населенности региона и нехватке рабочих рук, особенно в городских посе-

лениях. Требовалось в ближайшие годы резко увеличить численность работников, а следовательно форсировать рост городского населения.

Таблица 1.

**Численность и удельный вес городского населения
Восточной Сибири в 1959–1989 гг. (на момент переписи)***

Годы	Восточная Сибирь	Краснояр- ский край	Иркутская обл.	Читинская обл.	Бурятская АССР	Тувинская АССР
	Чел.					
1959	3413,6	1295,8	1226,8	564,3	276,5	50,2
1970	4612,0	1831,2	1673,4	657,8	362,6	87,0
1979	5595,8	2218,8	1980,0	773,9	510,7	112,4
1989	6578,1	2626,1	2272,7	894,7	640,3	144,3
1989 к 1959, %	92,7	102,7	85,2	58,6	131,6	187,6
	%					
1959	52,7	49,6	62,1	54,4	41,1	29,2
1970	61,8	61,8	72,3	57,5	44,6	37,7
1979	67,8	69,4	77,5	62,9	56,9	42,5
1989	71,9	72,8	80,5	65,2	61,5	47,1

*Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 22–23.

Масштабы и темпы роста численности городских жителей региона в последующие десятилетия различались по территориям и во многом зависели от степени активности хозяйственной жизни в том или ином районе. Быстрее всего городское население увеличивалось в Туве и Бурятии, а в абсолютном выражении – в Красноярском крае и Иркутской обл.

Итоги переписей показывают, что численность горожан в регионе росла заступающими темпами (табл. 1). В 1960-х гг. она увеличилась на 35,1 %, в 1970-х – на 21,3, в 1980-х – на 17,6 %, а в среднегодовом исчислении – соответственно на 3,2, 2,4 и 1,8 %⁵. В 1990 г. рост населения в городах сменился сокращением, но не везде. В Иркутской обл. и Хакасии он продолжался до 1992 г.

Источниками формирования городского населения Восточной Сибири, как и повсюду, являлись естественный и механический приросты. Последний складывался из миграции и административных преобразований сельских поселений в городские. Таблица 2 свидетельствует, что в 1960–1970-х гг. абсолютно не преобладал ни тот, ни другой источник, но соотношение между ни-

ми различалось по территориям и менялось по времени в масштабах всего региона. Затем, в период между переписями 1979 и 1989 гг., резко снизилось значение механического прироста. Население за этот срок выросло на 978,3 тыс. чел. (17,5 %), в том числе на 630,3 тыс. (11,2 %) – за счет естественного прироста, на 282,3 тыс. (5,0 %) – за счет миграции и на 65,7 тыс. (1,2 %) – из-за административных преобразований⁶. В 1990–1991 гг. ситуация снова изменилась. Городское население за два года увеличилось лишь на 2,5 тыс. чел. Естественный прирост, давший 65,2 тыс. новых горожан, едва покрыл потери от миграции (-29,8 тыс.) и преобразований городских поселений в сельские (-32,9 тыс.), вместе составившие 62,7 тыс. чел.⁷ Таким образом, размеры вкладов механического и естественного приростов в формирование городского населения региона в целом за 30 лет принципиально не различались.

Таблица 2.

**Источники роста численности городского населения
Восточной Сибири в 1960–1979 гг.***

Годы	Изменение численности в среднем за год		В том числе за счет			
			естественного прироста		механического прироста	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1960– 1964	122,1	31,7	54,7	14,2	67,4	17,5
1965– 1969	89,8	20,5	45,6	10,4	44,2	10,1
1970– 1974	109,8	22,5	50,3	10,3	59,5	12,2
1975– 1979	112,7	20,7	53,8	9,9	58,9	10,8

* Подсчитано по данным Текущего архива (ТА) Росстата.

Оба источника формирования населения аккумулировали воздействия многих факторов. Главным фактором механического прироста выступала политика государства. Она определяла через народнохозяйственные планы масштабы и направления миграции, административные преобразования поселений и т. д. Естественное движение населения, обеспечивавшее естественный прирост, развивалось достаточно автономно. Конечно, государство влияло на него, в основном через социальную политику. Но активной демографической политики в рассматриваемый период, за исключением начала 1980-х гг., в

стране не проводилось. А в Восточной Сибири региональной демографической политики вообще не было, хотя потребность в ней имела даже исходя из нужд обеспечения местных производств рабочими руками.

Поскольку рамки статьи не позволяют осветить оба источника формирования городского населения, остановимся на естественном приросте и его составляющих – рождаемости и смертности. Эти процессы переживали модернизацию, и в целом развивались согласно общемировым закономерностям, но с исключениями. При этом на них воздействовали факторы, общие для всей России, и особые, характерные для Восточной Сибири. К числу последних относились, прежде всего, специфика региональной урбанизации, повышенная активность миграции и более высокое демографическое качество местного населения.

Специфика урбанизации Восточной Сибири заключалась в том, что она поднималась на волне индустриализации, проходившей под сильным влиянием военно-стратегических интересов государства. Рост городов определяло развитие промышленности, и это отражалось на их качестве. За три изучаемых десятилетия в регионе появились 22 новых города и 68 поселков городского типа. К 1991 г. в нем насчитывалось 275 городских поселений – 71 город и 204 ПГТ⁸. Рост городских поселений не сопровождался формированием настоящей городской среды в Восточной Сибири. Основой городского расселения в ней выступали ПГТ, составлявшие в 1950–1980-х гг. три четверти городских поселений. Собственно городов было мало, а имевшиеся являлись сравнительно мелкими. Городов-миллионеров так и не появилось. Лишь в Красноярске и Иркутске число жителей перешло 500-тысячный рубеж.

Структура расселения горожан тоже свидетельствовала о низком качестве урбанизации региона. В 1959 г. лишь 44 % из них жили в больших городах (людностью свыше 100 тыс. чел.), в 1970 г. – 45 %, в 1979 г. – 54 %⁹. Остальные были рассеяны по средним и мелким городам и поселкам. В 1991 г. в больших городах проживали 54,4 % горожан, в средних (50–100 тыс. чел.) – 11,4 %, в мелких (менее 50 тыс. чел.) и в ПГТ – 34,2 %¹⁰. При таком расселении у горожан не вызревала подлинно урбанистическая культура, что сказывалось и на демографической сфере.

Свой колорит в урбанизацию вносил национальный состав населения. В рамках региона объединялись разные по этно-демографическим характеристикам территории – Красноярский край с Хакасской АО, Таймырским и Эвенкийским округами, Иркутская область с Усть-Ордынским и Читинская область с Агинским округами, Бурятская и Тувинская АССР. Переписи учитывали здесь представителей 130 и более этносов с различным демографическим поведением.

Демографическое воспроизводство в регионе очень зависело от миграции, которая выступала не только прямым, но и косвенным источником роста населения городов. Мигранты улучшали их демографический потенциал, поскольку в целом были моложе их жителей. Так, в 1991 г. лица пенсионного возраста составляли среди приехавших в города региона 6,7 %, а в местном населении – 12,7 % (по переписи 1989 г.)¹¹. Благодаря переселенцам росло число женщин в детородном возрасте. А выходцы из села еще приносили и более высокие нормы детности. Таким образом, мигранты выступали демографическими «донорами» городов, не только увеличивали число их жителей, но и улучшали их демографическую структуру. Без них горожане стремительно «старели» бы.

Особенностью и преимуществом населения региона была его половозрастная структура, более молодая и ровная, чем у населения РСФСР в целом. Доля лиц в возрасте 60 лет и старше – показатель уровня старости населения – в городах региона была ниже и росла медленнее. В 1959 г. она составляла 5,6 % против 7,6 % в городах РСФСР, в 1970 г. – соответственно 7,3 и 10,6 %, в 1979 г. – 8,5 и 12,2, в 1989 г. – 10,2 и 14,2 %¹². Кроме того, сибиряки имели более гармоничное соотношение полов в детородных возрастах.

Более высокий уровень брачности сибиряков тоже способствовал лучшему воспроизводству населения. Из 1000 женщин в возрасте 16 лет и старше в браке состояли в 1959 г. 567 горожанок в Восточной Сибири и 520 – в РСФСР, в 1970 г. – 607 и 565 женщин соответственно, в 1979 г. – 606 и 569 чел., в 1989 г. – 630 и 592 чел.¹³

Итак, в начале рассматриваемого периода демографическая ситуация в городах региона была очень благополучной. Рождалось большое количество младенцев – по 28,3 чел. на 1000 жителей в 1960 г. Общие коэффициенты рождаемости различались по территории, но даже самый низкий – 23,9 ‰ в Красноярском крае – был выше, чем в городах РСФСР (20,4‰), и обеспечивал расширенное воспроизводство населения.¹⁴

С 1960-х гг. ситуация с рождаемостью стала ухудшаться – снижался ее уровень, она «молодела» – основные рождения концентрировались в узком интервале молодых возрастов. Из-за этого репродуктивный процесс стал неустойчивым и зависимым от перепадов в возрастной структуре женщин. «Омоложение» рождаемости шло почти до конца советского периода, что противоречило законам модернизации, по которым она должна была «стареть» – перемещаться в женские когорты старше 25 лет.

Изменение репродуктивного поведения горожан в регионе, как и в России, обуславливали, с одной стороны, подъем общего и специального образования женщин, рост занятости в общественном производстве, достигший в 1960–1970-х гг. запредельного уровня, повышение их производственной

квалификации, а с другой, – отставание развития социально-бытовой сферы, показатели которой в регионе были хуже среднероссийских.

Число ежегодных рождений в городах регулировали и поведенческий, и структурный факторы. Так, в 1960-х гг. резко уменьшилось число потенциальных матерей из-за вступления в репродуктивный возраст военных поколений. В то же время быстро сокращались нормы детности. Уже в середине десятилетия суммарный коэффициент рождаемости (число детей, рожденных среднестатистической женщиной) у горожанок в регионе, как в целом в России, приблизился к границе простого воспроизводства населения (2,15–2,20 рождений). К 1970 г. он снизился в регионе до 1,988 рождений и оставался на этом уровне до конца 1980-х гг. В 1989–1990 гг. суммарный коэффициент у сибиряков составлял 1,984 против 1,766 у горожан РСФСР, в 1991 г. – 1,741 и 1,540 соответственно¹⁵. Таким образом, города в Восточной Сибири, как и РСФСР в целом, в 1960-х гг. фактически перешли к суженному воспроизводству населения. Но депопуляция не приняла открытую форму, потому что новорожденных хватало для замещения уходящих из жизни малочисленных старших поколений, выбитых катастрофами первой половины XX века.

Вторая составляющая естественного прироста – смертность – поначалу имела тоже хорошие характеристики. Ее уровень на рубеже 1950–1960-х гг. был, по-видимому, самым низким в истории Восточной Сибири: в разных ее частях умирали менее семи человек из тысячи горожан (в среднем 6,7 ‰). Общий коэффициент смертности в городах России был тот же – 6,7 ‰ в 1960 г.¹⁶

В дальнейшем смертность развивалась по худшему сценарию, а ее характеристики свидетельствовали о неблагоприятной жизни сибиряков. Уровень смертности начал расти у них с середины 1960-х гг. и достиг 9,0–9,3 ‰ в 1990–1991 гг. против 10,4–10,6 ‰ в городах РСФСР¹⁷. Общий коэффициент смертности у сибиряков был ниже среднероссийского потому, что в их структуре меньший удельный вес имели старшие поколения. А все возрастные коэффициенты у них были выше.

Качество смертности сибиряков противоречило законам модернизации, которые предполагают ее «постарение», т. е. перемещение в старшие возраста. У женщин так, в общем, и происходило. Но у мужчин смертность оставалась «молодой». Например, в 1970 г. лица старше 60 лет составляли среди умерших женщин 61,5 %, а среди мужчин – 35,4¹⁸. До конца советского периода около половины умиравших мужчин были моложе 60 лет.

Структура причин смертности в городах региона перестраивалась в соответствии с нормами модернизации, но темпы перестройки отставали от среднероссийских. Втрое сократилась смертность от инфекций и паразитар-

ных болезней, но вероятность смертности от них оставалась высокой. То же было со смертностью от болезней органов дыхания и пищеварения. Доля умиравших от «главных» – сердечно-сосудистых и онкологических – болезней у сибиряков все время была ниже, чем в городах РСФСР, но не из-за их крепкого здоровья. Напротив, многие просто не доживали до инсульта и рака, поскольку была сверхвысокой смертность от внешних причин.

Проблемой для всей страны в рассматриваемые десятилетия являлась высокая смертность лиц трудоспособного возраста. Города региона выделялись и ее уровнем, и характером. В них коэффициент смертности составлял в 1990–1991 гг. у мужчин 8,1 ‰ против 7,0 ‰ в городах РСФСР, у женщин – 2,2 против 1,9 ‰¹⁹.

Если судить по статистике, регион был «опасен для жизни» мужчин рабочего возраста. Внешние воздействия (травмы, убийства и т. п.) вызывали у них почти столько же смертей, сколько остальные причины. В 1991 г. в городах Восточной Сибири произошло по 355,7 смертных случаев на 100 тыс. жителей против 275,7 случаев в городах РСФСР, а в Иркутской обл. – 411,2 случаев, в Туве – 649,1²⁰. При этом разница в смертности женщин и мужчин была такой, будто они жили не рядом, а в абсолютно разных условиях.

Еще одной всероссийской проблемой, особо острой в восточносибирских городах, являлась младенческая смертность. Тенденции ее развития в изучаемый период трудно оценить однозначно. На рубеже 1950–1960-х гг. ее уровень – около 40 ‰ – был на четверть выше, чем в селах региона и в городах РСФСР (34,9 ‰ в 1960 г.)²¹. В течение следующих тридцати лет она сокращалась, но слишком медленно и неустойчиво, периоды снижения чередовались с ростом. В 1991 г. ее коэффициент составлял 20,1 ‰ против 17,2 ‰ в городах России²².

Следствием высокой смертности являлась низкая продолжительность жизни, которая у горожан была в регионе короче, чем в целом в РСФСР. В 1958–1959 гг. она здесь составляла 60,8 года у мужчин и 69,4 года у женщин против 63,0 и 71,5 года соответственно в российских городах. За 30 лет этот показатель мало изменился. К 1990–1991 гг. он вырос у сибиряков до 62,1 года, у сибирячек – до 73,1 года, а у горожан России – соответственно до 64,1 и 74,3 года²³.

Естественный прирост – итог развития рождаемости и смертности – в изучаемый период быстро сокращался (табл. 3). В 1960 г. он был в регионе еще очень высоким – 21,5 ‰, намного выше, чем в российских городах в целом (13,8 ‰) и, что особенно важно, достигался небольшой «ценой». Лучшего режима воспроизводства населения города Восточной Сибири не знали.

В 1960-х гг. обе составляющие естественного прироста так быстро ухудшились повсюду в РСФСР, что это десятилетие получило название «демографического провала». В восточносибирских городах число ежегодных рождений уменьшилось с 1960 по 1970 гг. на 9,6 %, число смертей выросло на 41,7 %, а размеры естественного прироста сократились в 1,4 раза. Но и при таких потерях воспроизводственный потенциал городов в регионе был выше, чем в РСФСР.

Таблица 3.

Основные показатели естественного движения городского населения Восточной Сибири и РСФСР в 1960–1991 гг., %*

	1960	1970	1975	1980	1985	1990	1991
Восточная Сибирь: рождаемость	28,3	17,3	18,5	18,6	18,5	14,7	13,2
смертность	6,8	7,3	8,1	9,1	8,8	9,0	9,3
естественный прирост	21,5	13,5	10,4	9,5	9,7	5,7	3,9
РСФСР: естественный прирост	13,8	6,9	7,1	5,8	5,7	2,3	0,6

* Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР. Стат. сб. М., 1989. С. 44, 62, 98; Численность, состав и движение населения в РСФСР. Стат. сб. М., 1990. С. 85; Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. сб. М., 1992. С. 118, 123.

В 1970-х гг. естественный прирост повсюду продолжал снижаться. Но вступившее в репродуктивный возраст многочисленное поколение 1950-х гг. «обеспечивало» сибирские города таким количеством новорожденных, что, несмотря на растущую смертность и опустившуюся ниже уровня простого воспроизводства рождаемость, прирост населения в них оставался весьма высоким и был в 1,5–2 раза выше, чем в городах РСФСР.

В 1980-х гг. демографическую сферу «лихорадило». В первой половине десятилетия естественный прирост у сибиряков оставался на уровне второй половины 1970-х гг. В начале перестройки он еще вырос – до 11,1 % в 1987 г. (в РСФСР – до 6,8 %) ²⁴. Однако неудачные реформы травмировали воспроизводственный процесс. С 1988 г. в городах региона начала падать рождаемость, расти смертность, и прирост сократился до 3,9 % в 1991 г. Но он еще обеспечивал чуть расширенное воспроизводство населения, тогда как в городах РСФСР он опустился до 0,6 % и вплотную подошел к границе депопуляции. В России она началась в 1992 г. Города Восточной

Сибири «продержались» на год дольше: отрицательный прирост (-2,8 %) в них был отмечен в 1993 г.²⁵

Итоги формирования и развития городского населения в Восточной Сибири в последнее советское тридцатилетие можно оценить как более успешные, чем в РСФСР в целом. Перепись 1989 г. учла в городских поселениях региона 6 578,1 тыс. чел. По сравнению с 1959 г. горожан стало на 92,7 % больше, а их удельный вес поднялся с 52,7 до 71,9 % (табл. 1). За то же время население городов РСФСР увеличилось на 76,0 %, а его удельный вес вырос с 52,4 до 73,6 %²⁶. Повсюду, кроме Тувы, в городах сосредоточилось большинство жителей региона. Вместе с Иркутской областью «очень высоко урбанизированным» стал в 1970-х гг. Красноярский край. В 1980-х гг. к этому рубежу подошла Читинская обл., Бурятия стала «высоко-», а Тува – «среднеурбанизированной». Однако качественные различия между административными единицами не были преодолены, а резервы урбанизации – не исчерпаны.

Региональная специфика формирования населения проявилась в обоих источниках. Естественный прирост у сибиряков был выше, так как регион находился на более ранней стадии демографической модернизации, чем РСФСР в целом. Размеры механического прироста не соответствовали гигантским масштабам индустриализации Восточной Сибири, поскольку города выступали не только демографическими «реципиентами», но и «донорами» – отдавали другим районам много людей. Этим объясняется сравнительно небольшая разница итоговых показателей роста горожан в РСФСР и в регионе.

В данной работе охарактеризован процесс формирования городского населения Восточной Сибири в самом общем виде. Требуется более основательное его изучение, тем более, что источниковая база позволяет это сделать.

¹ *Воробьев В.В.* Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977.

² *Славина Л.Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007; и др.

³ *Тимошенко А.И.* Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового индустриального освоения Сибири в 1950–1980 гг.: проблемы изучения // Гуманитарные науки в Сибири, 2008, № 2. С. 110–113; и др.

⁴ Народонаселение СССР и мира. Развитие, проблемы, исследования. М., 1983. С. 146.

⁵ Рассчитано по данным табл. 1.

⁶ Основные показатели демографических процессов и социального развития в РСФСР. Стат. сб. М., 1989. С. 12.

⁷ Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. сб. М., 1992. С. 41–42.

-
- ⁸ Там же. С. 9495, 100–101.
- ⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 38; Численность... С. 101, 107.
- ¹⁰ Численность... С. 100, 107.
- ¹¹ Там же. С. 441.
- ¹² Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1971. Т. II, ч. 1. С. 66537; Возрастной состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 303.
- ¹³ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1971. Т. II. Ч. 2. С. 1190–1191; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1989. Т. II. Ч. II. С. 756–758; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР: (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1991. Ч. I. С. 120, 129–130.
- ¹⁴ Смертность населения СССР и союзных республик. Стат. сб. М., 1987. Ч. I. С. 11.
- ¹⁵ Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 74, 81.
- ¹⁶ Смертность населения... С. 12.
- ¹⁷ Численность... С. 118–123.
- ¹⁸ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1421. Л. 72.
- ¹⁹ Численность... С. 268, 273.
- ²⁰ Численность... С. 314, 320.
- ²¹ Смертность населения... С. 16.
- ²² Численность... С. 352, 357.
- ²³ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Т. 2. Д. 4926. Л. 232; Численность... С. 393, 398.
- ²⁴ Основные показатели... С. 96.
- ²⁵ Демографический ежегодник... 1993. С. 68.
- ²⁶ Численность населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 22–23.

Н.М. Щербин

Население и промышленность городских поселений Новосибирской области в 1954–1959 гг.

В середине – конце 1950-х гг. в городских поселениях Новосибирской области происходили экономические и социальные трансформации, которые отразились на демографическом и промышленном облике городов области. Цель данной статьи заключается в анализе географии населения и размещения промышленности в городских поселениях области в период с 1954 по 1959 годы. Актуальность темы определяется также тем, что проблема социально-экономической трансформации городских поселений Новосибирской области исследуемого периода, не стала предметом тщательного изучения историков¹.

После разукрупнения Новосибирской области в первой половине 1940-х гг. практически вся чёрная и цветная металлургия, химическая промышленность, а также большая часть лесного хозяйства оказались в новых административно-территориальных образованиях². Однако, несмотря на сельскохозяйственный характер большей части территории области, ведущей отраслью промышленности региона в исследуемый период, являлась крупная машиностроительная индустрия, выпускавшая свыше 80 % всей продукции, производимой промышленными предприятиями города и области.

Промышленность Новосибирской области, будучи важной частью производственного комплекса Западной Сибири, была представлена развитым машиностроением, лёгкой и пищевой промышленностью. В послевоенные годы в области укреплялись и развивались отдельные отрасли машиностроения, повышался удельный вес топливно-энергетического сектора, промышленности строительных материалов, расширилась база металлургической промышленности. Развитие этих отраслей экономики создавало условия для роста в городах области, и, в первую очередь, в Новосибирске, машиностроительных предприятий, в которые активно привлекались новые трудовые ресурсы. Благодаря этому, прирост промышленного производства в 1953 г. (в сравнении с 1950 г.) по области, включая Новосибирск, составил 67 % (по области – 51 %, по Новосибирску – 70 %) ³.

Важнейшим направлением развития военно-промышленного комплекса области стало превращение Новосибирска в крупнейший центр отечественного военного авиастроения. Так, завод им. Чкалова со второй половины 1950-х гг. начал производить скоростные реактивные истребители МИГ-19 с инфракрасными системами перехвата. Другой отраслью, получившей мощное развитие, стала радиоэлектроника. Завод имени Коминтерна являлся единст-

венным на востоке страны предприятием, выпускавшим радиолокационные станции. На производство изделий военной радиотехники полностью перешел завод «Электросигнал» и многие другие промышленные предприятия.

Бурное экономическое развитие региона потребовало привлечения значительных трудовых ресурсов в города, рабочие поселки области. В связи с этим быстрыми темпами росли города, рабочие посёлки городского типа и увеличивалось их население, в первую очередь, за счёт выходцев из сельской местности. В приводимой ниже таблице 1, показана динамика изменения численности населения в городских поселениях и сельской местности Новосибирской области в 1953–1959 гг.

В 1954 году в городских поселениях наблюдалась убыль населения, а с 1956 по 1959 гг. – его прирост. Но уже с 1959 г. при сохранении общей тенденции роста, прирост населения замедлился (Таблица 2).

Анализ характеристики прироста/убыли населения (на 1 января каждого года) показывает, что в 1955 г. сокращение численности городского населения по сравнению с 1954 г. составила 5,1 %. Однако в последующие годы численность населения городских поселений области постоянно увеличивалась (в сравнении с каждым предыдущим годом): в 1956 г. – на 6,7 %, в 1957 г. – на 0,7 %, в 1958 г. – на 0,3 %, в 1959 г. – на 8,2 %. Сокращение численности городского населения отмечается только в 1960 г. По сравнению с 1959 г. оно уменьшилось на 5,5 %, хотя в целом сохраняется тенденция прироста населения.

Численность сельского населения также не была стабильной. Так, с 1955 по 1957 гг. число сельских жителей увеличилось на 3,2 %, а в последующие три года сокращалось (на 0,8 % в год). Прирост городского населения был меньше прироста сельского населения только в 1954 г. (на 8,5 %), а в последующие годы значительно превышал его (Таблицы 1, 2. – см. *конец статьи*).

Рост численности городского населения являлся следствием социально-экономической модернизации региона. Часть городских поселений уже стала, а другие только становились, своеобразными промпунктами в области, наибольшее их число размещалось в Восточно-приобской зоне. Так, в дореволюционный период стержнем экономики Бердска являлись мукомолье и торговля хлебом, а численность его населения составляла 2 500 чел. После революции город стал активно развиваться и быстро расти. Так, по переписи за 1939 г. в нём проживало уже 11 тыс. жителей. В 1944 г. Бердск получил статус города областного подчинения, на его территории находилось несколько промышленных предприятий: радиозавод, завод санитарно-технического оборудования, мельзавод, швейная фабрика, промкомбинат, пищекомбинат, четыре артели промысловой кооперации и др.

Одним из самых ярких, волнующих и значительных событий в послевоенной истории Бердска стало строительство на р. Оби Новосибирской ГЭС, в связи с чем, город был перенесен и расположился в 8-ми км от предыдущего местоположения. На новом месте было построено более 11 тыс. различных объектов: 10 промышленных, строительных и транспортных. Все старые здания предприятий были построены заново и оснащены современным оборудованием. Вместо старой пекарни выстроили 4-этажное здание нового хлебозавода, выросло новое здание швейной фабрики, вступили в строй корпуса мебельной и сапоговаляльной фабрик, завода «Большевик», фабрики бытремонта и других предприятий⁴.

На 15 января 1959 г. в Бердске проживало всего 29 тыс. горожан. За период с 1939 г. по 1959 г. численность населения города выросла на 18 тыс. чел. (163,6 %), т. е., в среднем, за год население города прирастало на 8,2 %. В этой же природно-климатической зоне находится г. Искитим. В 1951 г. он получил статус города областного подчинения⁵. В 1939 г. в городе насчитывалось 14,5 тыс. жителей. В исследуемый период здесь функционировали заводы: цементный и известковые, стройматериалов, и котельно-радиаторный, райпромкомбинат, райпищеккомбинат, четыре артели промысловой кооперации, и другие предприятия. За 20 лет, прошедших после переписи 1939 г., число жителей города увеличилось до 34,3 тыс. чел., то есть на 19,8 тыс. (136,6 %), а среднегодовой прирост населения составил 6,8 %.

Южнее Искитима расположен посёлок Листвянский, вокруг которого находились шахты Горловского бассейна, а ещё южнее, у разъезда Дорогино, на местных глинах работал завод керамических труб. К 1954 г. число домов в посёлке достигло 750, численность населения – 3 000 жителей. Посёлок входил в состав Черепановского района Новосибирской области. Расстояние от посёлка до Новосибирска составляло 95 км, а до Искитима – 35 км.

Город районного подчинения Болотное, расположенный по линии главной железнодорожной магистрали в 126 км к востоку от Новосибирска, с населением в 19 тыс. чел. в 1939 г., выделялся сравнительно развитой кооперативной промышленностью. В нём имелось пять артелей промысловой кооперации, промкомбинат и пищекомбинат, работали кожевенный завод и швейная фабрика. К 1959 г. численность его жителей составляла 26,8 тыс. чел. (прирост 7,8 тыс. или на 41,1 %), ежегодно численность его населения увеличивалась на 2,1 %.

Другой город районного подчинения Тогучин, также находился вблизи железнодорожной станции (в 114 км от Новосибирска). В городе работало несколько промышленных предприятий: пенькозавод, райпромкомбинат, изготовлявший мебель, телеги, обозный инвентарь и другие изделия,

шесть артелей промысловой кооперации. Недалеко от города, у станции Курундус, находилась Завьяловская шахта.

Город районного подчинения Черепаново возникший во время строительства Алтайской железной дороги и располагался в 117 км к югу от Новосибирска. В городе работали механический завод, мельзавод, маслозавод, мясокомбинат, пищекомбинат, швейная мастерская, райпромкомбинат, крупный кирпичный завод, четыре промысловых артели, город связан оживлённым трактом с рабочим посёлком Маслянино. К началу 1959 г. его население с 17,1 тыс. до 21,2 тыс. чел. (на 24 %).

В 9-ти километрах к северу от районного центра – города Черепаново, и в 100 км к югу от Новосибирска, расположился посёлок городского типа Посевная (с 1932 г.). По переписи 1959 г. в нём проживало 8,5 тыс. чел. В 109 км к юго-западу от станции Черепаново и в 236 км от Новосибирска находился рабочий посёлок городского типа Сузун, образованный в 1939 г. и на тот момент в нём проживало 7,1 тыс. чел., В 1959 г его численность составила 13,8 тыс. чел., то есть его увеличилось на 94,4 %. Грунтовая дорога связывала поселок с пристанью Каргаполово. Во второй половине 1950-х гг. Сузун становится центром лесозаготовок. В городе также функционировали ремонтные мастерские, райпромкомбинат, изготавливавший пиломатериалы, мебель, обозные изделия, кирпич, развито производство дёгтя, смолы, скипидара. Кроме промкомбината работали три артели и райпищекомбинат, паровая мельница.

Рабочий посёлок городского типа Маслянино, расположенный в верховьях р. Берди, в богатом лесными массивами районе, являлся и известным крупными производителем льна. Вблизи посёлка располагался леспромхоз, а в Маслянино – льнозавод, райпромкомбинат, выпускавший пиломатериалы, мебель, телеги, верёвку, райпищекомбинат и три артели промысловой кооперации. От ближайшей на железнодорожной магистрали станции Черепаново до Маслянино 60 км, до Новосибирска – 176 км. В посёлке проживало более 5,4 тыс. жителей, число которых к началу 1959 г. увеличилось до 9,8 тыс. чел. (прирост 4,4 тыс. чел., или 181,5 %) ⁶.

Посёлок Чемский был построен в 1951 г., во время строительства Новосибирской ГЭС. Население поселка на 1 января 1956 г. составляло 35 тыс. чел., из них рабочих и служащих – 11 260 чел. После запуска в эксплуатацию Новосибирской ГЭС, его население не только не сократилось, но и увеличилось, так как на его территории были построены крупные заводы ⁷. Впоследствии, в апреле 1958 г. рабочий посёлок вошёл в состав Советского района г. Новосибирска.

В Барабинском районе выросли самые большие поселения, представляющие центры элеваторного и складского хозяйства, мясобоенской про-

мышленности, а также местной и промыслово-кооперативной промышленности. В городе областного подчинения Татарске, расположенного в 457 км к западу от Новосибирска, проживало в то время 21,4 тыс. жителей. Через Татарск по железной дороге направлялся хлеб из Кулунды, сода и соль из Алтайского края, и Казахстана. В городе работали многочисленные предприятия: паровозное депо, вагоноремонтный пункт, чугунно-литейная мастерская, механический завод, кожевенный завод, мясокомбинат, птицекомбинат, хлебокомбинат, швейная фабрика, комбинаты промышленный и пищевой, пять артелей промысловой кооперации, производивших мебель, телеги и упряжь, инструмент, кожаную обувь, хозяйственные и продовольственные товары. К началу 1959 г. численность его населения увеличилась до 30,8 тыс. чел., то есть на 9,4 тыс. чел., или на 43,9 %.

Барабинск, город областного назначения, находится у железнодорожной станции того же названия, в 302 км к западу от Новосибирска. В городе проживало 30,0 тыс. жителей. В Барабинске имелись следующие промышленные предприятия: паровозное депо, вагоноремонтный пункт, рыбозавод, хлебокомбинат, швейная фабрика, горпромкомбинат, и горпищеккомбинат, пять артелей промысловых коопераций. Население города к 1959 г. выросло до 40,9 тыс. чел. (на 10,9 тыс. чел., или на 36,3 %).

В 13 км к северу от Барабинска по железнодорожной ветке, на старом сибирском тракте расположен город Куйбышев, в котором проживало 12,9 тыс. жителей. По данным на 15 января 1959 г. численность городских жителей увеличилась до 30,4 тыс. чел. (прирост 7,5 тыс. чел., или 58,1 %). В городе работали многочисленные предприятия: заводы – механический, кожевенный, водочный и спиртовой, кирпичный, а также швейная фабрика, мясокомбинат, молочный комбинат, хлебокомбинат и другие.

В средней части Барабы, в 131 км западнее Новосибирска расположен город Чулым – административный центр Чулымского района (с 1947 г.), являвшийся в то время крупнейшим районным центром Новосибирской области. В городе работали многочисленные маслодельные заводы, мастерская для ремонта паровозов и вагонов, а вблизи Чулыма – сыроваренный завод. Численность населения Чулыма не превышала 12,3 тыс. чел. К 1959 г. число городских жителей выросло 18,2 тыс. чел. (на 5,9 тыс. чел. (48,0 %)).

У железнодорожных станций в средней зоне Барабы располагались ещё несколько сравнительно крупных посёлков. Среди них Каргат – посёлок городского типа, расположенный в 177 км к западу от Новосибирска. Этот статус был ему присвоен решением исполкома Новосибирского облсовета депутатов трудящихся 17 декабря 1957 года⁸. Население Каргата, по данным на 1 ноября 1957 г., составляло 11 564 чел. Наиболее крупными предприятиями в Каргате являлись: железнодорожные предприятия 11-й дис-

танции пути с её механическими мастерскими; завод сухого молока и масла, пункт Заготзерно, мяскокомбинат, нефтебаза, Сельхозснаб, Автотракторсбыт, база «Маслопром», контора связи, автобаза. К предприятиям местной и кооперативной промышленности относились райпромкомбинат с его деревообделочными мастерскими, пошивочным и пимокатным цехами, а также кирпичный завод, пищекомбинат, артель «Прогресс» (сапожное и сапоговальное производство), артель «Свободный труд» (чугунно-литейное производство)⁹.

Появившиеся в послевоенные годы населённые пункты у железнодорожных станций Чик (в 35 км от Новосибирска), Обь (в 18 км от Новосибирска) были впоследствии преобразованы в посёлки городского типа, в которых по переписи 1959 г. проживало 14,9 тыс. жителей. В 580 км от Новосибирска, в южной части области (Кулунда) у железнодорожной станции по ветке Кулунда – Павлодар, расположен город районного подчинения Купино, в котором по данным на 1954 г. проживало 12,3 тыс. чел. К 1959 г, согласно переписи, число жителей Купино возросло до 23,2 тыс. чел. В городе имелись следующие предприятия: паровозное депо, вагоноремонтный пункт, птицекомбинат, консервный молочный завод, райпромкомбинат и райпищекомбинат, три артели промысловой кооперации.

3 июня 1954 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, рабочий посёлок Карасук, расположенный в 406 км от Новосибирска (в Кулундинской степи), был преобразован в город районного подчинения. По данным переписи 1939 г. число жителей города (ранее поселка) составляло всего 7,2 тыс., которое к 1959 г. увеличивалось до 20 тыс. чел. (прирост 12,8 тыс. чел., или 177,8 %) ¹⁰. Развитие городской инфраструктуры было связано с функционированием железной дороги. В городе работали многочисленные предприятия: мяскокомбинат, рыбозавод, консервный молочный завод, промышленный и пищевой комбинаты, четыре артели промысловой кооперации.

Чистоозёрное – посёлок городского типа (с 1948 г.), административный центр Чистоозерного района Новосибирской области. Расположен в Барабинской низменности, в 530 км к западу от Новосибирска, в 70-ти км к юго-востоку от Татарска, в 63 км к северо-западу от Карасука, в 12-ти км от озера Чаны. Основан в 1913 г. при строительстве железной дороги Татарск–Карасук на берегу озера Чистое. По данным переписей, в 1939 г. в поселке проживало всего 4,1 тыс. чел., в 1959 г. – уже 7,1 тыс. чел., то есть прирост население составил 3 тыс. чел. (75 %) ¹¹.

На изменение численности городского населения существенное влияние оказывали административно-территориальные преобразования, проводившиеся в области. Только в 1958 г. одиннадцать сельских поселений

Новосибирского района были отнесены к другим районам области и города. В результате передачи сельских районов под юрисдикцию Советского района, его численность увеличилась на 10 тыс. чел. а рабочего поселка Коченева – на 9,8 тыс. чел. Так, поселки Дорогина заимка и Каменка, с численностью населения 0,6 тыс. чел., были отнесены к Посевниковскому поселковому совету Черепановского района¹². В 1954–1959 гг. произошли изменения в административно-территориальном делении области, которые показаны в Таблице 3.

Стремительно росло население города Новосибирск, в котором, согласно данным переписи, в 1959 г. проживало 894,8 тыс. чел. Бурное социальное экономическое развитие города способствовало тому, что сюда стекались людские потоки, как из сельских местностей, так и городов области и других регионов. Это был объективный процесс, но он имел как позитивные, так и негативные последствия. Концентрация населения в городе была в 2,3 раза больше, чем в остальных городах и городских поселениях области, и составляла 87,5 % от всего числа сельских жителей области. Негативное воздействие данного процесса, заключалось в том, что в области практически отсутствовали города с населением выше 50 тыс. чел.¹³.

Наиболее интенсивный «обмен» населения происходил в Алтайском и Красноярском краях, а также в Кемеровской и Томской областях. Необходимо отметить также высокую интенсивность миграционного обмена Новосибирской области с Украиной (3–4 %) ¹⁴.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, основным источником пополнения городского населения Новосибирской области являлись сельские жители, которые мигрировали из сельской местности в города. Во-вторых, быстрее всего росла численность областного центра – Новосибирска. Самыми большими по численности населения были (на момент переписи 1959 г.) следующие городские поселения: из городов областного подчинения – Искитим (34,3 тыс. чел.), из городов районного подчинения – Болотное (26,8 тыс. чел.), из посёлков городского типа – Сузун (13,8 тыс. чел.). В развитии промышленности области можно выделить ряд особенностей. Первая из них заключается в сосредоточении лесозаготовительных предприятий в восточных районах области и на северо-востоке Барабинской низменности, вторая – сосредоточенность строительных предприятий в восточно-приобских районах, третья – преимущественное развитие в междуречье Оби и Иртыша отраслей пищевой промышленности, с профилирующим маслоделием, четвёртая – концентрация машиностроительной, электрической, химической и других видов промышленности в Новосибирске. Причины миграции сельских жителей в города весьма разнообразны. В числе

основных причин, притягивающих население деревень и сёл в города, можно назвать экономические и социальные (перемещения в поисках работы, получения образования, улучшения жизненного уровня, в связи с замужеством или женитьбой и т. п.)

Таблица 1.

**Изменение численности населения в городских поселениях
и сельской местности Новосибирской области
в 1953–1959 гг. (тыс. чел.)**

Годы	Уменьшение (-), увеличение (+) численности населения всех возрастов				
	в городах и посёлках городского типа	в сельской местности (по уточнённой статистике)	Годы	в городах и посёлках городского типа	в сельской местности (по уточнённой статистике)
За 1953		-14,4	За 1956	+25,2	+4,1
За 1954	- 57,4	+31,6	За 1957	+29	- 6,0
За 1955	+17,0	+53,4	За 1958–1959	+124,7	- 17,9

*Рассчитано по: ГАНО. Ф. Р-11. Оп. 3. Д. 2364. Л. 86; Там же. Л. 88; Там же. Д. 3881. Л. 107.

Таблица 2.

**Прирост/убыль сельского и городского населения области
в 1953–1959 гг. (в %)***

Население/годы	1955 к 1954	1956 к 1955	1957 к 1956	1958 к 1957	1959 к 1958	1960 к 1959
Городское население	94,9	101,6	102,3	102,6	110,8	100,1
Прирост (+), убыль (-)	- 5,1	+ 1,6	+ 2,3	+2,6	+10,8	+ 0,1
Сельское население	103,4	105,6	100,4	99,4	101,9	96,4
Прирост (+), убыль (-)	+ 3,4	+5,6	+0,4	- 0,6	+ 1,9	- 3,6

*Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР за 1956 г. Статистический сборник. Москва, 1957. С. 52; Народное хозяйство РСФСР в 1958 г. Статистический ежегодник Москва, 1959. С. 39; Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. Статистический ежегодник. Москва, 1960. С. 36.

Таблица 3.

**Изменения в административно-территориальном делении
Новосибирской области в 1954–1964 гг.
(на начало года в границах соответствующих лет)***

	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
Городов – всего		12	12	12	12	12	12
В том числе:							
Городов республиканского значения	1	1	1	1	1	-	-
Городов областного подчинения	5	5	5	5	5	6	6
Городов районного подчинения	-	7	6	6	6	6	6
Рабочих посёлков	11	10	10	10	11	10	10
Районов городских (г. Новосибирск)	7	7	7	7	7	7	8

*Источники. Народное хозяйство Новосибирской области. Статистический сборник. Госиздат ЦСУ СССР. Новосибирск, 1961. С. 19.

¹ Бурматов А.А. Динамика и размещение населения Новосибирской области // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 1999; Бадалян Т.М. Демографические процессы в Новосибирской области (1946–1970 гг.) // Страницы истории Новосибирской области: Люди, события, культура. Первая областная научно-практическая конференция краеведов. Тезисы докладов и сообщений. М, 1995. Ч.2; Протопопов Н.Н. Новосибирская область. Экономико-географическая характеристика (общий обзор). Новосибирск, 1955.

² В 1943 г. была образована Кемеровская, а в 1944 г. – Томская области.

³ Протопопов Н.Н. Новосибирская область... С. 153.

⁴ Сибирская Атлантида [Эл. ресурс] // Бердский городской портал. URL: http://www.berdsk.ru/berdsk/history.php?ELEMENT_ID=2342.

⁵ Официальный сайт администрации города Искитима [Эл. ресурс] // URL: <http://www.admiskitim.ru/gorod.html>.

⁶ Рассчитано по: Народное хозяйство Новосибирской области Статистический сборник., 1961. С. 19.

⁷ ГАНУ. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 901. Л. 4.

⁸ Там же. Д. 959. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 3–5, 9.

¹⁰ Карасук (город) [Эл. ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%E0%F1%F3%EA_\(%E3%EE%F0%EE%E4\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F0%E0%F1%F3%EA_(%E3%EE%F0%EE%E4)); Протопопов Н.Н. Новосибирская область... С. 183..

¹¹ *Протопопов Н.Н.* Новосибирская область... С. 177–184; Народное хозяйство Новосибирской области. Статистический сборник. Госиздат ЦСУ СССР. Новосибирск, 1961. С. 19.

¹² ГАНО. Ф. Р.-11. Оп. 2. Д. 8351. Л. 248.

¹³ Рассчитано по: Население Новосибирской области. Статистический сборник. 1961. С. 19.

¹⁴ *Бадалян М.Т.* Демографические процессы ... С. 66–67.

А.В. Скочин

Детские дошкольные учреждения в городском пространстве Тюмени (1955 – середина 1960-х гг.)

Возрастание значения Западносибирского региона, в условиях начала разработки нефтегазовых месторождений способствовало активизации социокультурных процессов в городах. Не стала исключением и Тюмень. В областном центре во второй половине 1950-х гг. начался быстрый рост населения за счет миграции. Увеличение количества жителей Тюмени сопровождалось и существенным ростом их потребностей. В Тюмень перебиралось большое количество жителей других населенных пунктов Западной Сибири. Некоторые переселенцы приезжали с семьями, для других же брак и семья становились одним из способов закрепиться в пределах быстро развивающегося города. Результатом этого процесса стало быстрое возрастание количества детей. В этой связи, одним из наиболее значимых социальных вопросов для тюменцев в 1955 – середине 1960-х гг. становится проблема насыщенности городской среды детскими дошкольными учреждениями.

В 1956 г. в Тюмени было 40 детских садов и 17 яслей, в которых воспитывалось 4 069 детей¹. За исследуемый период количество детских дошкольных учреждений значительно увеличилось. К середине 1960-х гг. в городе было уже более 80 детских садов и яслей, общей вместимостью около 8 500 человек². В то же время, потребности населения в детских учреждениях намного превосходили темпы их роста.

Проблема устройства ребенка в детский сад в Тюмени стала одной из самых первоочередных и животрепещущих. В приемные дни в ГорОНО выстраивались длинные очереди³. В 1953 г. горисполком не смог удовлетворить 557 заявлений от жителей на прием в детские сады и ясли, а к концу 1964 г. количество тюменцев, стоящих в очереди за путевкой в дет-

ские учреждения, увеличилось до 1 800 человек. При этом еще около 500 горожан ожидали получения мест в ведомственных садах и яслях⁴.

Значительная часть тюменцев, не надеясь на получение мест в детских учреждениях, в течение длительного времени вынуждена была самостоятельно решать вопрос о том, куда пристроить детей. Так, многие опрошенные респонденты в своих воспоминаниях отмечали, что вынуждены были оставлять своих детей дома со старшими братьями и сестрами, бабушками и дедушками, а те, у кого не было такой возможности, оставляли детей дома одних, «закрывая их на ключ» или нанимали «чужих бабушек», которые за определенную плату соглашались сидеть с детьми⁵.

К середине 1960-х гг. с началом активного жилищного и социального строительства все больше горожан стало ориентироваться на поддержку государства. Очереди за местами в детские дошкольные учреждения значительно удлиннились, а сложности в удовлетворении потребностей населения стало существенно больше. В этих условиях, вопрос о том, куда именно отдать ребенка – в ясли или сад, для горожан отходил на второй план. Важным становилось попасть в само детское учреждение, в котором можно было оставить ребенка под присмотром опытных людей и спокойно проводить время на работе. Так, одна из жительниц Тюмени тех лет, Т.С. Коновалова, вспоминала: «В конце 1950-х гг. моя мама хотела меня в садик устроить, записалась в очередь – она тогда в школе работала, но садик мне так и не достался. Потом мама пошла в институт работать – опять в очередь записалась, и все равно садиков не было. Потом родился мой брат, она с ним полгода просидела, и только в 1960 г. моему отцу дали для брата ясли... В яслях он провел пять лет, из которых потом пошел сразу в старшую группу детского сада»⁶.

Недостаток дошкольных учреждений, в которых дети могли бы компенсировать нехватку родительского внимания и воспитания, затруднял первичное усвоение ими социальных норм и культурных ценностей. Происходившая на улицах «стихийная социализация» имела негативные последствия для формирования культурных ценностей новых поколений, необходимых для их включенности в общественную жизнь. «Мы не знали слова «детский сад». Их было мало, и сколько нас во дворе было народу – ни один в детский садик не ходил, хотя семей в нашем районе жило очень много. У нас была своя, дворовая, уличная школа» – рассказывал житель центральной части города В.В. Соколов⁷. В то же время, детская безнадзорность не приводила к беспризорности детей. Еще с военных лет в сознании горожан было сильно представление об «общих детях», которое проявлялось, прежде всего, в том, что родители считали своей обязанностью следить не только за своим ребенком, но и за другими детьми. В ре-

зультате, несмотря на нехватку дошкольных учреждений, дети всегда оказывались под присмотром.

Имеющиеся на территории Тюмени дошкольные учреждения были переполнены. Так, в октябре 1959 г. общее число мест в яслях города составляло около 1 085, в то время как фактически в них находилось более 1 300 человек⁸. Из-за нехватки мест в детских садах и невозможности перевода в них воспитанников из яслей, многие дети длительное время продолжали занимать ясельные места. Так, в декабре 1958 г. заведующая детскими яслями № 14 Садыкова на сессии горисполкома сообщала: «В яслях должно быть 60 детей, а имеется 100 ... 40 человек переростков, которые сейчас находятся в наших яслях, не только затрудняют работу персоналу яслей, но им самим не интересно быть в яслях...»⁹. Заведующая, опираясь на опыт свердловчан, предлагала исключить детей из яслей по достижении ими трехлетнего возраста. Такие решения неоднократно принимались горисполкомом. Так, в августе 1957 г. было решено отчислить из детских яслей города 72 ребенка и еще 83 человека перевести в детские сады по месту работы родителей¹⁰. Однако подобные меры имели лишь временный эффект, в целом же ситуация с переполненностью детских дошкольных учреждений оставалась неизменной.

Переполненность детских дошкольных учреждений создавала в них тяжелые бытовые условия. В июне 1955 г. главный врач санэпидстанции Грушина так описывала положение дел в детском саду № 18: «Дети вынуждены спать в невыносимых условиях. Кровати стоят вплотную, дети вынуждены перелезть друг через друга, чтобы добраться до своей раскладушки»¹¹. Неблагоприятные бытовые условия в дошкольных учреждениях способствовали увеличению детской заболеваемости. Так, по сведениям постоянной комиссии здравоохранения, за девять месяцев 1959 г. заболеваемость детей в яслях дифтерией составила 40 %, скарлатиной – 23 %, корью – 14, 3 %, коклюшем – 10 % от общей заболеваемости всех горожан¹².

С целью заботы о здоровье детей в летнее время года из обычных зданий дошкольных учреждений их вывозили на природу и размещали в так называемых «летних садиках», в которых они находились до конца августа или начала сентября. Опрошенные респонденты вспоминают, что много летних детских садиков в 1950–1960-х гг. располагалось в Гилевской роще, где для детей были устроены бани и столовые. Посещать их родителям разрешали только два раза в неделю – в какой-то из будних дней и один из выходных – субботу или воскресенье. Организации, которые не имели возможности вывозить детей в летние сады, в теплую погоду размещали их на специально приспособленных, крытых верандах, пристроенных к детскому учреждению¹³.

В 1955 – середине 1960-х гг. вопрос нехватки детских садов и яслей предполагалось решать, прежде всего за счет строительства новых зданий. Основная их часть сооружалась ведомствами с различными возможностями по обеспечению стройматериалами финансированию со стороны министерств, поэтому строительство дошкольных учреждений затягивалось. Нормативные сроки сооружения одного здания составляли около восьми месяцев, в то время как реальное время их строительства, зачастую, растягивалось до двух и более лет¹⁴.

Большая часть зданий для детских садов и яслей создавалась по типовым проектам. До конца 1950-х гг. они строились в виде двухэтажных, прямоугольных в плане, кирпичных строений, вместимостью около 100–110 мест. Фасады зданий красились в разные цвета и украшались декором, что придавало им своеобразную архитектурную выразительность. Однако строительство таких домов занимало много времени, в то время как потребность в детских учреждениях становилась все более острой. В этих условиях некоторые городские предприятия вынуждены были осуществлять строительство хозяйственным способом, с отступлением от типовых проектов. Такие здания существенно отличались друг от друга по вместимости и планировке. Так, в октябре 1961 г. ковровой фабрикой был введен в эксплуатацию деревянный, одноэтажный детский сад на 50 мест¹⁵.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений...», опубликованное 21 мая 1959 г., положило начало созданию дошкольных учреждений нового типа¹⁶. Детские сады и ясли отныне были объединены в единые дошкольные учреждения, и стали размещаться в одном здании. В связи с этим, площадь проектируемых зданий была значительно расширена. В городах и рабочих поселках они стали представлять собой кирпичные, двухэтажные строения, вмещавшие по 6–7 групп детей (135–140 человек). Как правило, новые здания были очень просты в планировке без особых декоративных украшений. Они не отличались внешней привлекательностью, но зато могли в короткие сроки предоставить дополнительные места нуждающимся детям.

Первые детские дошкольные учреждения, созданные по новым типовым проектам, стали возникать в Тюмени в начале 1960-х годов. Во многом, это было обусловлено и активизацией ведомственного строительства. Постановление предусматривало сооружение «яслей-садов» «с учетом приближения их к месту жительства детей», чтобы родители не затрачивали много времени на дорогу от дома до детского сада, и от детского сада до предприятия. Такая практика была выгодна и руководителям предприятий, которые, размещая дошкольные учреждения вблизи от своих ведомств, снижали риск опозданий работников. При этом места в детские сады и ясли, за исключе-

нием 15 % мест, которые каждое ведомство обязано было выделить горисполкому, распределялись только между работниками предприятия, выступавшего в качестве заказчика строительства¹⁷.

В то же время, не все промышленные предприятия Тюмени, из-за нехватки материальных ресурсов, могли построить собственные дошкольные учреждения. Обгоняла «социальное наполнение» и интенсивная жилая застройка города. Рядом с дошкольными учреждениями быстро появлялись новые дома тюменцев, которые не могли отдать своих детей в сады и ясли, расположенные вблизи от жилищ. Такие случаи вызывали частые жалобы горожан. Так, в сентябре 1956 г. в «Тюменской правде» сообщалось: «Нарушается введенный во всех городах принцип устройства детей в ясли и детсады по месту жительства. «Вы не наши», – говорят родителям, пытающимся устроить своих малышей в детсады треста «Нефтегеология», областного управления, которым руководит тов. Л., и деревообделочного комбината «Красный Октябрь» В роли сурового отчима выступил недавно директор ДОКа тов. К., самочинно отчислив из детского садика предприятия 47 «не наших» детей. Родителям этих «не наших» ежедневно приходится водить ребят с одного конца города на другой»¹⁸.

Детей в дошкольные учреждения принимали с раннего возраста. В первую ясельную группу малышей брали уже с двух месяцев, а с трех лет до достижения семилетнего возраста ребенок посещал детский сад. В исследуемый период существовало три основных графика работы детских учреждений. Так, были сады и ясли, которые работали по 9–10 и 12–14 часов, а также круглосуточные дошкольные учреждения. Часы работы садов и яслей зависели от графика работы предприятий и учреждений, которым они принадлежали. Так, например, если предприятие работало в три смены, то дошкольное учреждение, которое ему принадлежало, переходило на круглосуточный график. Детские сады и ясли, принадлежавшие горисполкому, работали, в основном, по 9–10 часов, однако жители города вспоминают, что если в такие дошкольные учреждения попадали дети, родители которых работали на заводах, время их работы увеличивалось¹⁹.

Родителям тех детей, которым все же удавалось получить место в детском саду или яслях, необходимо было ежемесячно вносить за них плату. Ее размеры определялись, в зависимости от уровня доходов родителей и времени пребывания ребенка в дошкольном учреждении. Так, в городах и рабочих поселках ежемесячная плата за место в детском саду с родителей, общие доходы которых не превышали 40 руб. (здесь и далее – в ценах после денежной реформы 1961 г. – А.С.), при длительности пребывания ребенка 9–10 часов, составляла четыре рубля. В том случае, если садик был круглосуточным, плата возрастала до шести рублей. Однако если родители

получали более 120 руб. в месяц, то 9–10-часовой садик для них стоил уже в 2,5 раза дороже – 10 руб., а стоимость круглосуточного садика возрастала до 15 рублей. В той же пропорции изменялась и стоимость яслей, однако месяц пребывания ребенка в них для родителей обходился на один – два рубля дешевле, чем в детском саду. Стоимость месяца пребывания детей в санаторных садиках и яслях, а также при выезде детей на летние дачи возрастала в два раза. При этом для многодетных родителей существовали скидки на путевки в дошкольные учреждения. Так, например, если в семье было четыре ребенка, на их пребывание в детских учреждениях, в не зависимости от заработка родителей, устанавливалась скидка в размере 50 %²⁰. Следует отметить, что при среднемесячной зарплате советских рабочих и служащих в 1955 – середине 1960-х гг. пределах 70–90 руб. – детские сады и ясли не были материально обременительны для населения.

В исследуемый период территория Тюмени состояла из ряда обособленных друг от друга районов. Городское пространство можно условно разделить на пять частей: Заречный район, Затюменская часть города и Большое городище, городской центр, а также восточная часть Тюмени и расположенные южнее пересекавшей город железной дороги поселок «им. Андреева» и «Крестьянские места». Кроме того, в 1955 – середине 1960-х гг. в черту Тюмени вошли территории некоторых населенных пунктов, таких как деревни Парфенова, Новые Юрты и поселок Судоремонтного завода.

К середине 1950-х гг. основная часть детских дошкольных учреждений оказалась сосредоточена в пределах пространства городского центра. В остальных городских районах количество детских дошкольных учреждений было значительно меньшим. Так, в Затюменской и Заречной частях города, в пос. им. Андреева и «Крестьянских местах», территории которых значительно превышали площадь городского центра, размещалось не более 1/3 от общего числа детских садов и яслей²¹.

Создавшийся в 1950-х гг. дисбаланс в развитии центральной части Тюмени, насыщенной социальными учреждениями, и окраин города, где было расположено лишь небольшое количество такого рода объектов, стал постепенно преодолеваться в первой половине 1960-х годов. С началом типового, индустриального строительства происходит увеличение количества детских дошкольных учреждений в различных частях областного центра. Так, 12 детских садов и яслей в период с 1961 по 1965 гг. появилось в пос. им. Андреева и «Крестьянских местах»²². По три новых здания детских дошкольных учреждения было построено в Затюменской и Заречной частях города²³. Число детских дошкольных учреждений возросло также и в целом ряде поселков, включенных в черту Тюмени. Так, один детский сад и одно здание сада-яслей в первой половине 1960-х гг. появи-

лись в дер. Парфенова, три дошкольных учреждения открылось в поселке Судоремонтного завода, одно здание детского сада-яслей появилось в поселке ДОКа «Красный Октябрь»²⁴.

В первой половине 1960-х гг. сооружение детских дошкольных учреждений начинается и в новой юго-восточной части города. В жилых кварталах, строительство которых стало происходить на свободных от малоэтажной застройки участках городских земель, детские сады и ясли стали проектироваться заранее. Их создание осуществлялось одновременно с жилищным строительством, при этом размещались они, преимущественно, в равных радиусах от места проживания горожан. Такой принцип строительства явился новым для города и существенно отличался от «догоняющего» характера сооружения детских садов и яслей в пределах уже существующей застройки. Всего за период с 1961 по 1965 гг. в кварталах многоэтажной застройки новой части Тюмени, к востоку от ул. Мельникайте, появилось пять детских дошкольных учреждений²⁵. Несколько зданий детских садов-яслей было построено также и к западу от ул. Мельникайте, в новых жилых районах заводов «Строймашин» и Сетевязальной фабрики.

Таким образом, в 1955 – середине 1960-х гг. происходит смещение интенсивности строительства детских дошкольных учреждений из центра на окраины Тюмени. Недостаток детских садов и яслей в отдаленных от центра города районах начинает постепенно восполняться. Такая ситуация обусловила снижение различий в развитии городского центра и окраинных районов, что влекло за собой возрастание однородности городского пространства. В то же время, в условиях значительного притока в город большого количества новых жителей, число детских дошкольных учреждений, которые позволили бы полностью удовлетворить запросы населения, по-прежнему оставалось недостаточным. Активная социальная политика государства предопределила существенные перемены и в сознании горожан. К середине 1960-х гг. социальный компонент в представлениях тюменцев становится неотъемлемой и привычной частью городской среды, в то время как в предшествующие годы многие жизненные трудности население областного центра вынуждено было преодолевать самостоятельно. Критерий «социальной защищенности» становится для тюменцев все более значимым и при выборе места работы. В условиях, когда получение путевки в детский сад или ясли воспринималось жителями города как большая удача, только предприятия могли стать своеобразными «гарантами» обеспечения людей таким удобством.

¹ ГБУТО ГАТО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 317. Л. 411.

² ГБУТО ГАТО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 445. Л. 22, 23.

³ Тюменская правда. 1956. 7 сентября.

-
- ⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 636. Л. 368–371; Д. 879. Л. 132.
- ⁵ Воспоминания Глушкова П.И. (1947 г. р.), Зюзенко Н.П. (1955 г. р.), Сафроновой Т.В. (1947 г. р.), Петрова В.С. (1932 г. р.), Трофимова Б.П. (1947 г. р.), записаны автором.
- ⁶ Воспоминания Коноваловой Т.С. (1954 г. р.), записаны автором.
- ⁷ Воспоминания Соколова В.В. (1942 г. р.), записаны автором.
- ⁸ ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 761. Л. 158–160.
- ⁹ ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 739. Л. 101.
- ¹⁰ ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 727. Л. 234.
- ¹¹ ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 667. Л. 31–34.
- ¹² ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 761. Л. 158–160.
- ¹³ Воспоминания Сафроновой З.П. (1933 г. р.), Коноваловой Т.С. (1954 г. р.), записаны автором.
- ¹⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 879. Л. 68–70.
- ¹⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 102. Л. 129.
- ¹⁶ Народное образование в СССР. Сборник документов за 1917–1973 гг. М., 1974. С. 335–337.
- ¹⁷ Там же. С. 338.
- ¹⁸ Тюменская правда. 1956. 7 сентября.
- ¹⁹ Воспоминания Сафроновой З. П. (1933 г. р.)
- ²⁰ Семерка. Российский правовой архив [Эл. ресурс] / URL: <http://zakon.law7.ru/base19/part1/d19ru1190.htm>
- ²¹ ГБУТО ГАТО. Ф. 698. Оп. 1. Д. 256. Л. 84; Д. 265. Л. 98; Д. 272. 87, 88, 94, 95.
- ²² Рассчитано по: ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 26. Л. 73; Д. 103. Л. 102, 153; Д. 163. Л. 168; Д. 164. Л. 30; Д. 209. Л. 121; Д. 267. Л. 65; Д. 357. Л. 24.
- ²³ ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 62. Л. 37; Д. 102. Л. 115, 129; Д. 103. Л. 126; Д. 168. Л. 6, 26.
- ²⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 162. Л. 123; Д. 163. Л. 94; Д. 168. Л. 26, 146; Д. 355 Л. 24; Д. 356. Л. 135.
- ²⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 1888. Оп. 1. Д. 162. Л. 112; Д. 267. Л. 47; Д. 353. Л. 9.

Сибирские горожане шестидесятых: социодемографический портрет

Горожанами принято считать жителей городских населенных пунктов, хотя строго научно определить их не представляется возможным. Во-первых, не существует единого общепринятого понимания города: данная категория не только исторически изменчива, но и спектрально включает в себя совершенно различные поселения. Во-вторых, к городским населенным пунктам в нашей стране помимо городов относятся также поселки городского типа (ПГТ), с еще менее определенными критериями, и, как правило, – с более выраженными сельскими генетическими связями. В-третьих, необходимо учитывать явные регионально-урбанизационные особенности Сибири. В-четвертых, важен и субъективный фактор, поскольку проживание человека в «городской местности» автоматически не делает его горожанином по образу жизни и самоидентификации.

В свете сказанного возникают резонные вопросы: а возможно ли в принципе говорить о городском населении как о некоей общности, изучать ее, делать научные выводы? Думается, избежав агностических крайностей и оставшись в рамках научной парадигмы, все же можно ответить на эти вопросы утвердительно.

Систематическое научное изучение города началось лишь в XX веке, с серьезных исследований А. Бюхера, Н. Анцифорова, А. Вебера, П. Парка и др. На сибирском материале написано немало работ по городоведческой и урбанизационной тематике, но посвящены они в основном более раннему периоду¹. Особый интерес исследователи проявили к изучению новых городов региона в историко-социологическом ракурсе². Основная же масса литературы справочного и популярного характера посвящена истории отдельных городов. Из комплексных исследований, охватывающих интересующий нас период, имеется всего несколько публикаций, преимущественно экономико-географического плана.

В частности, экономисты Е.Д. Малинин и А.К. Ушаков, опираясь на результаты проведенных Институтом экономики СО АН СССР исследований, первыми обобщили данные по всему региону за 1960-е годы, выделив их в особый этап. Авторы отметили тревожную тенденцию утраты Сибирью лидирующих позиций в темпах прироста населения, явную внутрирегиональную неравномерность в увеличении его численности³. Экономгеограф Е.Н. Перцик обращается в основном к методологическим и

конструктивным проблемам формирования системы городского расселения в Сибири и перспектив ее совершенствования⁴.

По населению Восточной Сибири наиболее полная информация содержится в монографии экономико-демографического характера В.В. Воробьева. Автор рассмотрел изменение общедемографических характеристик населения региона с предвоенного периода и до начала 1970-х гг., а также сделал перспективные прогнозы относительно его численности и состава⁵. Существует несколько более локальных работ, написаны они также экономистами⁶. Несколько больше повезло Западной Сибири. В первом в своем роде историко-демографическом издании, вышедшем под редакцией Н.Я. Гущина и В.А. Исупова, описан комплекс основных процессов развития населения региона за столетие: численность и размещение, половозрастной состав, естественное и миграционное движение, занятость, семейная, брачная, образовательная, национальная, социально-профессиональная структуры⁷.

Изучение городского населения требует интеграции подходов и взглядов различных наук. Шестидесятые годы явились особым периодом в его формировании: страна вступила в завершающий этап экстенсивной стадии урбанизации. Однако, как свидетельствует обзор литературы, эти процессы недостаточно изучены в отечественной историографии, а в региональном разрезе применительно к указанным хронологическим рамкам они не рассматривались как специальный объект научно-исторического анализа.

В качестве рабочего определения, синтезированного на основе изучения широкого спектра вариантов через призму антропологического подхода, предлагается считать городской местностью *особую форму социально-территориальной и социокультурной организации общества, основанную на концентрации экономической (преимущественно несельскохозяйственной), политической, культурной деятельности, формирующую особый образ жизни.*

Изучение населения традиционно и преимущественно строится на статистической информации, что вполне объяснимо и отчасти оправдано. Основным источником, безусловно, являются Всесоюзные переписи населения, применительно к данной теме – 1959 и 1970 годов, полностью охватившие исследуемый период. Они проводились по широкой программе, фиксируя не только численность и распределение горожан по населенным пунктам, а также их половозрастной, социальный и национальный состав, образовательный уровень, включенность в семейные структуры и др. Но переписи дают лишь одномоментный и далеко не полный срез показателей. Ценные сведения, позволяющие более детально охарактеризовать городских трудящихся в профессионально-отраслевом плане, можно извлечь из неопубликованных статистических сводок ЦСУ по численности и фонду заработ-

ной платы рабочих и служащих. Данные по регистрации браков и разводов, рождений и смертей, содержащие базовую информацию по естественному движению населения и семейно-брачной динамике, имеются в фондах ЗАГСов. Этих источников вполне достаточно, чтобы дать основные характеристики городского населения.

Таблица 1.

Распределение горожан Сибири по областям, % ко всему городскому населению региона на начало года и п.п. за весь период*

Регион	1961	1971	Изменение удельного веса за 1961–1971 гг.
Западная Сибирь, в т.ч.	62,5	61,7	-0,8
Алтайский край	9,7	10,2	+0,5
Кемеровская область	23,2	19,6	-3,6
Новосибирская область	13,9	13,6	-0,3
Омская область	7,9	8,5	+0,6
Томская область	3,8	3,9	+0,1
Тюменская область	4,0	5,9	+1,9
Восточная Сибирь, в т.ч.	37,5	38,3	+0,8
Красноярский край	14,4	15,2	+0,8
Иркутская область	13,5	13,9	+0,4
Читинская область	6,0	5,5	-0,5
Бурятская АССР	3,0	3,0	0
Тувинская АССР	0,6	0,7	+0,1

*Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. С. 34, 37. Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. С. 12, 16.

На территории региона к 1970 г. официально значился 121 город, а также имелось три закрытых административно-территориальных образования (ЗАТО), не обозначенных на карте. 87 сибирских городов обрели свой статус уже в советское время, в т.ч. 49 – в послевоенный период. Исторически развитых ядер формирования городского населения на территории региона было немного. Даже такие крупнейшие центры как Новосибирск, по сути, не имели глубоких корней. Города либо возникали «с нуля», либо на основе сельских населенных пунктов, а то и лагерных зон, т.е. не сформировали прочных традиций городского общежития. Еще менее развиты были эти традиции в поселках городского типа, которых на конец периода насчитывалось 310. Только за 1960-е гг. на территории региона появилось 82 (!) новых поселка. В основном они вырастали из сельских поселений и районных административных центров. Достаточно велик в регионе был также

удельный вес поселков, возникших в районах добычи полезных ископаемых, заготовки леса. Географически городские населенные пункты распределялись чрезвычайно неравномерно и локализовано.

Таблица 2.

Распределение горожан по городам различной людности и ПГТ, % к общей численности городского населения на 1970 г.*

Регион	Всего в городах	в том числе в крупнейших более 500 тыс. чел.	Всего в ПГТ			
			крупных 100–500 тыс. чел	средних 50–100 тыс. чел.	малых менее 50 тыс. чел.	
РСФСР	86,4	28,7	28,8	9,8	19,1	13,6
Сибирь	83,5	21,8	36,9	7,4	17,4	16,5
Западная Сибирь, в т.ч.	86,7	26,7	40,4	4,2	15,4	13,3
Алтайский	80,0	-	62,7	-	17,3	20,0
Кемеровская	87,2	-	67,8	8,6	10,8	12,8
Новосибирская	92,9	70,9	-	3,2	18,8	7,1
Омская	91,0	81,5	-	-	9,5	9,0
Томская	84,3	-	72,6	-	11,7	15,7
Тюменская	77,5	-	38,9	8,1	30,5	22,5
Восточная Сибирь, в т.ч.	78,4	14,0	31,2	12,5	20,7	21,6
Красноярский	79,3	35,4	7,4	18,7	17,8	20,7
Иркутская	81,9	-	48,4	11,1	22,4	18,1
Читинская	62,7	-	36,7	-	26,0	37,3
Бурятская	83,6	-	69,9	-	13,7	16,4
Тувинская	89,6	-	-	59,4	30,2	10,4

*Расчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т.1. С. 76–77, 94–99.

Занимая почти 60 % территории России, Сибирь концентрировала около 15 % ее населения, в т.ч. городского⁸. Общая численность городского населения региона к концу периода составила 12,3 млн человек, в т.ч. 7,6 млн (что сопоставимо с численностью населения одной Москвы того периода) в Западной и 4,7 млн в Восточной Сибири⁹. 1960-е годы стали временем ускоренной урбанизации. Всего за десять лет число горожан Сибири увеличилось на 2 354 тыс. чел., или почти на четверть.

На огромных пространствах Сибири выделялось лишь несколько более или менее оформленных урбанизированных зон: прежде всего, Кузбасс, Центральные и Южные районы Красноярского края. Основная доля сибирских горожан (более 60 %) приходилась на западную часть региона. Абсолютным лидером по урбанистической концентрации являлась Кемеровская область, далее следовали Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области, Алтайский край. В совокупности в отмеченных пяти субъектах региона из одиннадцати регистрировалось 73,5 % городских жителей Сибири. Другой «полюс» был представлен Томской и Тюменской областями, Бурятской и Тувинской автономными республиками, в которых проживала незначительная часть сибирских горожан. По составу населения самыми урбанизированными на конец периода были также Кемеровская, Иркутская, Новосибирская области и Красноярский край, где на горрод приходилось соответственно 83 %, 73 %, 66 % и 63 % от общей численности жителей. По сути, они определяли урбанистический облик всего региона.

Несмотря на политику сдерживания роста крупных городов в рассматриваемое десятилетие быстрее, всего увеличивалось население именно региональных столиц, а также городов, в которых шло сооружение масштабных промышленных объектов. Но на общем фоне активизации урбанизационных процессов в Сибири существовало немало городов (в основном – ресурсных, шахтерских), которые теряли свое население.

Согласно принятой на тот период градации, города с числом жителей от 12 до 50 тыс. чел. попадали в разряд малых, с населением 50–100 тыс. – средних, 100–250 тыс. населения позволяло городу считаться большим, 250–500 тыс. – крупным, а более 500 тыс. – крупнейшим. В материалах Всесоюзной переписи населения 1970 г. отсутствует соответствующая «большому» городу промежуточная градация в 250–500 тыс. чел., и все города с числом жителей от 100 до 500 тыс. чел. отнесены к разряду «крупных». Исходя из данного ранжира, на территории Сибири было всего три «крупнейших» города: Новосибирск, Омск, Красноярск, в которых проживало более пятой части всех сибирских горожан. Причем, западно-сибирские столицы концентрировали более 70 % (Новосибирск) и 80 % (Омск) городского населения своих областей, а в Красноярске проживал лишь каждый третий городской житель края. В 18 «крупных» городах Сибири было сосредоточено около 37 %, в 12 «средних» – более 7 %, а в 84 «малых» – почти 17 % горожан. Оставшиеся горожане (около 16 %) являлись жителями 310 ПГТ. Причем, в западной части Сибири существенно выше была концентрация горожан в поселениях с людностью более 100 тыс. чел., а в восточной – в средних и малых городах и ПГТ. Значительны были и межобластные различия.

Городское население росло в результате т. н. естественного и механического его движения. В 1960-е гг. роль первого фактора ослабевала, а второго, напротив, возрастала. В течение почти всего периода происходило значительное и систематическое сокращение рождаемости, лишь в самом его конце положение несколько стабилизировалось, и даже намечился рост, но общей картины это уже не изменило. В Сибири эта тенденция проявилась более выражено: в городах региона сокращение общего коэффициента рождаемости за десятилетие составило 7,7 п. п., в то время как по России – 5,7. Ситуация усугублялась и ростом показателей смертности населения: на 41 % в абсолютном исчислении, и на 0,9 п. п. в расчете на 1 000 горожан. В результате общие параметры естественного прироста значительно сократились по городскому населению Сибири – на 38,5 % в абсолютном исчислении (в т. ч. по Западной Сибири на 43 %, по Восточной Сибири – на 31 %). Коэффициент естественного прироста горожан уменьшился по региону на 8,6 п.п., по Западной Сибири – на 9,0, по Восточной – на 8,0. Не случайно ситуация получит определение «демографического провала»¹⁰.

В этих условиях существенно возрастала роль механического фактора, который был для Сибири традиционно значимым, ибо огромная территория за Уралом исторически развивалась в условиях недостатка трудовых ресурсов. На рубеже 1950–60-х гг. значение этого фактора возросло, поскольку в течение двадцати ближайших лет здесь намечалось создать главную топливно-энергетическую базу страны и значительно нарастить производственный потенциал. Две трети перемещений приходилось на внутрирегиональную миграцию, около трети мигрантов прибыло из-за пределов региона, преимущественно – из сопредельных регионов. Преобладающим направлением миграции было вселение в города, давшее примерно 65 % всех перемещений. Мигрировало в города в основном население трудоспособного возраста. На втором месте оказалась межсельская миграция, составившая порядка 20 %, и лишь около 14 % перемещений происходило по вектору «город-село»¹¹.

Городское население региона отличалось повышенной миграционной активностью. Несмотря на трудонедостаточность, для Сибири было характерно отрицательное сальдо внешней миграции, поэтому опережающий рост городов в основном был получен за счет притока селян региона и сравнительно высоких показателей естественного прироста¹². Помимо собственно миграционного притока, механический прирост горожан происходил также за счет активно проводившихся в тот период преобразований сельских поселений в городские, что далеко не всегда учитывается

исследователями. Между тем, большинство ПГТ перешло в разряд городских населенных пунктов именно в результате таких преобразований.

Половой состав городского населения характеризовался численным преобладанием (почти на 6 %) женщин, что традиционно объясняется более высокой смертностью мужчин. Следует учесть, что особенно значительно диспропорции проявлялись в старших возрастных группах, а среди населения брачных возрастов «дефицит» мужчин был менее заметен. Более того, в регионе существовали города и поселки с явным перевесом мужской составляющей, что затрудняло поиск невест. В основном – это районы масштабных новостроек, нового освоения, центры развития добывающей промышленности. За десятилетие в целом общее соотношение мужской и женской части горожан существенно не изменилось, хотя на уровне некоторых его субъектов подвижки оказались значительными. Сравнение со средними данными по России свидетельствует о несколько более сбалансированной ситуации в регионе¹³.

Повозрастная структура населения претерпела существенные изменения за рассматриваемое десятилетие. В первую очередь в результате резкого сокращения рождаемости снизилась доля горожан в возрасте до 10 лет: на 6,1 п. п. по Сибири, при общероссийском сокращении этого показателя на 4,9 п. п. Аналогичные изменения (-6,1) произошли и в возрастной группе 20–29 лет, в основном за счет достижения этого возраста малочисленным поколением детей военных лет. Одновременно увеличилась доля населения старших возрастных групп, что позволяет говорить об общем «постарении» горожан. Удельный вес горожан трудоспособного возраста за 1960-е гг. сократился на 0,8 п. п.¹⁴

Социальный состав горожан в советской литературе слабо изучался, поскольку стратегическим курсом являлось построение социально однородного общества. С началом Перестройки получили популярность теории социальной стратификации, на их основе начали разрабатываться методологические и методические приемы анализа классовой структуры советского общества. В числе первых отечественных ученых к разработке этих проблем приступили сибирские социологи из ИЭиОПП СО АН, однако конкретно-исторических исследований не проводилось из-за отсутствия дифференцированной социальной статистики¹⁵.

В основу проведения Всесоюзных переписей населения был заложен формально-классовый принцип трехчленного деления населения на рабочих, служащих, колхозников. Лица интеллигентного труда, традиционно относящиеся к классовой «прослойке», также считались служащими. Поэтому из материалов переписей следует лишь и без того очевидное: в городах проживали в основном рабочие и служащие. При этом не понятно, например,

к какой из этих категорий относились дети гетерогенных по социальному составу семей. Данное деление совершенно не учитывает профессиональный состав, квалификацию, и сопряженные с этим условия труда, доходы и т. п. На самом же деле, полученные результаты практически не приближают к пониманию реального социального состава населения, который был неоднородным, сложным по структуре и связям.

Сводки ЦСУ по численности рабочих и служащих и фонду заработной платы позволяют несколько конкретизировать ситуацию, выделив из общей численности населения горожан, занятых в народном хозяйстве, и проанализировать отраслевую структуру их занятости¹⁶. За рассматриваемое десятилетие среднегодовая численность рабочих и служащих Сибири увеличилась почти в полтора раза, а их доля в городском населении выросла на 7,5 %, сибирские показатели (47 %) превосходили аналогичные общероссийские (41 %).

Наибольший удельный вес занятых приходился на работников промышленности, составивших на конец периода около 40 % всех рабочих и служащих. По 10–12 % работников трудилось в строительстве и на транспорте. В совокупности в «триумвирате» (промышленность – строительство – транспорт), являющимся основой индустриального развития, было задействовано почти 63 % городских работников. Но намечалась тенденция к увеличению удельного веса обслуживающих отраслей¹⁷.

Увеличение числа работников в народном хозяйстве происходило как посредством массированного миграционного вливания трудовых ресурсов, так и в результате последовательной реализации правительственного курса на практически полное вовлечение в общественное производство трудоспособного населения из домашнего и личного подсобного хозяйства. И действительно, доля задействованных в государственном секторе резко возросла, особенно за счет женской части горожан. В результате, к 1970 г. женщины составили более половины всех трудящихся, 82 % всех женщин трудоспособного возраста трудилось в общественном секторе, при аналогичном показателе по мужской части населения – 88 %¹⁸.

Важной характеристикой качественного состава населения является уровень его *образования*. В рассматриваемый период увеличилась, причем быстрее, чем по России в целом, численность всех категорий обучающихся на всех ступенях образования (кроме обучающихся в вузах). За межпереписной период уровень высшего образования, исчисленный на 1 тыс. горожан в возрасте старше 10 лет, вырос по Западной Сибири на 69,2 %, по Восточной – на 65,4 %, а по России – на 56,4 %. Лиц со средним специальным образованием стало больше соответственно на 36,1 %, 34,3 %, 33,3 %. Особенно резко выросли показатели по среднему образованию – на 80,6 %, 86,6 %, 86,6 %.

66,7 %. Однако, несмотря на более высокие темпы прироста горожан «с образованием», по абсолютным показателям регион продолжал существенно уступать общероссийским. Значительно лучше рабочих были образованы служащие, хотя за десятилетие произошло значительное сближение уровней: образовательная планка у рабочих поднялась почти в полтора раза, а у служащих – примерно на 7 %. Однако и на конец периода оставался огромный разрыв: у служащих почти 940 человек из тысячи имели образование, а у рабочих – около 550. Женщины были «образованнее» мужчин¹⁹.

Сибирь – *многонациональный* край, что вносило определенные этнические и конфессиональные черты в облик горожан. Согласно данным Всесоюзных переписей населения, русских среди сибирских горожан насчитывалось около 90 %, второй по численности диаспорой были украинцы (2,8 %), третьей – татары (1,8 %). Следующие позиции заняли немцы, белорусы, евреи, чуваша, мордва. Но фактически в каждом субъекте региона в национальных раскладах получался свой, существенно варьирующийся «ранжир». Например, в Восточной Сибири был значительным удельный вес представителей бурятской, тувинской, хакасской национальностей, в Тюменской области – народов Севера, в Алтайском крае – алтайцев и казахов и т. п.²⁰ Следует также отметить, что городская среда в большей степени, чем сельская, нивелировала национальные различия. Этому же способствовал и проводимый в период «строительства коммунизма» курс на интернационализацию и атеизацию советского общества. Сказанное не отрицает сохранения некоторых стойких традиций, поддерживаемых в культуре и внутрисемейных отношениях, особенно в районах массовой концентрации представителей титульной (нерусской) нации.

Подавляющее число горожан проживало в составе *семьи*. В 1959 г. – это 94,5 % городского населения Сибири. За десятилетие в среднем на 1,5 п. п. увеличилась доля одиноко проживающих граждан, к ним относились лица, не имевшие семьи или утратившие с нею связь. Всего в разряд одиноко проживающих на конец периода попадало почти 7 % горожан, а в Омской и Томской областях – практически каждый десятый. Показатель доли семейных горожан в регионе был несущественно (менее чем на полпроцента) выше общероссийского. За время, прошедшее между двумя переписями населения, размер городской семьи уменьшился с 3,7 до 3,5 чел. Семьи региона были несколько больше российских, а городские – традиционно меньше сельских. За указанный период в регионе значительно увеличилась доля семей, состоящих из трех (с 27,1 до 29,9 %) и четырех (с 23,7 до 27,5 %) человек, а удельный вес семей, состоящих из пяти и более членов, резко сократился. Всего в семьях из 2–4-х членов проживало 75,3 % горожан в 1959 г. и 81,8 % – в 1970 г.²¹ Следовательно, малая семья

становилась все более доминирующей в результате развития урбанизационных процессов, растущей экономической самостоятельности молодежи, ее стремления жить обособленно от родительской семьи, но основную роль сыграло снижение рождаемости.

Итак, исторически формирование городского населения Сибири протекало в неблагоприятных условиях. Сказывалась периферийность и трудная транспортная доступность региона, малочисленность и рассредоточенность городских поселений, отсутствие сложившихся форм городского общежития, специфика источников пополнения городского населения и т. п. На этом фоне 1960-е гг. стали своеобразным прорывом. Формально-статистический образ сибирских горожан позволяет зафиксировать ряд значимых черт:

- этот образ оказался весьма динамичным: показатели на начало и на конец периода разительно отличались;

- горожан стало на четверть больше, а их удельный вес в населении Сибири увеличился с 54,0 до 62,6 %;

- лишь половину городских жителей можно причислить к местным уроженцам с городскими корнями;

- в результате сокращения рождаемости и увеличения смертности естественный способ самовоспроизводства горожан приобрел устойчивую тенденцию к снижению;

- возросла роль механического фактора: пополнение городского населения Сибири происходило в основном за счет людских ресурсов местных сел, давших «горожан в первом поколении».

- урбанистический облик региона определяли пять областей и краев из одиннадцати, а именно: $\frac{3}{4}$ всего городского населения концентрировалось в Кемеровской, Иркутской и Новосибирской областях, в Красноярском и Алтайском краях;

- почти 60 % горожан проживало в 21 крупном городе; более трети – совокупно в 84 малых городах и 310 ПГТ; на 12 средних городов приходилось всего около 7 %;

- горожане стали «старше», прежде всего – за счет сокращения доли детей;

- большинство городского населения (ок. 60 %) находилось в возрасте трудовой активности;

- почти 85 % населения трудоспособных возрастов было вовлечено в общественное производство, причем различия между уровнем женской и мужской занятости в государственном секторе стремительно сокращались;

- большая доля взрослого населения городов была задействована в индустриальных отраслях: промышленности, строительстве, транспорте, в основном – на рабочих специальностях;

- по гендерному распределению в составе горожан несколько выше была доля женщин, но диспропорции были существенны лишь в старших возрастных группах, что не препятствовало созданию семей;

- абсолютное большинство горожан проживало в семьях, причем резко увеличилась доля семей из 2–4-х членов (с 75 % до 82 %), преимущественно состоявших из брачной пары с одним-двумя детьми;

- горожане стали гораздо «образованнее», повышался их уровень образования;

- в городах Сибири проживал многонациональный состав населения, преобладавшей группой – около 90 % городского населения составляли русские.

Для создания более полного портрета, необходимо, отталкиваясь от исходного определения города, подчеркнуть, что город – это особый системно-пространственный процесс, формирующий городской образ жизни. Приходится признать, что при изучении городского образа жизни возникают сложнейшие вопросы: о соотношении количественных и качественных параметров городского населения, о существенных характеристиках его как особой социально-территориальной общности, о методах идентификации и самоидентификации и т. д. Но совершенно очевидно, что без ответа на эти вопросы невозможно получить объективное представление о горожанах и создать законченный портрет городского населения.

Для создания полного портрета типичных горожан явно недостаточно лишь формальных статистико-демографических показателей. Даже самая полная и правдивая статистика (если таковая имеется в принципе) не способна ответить на вопрос, насколько проживавшие в городской местности люди были горожанами по своему образу жизни. Выход на этот, сравнительно новый для отечественной историографии круг проблем, настоятельно требует привлечения дополнительных источников. Определенную информацию содержат данные активно проводившихся в 1960-е годы социологических обследований (анкетирований, бюджетов времени), способных дать сведения более детализированные, хотя и фрагментарные, и зачастую нерепрезентативные. Огромный потенциал несут в себе источники личного происхождения, которые, к тому же, можно создавать и обрабатывать в режиме реального времени. Для решения задачи необходимо изучение всего комплекса имеющейся информации, а также применение инновационных методов ее обработки²².

¹ *Исупов В.А., Московский А.С.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984; *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 1930-х – конец 1950-х гг.). Ново-

сибирск, 1991; Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987; *Бужин С.С., Исаев В.И.* Урбанизация Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Новосибирск, 2005; *Исаев В.И.* Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1; и др.

² *Лукьяненко В.И.* Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973; *Куцев Г.* Молодежь и молодые города. М., 1977; *Куцев Г.* Новые города (Социологический очерк на материалах Сибири). М., 1982; Проблемы социального развития новых городов в автономном районе освоения. Красноярск, 1981; *Чернова Ю.В.* Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.): историческое исследование: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002.

³ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Население Сибири. М., 1976.

⁴ *Перицк Е.Н.* Город в Сибири: Проблемы, опыт, поиск решений. М., 1980.

⁵ *Воробьев В.В.* Население Восточной Сибири. Современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск, 1977.

⁶ См., напр.: *Мангатаева Д.Д.* Городское население Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1978 и др.

⁷ Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.

⁸ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. М., 1972. С. 12–15.

⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. М., 1971. С. 12, 16.

¹⁰ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 374. Оп. 31. Д. 7862. Л. 1–178; РГАЭ. Ф. 1562, Оп. 47. Д. 1397. Л. 4–75; оп. 48, д. 33, Л. 66; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г. М., 1961. С. 34, 37; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. С. 12, 16. (*без Тувы).

¹¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 12–15; Т. 7. С. 61–71, 158–160.

¹² Там же. О перипетиях миграций и о категориях мигрантов подробнее см.: *Рафикова С.А.* Городские миграции в Красноярском крае в 1960-е годы: проблемы динамики, типологии, адаптации // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири. Сб. научн. тр. Вып. 1. Новосибирск, 2006. С. 126–146.

¹³ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963. С. 21–23; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 1. С. 12–15; Т. 2. С. 18–19.

¹⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 2. С. 18–158.

¹⁵ *Рывкина Р.В.* Советская социология и теория социальной стратификации // Постижение. М., 1989; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, 1991.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1844. Л. 56–65; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5832. Л. 66–78.

¹⁷ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 31. Д. 5832. Л. 66–78; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1844. Л. 56–65.

¹⁸ Подробнее см.: *Азарова Е.Г.* Проблемы равноправия женщины и мужчины в социальном обеспечении в СССР. М., 1989.

¹⁹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 3. М., 1972. С. 207, 256–271, 409, 457–472; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 5. М., 1973. С. 86–114.

²⁰ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. М., 1973. С. 61–145.

²¹ Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. С. 426–449; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 7. М., 1974. С. 186–217. Все расчеты сделаны с учетом административно-территориальных преобразований на конец периода. Подробнее см.: *Рафикова С.А.* Городская семья Сибири в 1960-е годы: размер, состав, структура // Вестник Поморского университета. 2010. № 9. С. 53–56.

²² О возможных путях дальнейшего исследования см.: *Рафикова С.А.* Проблема идентификации горожан Красноярского края в 1960-е годы // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. Матер. межрегион. научн. конф. Новосибирск, 2010. С. 205–214; *Корчевская О.В., Рафикова С.А.* Исследование идентификаторов городского образа жизни красноярцев 60-х годов с помощью нейронных сетей с учителем // IX всерос. конф. по теоретическим основам проектирования и разработки распределенных информационных систем (ПРИС-2011). Красноярск, 2011. С. 58–60. *Корчевская О.В., Рафикова С.А., Сельвенис Д.В., Пригодин О.В.* Идентификация городского образа жизни красноярцев с помощью самоорганизующихся карт Кохонена // Прогрессивные технологии создания и использования цифровых образовательных ресурсов: материалы II всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием. Красноярск, 2011. С. 104–110.

Н.Ю. Гаврилова

Демографические процессы на Ямале в период интенсивного освоения нефтегазовых ресурсов

Промышленное освоение Ямала в 1960–1980-е гг., связанное с открытием на его территории крупнейшей не только в стране, но и в мире нефтегазоносной провинции и обустройством месторождений, привело к значительным изменениям в демографическом составе населения. Суровые природно-климатические условия Крайнего Севера изначально предопределяли слабую заселенность и малую плотность населения Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). В 1959 году в его состав входило семь районов, средняя численность каждого из них не превышала 10 000 человек. Преобладающими были поселения людностью от 500 до 1 500 человек¹. Основой хозяйственной жизни в округе были традиционные отрасли и способы их ведения.

Вплоть до начала 70-х годов XX столетия жизнь населения Ямала текла размеренно, без демографических всплесков. По данным Всесоюзной переписи в 1959 г. численность его достигла 62,3 тыс. человек, что составляло 5,7 % от общей численности населения Тюменской области. Основная масса проживала в сельской местности, на долю городского населения приходилось 35 %. За период с 1959 до 1970 гг. численность населения увеличилась на 28,1 %; в том числе городское население выросло на 12,8 %. Свыше половины населения округа (57,1 %) проживало по-прежнему в сельской местности².

Открытие в Приполярье первых месторождений природного газа и их обустройство изменили течение демографических процессов. Интенсивное промышленное освоение территории Ямала привело к коренным изменениям как в процессе формирования населения, так и его составе. Определяющим источником формирования населения становится механический прирост, который в районах нефтегазодобычи являлся практически единственным, особенно на начальном этапе освоения региона.

Возникновение новых отраслей (бурение, нефтегазодобыча), обустройство территории (сооружение городов и рабочих поселков, железных и автомобильных дорог, сетей трубопроводов) требовали большого количества кадров, обладающих соответствующим уровнем квалификации. Отсутствие их на Ямале диктовало необходимость привлечения специалистов из других регионов страны. Так, на смену медленным темпам роста населения пришел его быстрый количественный рост. Население округа за вторую половину 1970-х гг. увеличилось на 70,5 тыс. человек. Пик прироста приходился на 1980-е. Только с начала 1980-х гг. население Ямала выросло почти в два раза. Прирост за пятилетие составил свыше 190 тыс. человек. В целом за двадцатилетие (с 1966 по 1986 гг.) население округа увеличилось в 5,4 раза. Для сравнения: население Тюменской области за этот же период выросло в 2,1 раза, Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) – в 4,6 раза. К 1986 г. в Ямало-Ненецком округе проживало 383,1 тыс. человек, что составляло 14,3 % от всего населения области³.

Таких темпов прироста населения не знал ни один регион страны. В основе него были темпы промышленного освоения районов Крайнего Севера, связанные с ростом газодобычи и строительством магистральных трубопроводов. Планы экономического развития страны в 1980-е годы были нацелены на крупномасштабное освоение месторождений углеводородов Ямала.

Население в этот период формировалось в основном за счет выходцев из других регионов России и бывших союзных республик. По мере наращивания добычи нефти и газа, строительства трубопроводного транспорта

возрастала и роль миграций в формировании численности населения округа. Так в первое десятилетие (1970-е гг.) освоения нефтегазодобывающих районов население ЯНАО почти удвоилось. При этом свыше 80 % его прироста приходилось на долю вновь прибывших. Перепись 1979 г. показала, что на момент ее проведения только 29,2 % населения были уроженцами округа, а 70,8 % являлись пришлыми. Из них 43,1 % проживали в месте постоянного жительства менее двух лет⁴.

Самыми высокими темпами роста населения за счет миграционного притока отличались города и рабочие поселки районов нефтегазодобычи – Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Пойковский. Рост населения в них осуществлялся за счет прибытия людей главным образом из Российской Федерации и Украины. По данным демографов, треть мигрантов, прибывших в ЯНАО, являлись выходцами из Уральского экономического района, центральных районов России, Северного Кавказа и Поволжья, каждый пятый эмигрант был уроженцем Украины⁵.

Поскольку формирование населения в районах промышленного освоения определялось прежде всего производственной специализацией и перспективами развития самого региона, постольку это накладывало определенный отпечаток на его состав. В общем потоке мигрантов преобладало трудоспособное население. Более половины прибывающих составляла молодежь в возрасте от 20 до 30 лет. Поступающих на работу в отрасли нефтегазодобычи, отличал и высокий образовательный уровень.

Демографические процессы на Ямале в 1960–80-е годы отличались большой подвижностью населения, выраженной в высокой интенсивности миграции. Западная Сибирь по величине этого показателя занимала в 1960-е гг. второе место среди экономических районов Российской Федерации, уступая лишь Уральскому региону. Интенсивность миграции в районах нового промышленного освоения (РНПО) Севера Западной Сибири была в четыре – пять раз выше, чем в среднем по РСФСР. По утверждению исследователей, на территорию Ямала в 1980-е годы ежегодно приезжало от 40 до 50 тыс. человек, а выбывало от 20 до 30 тыс. Таким образом, в середине 1980-х гг. в миграционный поток вовлекалось 30–40 % всего населения округа, т. е. ежегодно состав населения обновлялся на треть. И лишь к концу 1980-х годов величина миграционного оборота начала снижаться⁶.

На миграционную подвижность населения и степень его приживаемости, как показывали социологические исследования, проведенные в середине 1980-х годов в нефтегазодобывающих районах, влияли многие факторы. К ним относились семейное положение мигрантов, ориентация на проживание и уровень притязаний. Исследования выявили, что ведущим мотивом миграции был материальный фактор (54,1 % опрошенных). Дол-

гое время сохранялся романтический настрой первого поколения мигрантов 1960-х годов: «желание внести свой вклад в решение проблем освоения Севера» (13,4 %), «престижность северных строек» (5,1 %), «проверить себя в экстремальных условиях Севера» (15,5 %). Ведущими причинами обратной миграции выступали жизненные условия: обеспечение жильем, низкий уровень торгового, бытового, культурного обслуживания⁷.

Таким образом, ведущим источником формирования населения ЯНАО в 1970–80-е гг. являлся механический прирост. Вместе с тем, освоение Севера оказывало значительное влияние и на естественное воспроизводство населения, выраженное в показателях рождаемости, смертности и естественного прироста.

До начала промышленного освоения закономерностью воспроизводства населения Ямала являлся высокий уровень рождаемости и столь же высокий уровень смертности, как среди детей, так и людей среднего возраста. Тем более, что вплоть до начала 1970-х гг. преобладало сельское население, которое традиционно отличалось более высокой рождаемостью. Внутрисемейное регулирование рождаемости практически отсутствовало. В результате суммарный коэффициент рождаемости находился на уровне трех детей, что соответствовало расширенному воспроизводству населения.

Анализ тенденции рождаемости в ЯНАО в 1960–80-е гг. показывает их нестабильность. Если до начала 1960-х гг. общий коэффициент рождаемости в округе был выше соответствующего показателя по России в целом, то в последующие годы наблюдалась тенденция его снижения. В 1980 г. наблюдался самый низкий показатель рождаемости населения на Ямале по сравнению с областным и союзным уровнем⁸. Можно предположить, что в основе снижения рождаемости в 1970-е гг. были факторы, связанные с изменениями в составе населения. Среди мигрантов преобладали люди, не ориентированные на первых порах на создание семьи, при отсутствии нормальных жилищных условий. Вместе с тем, среди прибывающих на Ямал был высокий удельный вес молодежи репродуктивного возраста, что являлось условием для появления новых семей и рождения детей.

Промышленный бум на Ямале в 1980-е гг. совпал и с проведением активной демографической политики советского государства. Предпринимаемые меры также отразились на показателях рождаемости и в районах Крайнего Севера. Ранее наметившаяся тенденция к снижению этих показателей сменилась в середине 1980-х гг. ростом. При этом показатель рождаемости в ЯНАО опережал союзный и республиканский уровень, приблизившись к среднеобластному⁹.

В естественном движении населения Ямала прослеживалась и другая тенденция, связанная с понижением смертности населения, а следовательно и повышением показателей его естественного прироста. По утверждению демографов, общий показатель смертности населения Западной Сибири в 1960–1980-е гг. был самым низким среди других экономических районов Российской Федерации. На Ямале показатели смертности в этот период (исключение составляет лишь 1970 г.) были значительно ниже союзных, республиканских и среднеобластных¹⁰.

На первый взгляд, это может показаться странным, так как условия жизни в условиях Крайнего Севера, нельзя назвать комфортными, они были суровее, чем в других районах страны. Однако это только на первый взгляд. Главная причина более низких показателей смертности в 1970–1980-е гг. заключалась в особой возрастной структуре населения, связанной с высокой долей «молодых» возрастных групп. Пришлое население пожилого возраста, как правило, быстро покидало территорию края. На Ямале сохранялась та часть населения трудоспособного возраста, которая выдерживала испытание Севером.

Низкая смертность и высокая рождаемость населения Ямала, совпавшие в условиях интенсивного промышленного освоения, обусловили и его высокий естественный прирост. На всем протяжении 1970–1980-х годов его показатели в округе опережали союзные, республиканские, среднеобластные и лишь уступали аналогичным показателям ХМАО. По темпам механического и естественного прироста населения северные территории не имели аналогов не только в Западной Сибири, но и в стране в целом.

Индустриальное освоение Ямала сопровождалось существенными изменениями в структуре населения, его половозрастном, образовательном и национальном составе. Определяющую роль в этом играла миграция. Так, решающее влияние на изменение половозрастной структуры населения округа оказывала специализация производства (отрасли добывающей промышленности и трубопроводного транспорта), предопределяющая приток трудоспособного мужского населения. Среди мигрантов на их долю приходилось около 2/3. Именно этот фактор сыграл главную роль в появлении диспропорций в соотношении мужского и женского населения в РНПО на территории Ямала. Данные переписи 1979 г. свидетельствовали о более высоком удельном весе мужчин в составе населения Крайнего Севера. При этом по мере продвижения процессов освоения в районы Заполярья и Арктическую зону доля мужчин в составе населения возрастала¹¹.

Диспропорции в соотношении мужчин и женщин в РНПО сохранялись на всем протяжении 1970–1980-х гг. Причина этого явления крылась не только в объективных факторах, связанных с суровыми природно-

климатическими условиями севера и спецификой производства, требующей мужского труда. Они являлись следствием и недостаточного регулирования процессов формирования населения, а главное – создания необходимых условий для работы и жизнеобеспечения женщин.

Особенностью возрастной структуры населения Ямала было преобладание лиц возрастной группы от 20 до 44 лет. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., на долю лиц этой возрастной группы в ЯНАО приходилось 43,5 %. В СССР и РСФСР эти показатели были значительно ниже и составляли соответственно 36,3 % и 37,6 %. Возрастная группа лиц пенсионного возраста достигала лишь 7,5 %¹². Низкий удельный вес людей пенсионного возраста был обусловлен двумя факторами: с одной стороны, миграцией лиц пожилого возраста в районы с более благоприятными природно-климатическими условиями, с другой – низкой продолжительностью жизни коренных национальностей Севера. В середине 1980-х гг. она была равна 60 годам, что было на 10 лет меньше, чем у всего населения округа.

Своеобразием социокультурной среды ЯНАО являлись высокие показатели по числу лиц, имеющих среднее специальное образование, и более низкие по обеспеченности специалистами с высшим образованием. Такая ситуация сохранялась до начала промышленного освоения. Так, если за период между двумя переписями населения (1959 и 1970 гг.) число лиц с высшим и средним образованием (на 1 000 чел. населения) на Ямале увеличилось в 1,5 раза, то за период с 1970 по 1979 гг. этот показатель вырос в 1,7 раза, что позволило не только сократить разрыв с аналогичными показателями по стране, но и превзойти их в 1,2 раза. Наиболее динамично росло количество специалистов с высшим и средним образованием в окружном центре и городах-новостройках. Так, в Салехарде по данным переписи 1979 г., этот показатель достигал – 400 человек, в Надыме – 412, тогда как по СССР он составлял – 205 чел., РСФСР – 212 чел., а по области в целом – 197 человек¹³.

Индустриальное освоение Ямала сопровождалось изменениями в этнодемографическом составе населения. По данным переписи 1959 г., в нём 33,6 % принадлежало коренным народам Севера (ненцы, ханты, селькупы, зыряне); 44,6 % – русским; 6,3 % – татарам; 7,8 % – коми и 7,7 % приходилось на представителей других национальностей. Русское население в основном сосредотачивалось в окружном центре и поселениях городского типа.

После 1959 г. приток населения из других регионов страны и бывших союзных республик (прежде всего Украины) привел к значительному снижению удельного веса коренных народностей Севера. Их доля с 1970 по 1989 гг. сократилась с 32,4 % до 6,6 %, т. е. в 4,9 раза. В то же время выросла доля русского и украинского населения. Удельный вес их вырос в 1,3 и 3 раза. По итогам переписи 1989 г., доля русских в округе достигла

59,3 %, украинцев – 17,2 %¹⁴. На долю представителей других национальностей (татар, башкир, белорусов, коми и др.) приходилось 16,9 %.

Несмотря на значительное сокращение удельного веса коренных народов Ямала, уменьшение их абсолютной численности не произошло. Напротив, исследователи отмечают его численный рост, что обуславливалось высоким уровнем рождаемости, которая была в два раза выше, чем у других национальностей, проживающих в северных районах¹⁵.

Таким образом, промышленное освоение районов Крайнего Севера сопровождалось значительными изменениями в образовательном уровне, половозрастном и этническом составе населения. Но наиболее ощутимые изменения были в динамике урбанизационных процессов. Оценивая их результаты, можно утверждать, что урбанизация здесь носила «взрывной характер». Если по данным переписи 1959 г., удельный вес городского населения ЯНАО составлял 35 %, то к середине 1980-х гг. он достиг 78 %. Новыми городскими поселениями стали центры нефтегазодобывающей промышленности. Надым, получил статус города в 1972 г., Новый Уренгой в 1980 г., Ноябрьск в 1982 г. В 1975 году статус города получил Лабытнанги. Многие сельские населенные пункты были переведены в поселения городского типа. По данным переписи 1989 г., в округе имелось пять городов и девять поселков городского типа, в которых проживало 77,9 % всего населения округа. К концу 1980-х годов в сельской местности округа проживало 107,6 тыс. человек. Более половины их было сосредоточено в Ноябрьском, Пуровском и Ямальском районах¹⁶.

Таким образом, активное индустриальное освоение территории Ямала в 1960–1980-е гг. изменило течение демографических процессов. В регионе сформировался мощный демографический потенциал, который характеризовался высоким образовательным уровнем и высокой трудовой активностью. «Молодежный» состав мигрантов замедлял депопуляционные процессы. Мощный миграционный поток в ЯНАО определил здесь и урбанизационный «взрыв», пик которого пришелся на середину 1980-х гг.

¹ *Оруджиева А.Г.* Население Ямала от переписи до переписи. Салехард – Екатеринбург, 2005. С. 12.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Численность населения СССР. Т. 1. С. 10–11.

³ *Гаврилова Н.Ю.* Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень, 2002. С. 56–57.

⁴ Краткая социально-экономическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Ч. III. М., 1991. С. 203.

⁵ *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Население Сибири. М., 1976. С. 47.

-
- ⁶ Оруджиева А.Г. Население Ямала... С. 44–45.
- ⁷ Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири. Свердловск, 1987. С. 22.
- ⁸ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов... С. 73.
- ⁹ Там же. С. 74.
- ¹⁰ Там же. С. 72.
- ¹¹ Малинин Е.Д., Ушакова А.К. Население Сибири... С. 70.
- ¹² Мисевич К.Н., Чуднова В.И. Население районов современного промышленного освоения Севера Западной Сибири. Новосибирск, 1973. С. 63.
- ¹³ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов... С. 83–84.
- ¹⁴ Там же. С. 97–98.
- ¹⁵ Оруджиева А.Г. Население Ямала... С. 42.
- ¹⁶ Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов... С. 94.

О.Б. Дашинамэжилов

Демографическое развитие малых городов в системе городского расселения Западной Сибири в 1959–1989 гг.*

В послевоенное время экономическое развитие Советского Союза стало протекать менее активно по сравнению с периодом сталинской индустриализации, а урбанизация перешла из экстенсивной в интенсивную фазу. Интенсивной фазе урбанизационного перехода были присущи уменьшение масштабов роста численности и удельного веса городского населения, снижение размеров миграций из сел и рост числа межгородских переселений, сокращение количества административных преобразований и опережающий рост населения в наиболее крупных городских населенных пунктах и агломерациях¹. В этой связи представляется интересным рассмотреть особенности этой фазы урбанизации в Западной Сибири на примере отдельных категорий городских поселений.

Наиболее часто употребляемым критериальным делением городских населенных пунктов с точки зрения демографии является разделение их по численности проживающего в них населения (малые, средние, крупные)². В понятие «малый» и «средний» и «крупный» город ученые-урбанисты в разное время вкладывали неодинаковый смысл³. В нашем исследовании мы будем придерживаться классификации, согласно которой к малым городам

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-31-01211.

отнесены городские населенные пункты с людностью до 50,0 тыс. чел., к средним – 50,0–100,0 тыс. чел., к крупным – свыше 100,0 тыс. чел.

При этом подобное формальное деление является недостаточным для выявления существенных характеристик урбанизации. Являясь наиболее простой и удобной формой типологизации, она, тем не менее, не позволяет выявить многие из важных особенностей в развитии отдельных населенных мест. В этой связи, представляется необходимым в комплексе с вышеназванным категориальным распределением использовать и других классификационных градообразующих признаков, применяемых в основном специалистами из экономико-географических областей знания. Среди них наиболее важным представляется подразделение городов на группы в соответствии с их экономической базой, дополнительными признаками могут служить характер их географического положения и административный статус. Таким образом, в нашем исследовании будет применен комплексный концептуальный подход для решения поставленной в нем задачи.

По мере исторического генезиса Западной Сибири на ее территории сформировалась особая система городского расселения, выявились специфические черты малых городских населенных пунктов, их функции и роль в социальной и хозяйственной жизни. За период с 1959 по 1989 гг. количественное представительство этой категории (включая ПГТ) возросло по РСФСР в целом с 2 238 до 2 900 (+29,6 %), численность ее жителей увеличилась с 23 338,4 тыс. чел. до 29 312,3 тыс. чел. (+25,6 %), но удельный вес в городском населении в целом снизился с 37,6 % до 27,2 %.

Снижение роли малых городских поселений в ходе урбанизационного перехода является объективным процессом, свидетельствующим о начале его зрелой фазы, когда статистические характеристики индустриализации, уже пережившей свою первоначальную стадию, принимают стабильный и менее скачкообразный характер. В основном уже сформирована система городского расселения, включающая разветвленную сеть населенных пунктов, специализирующихся на определенной хозяйственной деятельности, определена функциональная роль каждого из экономических районов. На этом историческом отрезке времени возникает группа городов-лидеров, а структура народного хозяйства становится устойчивой и не претерпевает радикальных изменений. На этом фоне небольшие городские поселения начинают проигрывать своим крупным собратьям, в особенности, если их экономический потенциал растет медленно, не получая дополнительных источников для своего развития извне.

Между тем, в Западной Сибири как в сравнительно малозаселенном районе значение малых городских поселений снизилось в меньшей степени. Для хозяйственного освоения больших пространств при низкой плот-

ности населения было необходимо создать густую сеть городских поселений, прежде всего, районоорганизующих центров, в связи с чем нередко применялась практика административных преобразований больших сел в поселки городского типа. Кроме того, потребность в большом количестве новых городских населенных пунктов возросла после начала разработки богатых месторождений нефти и газа северных территорий. В результате число малых городов и посёлков городского типа в исследуемом экономическом районе увеличилось на 73,2 % (с 138 до 239), количество их жителей возросло соответственно на 57,8 %, а удельный вес этой категории в общей численности горожан хотя и снизился, но не так сильно, как в РСФСР (с 30,9 % до 25,7 %).

Малые города являются особыми населенными пунктами, немного отличными по своему статусу от поселков городского типа. Эти различия в целом не носят принципиального значения и выражаются в численности населения и особенностях исторического генезиса, некоторые из которых дали о себе знать в постсоветский период. В послевоенное время демографическое развитие малых городов, сильно отличавшихся друг от друга по численности населения, экономическим функциям, административному статусу в отдельных экономических районах РСФСР протекало неодинаково.

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. в Российской Федерации было зафиксировано 683 малых города с числом жителей в 13 538,8 тыс. чел., основная часть из которых проживала в населенных пунктах, располагающихся в подгруппах в 10–20 и 20–50 тыс. чел. (соответственно 239 и 285 городов). При этом 159 городов насчитывали в своем составе менее 10 тыс. чел. В Западной Сибири в 1959 г. Всесоюзная перепись отметила 37 малых городов, из которых в группе до 10 тыс. чел. не оказалось ни одного населенного пункта. Все они оказались расположены в категории 10–20 тыс. чел. (9) и 20–50 тыс. чел. (28). Удельный вес населения малых городов в общей численности городского населения (без ПГТ) в экономическом районе составил 20,2 %, тогда как в РСФСР в целом 25,9 %.

На предшествующих исторических этапах волна индустриализации затронула, прежде всего, крупные на тот момент населенные пункты с их сравнительно развитой производственной и иной инфраструктурой. Следует также отметить, что малый город как поселение, в отличие от европейских частей страны, не успел как следует прижиться на сибирской земле вследствие позднего хозяйственного освоения и дефицита демографических ресурсов. Косвенное подтверждение этому можно найти при структурном анализе малых городов по численности населения. Если в европейских районах РСФСР города с числом жителей меньше 10 тыс. чел. не являлись редкостью, что исторически связано с сохранени-

ем городского статуса у некогда крупных городов, то в Западной Сибири таких поселений не оказалось вовсе.

За 30 последующих лет изменились как численный состав малых городов, так и количество проживающего в них населения. В России представительство подобных населенных пунктов выросло незначительно, до 709 или на 3,8 %, тогда как в Западной Сибири – на 21,6 % (до 45). Соответственно, численность их населения повысилась на 17,6 % и 23,6 %. Однако удельный вес жителей проживающих в этой категории городов снизился в РСФСР – до 16,9 %, в Западной Сибири – до 13,3 %, т. е. приблизительно на одинаковую величину. Таким образом, урбанизационный процесс на уровне малых городов в Западной Сибири имел свои важные особенности. Значительное увеличение числа малых городов, не сопровождавшееся таким же пропорциональным повышением количества их жителей, при одинаковом снижении удельного веса в городском населении в РСФСР и Западной Сибири можно объяснить только специфичными чертами в развитии их отдельных функциональных типов, а также территориальными различиями, возникших в пределах экономического района.

Поскольку категория малых городов очень разнообразна, то возникает необходимость в проведении их функционального разделения. При этом появляются некоторые трудности концептуального характера, так как историческое развитие каждого отдельно взятого города имело свои особенности, а это в свою очередь создает сложности при разработке критериев их типологизации. Наиболее подходящим является разделение населенных пунктов по характеру экономической базы, так как именно от ее формирования, в особенности в советское время, зависели их демографические перспективы. Вся совокупность малых городов была распределена на две большие группы, каждая из которых в свою очередь подразделяется на несколько подгрупп.

В первую группу вошли города с одним градообразующим предприятием. В современном смысле они обычно упоминаются в качестве моногородов (или монопрофильных городов). Отличительной чертой этих населенных пунктов является неразрывная связь поселения и предприятия. В советское время одной из главных причин формирования монопрофильных городов стала государственная политика, направленная на индустриализацию страны и проводимая через систему отраслевых ведомств. Последние получали в свое распоряжение финансовые, материальные и другие ресурсы не только на создание (реконструкцию, расширение) подведомственных производственных объектов, но и для строительства при них поселков⁴.

Согласно современным законодательно выработанным критериям к монопрофильным могут относиться города удовлетворяющие следующим

параметрам: во-первых, доля крупнейшего или нескольких предприятий одной и той же отрасли превышает 25,0 % численности занятых в населенном пункте. Во-вторых, на долю этой отрасли приходится более 50,0 % общего объема городского промышленного производства. В нашем исследовании это определение было скорректировано. Так, в число моногородов не вошли населенные пункты с градообразующими предприятиями пищевой промышленности и железнодорожного транспорта. В нашем исследовании они отнесены к иной группе. К большому сожалению, мы не располагаем статистическими данными, которые позволят в полном соответствии с вышеуказанными нормами провести подобное категориальное разграничение поселений. Вместе с тем, его можно осуществить на основе накопленного историографического (прежде всего, краеведческого) и, частично, источникового материала, которые дают возможность дать приблизительную оценку роли тех или иных отраслей и предприятий в жизни отдельных городов.

Следует также оговориться, что отраслевая специализация городов и их категориальная принадлежность рассматривается с позиций Всесоюзной переписи 1989 года. В 1959 г. их экономические и демографические характеристики могли быть совершенно иными и сильно измениться в последующие годы под влиянием исторической ситуации, государственной политики и других факторов. Именно поэтому изучение демографической истории городов удобнее осуществлять с точки зрения конечного результата.

Подгруппа сырьевых городов представлена населенными пунктами, специализацией которых являются угольная, лесная отрасли, добыча нефти и газа, цветных и черных металлов. Единственным представителем угольной отрасли среди них в 1989 г. оказались Мыски. Этот город, получивший свой статус в 1957 г. и являющийся одним из самых молодых в Кузбассе, возник в результате освоения нового района добычи угля – Томусинского и как один из энергетических центров юга Кемеровской области (Томусинская ГРЭС)⁵. Для строительства и функционирования его предприятий потребовалось привлечь большое количество рабочих кадров и специалистов и поэтому население города за 30 лет увеличилось с 32,2 тыс. чел. в 1959 г. до 46,0 тыс. чел. в 1989 г. или на 42,7 %.

Богатые лесные ресурсы обусловили формирование мощной базы лесозаготовляющей и лесоперерабатывающей промышленности в Западной Сибири. Так, городе Асино (1952 г.) Томской области стал важнейшим центром этой отрасли в экономическом районе, на его территории возник крупный комбинат, который придал заметный импульс хозяйственному развитию города⁶. Результатом промышленного, жилищно-коммунального

и культурно-бытового строительства стал рост населения, который в период с 1959 по 1989 гг. составил 35,5 %.

К городам, функционирующим на основе добычи черных и цветных металлов, были отнесены города Салаир и Таштагол Кемеровской области, города Змеиногорск и Горняк Алтайского края. Отличительными чертами этих поселений стали довольно скромные размеры роста населения. Так, численность жителей г. Таштагол (получил статус города в 1963 г.) за 1970–1989 гг. увеличилась только на 4,5 % (с 25,1 тыс. чел. до 26,3 тыс. чел.), а г. Горняк (1969 г.) за этот же период уменьшилась на 4,9 %. Демографическая убыль в Змеиногорске (1952 г.) составила за 1959–1989 гг. 11,4 %, а в Салаире (1941 г.) – достигла 34,6 %.

Строительство комбинатов по добыче сырья для черной и цветной металлургии осуществлялось преимущественно в других экономических районах страны, в частности, в Восточной Сибири. Изучение и разработка сырьевой базы Западной Сибири, за исключением железных руд Горной Шории, проводилась еще в дореволюционное время, поэтому в советский период созданные прежде предприятия и шахты в основном реконструировались, оснащались новым оборудованием, улучшали методики добычи. Для поддержания работоспособности этих предприятий не требовалось привлечения большого количества рабочей силы. Например, из Салаира в результате возникших сложностей с трудоустройством и недостаточного количества образовательных учреждений уже в 1970-х гг. происходил массовый отток молодежи⁷.

И, наконец, самое заметное представительство в изучаемой подгруппе было у нефтегазовых городов. Масштабное освоение полезных ископаемых тюменского и томского севера потребовало создания практически на пустом месте множества городских поселений. На территории Западной Сибири, где ранее не существовало предприятий по добыче нефти и газа, возникло девять малых городов, представляющих новые отрасли. Так как все они возникли после 1959 г., то не представляется возможным проследить их демографическую динамику за 30-летний период. Однако их демографический рост оказался стремительным.

Так, Когалым, Радужный и Лангепас, получившие статус города только в 1985 г., в год последней советской переписи уже насчитывали в своем составе 44,3 тыс. чел., 43,7 тыс. чел. и 25,6 тыс. чел. соответственно. Эти города не фигурировали в переписи 1979 г. даже в качестве поселков городского типа. Чуть медленнее росли Мегион (1970 г. – 6,4 тыс. чел.; 1989 г. – 39,8 тыс. чел.) и Стрежевой (8,4 тыс. чел.; 43,3 тыс. чел.). Наиболее скромный рост продемонстрировал г. Урай (17,4 тыс. чел. и 37,2 тыс. чел.). В категории нефтяных оказался самый маленький город

Западной Сибири – Кедровый (в 1989 г. – 2,0 тыс. чел.). Своеобразными «воротами» освоения газовых месторождений ЯНАО стал г. Лабитнанги, который являлся опорным пунктом геологоразведки, транспортного строительства, материального снабжения округа⁸. И, хотя он по своей сути являлся транспортным городом, его тесная хозяйственная связь с добывающей промышленностью ЯНАО обусловила его быстрое демографическое развитие. Его население за 1970–1989 гг. увеличилось с 9,2 тыс. чел. до 31,5 тыс. чел. или в 3,4 раза. Специфичной экономической базой обладал г. Белоярский, специализирующийся на транспортировке газа и получивший городской статус позднее всех – в 1988 г. Годом позже его население достигло 20,5 тыс. чел.

Во вторую подгруппу монопрофильных городов вошли поселения, предприятия которых представляли перерабатывающие отрасли промышленности. Однако в силу особенностей исторического генезиса Западной Сибири таковых населенных пунктов в ее составе в 1959 г. оказалось немного (Искитим, Куйбышев, Бердск, Гурьевск, Калтан, Юрга и Новоалтайск). Из них за 30 лет, благодаря энергичному хозяйственному росту, в категорию средних городов смогли перейти Искитим, Куйбышев, Юрга и Новоалтайск. Гурьевск был хорошо известен, прежде всего, как центр черной металлургии, однако его градообразующее предприятие (Гурьевский металлургический завод) обладало небольшими возможностями для расширения своих мощностей. Ему было трудно соперничать с индустриальными гигантами Новокузнецка. В 1950–1960-е гг. производство на этом заводе стало даже убыточным из конкуренции КМК⁹. Численность жителей города за 30 лет сократилось на 7,4 %. Социально-экономическое развитие Калтана, получившего свой статус в 1959 г., было тесно связано с Южно-Кузбасской ГРЭС. Благодаря строительству этой электростанции, его население после войны значительно выросло и достигло к 1959 г. 26,6 тыс. чел. Однако в последующие 30 лет хозяйственный потенциал города повышался медленно, планы по расширению мощностей ГРЭС не были реализованы, что отразилось и на демографических процессах (-4,6 %).

Кроме вышеперечисленных, к моногородами относились также Обь и Белокуриха. Экономическим фундаментом г. Обь являлись железнодорожное хозяйство и аэропорт «Толмачево». Кроме того, у города образовались тесные агломерационные связи с Новосибирском, благодаря чему его население увеличилось за 1970–1989 гг. на 14,0 %. Довольно существенному приросту численности своих жителей г. Белокуриха (в 1,5 раза за 1979–1989 гг.) был обязан активному развитию курортной инфраструктуры.

Вторую крупную группу городов образуют так называемые местные организующие центры. Согласно разработанным еще советскими учены-

ми-урбанистами критериям главное место в их экономической структуре занимали предприятия, в сферу деятельности которых входило обслуживание аграрного сектора в пределах территории подчиненных районов, а также организация культурно-бытового обслуживания сельского населения. Возможности района, для которого данный населенный пункт являлся центром, ограничивали его экономическую базу, после полного обеспечения которой происходила стабилизация численности населения. Выполнение районным центром других функций, не связанных с подчиненной административной единицей в зависимости от конкретного случая вело к увеличению числа его жителей.

Как правило, численность населения в местном организующем центре колебалась в пределах до 20,0 тыс. чел. Укрупнение этих городов могло происходить за счет размещения в них, в силу удобного экономико-географического положения более значительных предприятий неместного значения или же с сильным развитием транспортных функций, или же и с тем и другим. Наборы предприятий местного значения для таких поселений оставались по существу теми же, что и для других районных центров, но с повышенной мощностью и числом занятых. Их персонал, как правило, составлял 100–300 чел. и редко превышал одну тысячу человек. В данном конкретном исследовании круг городов входящих в эту группу был расширен за счет включения в ее состав населенных пунктов выполняющих важные экономические и организующие функции для группы районов, располагающих довольно крупными предприятиями союзного значения, а также административных центров автономных образований в составе областей (краев).

К данной категории городов были отнесены Ялуторовск и Заводоуковск – Тюменской области, Тара и Тюкалинск – Омской области, Колпашево – Томской области, Мариинск – Кемеровской области, Славгород и Камень-на-Оби – Алтайского края. К ней также следовало отнести и Ишим, однако к 1989 г. благодаря росту своего населения он стал средним городом. Хозяйственное влияние всех этих поселений, за исключением Тюкалинска, выходило за пределы подчиненных административных единиц, так как они насчитывали в своем составе свыше 20,0 тыс. чел. и располагали крупными предприятиями неместного значения.

В силу многообразия местных организующих центров непросто выделить комплекс общих факторов, влияющие на их демографическое развитие. Так, для городов юга Тюменской области Ялуторовска (+82,4 %) и Заводоуковска (рост за 1970–1989 гг. – 47,9 %) большое значение играло начало освоения нефтяных и газовых месторождений. Мощный приток населения из других регионов страны поставил вопрос о необходимости

их продовольственного, технического и иного материального обеспечения¹⁰. Специфичным было развитие городов Омской области. Тара и Тюкалинск – города с богатым историческим прошлым, некогда крупные торговые центры Московско-Сибирского тракта. Прокладка Транссиба в стороне от них не в лучшую сторону отразилось на их хозяйственном, а, следовательно, и демографическом росте. В новых условиях иной стала и их хозяйственная специализация. Тюкалинск повторил судьбу многих небольших провинциальных городов европейской части страны. Он стал организующим центром сельскохозяйственного района с развитым земледелием и животноводством¹¹. За счет чего население города выросло довольно существенно, на 19,5 %.

По-иному в других исторических условиях определилась функциональная роль Тары. Это был слишком большой город для того, чтобы выполнять просто районообразующие функции. Географическое положение и отсутствие других крупных населенных пунктов превратило его в организующий центр всех северных районов Омской области. В итоге население Тары за 30 лет увеличилось на 15,7 %. Аналогичные функции, но уже в Томской области выполнял г. Колпашево, сосредоточивший в себе разнообразную промышленность и геологоразведку северных районов региона (+38,6 %).

В Кемеровской области к категории местных организующих центров был отнесен Мариинск. В отличие от других городов Кузбасса его в меньшей степени затронула мощная волна сталинской индустриализации. В этой связи перспективы города были связаны с развитием железнодорожного транспорта, легкой промышленности и переработки сельскохозяйственного сырья. Несмотря на строительство новых и расширение старых предприятий население города практически перестало расти. Территориальная близость других быстрорастущих индустриальных центров стимулировала миграцию и за 1959–1989 гг. количество его жителей увеличилось только на 0,4 %.

В Алтайском крае являющимся без преувеличения важнейшим регионом, специализирующимся на выпуске и переработке сельскохозяйственной продукции, предприятия пищевой промышленности традиционно играли весомую роль. Благодаря им Камень-на-Оби за послевоенные годы стал довольно крупным межрайонным центром сельскохозяйственного производства, большинство его предприятий функционировали на основе переработки зерна, мяса, рыбы и т. д. Активное экономическое развитие подстегнуло его демографический рост, который за 30 лет составил 40,7 %. В то же время промышленность Славгорода являлась более разнообразной. В годы ВОВ в город были эвакуированы крупные предприятия, такие как завод кузнечно-прессового оборудования, химический завод (в

пос. Яровое), построен, кроме нескольких предприятий пищевой промышленности, завод радиоаппаратуры (оборонного профиля). Однако население города уменьшилось на 9,2 %. Административное подчинение быстро увеличивающего свои мощности химического завода поселка городского типа Яровое способствовало росту численности жителей последнего, но при этом затормозило развитие Славгорода¹².

Особую подгруппу местных организующих центров составили транспортные города. Высокое значение у них наряду с районоорганизующими приобретают и транзитно-транспортные функции. Практически все города этой подгруппы возникли в качестве железнодорожных станций, став в последующем фокусами экономического притяжения окружающих сельских населенных пунктов. Транспортными основную часть этих поселений можно назвать условно, т. к. ведущую роль железнодорожное хозяйство играло только у некоторых из них. Эти города за некоторыми исключениями отличало также отсутствие иных крупных предприятий. Развиваясь первоначально как пристанционные поселки, они со временем обзаводились другими классическими организующими функциями, повсеместно становясь районными центрами. На их территории возводились небольшие предприятия, специализирующиеся на переработке сельскохозяйственной продукции, производстве одежды, мебели, ремонте колхозной и совхозной техники. Таким образом, тесная связь с аграрным производством, материальное и социально-бытовое обслуживание населения окружающих сел постепенно становились важными характеристиками этих городов.

К этой подгруппе были условно отнесены 15 городов, в том числе, Исиль-Куль, Калачинск и Называевск Омской области, почти все малые города Новосибирской области (Барабинск, Татарск, Болотное, Купино, Черепаново, Карасук, Тогучин, Чулым, Каргат). В Кемеровской области к ней были отнесены Тайга и Топки, в Алтайском крае – Алейск. Объединяющей характеристикой этих городских центров являлось довольно неблагоприятное демографическое положение в послевоенный период. Так, в 1959–1989 гг. совокупные демографические потери транспортных городов Западной Сибири составили 0,3 % (с 364,4 тыс. чел. до 363,3 тыс. чел.). Фактически, в условиях интенсивной фазы урбанизации они стали одними из главных источников пополнения кадрового потенциала промышленных предприятий других активнее развивающихся поселений, в том числе сырьевых, административных центров и т. д.

На этапе снижения темпов социально-экономического роста в послевоенный период транспортные города оказались в демографически уязвимом положении. Рост численности населения в стране замедлился, эффективность аграрного сектора также повышалась медленно, как и объемы грузо-

перевозок железнодорожным транспортом, усиливалась дифференциация в уровне жизни и степени развития социальной сферы между малыми, средними и крупными городами. Отсутствие значимых предприятий союзного значения тормозило развитие их социально-культурной инфраструктуры. Наличие железнодорожной магистрали и географическая близость индустриальных центров, в частности столиц регионов, создавали благоприятные условия для оттока трудовых ресурсов.

Из 15 малых городов повышение численности населения в 1959–1989 гг. было зафиксировано только у семи из них. Наибольший прирост был отмечен в Калачинске (+31,7 %), Карасуке (+47,0 %), Тогучине (+18,3 %) и Топках (+24,3 %) за счет строительства предприятий пищевой и легкой промышленности, реконструкции и расширения транспортного хозяйства. Людность возросла также в Исиль-Куле (+3,6 %), Черепаново (+4,3 %) и Алейске (+4,5 %). Как можно видеть, увеличение количества жителей наблюдалось в основном в городах, расположенных не на Транссибирской магистрали – главной транспортной артерии Сибири (кроме Калачинска). В то же время в тех поселениях, где была отмечено сокращение людности: Купино, Называевске, Барабинске, Татарске, Болотном, Чулыме, Тайге только первый из перечисленных располагался не на Транссибе. При этом наибольшие демографические потери городах Болотное (-25,4 %), Чулым (-24,7 %) и Тайга (-22,6 %), понесли, по всей видимости, за счет миграции населения в Новосибирскую и Томскую агломерацию.

И, наконец, важную подгруппу образовали административные центры автономных округов и области. Безусловно, их функциональное значение и экономическое влияние выходят далеко за пределы даже нескольких районов. Вместе с тем, их подчиненная в административном отношении роль по отношению к областным (краевым) столицам в советский период несколько сужала возможности их хозяйственного роста. Это также усугублялось особенностями их территориально-географического расположения, так как гг. Горно-Алтайск, Ханты-Мансийск и Салехард располагались вдали от магистральных железнодорожных путей. С другой стороны они не являлись моногородами и, также как и региональные центры, смогли сформировать полифункциональную хозяйственную структуру, хотя и не настолько крупную в плане размеров и количества предприятий, численности их трудового и обслуживающего персонала, но при этом достаточную для административного и экономического обслуживания подотчетной территории. В период с 1959 по 1989 гг. население всех центров автономных округов и областей Сибири заметно увеличилось. Так, численность жителей Горно-Алтайска повысилась на 68,2 %, Ханты-Мансийска – на 66,5 %, Салехарда – на 94,8 %.

В ходе проведенного исследовательского анализа обнаружено, что особенности интенсивной фазы урбанизационного перехода в Западной Сибири были обусловлены разновекторным развитием отдельных групп малых городов. В случае сохранения эволюционного экономического тренда их численность, скорее всего, росла бы последовательно, не отличаясь от процессов свойственных РСФСР в целом, при этом, вероятно, население этих поселений в силу сибирских условий повышалось бы медленнее. Однако становление ЗСНГК приведшее к формированию большого числа новых городских населенных пунктов, в том числе малых городов, видоизменило характер протекания интенсивной фазы урбанизации. Опережающий рост населения на севере в моногородах, специализирующихся на добыче нефтегазового сырья, сопровождался замедлением темпов роста (или сокращением) численности жителей в большинстве других групп городов. Вероятно, одной из причин этого являлась как раз миграция в быстроразвивающиеся районы севера. Итогом вышеописанных демографических процессов стало пропорциональное сокращение удельного веса малых городов в Западной Сибири и РСФСР в целом.

¹ *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 41.

² В исследовании будет рассматриваться демографическое развитие только малых городов (без ПГТ).

³ См. напр.: *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен.* М., 2001. С. 19; *Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города.* М., 1972. С. 9–12.

⁴ *Любовный В.Я.* Монопрофильные города в условиях кризиса: состояние, проблемы, возможности реабилитации. М., 2009. С. 4.

⁵ *Сибикин В.Д.* Мыски. Кемерово, 1986. С. 4.

⁶ *Шатохина Н.Г., Молодцов Ю.А.* Асино. Томск, 1990. С. 40.

⁷ *Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв.* Томск, 2007. С. 200.

⁸ *Свидетельство о рождении.* Свердловск, 1988. С. 79–113.

⁹ *Историческая энциклопедия Кузбасса в 3-х томах.* Т. 1. Кемерово, 1996. С. 198.

¹⁰ См. напр.: *Ялуторовск: след в истории.* Тюмень, 2003. С. 172–177.

¹¹ *Колесников А.Д., Долгушин А.П., Алексеенко С.А.* и др. *Города Омской области.* Омск, 1985. С. 61.

¹² *Энциклопедия Алтайского края в 2-х томах.* Том 1. Барнаул, 1997. С. 164.

Города отвергают своих новоселов: некоторые аспекты урбанизации Красноярского края (1960–1980-е гг.)

Форсированная индустриализация Красноярского края в 1960–1980-е гг. стала определяющим фактором его социально-экономического и демографического развития. Миграционные потоки, устремившиеся на стройки формировавшихся территориально-производственных комплексов, не только значительно ускорили темпы урбанизации края, но и оказали значительное влияние на характер протекавших в нём социально-демографических процессов.

На рубеже 1950–1960-х гг. демографическое качество городского населения Красноярского края было сравнительно высоким. Уровень рождаемости обеспечивал расширенное воспроизводство населения, что давало надежды на будущее демографическое благополучие региона. Но с началом форсирования индустриального освоения края в 1960-е гг. ситуация стала стремительно меняться. Естественный прирост быстро утрачивал своё значение в общем приросте городского населения: суммарный коэффициент рождаемости снизился с 2,34 рождений в 1959 г. до 1,77 в 1979 г.¹ Массовое передвижение в города края жителей других регионов в 1960-е гг. превратилось в доминирующий фактор воспроизводства городского населения, и вопрос о приживаемости переселенцев стал принципиальным для демографического будущего края. В этом свете особую актуальность приобретает изучение таких факторов миграции как возможность профессиональной и личностной самореализации новоселов в городах края, состояние их социальной инфраструктуры. От них зависело, захочет ли новосёл навсегда поселиться на новом месте или же уедет в течение первых лет после прибытия.

Масштабы и направления миграционных потоков в города Красноярского края во многом определялись разнообразными формами деятельности государства. Оно разрабатывало народнохозяйственные планы размещения производства, принимало нормативно-правовые акты, призванные регулировать перемещения людей, формировало механизмы привлечения и закрепления мигрантов с помощью системы материальных и моральных стимулов. Переселенцам бронировали квартиры в местах их выхода, предоставляли многочисленные льготы и выплаты. На предприятиях края был введен ряд повышающих заработную плату коэффициентов и т. д. При помощи пропаганды в обществе формировался романтический образ молодого переселенца, который, презрев многочисленные трудности жизни на новом месте, ехал

на стройки Сибири. При этом возрастала роль стихийной миграции: в конце 1970-х гг. в результате оргнаборов, общественных призывов и плановых переселений в города края приезжали всего 6,7 % мигрантов (табл. 1).

Таблица 1.

Основные причины прибытия переселенцев в города Красноярского края (по результатам переписи 1979 г.), %*

Причины	Оба пола	Мужчины	Женщины
приезд на учебу	11,9	11,1	12,7
направление на работу после окончания учебного заведения.	3,3	2,2	4,5
приезд на работу по общественному призыву	4,4	8,3	0,4
приезд на работу по оргнабору	2,2	3,2	1,0
перевод по службе	4,9	6,2	3,6
по личной причине	45,8	42,1	49,6
плановое переселение	0,1	0,1	0,0
переезд с членами семьи	20,5	19,0	22,1
иная причина	6,9	7,8	6,1

*Миграция населения Красноярского края (по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г.) Красноярск, 1979. С. 46.

К середине 1960-х гг. стало ясно, что всех предпринимаемых мер недостаточно для закрепления прибывающих новоселов в городах Красноярского края. Он стал лидером по оттоку населения в другие регионы страны. Главной причиной чрезвычайно низкой приживаемости был резкий контраст между ожиданиями и действительностью. Приехавшие в край в поисках лучшей доли переселенцы, воодушевленные пропагандой, сталкивались не только с целым «букетом» социально-бытовых проблем, который венчала катастрофическая нехватка жилья, но и с отсутствием элементарных бытовых удобств. Эксплуатация трудового энтузиазма новоселов давала определенные результаты лишь в первое время после приезда. Проводившиеся в 1960-е годы исследования показали, что города края в течение трех лет после прибытия покидали до 53 % новоселов. При этом прослеживалась устойчивая корреляция количества уехавших с их уровнем образования: уезжали, прежде всего, высококвалифицирован-

ные кадры². Надежды приобщиться к высокой городской культуре, как правило, не оправдывались. Только начинавшая складываться урбанистическая культура подвергалась маргинализации со стороны оседавших в городах сельских жителей, не спешивших менять свои нормы поведения на городские. В городах формировалась промежуточная маргинальная культура уже не сельчан, но ещё не горожан.

К числу наиболее острых для городов Красноярского края проблем относилось состояние жилищно-коммунальной сферы и системы здравоохранения. Проблемы с жильем, обеспеченностью элементарными бытовыми удобствами (горячей водой, отоплением, канализацией и т. д.), получением медицинской помощи усугублялись крайне неблагоприятной экологической ситуацией и высокой заболеваемостью, казалось, уже давно побежденными болезнями.

Система здравоохранения в крупных городах была не в состоянии удовлетворить потребность стремительно растущего населения в медицинской помощи и услугах. Несмотря на успехи советского здравоохранения в борьбе с инфекционными болезнями в военный и послевоенный периоды, в самых крупных городах края (Ачинске, Канске, Красноярске, Норильске) по-прежнему оставался высоким уровень заболеваемости брюшным тифом, дизентерией и эпидемическим гепатитом³. В 1964 г. в Красноярске была зарегистрирована крупная вспышка кишечных инфекций. И в конце 1970-х гг. в городах по-прежнему регистрировалась заболеваемость дизентерией, 90 % случаев которой приходились на Красноярск, Норильск, Канск, Ачинск и Дудинку⁴. Ситуация с инфекционными заболеваниями обострялась тем, что даже к концу советского периода в Ачинске и Канске, а также небольших городах полностью отсутствовала централизованная канализация.

В городской местности хронически не хватало врачей, причем проблема стояла острее всего в крупных городах и Красноярске. Укомплектованность врачами на начало 1960-х гг. составляла 63,8 % от утвержденного штата, не хватало 2 130 специалистов (в дальнейшем эта цифра только росла). Наблюдалась очень высокая текучесть кадров, основными причинами которой признавались отсутствие должного обеспечения медицинских работников квартирами и приемлемыми условиями быта, а также огромные перегрузки в работе⁵.

Снабжение края лекарствами проходило с большими затруднениями. Заявки Аптекоуправления не удовлетворялись поставщиками: городские аптеки за 1960–1970-е гг. получали практически в два раза меньше заказанного⁶.

В годы «первой красноярской десятилетки» (1971–1980) ситуация в здравоохранении не улучшилась. Сохранялась большая текучесть кадров. За 1973–1974 гг. из региона убыли 330 врачей и около 1000 медработников среднего звена. Особенно остро эта ситуация проявлялась в Красноярске, Енисейске, Боготоле, Уяре, Ужуре. Только за 1973 г. из Красноярска уехали 73 врача⁷. В 1975 г. на 10 тыс. жителей в Красноярском крае приходилось 29,1 врачей против 31,2 чел. в Западной Сибири и 34,8 чел. по РСФСР в целом⁸.

В 1970-е гг. в Красноярске, Норильске, Канске и Ачинске по-прежнему сохранялся самый высокий по краю уровень заболеваемости туберкулезом, инфекционными и простудными заболеваниями. С начала 1970-х гг. в городах края фиксировался стремительный рост алкоголизма, бытового травматизма, самоубийств и венерических болезней. В Красноярске с 1978 года количество заболевших всеми формами сифилиса и гонореей ежегодно возрастало на 20–25 % по отношению к предыдущему году. Большинство всех случаев приходилось на учащуюся и приехавшую на стройки края молодежь. В 1978 г. в городах края заболеваемость сифилисом составляла 26,7 случаев на 100 000 человек, по всему краю – 26,4⁹. При этом регистрировались далеко не все случаи венерических болезней.

Среди женщин, особенно работавших на городских предприятиях, были распространены болезни женских половых органов. Вместе с гриппом и гнойничковыми заболеваниями, они имели наибольший удельный вес во всей заболеваемости. Медики объяснили это тем, что женщины, приезжающие в города преимущественно из сел, не имели элементарных представлений о половой гигиене. К тому же на предприятиях нередко отсутствовали даже отдельные женские раздевалки и уборные¹⁰. Эта картина дополнялась повсеместным распространением аборт, число которых, начиная с 1960-х гг., нередко превышало число рождений в два – три раза¹¹. Получили широкое распространение нелегальные аборты. Как отмечал ректор Красноярского мединститута П.Г. Подзолков в докладе на сессии Крайсовета, это было вызвано, прежде всего, тем, что система здравоохранения была не в состоянии предоставить данный вид медицинской помощи всем нуждающимся. Женщины, желавшие сделать аборт, ожидали в очередях по 30–40 дней, да и сами операции не всегда проходили успешно¹².

Перечисленные негативные явления вызывались тем, что концентрировавшаяся в городах молодежь являлась носителем новой зарождающейся городской культуры, для которой было характерно постепенное размывание традиционных норм сексуального поведения. Но этот прогрессивный, по сути, процесс носил консервативный характер: практически полное отсутствие сексуальной культуры повлекло за собой стремительный рост числа страдающих

венерическими заболеваниями. Ситуация обострялась нехваткой даже базовых контрацептивов¹³. Попытки сексуального просвещения сводились к созданию общественных организаций вроде женских советов.

1970-е гг. отмечены ростом алкоголизма, в том числе и женского. Это явление было обусловлено колоссальной социальной, экономической и климатической нагрузкой на население. Приезжавшие в города новоселы надеялись на лучшую жизнь. И когда надежды не оправдывались, переселенцев охватывало состояние когнитивного диссонанса, выйти из которого они пытались за счет алкоголя. Медики отмечали, что борьба с пьянством ведется не на должном уровне, что подавляющее число бытовых травм с летальным исходом было получено в состоянии алкогольного опьянения.

Экологическая ситуация в самых крупных городах края в 1960–1980-х гг. была крайне неблагоприятной. В 1972 г. на сессии Крайсовета отмечалось: «... в Красноярске воздух никогда не бывает чистым. Он загрязняется выбросами промышленных и домовых котельных, газами и парами химических предприятий, выхлопными газами автотранспорта. Данные выбросы содержат окись углерода, сернистый газ, золу, сажу, канцерогенные вещества (бензопирены), фтористые вещества. Над городом Красноярск создается дымовая завеса, которая задерживает ультрафиолетовые лучи солнца и лишает нас их благотворного биологического воздействия»¹⁴. Основными загрязнителями окружающей среды являлись крупнейшие промышленные предприятия: Цементный завод, Графитная фабрика, Красноярский завод медпрепаратов, КРАЗ, КРАСМАШ и т. д. Некоторые места в крае медики признавали вообще непригодными для жизни, например, поселок Индустриальный под Красноярском. Та же ситуация наблюдалась и в других крупных городах, где концентрировалось приезжающее население – Канске, Ачинске, Абакане и т. д.

Обозначенные проблемы усугублялись тем, что городское население края росло более высокими темпами, чем прогнозировали специалисты ЦСУ. Предполагаемая численность горожан в 1971 г. должна была составлять 1 584,5 тыс. чел., а фактически их оказалось 1 869,0 тыс., в 1980 г. – 2 272,0 тыс. вместо ожидавшихся 1 733,8 тыс. чел.¹⁵ Крупные города (Красноярск, Ачинск, Канск и др.) не справлялись с миграционными потоками и концентрировали больше жителей, чем могли себе позволить. «Лишнее» население дорого обходилось городам: именно оно усугубляло ряд проблем. Хроническая нехватка яслей, педиатров, детского питания привела к тому, что рождение детей стало катастрофически осложнять и без того не простую жизнь молодой семьи новоселов. Это напрямую отразилось на рождаемости. Нехватка жилья была официально признана органами краевой власти главной причиной оттока населения из городов края в другие регионы¹⁶. Даже в

ЦК КПСС отмечалось, что в Красноярском крае плохо организована работа по улучшению условий труда, повышению квалификации молодых рабочих и колхозников, что отсутствуют нормальные производственные, жилищные и культурно-бытовые условия¹⁷. Социальная инфраструктура попросту не успевала за стремительно растущим населением.

Таким образом, государству на протяжении всего последнего тридцатилетия советского периода удавалось направлять в Сибирь огромные миграционные потоки и концентрировать в городах молодое трудоспособное население, которое могло бы заложить фундамент будущей «демографической независимости» региона, обеспечить «великие стройки» рабочими руками, а также сформировать урбанистическую культуру, которая могла бы стать примером для всей страны.

Но эти позитивные тенденции не получили развития не столько из-за традиционных проблем Сибири, таких как суровые климатические условия, малолюдность, удаленность от исторического, экономического и политического центров страны, сколько из-за элементарного социально-бытового неблагополучия. Переоценив роль морального стимулирования и пропаганды, государство проигнорировало первичные нужды населения, посчитав их второстепенными по отношению к задачам форсированной индустриализации региона. Крайне низкая приживаемость новоселов ставила под угрозу реализацию комплексной программы освоения Сибири и формирования ТПК.

К тому же в условиях оттока горожан в другие регионы происходило «замещение» городского населения сельчанами, что тормозило и без того медленный процесс складывания урбанистической культуры. Некоторые населенные пункты являлись городами только на бумаге, их жители не являлись горожанами ни по качеству жизни, ни по менталитету. В поведении горожан сочетались традиционные и урбанистические нормы. Например, изменение в сексуальном поведении не сопровождалось формированием должной сексуальной культуры, что в итоге приводило к негативным последствиям. Всё это в сочетании с контрастом между ожидаемой переселенцами жизнью в передовых городах будущего и невзрачной, а то и отталкивающей реальностью привело к тому, что потенциал городов Красноярского края оказался нереализованным.

¹ О демографических процессах в Красноярском крае. Стат. сб. Красноярск, 1988. С. 62.

² *Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964.

³ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3715. Л. 36.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3738. Л. 38.

⁵ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3761. Л. 93–94.

-
- ⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3748. Л. 120–129.
⁷ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 4690. Л. 8–48.
⁸ Социальный паспорт Красноярского края. Красноярск, 1976. С. 142.
⁹ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 5451. Л. 9–17.
¹⁰ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3715. Л. 227.
¹¹ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3748. Л. 121.
¹² ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3748. Л. 126.
¹³ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 5043. Л. 4.
¹⁴ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 4406. Л. 97–100.
¹⁵ Перспективы расчета численности населения РСФСР. М., 1963. С. 25.
¹⁶ ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 3761. Л. 93–94.
¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986, Т.9. С. 126.

И.Н. Стась

Основные этапы урбанизации и развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960–1990 гг.)

До открытия нефтегазоносной провинции Западной Сибири в 1950 – начале 1960-х гг. урбанизационные процессы практически не находили проявления на территории Ханты-Мансийского округа (ХМАО). После того, как здесь были найдены нефтяные месторождения, началось развитие промышленности, в регионе стали формироваться градообразующие факторы – отрасли нефтегазодобычи, геологии и энергетики, нефтегазопереработка, транспортные магистрали и система нефтегазопроводов, строительная индустрия и лесная промышленность.

Предпосылки формирования новой системы городского расселения были заложены геологическими экспедициями, которые действовали на Севере Западной Сибири с 1948 г. Базовыми пунктами геологоразведочных экспедиций становились села, которые получали статус поселков городского типа (Березово – 1954 г., Сургут – 1958 г.), создавались новые поселки геологов (Мегион, Усть-Балык). В конце 1950-х гг. в ХМАО началось интенсивное развитие лесной промышленности. Формирование лесхозов и леспромхозов в конце 1950-х гг., их оптимальное размещение словно подготавливало территорию к активной геологической разметке и последующему возведению нефтегазового комплекса¹. В 1960–1980-х гг. развитие лесной промышленности вдоль железных дорог Ивдель – Обь и Тавда – Сотник способствовало образованию 16 поселков городского типа.

Если развитие геологоразведочных и лесозаготовливающих работ на территории округа лишь заложило фундамент под городским расселением, то развитие нефтяной и газовой промышленности стало определяющим фактором урбанизации региона. В 1960–1962 гг. месторождения нефти были открыты в Шаиме, Мегионе, Усть-Балыке, Сургуте. Постепенно началась подготовка их к промышленной эксплуатации. Пробная эксплуатация последовала в 1964 г., в результате которой было добыто 209 тыс. тонн нефти.

Формирование нефтедобывающей промышленности в ХМАО требовало огромные людские ресурсы. Нефтегазоносные районы Тюменской области стали стихийно заселяться рабочими со всего Советского Союза, появлялись пункты их расселения – около месторождений ведомствами возводились неблагоустроенные поселки нефтяников, газовиков и геологов. Становление такой системы городского расселения было продиктовано практикой градостроительного освоения, которая в Советском Союзе шла рука об руку с процессами индустриализации и подчинялась ведомственным интересам. Практика возведения поселений нефтяников непосредственно вблизи у месторождений была перенята ведомствами из нефтедобывающих регионов Урало-Поволжья. Эти поселения характеризовались низким уровнем благоустройства, некомплексной застройкой, быстрым ростом населения. Вскоре новые населенные пункты получали статус рабочих поселков, а потом и городов. Так, в 1962 г. рабочим поселком стал Урай, а в 1964 г. – Нефтеюганск, Нижневартовский, Игрим, Мегион.

Стихийное возведение ведомственных поселков у месторождений не устраивало руководство Тюменской области. Освоение региона региональными властями связывалось со строительством крупных благоустроенных городов для нефтяников. На протяжении 1960-х гг. областное руководство пыталось реализовать на практике идею возведения крупных городов-нефтяников. В 1964 г., по инициативе Тюменского обкома КПСС и облисполкома, институтом Башнефтепроект были разработаны генеральные планы городов Урая, Нижневартовска и Нефтеюганска². Поспешное формирование данных городов отвечало целям эксплуатации Шаимского, Мегионского и Усть-Балыкского нефтяных месторождений. В июле 1965 г. облисполкомом была одобрена разработка генерального плана города Сургута, выполняемая Государственным институтом проектирования городов (Гипрогор)³. Отмечалось, что благоприятные условия для размещения г. Сургута позволяли формировать город как крупный промышленный центр с населением до 250 тыс. чел. Этот город должен был стать базой для эксплуатации Сургутского нефтеносного района.

Однако инициатива региональных властей встретила противодействие со стороны Миннефтепрома СССР, ставшего главным противником идеи строи-

тельства крупных городов для проживания нефтяников. Министерство ратовало за возведение небольших городов, расположенных в непосредственной близости от месторождений. Борьба градостроительных концепций ярко проявилась на конференции, посвященной проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области, которая прошла в Тюмени в 23–25 июня 1966 г. Во многом под влиянием Гипрогора и Тюменского обкома КПСС, конференция рекомендовала: «расселение в нефтегазоносных районах Западно-Сибирской низменности следует предусматривать централизованным с преимущественным созданием благоустроенных городов-центров крупных районов и близрасположенных групп месторождений»⁴. Эту систему расселения нефтяников поддержал Госплан СССР. Она нашла отражение в постановлениях партии и правительства СССР от 11 декабря 1969 г. № 967 «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири» и от 21 декабря 1971 г. № 919 «О мерах по дальнейшему развитию городов и поселков в районах добычи нефти и газа Тюменской области». Государство решило возводить для нефтяников в Западной Сибири крупные города с капитальной застройкой.

В конце 1960-х гг. Гипрогор разработал систему централизованного расселения, которая предусматривала развитие трех опорных населенных пунктов – центров Сургутского, Нижневартовского и Южно-Балыкского промышленных узлов⁵. Соответственно центрами намечались города Сургут, Нижневартовск, Южный Балык. Однако в начале 1970-х гг. централизованное расселение было осуществлено в другом варианте. Центрами Сургутского, Нижневартовского, Шаимского и Юганского нефтяных районов стали города Сургут (статус города получил в 1965 г.), Нижневартовск (1972 г.), Урай (1965 г.) и Нефтеюганск (1967 г.). Против возведения города Южный Балык, который должен был стать центром для освоения Мамонтовского и Южно-Балыкской группы месторождений, выступили Главтюменнефтегаз и Миннефтепром СССР⁶. Нефтяники считали, что вместо Южного Балыка целесообразней было бы развивать уже существующий город – Нефтеюганск.

Централизованное расселение в крупных городах осуществлялось на протяжении 1970-х гг. Четыре города стали базовыми для эксплуатации нефтегазовых месторождений вахтовым методом. Строительство других крупных поселений и поселков запрещалось. Однако ведомства продолжали застраивать свои вахтовые поселки, которые со временем превращались в настоящие рабочие поселки с населением в несколько тысяч человек. Миннефтепром СССР не считался с генеральными планами. Так, бесконтрольно и стихийно застраивался рабочий поселок Мегион. Понимая, что дальнейшее хаотичное расширение поселка недопустимо, Тюменский об-

ком и облисполком согласились в июле 1980 г. преобразовать Мегион в город. Система централизованного расселения нефтяников стала рушиться.

Систематическое невыполнение заданий по жилищно-гражданскому и социально-культурному строительству также вело к пересмотру всего курса градостроительного освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Были и другие объективные причины пересмотра системы городского расселения. Централизованное расселение успешно осуществлялось только в том случае, если огромные запасы нефти с высокими дебитами сосредотачивались на сравнительно ограниченной территории Среднего Приобья. Эксплуатация таких месторождений легко осуществлялась за счет небольшого числа базовых городов. Однако падение добычи нефти на основных месторождениях в конце 1970-х гг. привели к необходимости внедрения в разработку небольших по запасам месторождений. Если в 1964–1975 гг. в разработку было введено только 20 месторождений, то потом осваивалось по 8–9 месторождений ежегодно⁷. Промышленное освоение огромных необжитых территорий и значительный территориальный разброс месторождений привели к пересмотру схемы расселения нефтяников. Стремление приблизить жилье к месторождениям и объектам межпромыслового обслуживания и возврат к стационарному расселению населения, посредством мелких населенных пунктов стали основой новой градостроительной концепции. На этот раз инициатором новой групповой системы расселения нефтяников выступил Миннефтепром СССР. Новый подход к градостроительному освоению нефтегазодобывающих районов Тюменской области отразился в партийно-правительственном постановлении от 20 марта 1980 г. «О неотложных мерах по усилению строительства в районе Западно-Сибирского нефтегазового комплекса».

В 1980 г. Гипрогором была разработана новая схема расселения, предусматривающая формирование 18 новых поселений в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе, 13 из которых приходились на ХМАО: Хохряковский, Радужный, Лангепас, Покачевск, Когалым, Лянтор, Федоровский, Мамонтово, Пыть-Ях, Покачи, Островной, Нягань, Талинский⁸. В течение 1980-х гг. эта схема расселения уточнялась и дополнялась. С досадой по этому поводу вспоминал в прошлом главный архитектор Тюменской области (1960–1976 гг.) В.А. Бешкильцев: «в 1980-е годы из-за беспринципной позиции Госстроя РФ «стройте что хотите и где хотите», нефтяники все-таки добились строительства небольших городов-поселков, таких, как Мегион, Лангепас, Южный Балык и др., расположенных в 50–60 км от базовых городов. Но было уже поздно – города Сургут, Нижневартовск со-

стоялись, крепко встали на ноги и новые поселковые образования все равно вольются в эти города как часть агломерации»⁹.

Новая стратегия градостроительного освоения дала толчок интенсивному развитию небольших городов ХМАО. На базе рабочих поселков, бывших вахтовых поселений, форсированными темпами стали строиться новые нефтяные города. В 1985 г. сразу четыре поселения получили статус городов окружного подчинения: Когалым, Нягань, Радужный, Лангепас. Они стали центрами освоения нефтяных месторождений: Повховского, Ватьёганского, Тевлинско-Русскинского (Когалым); Красноленинского (Нягань); Варьёганского (Радужный); Локосовской группы (Лангепас). В дальнейшем еще три поселка нефтяников были преобразованы в города – Пять-Ях (1990 г.), Лянтор (1992 г.), Покачи (1992 г.). В 1988 и 1992 гг. городами стали газотранспортные центры – Белоярский и Югорск. В 1996 г. статус города приобрел поселок Советский, который являлся центром лесной промышленности.

Количество городов в ХМАО в период интенсивного нефтегазового освоения увеличилось в 16 раз: с одного города в начале 1960-х до 16-ти городов в конце 1990-х гг. Этот период характеризовался значительным ростом числа городов на территории всего Западно-Сибирского экономического района: с 49 до 87¹⁰. На долю Тюменской области пришлось 21 из 38 новых городов Западной Сибири (иначе 55 %), а на долю ХМАО – 39 %. С 1991 г. ХМАО стал занимать второе место по количеству городов среди регионов Западно-Сибирского экономического района, уступая только Кемеровской области, где насчитывалось 20 городов.

Важнейшим показателем урбанизации ХМАО стал рост числа рабочих поселков или поселков городского типа. В 1965 г. в округе их было 15, а в 1990 г. их стало уже 28. После развала Советского Союза повсеместно на территории Западной Сибири преобладала тенденция сокращения поселков городского типа. В ХМАО также было зафиксировано сокращение (до 24 рабочих поселка), но в отличие от других регионов Западной Сибири эти поселки не были ликвидированы, а переросли в города. Таким образом, рабочие поселки в ХМАО и ЯНАО были важнейшим элементом не только промышленного освоения, но и урбанизации региона.

Во второй половине XX века на Севере Западной Сибири происходил стремительный рост населения, который осуществлялся за счет естественного прироста и миграционных процессов. В течение всего советского периода население ХМАО непрерывно увеличивалось: от 39 тыс. чел. в 1926 г. до 1 268 тыс. чел. в 1989 г.¹¹ Основной рост пришелся на период после 1960 г. – 1,1 млн чел.

Коренных изменений в численности городского населения ХМАО не наблюдалось до середины 1960-х гг. С 1926 по 1959 гг. численность горо-

жан округа выросла в 10 раз: с 3 тыс. до 33 тыс. чел¹². Однако этих цифр было недостаточно, чтобы говорить о кардинальных урбанизационных преобразованиях. Нефтегазовое освоение изменило ситуацию. В 1959–1989 гг. городское население ХМАО выросло более чем в 34,5 раза, с 33 тыс. до 1 153 тыс. чел¹³. Основной прирост городского населения пришелся на 1979–1989 гг. – 707 тыс. чел. В 2000 г. численность горожан в округе стала составлять 1 247 тыс. чел¹⁴.

Промышленное освоение края и возникшая в связи с этим высокая миграция в города привели к тому, что во второй половине XX столетия в ХМАО произошел урбанизационный переход (в данном случае понятие имеет количественное, а не качественное содержание – превышение доли городского населения над сельским). Урбанизационный переход в ХМАО совершился в самом начале нефтегазового освоения – в середине 1960-х гг. В конце 1950-х гг. доля городского населения в ХМАО составляла 27 %. За каких-то тридцать лет ХМАО вышел на первое место в Западной Сибири по этому показателю. Доля горожан в округе стала составлять 91 %¹⁵. С начала 1990-х гг. рост доли городского населения в ХМАО практически прекратился. Урбанизация приблизилась к «высшей точке» своего развития.

В начале 1980-х гг. ХМАО обошел по числу городских жителей юг Тюменской области. Если в 1959 г. на ХМАО приходилось 10 % городского населения области, а на юг области – 84 % (на ЯНАО – 6 %), то в 1989 г. на ХМАО уже приходилось 49 %, на юг – 35 %, а на ЯНАО – 16 %.

В период между переписями населения 1959 и 1989 гг. рост городского населения в ХМАО (1 120 тыс. чел.) был выше, чем у остальных регионов Западной Сибири: далее шли Новосибирская (803 тыс. чел.) и Омская (740 тыс. чел.) области¹⁶. В 1959 г. доля городского населения ХМАО составляла 0,6 % от всего городского населения Западно-Сибирского экономического района, а к 1989 г. эта доля увеличилась более чем в 17 раз и стала составлять 10,5 %¹⁷.

Ввод в действие жилищной площади – это процесс, который непосредственно отражал расширение урбанизации, привносил в миграцию элемент стабильности и безопасности, – закреплял прибывавшее население за территорией и формировал основание для дальнейшей урбанизации и эволюции нефтегазовой промышленности. Городской жилищный фонд ХМАО вырос с 825 тыс. кв. м. В 1970 г. до 16 489 тыс. кв. м. В 1995 г.¹⁸ В 1970 г. на южную часть Тюменской области приходилось 79 % всего городского жилищного фонда региона, а доли ХМАО и ЯНАО были 18 % и 3 % соответственно. К 1990 г. доля жилищного фонда ХМАО стала превышать долю юга области – 43 % против 39 %, а в 1995 г. 45 % против 39 %.

Динамика розничного товарооборота определяет количественную степень урбанизации. Тренды роста розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли подтверждают тенденцию, что урбанизационные процессы сильнее проявлялись в округах, чем в южной части Тюменской области. В 1965 г. доля юга области составляла 71 % (427 млн руб.), в то время как доля ХМАО была 22 % (131 млн руб.)¹⁹. В первой половине 1980-х гг. доля ХМАО стала больше доли южной части области – 43 % (1 748 млн руб.) против 41 % (1 692 млн руб.)²⁰. В 1985–2002 гг. сохранялась тенденция более высокого роста розничного товарооборота в округах в сравнении с югом. В 2002 г. доля ХМАО имела показатель 48 % (41 555 млн руб.), доля ЯНАО – 20 % (17 387 млн руб.), в то же время показатель юга сократился на 9 % и стал составлять 32 % (27 638 млн руб.)²¹.

Рост розничного товарооборота в первую очередь зависел от развития промышленности и увеличения городского населения в регионе. В 1989 г. все население юга области превышало все население ХМАО на 59 тыс. чел. Между тем численность городского населения юга была меньше численности городского населения ХМАО на 342 тыс. чел. Отсюда разница в суммах розничного товарооборота, уже в 1985 г. розничный товарооборот ХМАО превышал товарооборот юга области на 52 млн руб., а в 2002 г. стал превышать на 13 917 млн руб.

Таким образом, можно выделить три этапа урбанизации и развития городской системы расселения ХМАО в период нефтегазового освоения. Во время первого этапа (начало 1960-х – 1969 гг.) происходило стихийное возведение ведомственных поселений у месторождений, формировалась концепция градостроительного освоения региона. Это период начального этапа урбанизации – в ХМАО произошел урбанизационный переход, удельный вес городского населения стал превышать долю сельского населения.

На втором этапе (1969 – конец 1970-х гг.) была принята система централизованного расселения в крупных базовых городах, которыми стали Сургут, Урай, Нефтеюганск и Нижневартовск; рост других поселений запрещался Тюменским руководством, а эксплуатация месторождений должна была осуществляться вахтовым методом. Количественные показатели городского развития в ХМАО стали обгонять южную часть Тюменской области.

На третьем этапе (1980 – начало 1990-х гг.) произошло формирование новой, групповой системы расселения – города создавались на месте бывших вахтовых поселков у нефтяных месторождений, газотранспортных и лесозаготовительных поселений. В это время произошел небывалый рост количества городов: 11 поселков получили статус городов. Доля ХМАО в городском развитии Тюменской области сделалась самой значительной, а показатели урбанизации округа стали одними из самых высоких в Запад-

ной Сибири. Именно на третьем этапе количественные показатели урбанизации переросли в качественные – в округе стал формироваться городской образ жизни и городское сознание.

¹ Ганопольский М. Г. Тюменская нефтегазодобывающая цивилизация: историко-географический конспект становления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011, № 3. С. 122.

² ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 3977. С. 24–25.

³ ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4153. С. 6–9.

⁴ ГБУТО ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. С. 172.

⁵ ГБУТО ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 18. С. 38.

⁶ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Москва: МЦА «Суханово», 2004. С. 157.

⁷ Голубничий А.М. Вопросы совершенствования планирования на новом этапе развития нефтяной промышленности Западной Сибири // Проблемы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Новосибирск, 1983. С. 92–93.

⁸ История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. – Москва: МЦА «Суханово», 2004. С. 262.

⁹ Из воспоминаний В.А. Бешкильцева, главного архитектора Тюменской области в период становления ЗСНГК / История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М., 2004. С. 199.

¹⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1964 г.: Стат. ежегодник. М., 1965. С. 8–10; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сборник. М., 2002. С. 16–17.

¹¹ Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998. С. 52.

¹² Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993 / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 1994. С. 18.

¹³ Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993 / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 1994. С. 18.

¹⁴ Демографический ежегодник (1999–2003): Стат. сб. Тюмень, 2003. С. 17.

¹⁵ Рассчитано по: Демографический ежегодник (1999–2003): Стат. сб. Тюмень, 2003. С. 17, 19, 21; Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993. М., 1994. С. 18, 21.

¹⁶ Демографический ежегодник Российской Федерации. 1993 / Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 1994. С. 18.

¹⁷ Демографический ежегодник России: Стат. сб. М., 1999. С. 26–28.

¹⁸ Города Тюменской области. Тюмень, 1996. С. 38; Тюменская область в цифрах. 1971–1975 годы. Свердловск, 1976. С. 120;

¹⁹ Тюменская область в цифрах. 1971–1975 годы. – Свердловск, 1976. С. 104–105.

²⁰ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Стат. ежегодник. М., 1989. С. 178–180.

²¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сборник. М., 2002. С. 20–21.

В.А. Кудашкин

**Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов
Восточной Сибири в условиях советской системы
в 1920–1980-е гг.**

В отношении малочисленных народов Сибири советская власть определила возможность их перехода к социализму по особому сценарию, связанному с форсированным, «догоняющим» типом развития, прямым и непосредственным переходом к современным формам общественной жизни, «минуя капитализм», и иные предшествующие формы общественной организации. Итогом явилось то, что культура малочисленных народов оказалась на грани исчезновения из-за утраты родного языка, национальных профессиональных навыков, бытовых традиций, художественных промыслов и фольклора. Свою роль в этом сыграло крайне недостаточное финансирование советским государством мероприятий по сохранению культурного наследия. Таким образом, можно сказать, что у коренных малочисленных народов шел процесс, который в современной науке обозначен термином «аккультурация».

Под аккультурацией понимается процесс взаимовлияния культур (обмен культурными особенностями), восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа. При этом оригинальные культурные модели одной или обеих групп могут быть изменены¹. Следует различать аккультурацию и ассимиляцию, при которой происходит полная утрата одним народом своего языка и культуры при контакте с другим, более доминантным. При этом, несомненно, аккультурация может быть первой ступенью на пути к полной ассимиляции.

В 1950-х гг. начинается процесс освоения новых территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока. В районах проживания коренных малочисленных народов велась партийная работа агитбригад. Возглавляли эту работу руководители социально-экономического развития, пропагандировали оседлый образ жизни и достижения коммунистической идеологии. Таким образом советская власть пыталась в процессе перевода на оседлость превратить малочисленные народы Севера в часть советского общества.

В 1980-е гг. в предперестроечный период у коренных малочисленных народов наиболее остро проявились проблемы связанные с алкогольной зависимостью и отсутствием потребностей в национальной культуре. Руководители райкомов на местах стали отмечать противоречия и ошибки в национальной политике. Так, например, в 1984 г. директор Преображенского зверопромхоза Катангского района Иркутской области

Г.Г. Верхотуров сказал: «Допущена непоправимая ошибка в национальной политике по отношению к эвенкийскому населению – когда коренные, кочевые и малочисленные народы насильственным путем перевели на оседлый образ жизни, как достижение социализма»². Представители малочисленных этносов не смогли сориентироваться в новых условиях, предлагаемых советским государством.

С первых лет утверждения советской власти в Сибири, присутствовало вольное или невольное уничтожение культурных традиций коренного малочисленного населения. В первую очередь началось запрещение шаманизма как религии. Шаманы лишались гражданских прав. Их уничтожали и физически, как носителей определенного пласта духовной культуры³.

Сначала в поселках было объявлено о добровольной сдаче в сельские Советы шаманских принадлежностей. Затем людей постигли и более тяжелые испытания. В Государственном архиве новейшей истории Иркутской области сохранились документы 1935 г., позволяющие судить обо всей тяжести сложившейся тогда ситуации⁴.

Многие из тофаларских шаманов в знак протеста уходили жить в тайгу или становились охотниками–оленеводами. По словам А.И. Анциферова, русского уроженца посёлка Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области, «в 50–70 гг. XX в. в Тофаларии остались лишь потомки шаманов. К ним местное население обращалось редко». Среди эвенкийских шаманов, проживающих на севере Иркутской области в 1950–1960-е гг., были Н.П. Коненкин, Н.Л. Каплин, В.С. Каплин (накановские эвенки), А.Н. Каплин, Г. (Гаврила) Каплин, В.А. Бояршин, М.И. Барнаулов, А.П. Каплина (ербогаченские эвенки)⁵.

Советская власть видела в шаманах своих противников, защищавших кулачество и мешающих строительству нового строя. По мнению американского профессора Рубела «дети природы, первыми почувствовали опасность бесцеремонного вторжения в древние традиции, жизненный уклад, духовные ценности коренных малочисленных народов»⁶.

Исторически шаманы имели большое значение в традиционной культуре малочисленных народов. К ним обращались во всех трудных жизненных случаях. Шаманами могли считаться люди, обладающие особыми свойствами «получать информацию» из мира духов и влиять на их отношения к духам. Довольно часто шаманы стояли во главе административно–налоговых подразделений, были старостами, являлись организаторами больших общественных праздников – обрядов⁷.

В исчезновении шаманства играл свою роль перевод малочисленных «кочевников Севера» на оседлость, создание условий для обеспечения медицинской помощью. Большое влияние оказывала и атеистическая на-

правленность образования и воспитания детей малых народов Сибири. Воспоминания о том времени живут среди эвенков и тофаларов. Шаманство оценивается как явление, а шаманы представляются как служители культа, знахари, мудрецы. В конце 1980-х гг. шаманы занимались предугадыванием будущего, изредка лечением. В 1989 г. умер последний шаман у катангских эвенков, в 1993 г. у тофалар⁸.

На севере Красноярского края у долган и нганасан шаманизм достаточно долго сохранялся. Последний шаман, прожив до 1978 г., оставил после себя учеников Леонида и Илью Костерковых⁹. Но после окончания школы-интерната они забыли все обряды и процесс камлания (ритуальный танец шамана), так как к моменту возвращения их в поселок, учитель был уже мертв, и не осталось человека, который помог бы им совершенствовать полученные знания и навыки. Таким образом, в современных условиях знания этих шаманов оказались невостребованными.

В настоящее время у всех коренных малочисленных народов сохранились лишь воспоминания о шаманстве¹⁰. В современной пореформенной России шаманизм как признак духовной культуры сохранился благодаря национальным краеведческим музеям и этнокультурным центрам, созданным в местах проживания представителей из числа коренных малочисленных народов.

Одним из примеров аккультурации духовной культуры, как свидетельство межэтнического взаимодействия, является изменение свадебных и похоронных обрядов. С переходом на оседлый образ жизни, в результате ассимиляционных процессов и аккультурации с пришлым русским населением, кеты, эвенки и тофалары стали прибегать к «новомодным» ритуалам. С 1960-х гг., в свадебном обряде мужчины – тофалары стали надевать мужские костюмы или пиджаки и брюки с начищенными сапогами, а женщины белое или самое нарядное платье. После регистрации в администрации празднование продолжалось сытным застольем¹¹.

В отличие от кетов, эвенков и тофаларов Иркутской области у нганасанов и долганов, в конце 1960-х гг. свадебный обряд не изменился. По данным красноярского этнографа В.П. Кривоногова «...они продолжали создавать семьи с представительницами ненецкого населения, проживающего на западе полуострова Таймыр, а доля браков с русскими составляла всего 4 %»¹². В основном эти браки не регистрировались. От браков с русскими и другими национальностями до начала 1970-х гг. этнос был защищен кочевым образом жизни.

Рассматривая проблемы сохранения культурных традиций у малочисленных народов изучаемого региона, важно упомянуть о похоронном обряде. В 1930-е гг. «тофалары хоронили покойников в так называемом воз-

душном захоронении»¹³. Такая же традиция существовала у эвенков, проживающих в Иркутской области и Красноярском крае. С приходом «советской практики» погребальный обряд изменился.

Отдельные сообщения, полученные от информаторов Е.Г. Киштеевой, Н.И. Адамова (посёлок. Алыгджер Нижнеудинского района, Иркутской области) в 2009 г., говорят о том, что «тофалары «чувствовали», как умерший в течение десяти дней ходит вокруг того места, где умер», поэтому на могиле они оставляли для него пищу и водку. Покойник беспокоил людей в том случае, если во время похорон был, нарушен какой-нибудь обычай или не было удовлетворено какое-либо его желание (неизвестно как беспокоил)¹⁴.

Если вскоре после смерти одного человека умирал другой, тофалары объясняли это тем, что его увел с собой первый или он не был похоронен по национальным обычаям»¹⁵. Погребальный обряд был полностью похож на русский. Но отличие было лишь одно, памятник с фотографией у тофаларов не ставился. «Тофалары к нововведениям относились не хорошо, но со второй половины 1950-х гг. с распространением поминального обряда, тофалары привыкли к этой традиции как к поводу употребления спиртного»¹⁶.

У нганасан и долган не было кладбищ. В тундре до начала 1950-х гг. тянулись вереницы нард и покосившиеся от времени деревянные чумы. На нардах зашитые в шкуры лежали предки. Это старые нганасанские могилы. Люди сюда не приходили, так как пути живых и мертвых не должны были пересекаться. Таким было главное табу и закон нганасан и долган. Только с переходом на оседлость они стали хоронить мертвых в земле. Могилы отмечали не крестом, а простой палкой. Но закон «не посещать кладбище» сохранялся и строго соблюдался. Такой запрет мог нарушить только нганасанский шаман.

В целом, характеризуя процесс аккультурации в данный период, можно отметить, что политика советской власти была отчасти направлена на поддержание коренного малочисленного населения, проживающего на территории Севера Советского Союза. Но руководство страны не учитывало ментальные особенности малочисленных этносов, пытаясь сделать из них «советских людей».

В силу вышеперечисленных особенностей, культурные процессы у долганов и нганасанов Красноярского края, проходили активнее и быстрее, чем у тофаларов и кетов в Иркутской области, что, в свою очередь, ускоряло процесс межкультурного взаимодействия традиционного и нового. У тофаларов и кетов Иркутской области шаманизм исчез быстрее, потому что с одной стороны, это была государственная политика в отношении религиозных традиций. С другой, проживая в поселках, этносы

быстрее теряли свою национальную идентичность, в отличие от большинства долган и нганасан, которые проживали на Таймыре, вели кочевой образ жизни, и перешли на оседлость лишь в 1960–70-е гг. XX в. Благодаря этому, последним удалось сохранить часть национальной обрядовой культуры – шаманизм.

Для создания социалистических очагов культуры советская власть создавала клубы, библиотеки, широкое распространение имели кинопередвижки, которые вносили «новое» в культуру коренного населения. Только после постановления Совета Министров СССР от 15 апреля 1977 г. № 4757-16 «О вопросах экономического и культурного развития районов проживания коренных малочисленных народностей Севера» клубы начали проявлять интерес к национальной самодеятельности. Например, в Тофаларии, в конце 1970-х гг. все чаще клубные работники стали привлекать знатоков фольклора на сцену, начали создаваться национальные ансамбли песни и танца, стали заказывать театрализованные костюмы в районных и областных ателье¹⁷.

Для сохранения элементов национальной культуры у малочисленных народов в органах управления областей, краев и администраций, должны были действовать координационные советы по обслуживанию малочисленных народностей, в состав которых могли входить директора окружных и центральных районных библиотек, руководители культпросветучреждений, органов управления культуры, хозяйств района. Учитывая тенденцию объединения культпросветучреждений на единой организационной и финансовой основе, в национальных поселках координационным советам целесообразно было повсеместно организовывать действие агитационно-клубных бригад.

В их состав нужно было включать библиотечных работников для доставки книг в бригады оленеводов, рыбаков, охотников, проведения индивидуальной работы с читателями. Необходимо было предусмотреть увеличение обеспеченности кадрами библиотек в районах проживания малочисленных народов Восточной Сибири, «усовершенствовать систему отбора из коренного населения абитуриентов для направления на целевую учебу в высшие и средние специальные культурно-просветительные учебные заведения. Таким образом, советская власть пыталась обеспечить связь культпросветучреждений на местах с общеобразовательными школами и другими учебными заведениями с целью профориентации подростков»¹⁸. К сожалению, не все эти мероприятия воплощались в жизнь. Многие из них так и остались невыполненными распоряжениями и предписаниями на бумаге, что, в свою очередь, отразилось на попытке сохранения культурных особенностей у коренных малочисленных народов.

Таким образом, рассмотрев взаимодействие традиционной культуры коренных малочисленных народов и советской культуры, можно сделать следующие выводы. Приобщившись к новой для них духовной культуре, коренные малочисленные народы утратили многие черты своей традиционной обрядовой культуры, как элемент старой кочевой жизни. От национальной традиционной культуры у них остались лишь навыки оленеводства, таежных и тундровых промыслов. Политика оседлости, проводимая советским государством в XX в., сломала привычные представления о жизни у коренных малочисленных народов. Государство пыталось превратить их из отсталых народов в «советских людей». Атеистическое воспитание советского народа, пропагандируемое коммунистической идеологией, коснулось института шаманизма и привело его к полному уничтожению у кетов, тофаларов, долганов, нганасанов, эвенков и др. Культура шаманизма сохранилась лишь на базе этнокультурных центров в виде музейных экспонатов и театрализованных представлений. Коренные малочисленные народы стали праздновать советские праздники, совершать бракосочетание и устраивать свадьбы по общепринятым в стране «стандартам», хоронить своих покойников по христианским и «смешанным» обрядам. В области обряда духовной культуры они приобщились к общесоветскому стандарту, хотя в последние годы советского периода наблюдалось возрождение интереса к национальной культуре и языку.

Малочисленные народы были вырваны из привычного, формировавшегося веками уклада жизни. Государство само определяло, как люди должны организовывать свою культуру, быт, структуру повседневной практики. Перемены коснулись практически всех сторон жизни. Таким образом, в XX в. малочисленные народы прошли сложный исторический путь развития, обусловленный переходными периодами смены общественной формации, а значит, и трансформировали свое мировоззрение, оказав влияние на изменения института «обряда» как главного показателя духовной культуры.

¹ Суляндзига Р.В., Суляндзига П.В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Обзор современного положения. М, 2003.

² Кудашкин В.А. Кризис социокультурного развития у малочисленных народов Средней Сибири – Гуманитарные исследования Сибири в контексте Российских перемен: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Братск, 2006.

³ Последний шаман // Локальные истории. Фонд культурных инициатив. Норильск, 2004.

⁴ Мельникова Л.В. Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск, 1994.

-
- ⁵ *Стриганов В.М.* Развитие культуры и искусства северных народностей // Проблемы современного социального развития народностей Севера. Новосибирск, 1986.
- ⁶ Paul, Charet. Tribal people of the North and the territorial problem. Toronto, 1988.
- ⁷ Материалы историко-этнографической экспедиции (март 2009 год.) (пос. Алыгджер, пос. Нерха Нижнеудинского района Иркутской области.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Сирина А.А.* Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. М. – Иркутск, 2002.
- ¹⁰ Материалы историко-этнографической экспедиции (март 2009 год.)...
- ¹¹ *Мельникова Л.В.* Тофы: историко-этнографический очерк. Иркутск.: 1994.
- ¹² *Кудашкин В.А., Янюшкин С.А.* Этническое самосознание тофаларов. Братск, 2007.
- ¹³ Репрессированные Этнографы. Вып. I / Сост. Д.Д. Тумаркин. М., 2002.
- ¹⁴ Материалы историко-этнографической экспедиции (март 2009 год.)...
- ¹⁵ *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 201
- ¹⁶ Материалы историко-этнографической экспедиции (март 2009 год.)...
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Косыгина Т.* Вездеход хорошо, а олени лучше: О проблемах библиотечного обеспечения в Эвенкийском авт. окр. // Библиотека. 1996. № 3. С. 18–20.

Список сокращений

АИ КМК	Архив истории Кузнецкого металлургического комбината.
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации.
ГА ХМАО	Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.
ГААК	Государственный архив Алтайского края.
ГАКК	Государственный архив Красноярского края.
ГАНИИО	Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
ГАНО	Государственный архив Новосибирской области.
ГАОО	Государственный архив Омской области.
ГАСПИТО	Государственный архив социально-политической истории Тюменской области.
ГБУТО ГАТО	Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области.
ИЦ ГУВД АК	Информационный центр ГУВД Алтайского края.
ИЦ ГУВД КО	Информационный центр ГУВД Кемеровской области.
ИЦ ГУВД ТО	Информационный центр ГУВД Томской области.
МУ МГА	Муниципальное учреждение Магнитогорский городской архив.
МУ МКМ	Муниципальное учреждение Магнитогорский краеведческий музей.
НАРБ	Национальный архив Республики Бурятия.
НАРС(Я)	Национальный архив Республики Саха (Якутия).
НГГА	Новосибирский городской государственный архив.
НФГАКО	Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области.
ОГАЧО	Объединенный государственной архив Челябинской области.

ОСД УАДАК	Отдел специальной документации Управления архивного дела Алтайского края.
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства.
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории.
РГАЭ	Российский государственный архив экономики.
РГВА	Российский государственный военный архив.
ЦДНИ ОО	Центр документации новейшей истории Омской области.
ЦДНИ ТО	Центр документации новейшей истории Томской области
ЦДООСО	Центр документации общественных организаций Свердловской области.
ЦХАФ АК	Центр хранения архивного фонда Алтайского края.

Сведения об авторах

Аблажей Наталья Николаевна – д.и.н., с.н.с. Института истории СО РАН.

Алексеева Елена Вениаминовна – д.и.н., доцент, в.н.с. Института истории и археологии УрО РАН.

Антонов Егор Петрович – к.и.н., доцент, зав. сектором истории Якутии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Артёмов Евгений Тимофеевич – д.и.н. Директор Института истории и археологии УрО РАН.

Введенский Владимир Викторович – стажер-исследователь Института истории СО РАН.

Волосов Евгений Николаевич – д.и.н., доцент Усть-Илимского филиала Восточно-Сибирской академии образования.

Волосова Евгения Борисовна – к. философ. н., доцент Усть-Илимского филиала Восточно-Сибирской академии образования.

Гаврилова Надежда Юрьевна – д.и.н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета.

Дашинамжилов Одон Борисович – к.и.н., м.н.с. Института истории СО РАН.

Долголюк Алексей Алексеевич – к.и.н., с.н.с. Института истории СО РАН.

Зубков Константин Иванович – к.и.н., в.н.с. Института Истории и археологии УрО РАН.

Исаев Виктор Иванович – д.и.н., г.н.с. Института истории СО РАН.

Исупов Владимир Анатольевич – д.и.н., зав. сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН.

Казанцев Юрий Ильич – д.и.н., профессор Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета.

Калинина Ольга Николаевна – к.и.н., н.с. Института истории СО РАН.

Карпов Виктор Петрович – д.и.н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета.

Колева Галина Юрьевна – д.и.н., профессор Тюменского государственного нефтегазового университета.

Комгорт Марина Валерьевна – к.и.н., доцент Тюменского государственного нефтегазового университета.

Копылов Иван Владимирович – аспирант Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

Красильников Сергей Александрович – д.и.н., в.н.с. Института истории СО РАН.

Кудашкин Вячеслав Александрович – к.и.н., доцент Братского государственного университета.

Кузнецова Янина Александровна – к.и.н., ученый секретарь Института истории СО РАН.

Куперитох Наталья Александровна – к.и.н., с.н.с. Института истории СО РАН.

Макаров Алексей Николаевич – аспирант, ассистент Магнитогорского государственного университета.

Макарова Надежда Николаевна – к.и.н., доцент Магнитогорского государственного университета.

Маркдорф Наталья Михайловна – д.и.н., доцент Новосибирского государственного педагогического университета.

Николаев Александр Алексеевич – д.и.н., г.н.с. Института истории СО РАН.

Побережников Игорь Васильевич – д.и.н., зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН.

Рафикова Светлана Анатольевна – к.и.н., доцент, зав. кафедрой Отечественной истории Сибирского государственного технологического университета.

Романов Роман Евгеньевич – к.и.н., м.н.с. Института истории СО РАН.

Савицкий Иван Михайлович д.и.н., г.н.с. Института истории СО РАН.

Скочин Антон Васильевич – аспирант Тюменского государственного университета.

Славина Людмила Николаевна – д.и.н., профессор Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева.

Сниткина Татьяна Владимировна – аспирант Института истории СО РАН.

Стась Игорь Николаевич – аспирант Гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета.

Тимошенко Альбина Ивановна – к.и.н., с.н.с. Института истории СО РАН.

Тимошенко Владимир Петрович – д.и.н., профессор, г.н.с. Института истории и археологии УрО РАН.

Шмыров Борис Данилович – аспирант Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета.

Щербин Николай Макарович – к.и.н., зав. сектором Института истории СО РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Индустриальное и научно-технологическое развитие

<i>Побережников И.В.</i> Фронтирная модернизация в российском цивилизационном контексте.	3
<i>Тимошенко В.П.</i> Россия и мировой рынок: выбор стратегий взаимодействия в XX в.	10
<i>Зубков К.И.</i> Пробуждение Евразии: развитие Урала и Сибири в мировой геополитике первой половины XX века	22
<i>Тимошенко А.И.</i> Особенности становления и развития индустриальной цивилизации: сибирский региональный аспект.	32
<i>Алексеева Е.В.</i> Наследие индустриальной цивилизации и региональные особенности урбанизации на Урале	40
<i>Долголюк А.А.</i> Инвестиционный процесс в Сибири в советский период. .	51
<i>Артёмов Е.Т.</i> О начале реализации советского атомного проекта. . . .	68
<i>Савицкий И.М.</i> Организация производства ракетно-космической техники на предприятиях оборонной промышленности Сибири в условиях «холодной войны» (1946–1965 гг.).	76
<i>Куперитох Н.А.</i> Новосибирский научный центр СО РАН в 1990-е гг.	86
<i>Карпов В.П.</i> О роли науки и техники в создании Тюменского нефтегазодобывающего района	94
<i>Комгорт М.В.</i> «Сценарии» индустриального развития Обского Севера накануне «нефтегазовой революции»	103
<i>Кузнецова Я.А.</i> Экономический потенциал республики Бурятия в 1980-е гг.	110
<i>Казанцев Ю.И.</i> Современное состояние индустриального наследия раннего промышленного освоения Западной Сибири	118
<i>Сниткина Т.В.</i> Инвестиционное сотрудничество Новосибирской области с КНР в середине 1990-х гг.	124
<i>Антонов Е.П.</i> Роль И.Н. Барахова в модернизации экономики Якутии. .	128

<i>Макаров А.Н.</i> Советская визуальная пропаганда индустриализации в странах Западной Европы в 1930-е гг.	137
---	-----

Трудовые ресурсы и кадровый потенциал

<i>Волосов Е.Н.</i> Особенности кадровой политики в отношении технократической элиты Ангаро-Енисейского региона в 1960–1980-е годы.	145
---	-----

<i>Николаев А.А.</i> Политический мониторинг кооперативных кадров Сибири в условиях нэпа	153
--	-----

<i>Красильников С.А.</i> Трудовые конфликты и механизмы их разрешения в Сибири (1922–1923 гг.).	162
---	-----

<i>Романов Р.Е.</i> Влияние традиционной трудовой этики на поведение рабочей молодежи оборонно-промышленного производства сибирского тыла (1941–1945)	171
---	-----

<i>Шмыров Б.Д.</i> Трудамобилизованные Средне-Азиатского военного округа как контингент трудовых ресурсов военной экономики СССР (1942–1944 гг.).	186
---	-----

<i>Калинина О.Н.</i> Инкорпорация и экскорпорация партийных кадров Западной Сибири в 1946–1953 гг.	192
--	-----

<i>Колева Г.Ю.</i> Комплектование кадров предприятий Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в 1960–1980-е гг.	207
---	-----

<i>Волосова Е.Б.</i> Кадры культурно-образовательной сферы на рубеже XX и XXI веков: проблемы выживания и развития (на материалах г. Усть-Илимска)	216
--	-----

<i>Аблажей Н.Н.</i> Международная трудовая миграция в восточные регионы России в начале XXI в.	223
--	-----

Социокультурные и демографические процессы в городах

<i>Исупов В.А.</i> Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х – 1930-е гг.	238
---	-----

<i>Исаев В.И.</i> Изменения социальной сферы в городах Сибири в период форсированной индустриализации (вторая половина 1920-х – конец 1930-х гг.)	246
---	-----

<i>Макарова Н.Н.</i> «Послушайте храповую музыку ста с лишним человек»: барачный быт Магнитостроя (1929–1935 гг.)	266
<i>Введенский В.В.</i> Производственный быт рабочих на предприятиях Западной Сибири в 1930-е гг.	275
<i>Маркдорф Н.М.</i> Роль спецгоспиталей в восстановлении трудоспособности иностранных военнопленных в Западной Сибири (1943–1950 гг.)	282
<i>Славина Л.Н.</i> Демографический фактор в урбанизации Восточной Сибири (1950 – нач. 1990-х гг.)	291
<i>Щербин Н.М.</i> Население и промышленность городских поселений Новосибирской области в 1954–1959 гг.	301
<i>Скочин А.В.</i> Детские дошкольные учреждения в городском пространстве Тюмени (1955 – середина 1960-х гг.)	310
<i>Рафикова С.А.</i> Сибирские горожане шестидесятых: социодемографический портрет	318
<i>Гаврилова Н.Ю.</i> Демографические процессы на Ямале в период интенсивного освоения нефтегазовых ресурсов	330
<i>Дашинамжилов О.Б.</i> Демографическое развитие малых городов в системе городского расселения Западной Сибири в 1959–1989 гг.	337
<i>Копылов И.В.</i> Города отвергают своих новоселов: некоторые аспекты урбанизации Красноярского края (1960–1980-е гг.)	349
<i>Стась И.Н.</i> Основные этапы урбанизации и развития системы городского расселения Ханты-Мансийского округа (1960–1990 гг.)	355
<i>Кудашкин В.А.</i> Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в условиях советской системы в 1920–1980-е гг.	363
Список сокращений.	370
Сведения об авторах.	372

Научное издание

Материалы межрегиональной научной конференции

Новосибирск

6–7 июня 2013 года

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX СТОЛЕТИИ:
ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И УРБАНИЗАЦИИ

Компьютерная вёрстка Введенский В.В.

Сдано в набор

Подписано в печать

Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. _____. Усл. п. л. _____. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»

630090 Новосибирск, ул. Академика Ржанова, 4/1